

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**1
2015**

Содержание

Теория и методология

- Алексютина О.А.* Интертекстуальность как категория коммуникации 4
- Болух О.В.* Система задач, способствующая формированию действия «прогнозирование» 8
- Добреньков В.И., Агапов П.В.* Социальные системы: анализ философских и методологических подходов в исследовании 12
- Костина А.О.* Влияние социальных и визуальных оснований утопии на эволюцию городского планирования 22
- Кравченко А.И.* Новые области социального знания 27
- Макарихина О.А.* Социальные и гуманитарные науки: единство, общая специфика 42
- Сушко В.А.* История и методология сетевого подхода 46
- Тютюнников Н.Н.* Подходы к типологии и классификации словарей 59
- Щипков А.В.* Что такое социальное правосла-вие 65

Глобальное общество

- Белоножкина М.В.* Формирование милосердия в процессе воспитания в рамках государства и общества 67
- Дзудец Х.В.* Россия в современном глобальном мире: вызовы и решения 71
- Дук Ю.И.* Полиция и общество – пути восстановления доверия 75
- Жеребкин М.В.* Гуманитарный вызов: сущность и способы противодействия угрозам .. 79
- Мартыненко Т.С.* Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри 85

Междисциплинарная проблематика

- Азадова Н.Э.* Функционально-стилевая дифференциация лезгинского языка ... 92
- Горбунова Е.Н.* Концепции страха 96
- Гостев С.С.* Эволюция форм государственного единства и право наций и народов на самоопределение в период становления советского государства 100
- Ахмед А.А.* Египетские мотивы в пьесе Александра Блока «Рамзес» 104
- Истягина-Елисеева Е.А.* Особенности пропаганды физической культуры и спорта в СССР в 1918–1940 гг. 109

- Калиниченко Л.А.* Отражение исторической эпохи в биографическом исследовании З. Прилепина 113
- Куренкова Е.А.* Роль фабрики в формировании социокультурного пространства с. Раменское во второй половине XIX - начале XX века 117
- Ларичева Н.В.* Освоение нравственных норм младшим школьником 123
- Лобанова Е.И., Панюшкина О.А., Стрижова Е.В., Нисилевич А.Б., Шульгина Н.В.* Эффективное обучение иностранным языкам с использованием информационных технологий 127
- Мальгин В.Е.* Модель неформального образования детей и взрослых в детско-юношеской спортивной школе 132
- Рогатко С.А.* Взаимодействие производительных сил в агропромышленных отраслях России во второй половины XIX – нач. XX вв. 136
- Седова Е.А., Соловьева О.Б.* Аутентичный фильм как средство формирования социокультурной компетенции у девушек и юношей-студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку 143
- Син Юйсы.* Понятие синтаксической конденсации в научном стиле русского языка в зеркале китайского 147
- Ситникова Ю.В.* Оппозиция «свой-чужой» в американском тексте русской литературы 152
- Сковородкина И.З., Антонова Е.В.* Развитие профессиональной культуры преподавателей отечественной высшей школы в социально-историческом контексте 156
- Старикова Ю.А.* Обзор современного рекламного рынка: роль медиапланирования 159
- Сыздыкова Ж.С.* Симбиоз славяно-тюркских народов, как основа реализации Евразийского проекта 166

Эмпирические исследования

- Воденицкая Ж.В., Гычев А.В., Грицкевич Н.К.* Менеджмент и здоровье педагогов ДОО: существует ли взаимосвязь? 172
- Иванов П.А.* Установка на просоциальное поведение как содержание нравственного воспитания 176

- Кравчик К.Б.* Взаимосвязь жизнестойкости и социальной адаптации механизмами психологической защиты и копинг-стратегий у старшеклассников с задержкой психического развития и у старшеклассников с нормальным ходом психического развития **183**
- Муха В.Н., Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л.* Социальная идентичность населения полиэтничного региона **187**
- Семина М.В.* Социальное неравенство и стратегии выживания одиноких матерей в современной экономике **197**
- Хомутинникова Л.В.* Мотивация: этапы профессионального обучения **207**

Культура и религия

- Давыдов А.Ю.* Влияние воззрений Василия Великого на формирование нравственного аспекта идеи божьей защиты в религиозном сознании и общественной мысли Руси второй половины XIV – начала XV вв. .. **211**
- Иеромонах ИОАНН (Булько И.П.).* Учение о Нетварных Божественных Энергиях в контексте Православного Богословия **216**
- Бирюкова К.В., Ершов В.Ф.* Японская Православная Церковь в XX веке: институционализация и правовой статус **223**

Научное наследие

- Исаев А.А.* Вопросы социологии **229**

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Интертекстуальность как категория коммуникации

Алексютина О. А.

В статье характеризуется интертекстуальность как интегративная категория. Анализируются существующие тенденции в толковании данного понятия. Рассматривается возможность интертекста в оптимизации не только вновь созданного текста, но и коммуникационного процесса в целом.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, дискурс, межтекстовое взаимодействие, семиотическая система, авторские включения, коммуникативная система.

Intertextuality as a category of communication

Aleksyutina O.A.

Bryansk state university of Akkad. I.G.Petrovsky

This paper is characterized by intertextuality as an integrative category. Analyzed the current trends in the interpretation of the concept. Consider the possibility of intertextuality in optimizing not only the newly created text, but the communication process as a whole.

Keywords: intertextuality, intertext, discourse, intertextual interaction, semiotic system, copyrights, communicative system.

Проблема коммуникативной эффективности любого текста существует всегда, независимо от формы, жанра, коммуникативной ситуации взаимодействия. В связи с этим постоянно ведется поиск оптимальных средств воздействия на необходимую целевую аудиторию, а также изучение взаимодействий между текстами. Последнее есть не что иное, как интертекстуальность, которую можно характеризовать как общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [2].

Интертекстуальность как изначально языковую категорию сегодня можно рассматривать как интегративное явление, которое исследуется не только лингвистами и литературоведами, но и психологами, социологами и др. в том числе в рамках теорий дискурса, его роли в повышении коммуникативной эффективности текста, а также влияния на формирование соответствующей коммуникативной установки со стороны реципиента.

Рассматриваемое понятие в тех или иных вариациях неизбежно касалось словесного творчества еще в начале XX в., так в работе М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве» (1924 г.) автором акцентировалось внимание на диалоге любого писателя с современной и предшествующей литературой, который (диалог) невозможен без апелляции к уже существующим языковым фор-

мам. По мнению Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста», т.е. новый текст может заимствовать в той или иной форме предшествующие ему тексты. В то же время качественно созданный текст может стать основой для других текстов. Любой текст можно соотнести с ранее созданными текстами, ориентируясь на особенности нужного контекста. Подобное свойство текста было названо Ю. Кристевой «интертекстуальность» [6].

Несмотря на значимость рассматриваемого термина и использование его еще в ранние периоды развития письменности, само понятие «интертекстуальность», как показывают многочисленные исследования, формируется только в к. XX в.

По мнению Н. Пьеге-Гро, феномен интертекстуальности свойствен письменности и культуре человечества уже с древнейших времен: «Можно подумать, что это сугубо современное понятие, однако на самом деле оно охватывает древнейшие и важнейшие практики письма: ни один текст не может быть написан вне зависимости от того, что было написано прежде него; любой текст несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции» [8, с. 48].

Неоспорим вклад русских национальных источников в зарождении и совершенствовании данного явления. Так, по мнению Г.В. Денисовой, «в целом теория интертекстуальности вышла из нескольких источников - из исследований анаграмм Ф. де Соссюра, исторической поэтики А.Н. Веселовского, учения о пародии Ю.Н. Тынянова и из полифонического литературоведения М.М. Бахтина» [5, с. 31].

В исследовании Н. А. Кузьминой «Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка» выделяются пять основных типов трактовки термина «интертекстуальность»:

1) интертекстуальность как способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты (И. Смирнов);

2) интертекстуальность как взаимодействие внутритекстовых дискурсов: дискурса повествователя с дискурсом персонажей, одного персонажа с другим и т.д. (Л. Дэлленбах и П. Ван ден Хевель);

3) интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (Ж. Жетт, А. Жолковский и др.);

4) интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста (В. Чернявская);

5) интертекстуальность как «механизм метаязыковой рефлексии», позволяющий автору определить способ генезиса собственного текста, а читателю – углубить понимание за счет установления многомерных связей с другими текстами (Н. Фатеева) [7, с. 19].

В последнее время акцент в изучении межтекстового взаимодействия сместился в сторону языковедческих исследований, что обеспечило, по мнению В.Е.Чернявской, «большую масштабность и глобальность» анализу текстового влияния [11].

Сфера применения теории интертекстуальности не ограничивается изучением только художественного текста: так, в работах Е.А.Баженовой, В.Е.Чернявской как политекстуальная система рассматриваются тексты научного дискурса [Баженова 2001, Чернявская 1999], изучаются особенности интертекстуальных связей в кинематографе [Ямпольский 2003], рекламе [Илюшкина 2008; Кушнерук 2006; Чистова 2009].

На современном этапе развития коммуникации возрастает интерес к теории интертекстуальности не только в современной лингвистике, а собственно интертекст используется не только в художественном творчестве. Интертекст сегодня с успехом реализуется в контексте современного дискурса, в том числе и в рекламной коммуникации, как одного из бурно развивающихся видов массовой коммуникации в России. Действительно, даже в процессе нейминга прибегают к использованию интертекста, что находит отражение в названиях магазинов, торговых центров, рекламных слоганах: «Весна... Как много в этом звуке!» (компания СССР, г. Брянск) - прототекст – отрывок из романа в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин»; «У природы нет плохой погоды!» (газета «Моя реклама», г. Брянск) - прототекст – песня для кинофильма «Служебный роман»; «В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето» (реклама солнцезащитных средств для всей семьи) - прототекст – стихотворение В.В. Маяковского и др.

Обращает внимание обязательное введение указанной позиции в современных словарях.

Обратимся к отдельным трактовкам «интертекстуальности», представленным в подобного рода изданиях. Так, в «Философском словаре» «интертекстуальность» рассматривается как понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» «интертекстуальность» – текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [9].

Интертекстуальность – (фр. *intertextualite*, англ. *intertextuality*) одно из главных свойств постмодернистской литературы. Концепция интертекстуальности связана с провозглашенной постмодернизмом «смертью автора» (Р. Барт), то есть растворением индивидуального, созданного конкретным автором текста в явных и неявных цитатах, реминисценциях, аллюзиях, культурных и литературных переключках [1].

Таким образом, в представленных комментариях интертекстуальность рассматривается в широком смысле: на уровне семиотических систем, позволяющих применять данную категорию не только к вербальным, но и визуальным и др. видам текстов; в узком смысле, опираясь, с одной стороны, на одну из категорий коммуникативной эффективности текста, т.е. его узнаваемость, через снятие противопоставления «вновь созданный текст – созданный ранее» текст, характеризуя последний («созданный ранее») как реакцию на уже известные тексты; с другой стороны, на литературоведческую концепцию, позволяющую производить новый текст на основе художественных связей через использование цитат, аллюзий, авторских включений.

По мнению И.С. Брилевой, цитата, аллюзия, любая форма литературной переключки – не частный, второстепенный элемент текста, а указание на существенную грань авторского замысла [4]. Цитирование сегодня можно рассматривать как важную составляющую коммуникативного процесса, позволяющую апеллировать к уже известным, авторитетным источникам, актуализируя таким образом представляемую информацию и усиливая степень воздействия последней на коммуниканта.

Согласимся с позицией исследователей, согласно которой интертекстуальность можно описывать и изучать с двух позиций – коммуниканта и коммуникатора. С точки зрения коммуниканта, способность определить в тексте наличие интертекста, а также правильно его интерпретировать в соответствующем контексте связана с желанием реципиента нивелировать языковые барьеры коммуникации, стремясь адекватно интерпретировать сообщение, подчиняясь замыслу коммуникатора [10].

С точки зрения автора, интертекстуальность – это возможность создания собственного текста и представления своего особого авторского стиля через использование взаимодействия с текстами других авторов.

Р. Богранд и В. Дресслер в своем «Введении в лингвистику текста» определяют интертекстуальность как «зависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участником коммуникации других текстов» [3]. Они выводят из понятия текстуальности необходимость «изучения влияния интертекстуальности как средства контроля коммуникативной деятельности в целом».

Категория интертекстуальности, как присущее первоначально только тексту свойство заимствовать в определенном виде ранее созданные тексты, в современной практике коммуникации представляет собой более сложную модель коммуникационного воздействия, затрагивающую семантическую, ассоциативную, эмоционально-оценочную составляющие и способствующую образованию новых дополнительных значений в условиях конкретного контекста.

Постоянно поддерживаемый интерес со стороны исследователей к рассматриваемой категории обусловлен увеличением роли информационно-коммуникативных процессов в жизни общества. В современных условиях глобального развития коммуникативных систем и технологий, на наш взгляд, получит дальнейшее развитие и исследование интертекстуальности на уровне семиотических систем, расширяя возможности использования различных знаковых категорий в новых типах текстов, выходя за пределы вербальной коммуникации.

Литература

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – Спб.: Паритет, 2006.

2. Белозерова Н. Н. Модель функционирования интертекста // <http://frgf.utmn.ru/last/No3/text10.htm>.
3. Богранд Р., Дресслер В. Введение в лингвистику текста. – М., 1981. – 181 с.
4. Брилева И.С. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – МГУ: Кратор, 2004. – 119 с.
5. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память перевод. - М.: Азбуковник, 2003. - 298 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 428-431.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. - Екатеринбург; Омск, 1999.
8. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: «Флинта», «Наука»/ Под редакцией М.Н. Кожинной. – М., 2006.
10. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
11. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации / В.Е. Чернявская. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 1999.- 209 с.

Система задач, способствующая формированию действия «прогнозирование»

Болух О.В.

В данной статье рассматриваются общие положения построения системы задач по математике в основной школе способствующей развитию действия «прогнозирование» у учащихся, выделяются специфика системы задач, требования к структуре системы задач, к содержанию задач, входящих в систему.

Ключевые слова: система задач по математике, структура системы задач, содержание задач.

The system tasks, contributing to the formation of action «Forecasting»
Bolukh O.V.

In this article we consider the General principles of construction of system problems in mathematics in primary school, contributing to the development of the action of «forecasting» the students, highlighted the specificity of objectives, requirements to the structure of objectives, the content of the tasks included in the system.

Keywords: system problems in mathematics, the structure of objectives, content objectives

Благодаря исследованиям Г.А. Балла, В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, И.А. Зимней, А.Н. Леонтьева, Е.И. Машбица, С.Л. Рубинштейна, Л.М. Фридмана, Д.Б. Эльконина теория учебных задач является хорошо разработанной ветвью научного знания. Исследования Е.А. Демидовича [2], А.А. Максютин [3] посвящены изучению проблем конструирования учебных задач (систем учебных задач) по математике. Отметим, что никто из ученых не занимался вопросами проектирования системы учебных задач по математике в основной школе, способствующей формированию действия «прогнозирование». Формирование действия прогнозирования – новая цель и новый результат образования. Новизна исследования заключается в том, что действие прогнозирования формируется в ходе решения задач. В связи с этим мы говорим о создании «универсальной» системы задач, которая будет являться множеством упорядоченных задач, обладающих определенными свойствами, связанных между собой и характеризующихся своим единством. Эта система задач должна быть направлена на формирование прогнозирования на уроках математики в основной школе.

Проектируя систему задач по математике, мы руководствуемся следующим определением понятия «задача»: это задача, при решении которой в ученике происходят заранее заданные изменения, и он овладевает общим способом решения большого круга частных задач (Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов) [1].

Перейдем к процессу формирования такой системы. Общие положения построения системы задач для развития действия «прогнозирование» учащихся необходимо конкретизировать, в связи, с чем выделим специфику системы задач, требования к структуре системы задач, к содержанию задач, входящих в систему.

Специфика системы задач:

Чтобы набор задач стал системой, необходимо соблюдение определенных принципов конструирования. Эти целостность, структурность, целенаправленность, интегративность, иерархичность [4].

Целостность системы определяется тем, что по структуре своей она состоит из более мелких подсистем или ячеек. Одна ячейка системы – это задачи на формирование умений:

- умение воспринимать и извлекать информацию;
- умение сравнивать полученную информацию с имеющимися знаниями;
- умение ставить цель и формулировать задачу;
- умение моделировать информацию, полученную из условия задачи в виде чертежа, краткой записи;
- умение обнаружить отклонения и отличия от эталона;
- умение сличать способ действия и его результат с заданным эталоном;
- умение корректировать решение задачи, вносить необходимые дополнения и коррективы в план и способ действия.

Подсистема – это задачи на формирование групп умений: аналитическая, диагностическая, прогностическая, коррекционная.

Структурность системы подразумевает наличие определенных связей между ячейками системы. При решении задач по математике, как правило, формируется одно и более умений одновременно, это делает ячейки взаимосвязанными.

Вся система задач направлена на формирование действия «прогнозирование», то есть действие системы подчинено одной цели. Так обеспечивается целенаправленность системы.

Интегративность предполагает наличие системообразующих факторов. Такими системообразующим фактором мы считаем задачи, которые на разных уровнях от «простейшие задачи» до «интегрированные задачи» усложняются, чем вызывают у ученика необходимость применять умения или группы умений в совокупности.

Иерархичность системы обозначает, что каждый ее компонент может рассматриваться как отдельная подсистема. Это свойство обеспечивает наличие трех уровней задач, дифференцированных по необходимости применения определенных умений и по уровню трудности.

Итак, система задач по геометрии, спроектированная нами, организована по уровневому принципу и обладает всеми свойствами системы: целостность, структурность, целенаправленность, интегративность, иерархичность. Цель системы – формирование действия «прогнозирование» при решении задач по геометрии в основной школе.

Разработаны три уровня задач: первый - «простейшие задачи», второй - «задачи для каждой группы», третий - «интегрированные задачи». Блок из задач каждого уровня представляет собой единицу системы учебных задач.

Требования к структуре системы задач:

1. Представляет собой множество упорядоченных задач, представленных на трех уровнях: На первом уровне «Простейшие задачи», целью решения задач данного уровня является формирование и отработка каждого из умений, входящих в состав действия «прогнозирование», например:

В равнобедренном треугольнике боковая сторона равна 12 см, а угол при вершине равен 60° . Найдите площадь треугольника.

(Составьте краткую запись к задаче и выполните чертеж).

Решение этой задачи основано на применении умения моделировать информацию, полученную из условия задачи в виде чертежа, краткой записи.

На втором уровне «Задачи для каждой группы» целью решения задач данного уровня формирования отдельно каждой группы умений, входящих в состав действия «прогнозирование» таких, как аналитическая, диагностическая, прогностическая, коррекционная. Рассмотрим задачу, представленную в коррекционной группе:

Какими бы условиями вы дополнили бы задачу для ее возможного решения? ABCD ромб, найдите углы треугольника BCD.

На третьем уровне «Интегрированные задачи» целью решения задач данного уровня является формирование действия «прогнозирование» посредством формирования нескольких групп умений одновременно, например:

Решите задачу несколькими способами: Дано: ALKC – квадрат, ABCD – квадрат.

Доказать: $S_{\text{KCAL}} = 2S_{\text{ABCD}}$

2. Каждый следующий уровень включает в себя новообразования предыдущих уровней.

3. На каждом уровне достигаются свои цели.

4. Все задачи в системе связаны между собой, так как они направлены на формирование действия «прогнозирование» посредством формирования каждого умения, входящего в структуру действия «прогнозирование» в отдельности и в совокупности.

Требования к содержанию задач:

1. Вариативные по формулировке (объясни, проверь, оцени, выбери, сравни, докажи, найди закономерность, верно ли утверждение, догадайся, наблюдай, сделай вывод, докажи, опровергни и т.д.), которые нацеливают учащихся на применение различных умений, входящих в структуру действия прогнозирование.

Например:

Задача. В группе 40% ребят имеют плохое зрение. 70% из них носят очки, остальные 30% носят контактные линзы. Общее число ребят в очках - 21. Что верно: (A) 30 человек имеет плохое зрение; (B) 30 человек имеет хорошее зрение; (C) всего в группе 100 человек; (D) 10 человек носят линзы; (E) ни один ответ не подходит.

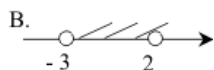
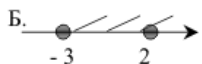
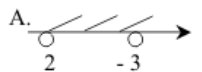
2. Задачи на обнаружение отклонений и отличий от эталона

Например: Можно ли данную формулировку назвать определением равнобедренного треугольника? Поясните свой ответ. «Треугольник называется равнобедренным, если его углы при основании равны».

3. Задачи на сличение способа и результата действия с заданным эталоном с целью обнаружения отклонений и отличий от эталона; выбора способа достижения поставленной цели, которые нацеливают учащихся на применение различных умений, входящих в структуру действия прогнозирование.

Например: На каком рисунке изображено множество решений системы:

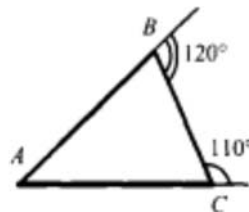
$$\begin{cases} x < 2, \\ x > -3. \end{cases}$$

4. Задачи на обобщение данных, моделирование информации, полученной из чертежа, которые нацеливают учащихся на применение различных умений, входящих в структуру действия прогнозирование.

Например: Что Вы можете узнать из чертежа?

5. Задачи на корректирование решения

Например: Верно ли решение? Если нет, науди и исправь ошибки.

Задача. Семья Васи приехала на дачу на машине в 16.00. Если бы скорость, с которой они ехали, была на 25% больше, то они приехали бы в 14.30. В какое время они выехали из дома? (A) 8.00; (B) 8.30; (C) 9.00; (D) 10.00; (E) 12.00

Решение: Увеличение скорости движения машины в 1,25 раза приведет к уменьшению продолжительности движения в 1,25 раза или на 20% ($1 : 1,25 = 0,8$). По условию задачи, выигрыш во времени при увеличенной скорости равен 1,5 часа ($16 - 14,30 = 1,00$ час). Следовательно, реальное время в пути составит $1,0 \text{ час} : 0,2 = 5$ часов. Отправка машины состоялась в $16,00 - 7,30 = 8,30$. Итак, семья выехала в 8 часов 30 минут.

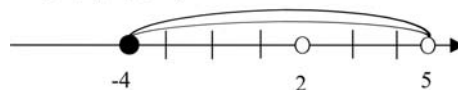
6. Задачи на внесение необходимых дополнений и корректив в план и способ действия.

Например: Найдите ошибку в изображении промежутков на числовых осях.

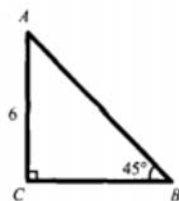
A. $(-\infty; 2) \cap (-2; +\infty)$

B. $(-4; 5] \cap (2; +\infty)$

7. Задачи, требующие поставить учебную задачу и цель, представить информацию, полученную из условия задачи, чертежа в определенном порядке или по определенной схеме (структурировать информацию)

Например:

Сформулируйте условие задачи по чертежу. Сформулируйте вопрос по данному чертежу, ответ на который может быть получен путем анализа чертежа.

Теперь уточним в соответствии с особенностями нашего исследования требования к технологии использования системы задач. Первое требование, которому должна соответствовать любая технология обучения - это наличие научной основы для разработки этой технологии. Целью реализации нашей технологии является формирование действия «прогнозирование» при обучении математике в основной школе. Наша технология должна быть основана на результатах исследований в области «прогнозирование». В соответствии с этим первое уточненное требование нашей технологии можно сформулировать так: в основе технологии использования системы задач должны лежать результаты исследований в области формирования действия «прогнозирование»: конкретное определение действия «прогнозирование», его

структура. Второе требование представляет собой определенность цели. Так как мы реализуем нашу технологию при изучении математики в основной школе, то основным требованием к целям технологии использования системы задач является то, что она должна соответствовать целям обучения математике в основной школе и способствовать достижению этих целей. Реализация нашей технологии должна способствовать формированию действия «прогнозирование» у учащихся основной школы.

Литература

1. Давыдов, В.В. Психологическая теория учебной деятельности методов начального обучения, основанных на содержательном обобщении/ В.В. Давыдов. – Томск: Пеленг, 1992, – 116с.
2. Демидович Е.А. Учебные задачи как средство формирования оценочной самостоятельности младших школьников в процессе обучения математике: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02/ Демидович Елена Анатольевна. – Омск, 2011. – 26 с.
3. Максютин, А.А. Многоуровневая система задач как средство обучения учащихся средней школы алгебре и началам математического анализа: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.02/ Максютин Алексей Алексеевич. – Самара, 2007. – 24с.
4. Шингарева, М.В. Проектирование компетентностно-ориентированных задач по учебным дисциплинам вуза: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.08/ Шингарева Марина Валентиновна. – Москва, 2012. – 26 с.

Социальные системы: анализ философских и методологических подходов в исследовании

Добренков В.И., Агапов П.В.

Статья посвящена проблеме философско-методологических подходов в исследовании социальных систем. Автором рассматриваются философские и методологические предпосылки возникновения различных подходов в исследовании социальных систем и трансформаций, анализируются и выявляются закономерности комплексного междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: методологические подходы, социальная система, социальная динамика, социальная эволюция, социальные синергетика и кибернетика, социальная структура и трансформация, герменевтика.

Social systems: analysis of philosophical and methodological approaches in the study
Dobrenkov V.I., Agapov P.V.

The article deals with the philosophical and methodological approaches in the study of social systems. The author considers the philosophical and methodological prerequisites of different approaches in the study of social systems and transformations, analyzes and identifies patterns of integrated multidisciplinary approach.

Key words: methodological approaches, the social system, social dynamics, social evolution, social synergy and cybernetics, social structure and transformation of hermeneutics.

Знаменитый французский писатель *Стендаль* как-то заметил: «Каждая эпоха сосредотачивает внимание на какой-нибудь отрасли человеческих знаний. В ней только и заключается жизнь». В XXI в. определяющим фактором в жизни общества станут знания о самом обществе, социальных системах и организациях.

Как показывает развитие современной социологии, в ней происходит постоянная *актуализация* как подходов, методологических установок, так и многих проблем, поставленных социологами «прошлого». Новые подходы, парадигмы и знания не перечеркивают (в отличие, например, от естественных наук) полностью знания предшественников и не сдают его в архив на хранение. Добытые социологические знания практически всегда находятся в живой ткани современных исследований, и никакая парадигма в социологии не прекращает полностью своего существования. В социологии различные парадигмы сосуществуют и даже совмещаются в определенных аспектах. В ней не бывает научных революций, которые раз и навсегда приносят победу тем или иным научным подходам. В социологической науке, начиная с 1980-х гг., оказалась влиятельной парадигма методологического индивидуализма (К. Поппер и др.), однако это вовсе не означает, что исчезло влияние теории систем, структурализма, функционализма, эволюционизма и других парадигм.

Современная эпоха сложного и быстро изменяющегося социального мира предъявляет новый спрос на целостное социологическое знание, на панорамное видение социальных процессов.

Социальные системы, структурные процессы и трансформации невозможно изучать без совокупности методологических подходов. Для анализа социальных систем важно учитывать

специфику и гносеологические возможности различных подходов: *эволюционного, исторического, цивилизационного, информационного, синергетического, герменевтического и др.*,

Н. Луман так сформулировал задачу на современном этапе развития теории общества: «Чтобы революционизировать парадигму, мы отказываемся от традиций социологической дисциплины и обращаемся к теоретическим ресурсам, которые привносим в социологию извне. При этом мы ориентируемся на новейшие тенденции в теории систем, а также в теориях, функционирующих под иными названиями, например кибернетике, теории коммуникации, теории эволюции... Это совершенно новые, завораживающие интеллектуальные тенденции, которые впервые позволяют избежать строгого противопоставления наук о природе наукам о культуре или противопоставления предметных областей, данных либо в форме закона, либо в форме текста (герменевтически)»¹. Тенденция развития знаний об обществе такова, что новая парадигма в русле междисциплинарности, многих подходов к изучению общества, социальных систем.

Исторический и эволюционный подходы

Исторический подход к пониманию социальной истории и общества подчеркивающий уникальность каждой эпохи, каждого общества. Любое общество, любые изменения и процессы можно понять только в его собственных конкретно-исторических условиях². Многие теоретики философии и социологии (особенно *Гегель, Кант и Маркс*) видели причину непонимания общества, недостатков применения научного метода именно в отсутствии исторического подхода, в непринятии «исторического изменения».

«Социальные объекты суть объекты исторические, т.е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию кон-

кретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории»³.

Именно *исторический подход* позволяет использовать факты и теории в их предельной конкретности и объективности. Внеисторическое осмысление социальных фактов и социальных процессов (революций, кризисов и др.) обречено на неудачу.

Эволюционный подход является одним из главенствующих в социологии, наряду с другими подходами. Он представляет собой попытку о осмысления исторического процесса как части общего разнообразного эволюционного процесса, развития биологической жизни на Земле, возникновения человека и общества, культуры. Эволюция при этом понималась как имманентный «самодвижущийся» медленный процесс социальных изменений и развития. «Нельзя не признать то, что любая подлинно социальная теория не может не быть эволюционной» (*Стивен Рансиман*). Эволюционный подход дает возможность изучать социальную эволюцию с точки зрения исторической последовательности развития, в которой более поздние достижения зависят от ранних, объяснения причин закрепления некоторых социальных институтов и социальных действий. Идеи эволюционного подхода складывалась усилиями многих ученых (*Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо, Ч. Дарвин, Г. Спенсер и др.*). Развитие общества уподоблялось развитию биологического организма (онтогенез повторяет филогенез): стадии общечеловеческой истории в главных чертах воспроизводятся индивидуальной историей молодых народов в новых условиях (*Э. Дюркгейм*). Идея эволюционного подхода (об эволюционном происхождении человека, социальных институтов и общества) продолжает доминировать в научной социологии⁴. Эволюционный подход помогает понять социальные механизмы выживания и развития человеческого общества, почему люди такие, какие есть. Это не рассуждения по поводу того, каким им *следует* быть. Все социальные институты, функции социальной психики, включая и самые «высшие», имеют эволюционно развитую социальную основу. В научной социологии исследуются разнообразные аспекты эволюции обществ, социальной эволюции мир-системы⁵.

Формационный и цивилизационный подходы

Формационный подход является аналогом материалистического понимания истории (К. Маркс, Ф. Энгельс и др.). Общественная формация - общество, находящееся на определенной ступени или стадии развития его производительных сил и производственных отношений, это сложившаяся на основе данного способа производства конкретно-историческая форма бытия общества (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическую формация). Можно сказать, что общественная формация – специфический способ взаимодействия основных социальных структур (экономика, политика, идеология.) который придает ей характер особого *социального организма*. Функционирование и развитие этого организма характеризуется действием двух типов социальных законов. Это *генетические законы* и закономерности, связанные с его развитием, а также *структурные законы* и закономерности, относящиеся к функционированию его различных социальных структур. История движется по ступени «общественно-экономических формаций». Для марксистского взгляда на историю характерно гипертрофированное (преувеличенное) внимание материальным факторам, к схватке сил (классов), дезинтегрирующих общество, к видению общества и человека в «одном измерении». Со временем выяснилась принципиальная нередуцируемость многообразия социально-исторического опыта цивилизаций и культур к «формациям».

Цивилизованный подход исходит из понятия «цивилизация» как крупномасштабной социокультурности общности людей и народов. Цивилизацию можно определить как существующую в определенное время и на определенной территории систему, в рамках которой действует социокультурная историческая общность с присущей ей совокупностью политико-экономических, культурных, духовных, в том числе конфессиональных, характеристик⁶. Важным признаком отличия одной цивилизации от другой является самоидентификация людей (самое широкое, как правило, надэтническое «мы»). Из совокупности достижений отдельных (локальных) цивилизаций складывается облик, уровень цивилизации вообще, мировой цивилизации.

Любая цивилизация, связанная в первую очередь с механизмами преемственности и ус-

тойчивости, в то же время, будучи историческим явлением, неизменно развивается, беря старт с определенного этапа социокультурной эволюции (возникновение письменности, образование классов, государства, урбанизация) в различных частях мира.

Цивилизационный подход предполагает многовариантность истории (западная цивилизация, восточная православная, восточно-буддистская и др. цивилизации), «мир миров», тогда как формационный подход называл одновариантную «схему истории». Каждая цивилизация при всей своей специфике и самобытности выступает составной частью единой целостной общности - человечества.

Такой подход к человеческой истории отличается от марксистской теории формационного развития тем, что здесь в качестве теоретической посылки служит ценностно-нормативная система (культурные образцы, значения, ценности, нормы), а не способ производства. Теории цивилизации разрабатывались Данилевским, Тойнби, Шпенглером и др. Большой вклад в теории цивилизаций внес социолог П. Сорокин, который в соответствии со своими представлениями об историческом прогрессе считал, что каждая цивилизация или социокультура неповторима (античная, греко-римская, арабская, американская и т.д.). Цивилизации фактически явились ступенями человеческого прогресса и уникальны по своим качествам и образцам. Все они пережили периоды зарождения, расцвета и упадка. Устаревает, меняется ценностно-нормативная система и ей на смену приходит другая. Сорокин, разработав концепцию социокультурной динамики, раскрыл и основу кризиса европейско-американской цивилизации, отметив, что создание здесь материальных ценностей опередило совершенствование духовной культуры.

В отечественной социологии советского периода господствовал формационный подход. Речь шла о развитии общества социализма, о сохранении социально-экономической структуры, социальной направленности развития страны и государства. Формационной доминанта присутствовала в социологических исследованиях.

Но сегодня определять формационную фазу, в которой сейчас находится российское общество весьма трудно. По мнению некоторых уче-

ных, в России происходят не реформы, а *глубокая качественная трансформация* (общество-трансфер). В России происходит «скорее мутация и эволюция системы коллективистской собственности, чем исторический возврат России в формуацию частнособственническую. Частная собственность вернулась в Россию как явление, но по ее положению и масштабам она пока еще очень далека от того, чтобы всерьез и на длительные сроки определять что-либо в экономике, обществе, государстве».⁷

Цивилизационная составляющая России связана с такими понятиями как уклад и ценности самобытной российской, славянской цивилизации. Российская цивилизация - самостоятельный культурно-исторический мир, одна из мировых цивилизаций⁸. Обесиленное «реформами» российское государство (РФ) не соответствует исторической сути России как общецивилизационного мирового явления. Скорее Российская Федерация - переходная геополитическая конструкция. Россия не может долгое время стоять на развилке истории, в «точке бифуркации», на развилке цивилизаций. Поэтому Россия стоит перед историческим выбором, она просто обязана выбрать то или иное направление своего социально-политического и культурно-исторического движения. Причем, неизбежно будут сказываться критерии, основании такого выбора (культура, государство, идеология и др.). У нынешней России отсутствует национальные приоритеты, цивилизационный проект. Россия не может произвольно изменить свою социально-историческую природу, ей ничего не остается, как развиваться по законам своей цивилизации, по законам особого культурно-исторического мира.

Кибернетический подход

Кибернетический подход ориентированных на познание и описание социальной системы и процессов в обществе с позиции кибернетики⁹.

Социальная кибернетика - направление, подход в научных исследованиях обществе с позиций кибернетики. В социальной кибернетике существует понятие социокибернетической системы — динамической системы, в которой связь между элементами и параметрами, циркуляция информации, системы информации, обратная связь и др. — модифицируются в связи с особенностями соответствующих явлений в об-

щественной жизни. Кибернетический подход к системам характеризуется рядом понятий. Основные понятия кибернетики: управление, управляющая система, управляемая система, организация, обратная связь, алгоритм, модель, оптимизация, сигнал и др.

Применение аппарата кибернетики к изучению общества состоит в том, что оно рассматривалось как сверхбольшая самоорганизующаяся система, в которой происходят вещественно-энергетические и информационно-управленческие процессы, информационное взаимодействие со средой. Социальные процессы, в свою очередь, объясняются разнокачественностью видов информации. Мера организованности социальных структур определялась мерой организованности информации, соотношением между энтропией и негэнтропией.

Согласно кибернетике, управлять - это предвидеть те изменения, которые произойдут в системе после подачи управляющего воздействия (сигнала, несущего информацию). Всякая система управления рассматривается как единство управляющей системы (субъекта управления) и управляемой системы - объекта управления. Управление системой или объектом всегда происходит в какой-то внешней среде. Поведение любой управляемой системы всегда изучается с учетом ее связей с окружающей средой. Поскольку все объекты, явления и процессы взаимосвязаны и влияют друг на друга, то, выделяя какой-либо объект, необходимо учитывать влияние среды на этот объект и наоборот. Управление системой осуществляется по «принципу обратной связи». Если между воздействием внешней Среды и реакцией системы устанавливается связь, то мы имеем дело с обратной связью. Принцип обратной связи характеризует информационную и пространственно-временную зависимость в кибернетической системе. Если поведение системы усиливает внешнее воздействие, то мы имеем дело с положительной обратной связью, а если уменьшает, то с отрицательной обратной связью. Понятие обратной связи имеет отношение к цели управления. Поведение объекта управляется величиной ошибки в положении объекта по отношению к стоящей цели.

Кибернетический вносит существенный вклад в развитие социальных знаний, в частности в теорию социальных систем, в теорию со-

циального управления. Он развивает общую концепцию об информационных процессах в обществе, которая затем в специальных научных дисциплинах конкретизируется и наполняется качественным содержанием.

Понятийный аппарат кибернетического подхода открывает пути для создания моделей общественных процессов, а значит, для более углубленного познания и управления ими. В частности, сейчас уже получили широкое распространение имитационное моделирование социальных процессов. Кибернетика предоставляет в распоряжение социальных наук широкий арсенал технических средств. Правда, одно лишь использование таких средств отнюдь не означает кибернетизации соответствующей области социологических знаний. Главное в этом процессе - разработка методов исследования и описания социальных явлений и процессов с учетом результатов, полученных в социальной кибернетике¹⁰.

Синергетический подход

Синергетический подход в изучении общества использует понятийный аппарат синергетики и закономерности, открытые синергетикой.

Синергетика – наука об общих закономерностях самоорганизации, устойчивости и разрушения упорядоченных структур в сложных системах различной природы; теория самоорганизации и развития открытых систем любого происхождения. Синергетический подход использует такие понятия (понятия синергетики) как «открытость системы», «нелинейность системы», «хаос», «нестабильность», «бифуркация», «аттрактор» и др.¹¹

Синергетика являет собой новый этап изучения сложных систем, продолжающий и дополняющий кибернетику и общую теорию систем. Синергетика фиксирует свое внимание на неравновесности, нестабильности как естественном состоянии открытых нелинейных систем, на множественности и неоднозначности путей их эволюции. Синергетика исследует типы поведения таких систем, то есть нестационарные структуры, которые возникают в них под действием внешних воздействий или из-за внутренних факторов (флуктуаций).

Социальная синергетика – теория среднего уровня, которая посредством междисциплинар-

ных исследований изучает эффект возникновения из дезорганизации, беспорядка и хаоса *самоорганизующихся* общественных структур¹².

В случае с социальными системами применение синергетики позволяет исследовать качественные изменения в обществе на основе учета взаимоотношений как между внешними и внутренними факторами воздействия, так и соотношений целерациональных и иррациональных, непреднамеренных действий людей. Это задает определенный потенциал предсказуемости, иррациональности, непреднамеренности в процесс общественного развития.

Прежние классические теории и методологии, ориентированные на выявление универсальных связей, на «истинный» результат, который можно было бы независимо перепроверить, не годились для подобных исследований, так как предназначались для познания традиционного, замкнутого типа общества, которое не знало бифуркаций (непредвиденных случайных колебаний). Такие неклассические теории и методологии как феноменология, этнометодология, символический интеракционизм и др., сделавшие ставку на постижение истины посредством разнообразных интерпретаций, также оказались малоэффективными.

Синергетический подход ориентирована на изучение самоорганизующихся систем, для которых характерны две особенности: 1) система должна быть открытой для взаимодействия с окружающей средой - другими обществами и институтами; 2) число компонентов, в результате взаимодействия которых возникает упорядоченное движение, должно превышать определенный минимум. Именно эта методология, по мнению А. Гидденса. И. Валлерстайна и других социологов, наиболее пригодна для исследования современного общества, которое открыто для контактов с другими культурами вплоть до организации транснационального производства, участия в формировании единого мирового рынка, интеграции ценностей и норм других народов.

Синергетический подход востребован для изучения усложняющихся связей в обществе, имеющего внутреннюю неопределенность, что предопределяет его отход от строгого междисциплинарного разграничения. Ракурс исследований общества смещается с создания универсальной теории развития на изучение

самоорганизующихся систем, у которых есть *спектр* возможных путей развития, причем каждый имеет лишь вероятностный характер. С. также изучает как система, подвергшаяся колебаниям факторов развития (включая и воздействия внешние) в *точках бифуркации*, обретает такую степень неустойчивости, при которой начинается процесс её самообновления, самоструктурирования с переходом на новый уровень упорядоченности¹³.

Синергетический подход использует такие понятия (понятия синергетики) как «порядок», «хаос», «нелинейность», «неопределенность», «нестабильность», «диссипативные структуры», «бифуркация», «аттрактор» и др.

Социальные системы являются синергетическими системами. Это означает, что выше некоего порога системы всегда становятся неустойчивыми; любые изменения, даже микроскопические, могут вызвать лавинообразный процесс разрушения, выход на иной аттрактор движения, состояния системы. Под влиянием разбалансировки или конфликта подсистем могут возникнуть обострения социальных отношений, кризис, революция, внутренняя война. Рвутся связи между элементами и подсистемами в системе, наступает распад элементов, социальная катастрофа. Законы и понятия синергетики используются для понимания природы разрушения сложных систем и их подсистем, природы войн и «управления через хаос».

Герменевтический подход

В современных теориях, исследованиях социальных систем и процессов используется также *герменевтический (понимающий) подход*. Герменевтический подход ориентирован на понимание (раскрытие смысла) языка, текстов, символов, социальных, культурных и духовно-психических явлений. В полном объеме проблематика понимания находится во введении философской герменевтики (М.Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикёр, Ю. Хабермас и др.)¹⁴. Социальные факты (факты политики, войн, революций и т.д.) в отличие от физических явлений, не есть нечто независимое от действующих субъектов, от их понимания и интерпретаций. В исследовании социальных процессов во весь рост встает проблема понимания происходящих изменений и процессов в развитии общества, понимание социальными акторами друг друга.

Современный социальный мир - это битва смыслов, весьма агрессивная герменевтическая реальность, требующая соответствующей адекватной понимающей методологии. Понимание информации – акты осмысления и рефлексия над смыслами осуществляются противоборствующими сторонами.

Во всей многогранности в современной социологии встает и проблема социологического понимания. В сфере социальных исследований сложилась ситуация, в которой научный подход к изучаемым социальным системам невозможен без разработанной *методологии понимания* социальных систем и направленности их развития. Философ А.А. Зиновьев неоднократно констатировал, что в силу утраты «фактора понимания» сочинения западных теоретиков далеки от реальности социального строя стран Запада, сочинения советских авторов - от советской реальности, а перестроенных российских ученых – от реалий современной России.

Об актуальности проблемы понимания для образования пишет С.П. Капица: «Ныне всё человечество переживает необычайный рост информационных технологий. ...Эти возможности предъявляют новые требования к образованию, когда *не знания, а их понимание становится основной задачей воспитания ума и сознания*»¹⁵.

Как известно, сущность социального понимания – в осмыслении, в постижении *смысла* существующих социальных теорий и происходящих социальных процессов. Подлинное понимание чего-то серьезного и важного в обществе всегда опирается на предпонимание, т.е. на системы апробированных знаний, базу несомненностей истин и ценностей. Понимание любого фрагмента (части) социального мира возможно только в рамках мира как целого.

Современная научная методология признает, что проблематика понимания свойственна не только социально-гуманитарному, но и естественнонаучному познанию. Понимание рассматривается как универсальная методологическая категория, которая связана с работой со смыслами, и она характерна для деятельности с любыми семиотическими системами.

В методологии современной науки понимание уже рассматривается как важнейший компонент научного мышления¹⁶.

Запросы к пониманию, возникающие в научном и методологическом мышлении, требу-

ют четко и ясного осознания герменевтического подхода, его понятийного аппарата, закономерностей герменевтической (понимающей) деятельности.

Понимание — это осмысление, работа над смыслами. Но что из себя представляют смыслы? Может это неуловимая кантовская «вещь в себе», которую невозможно познать? Прежде всего мы должны серьезно отнестись к категории смысла.

Смыслы — это функциональная (вполне реально существующая) связь, значимая включенность явлений в структуры общества и культуры. *Смыслы организуют общественные отношения, процесс труда и созидания культуры.* Смыслы репрезентирует цели, знания, интересы, потребности и ценности людей во всем многообразии их общественных связей, отношений и деятельностей. Смыслы придают статус реальности всему событиям, формам деятельности и институтам в человеческом мире. Лишите смысла форму власти, общественный строй, учреждение, экономику, и они развалятся в один миг. Значительная часть значимых смыслов не изобретаются произвольно, а вытекают естественно-исторически из практики и общения самих индивидов. *Смысл* — необходимое интерсубъективное условие единства человеческого опыта, его понятности, общения индивидов и целых поколений. Таким образом, смыслы существуют в человеческом мире и, естественно, в самом процессе постоянного осмысления (понимания).

Современное общество представляет противоречивое взаимодействие рас, наций и народов, социальных групп и отдельных индивидов. На этот сложный комплекс объективный социальных взаимодействий «накладывается» человеческое понимание, то есть истолкование, интерпретация социальных событий и свершений. Множество взаимодействующих социальных субъектов, обладающими различными целями и ценностями, истолковывают социальный мир *неоднозначно* (разные смысловые истолкования, допущения смыслов, системы ценностей и т.п.). Но вместе с тем множество взаимодействующих социальных субъектов имеет связующую их основу для понимания, поскольку они связаны единым производством, единой системой общественных отношений (необходимостью сохранения и развития общества

как целого). Степень осмысленности действий социальных групп и отдельных личностей зависит от степени осознания ими общественных отношений.

Таким образом, своеобразие человеческой природы заключается в том, что любые начинания и результаты деятельности человека имеют *смысл*.

Герменевтический подход — это обоснованный комплекс подходов, методов, принципов и критериев, придающих осознанный характер процессу понимания любых «смыслонагруженных» структур (материальных и идеальных).

Согласно Гадамеру, даже текст должен быть понят в его притязании на *истинность*. Его нельзя рассматривать лишь как продукт чьей-то субъективности или как историческое явление. Интерпретатор должен направить свои усилия не на эмпатическое проникновение в авторскую субъективность, а на уразумение того «предмета», или «сути дела» (*Sache, Sachlichkeit*), о которых говорит текст, с серьезностью отнестись к несомому им сообщению. Здесь герменевтическая философия делает рывок от психологизма, плюрализма смыслов к истинному в понимании, к «герменевтике фактичности», к «герменевтике сути дела». Тезис же Гадамера о «предметности», о «сути дела» — ответ на вопрос о необходимости преодоления релятивизма понимания, об онтологических опорах общезначимости смыслового содержания.

Рост социально-гуманитарного знания, его новизна, постановка новых проблем, неустрашимая плюралистичность обеспечиваются интерпретационной («понимающей») природой социального знания. Интерпретация, в свою очередь, предполагает диалогическое отношение познающего субъекта с другими субъектами по поводу смыслового содержания проблем, поставленных в историческом, социальном, культурном, событийном контекстах социального бытия¹⁷. Постоянная задача социолога в том, чтобы стать подлинным исследователем, субъектом понимания посредством осмысления изменяющего социального бытия. Схоластика, догматизм, как известно, — это «вещи», далекие от понимания мира, своего рода умствования, оторванные от социальной практики и современной науки.

Герменевтический подход неотрывает от решения проблемы истины. Ведь герменевтика

решает вопрос о *понимании истины*, вопрос о вхождении субъекта в истины, о тех модусах человеческого существования и сознания, в которые истина может заглянуть и в которых она может существовать. Критерий истины позволяет отличить истинное понимание предмета («сути дела») от ложного и превратного понимания.

Утверждая релятивизм, принцип «все под ходит» и плюрализм, современные представления об истине стирают различия между истинной и ложью, объективной и субъективной истиной, между смыслом и бессмыслицей, между реальностью и вымыслом. Если нет ложных суждений, ложных теорий, если нет заблуждений, то всё оправдано в своем роде, все имеет свое «право истину» или каждый прав на свой лад. Особенно эта позиция вредна в социальной философии, в политике, социальном строительстве. Именно так заблуждения и ложь, и при том в грандиозных масштабах, могут быть декретированы как истинные положения. Врываясь в социальный мир эти ложные концепции, как и чувственно-эмпирические критерии истины, приводят в полное умственное замешательство людей. В отсутствии общепринятых критериев истины становятся одинаково «истинными» такие суждения: «собственность священна», «собственность – кража», «социальное равенство – благо», «социальное равенство – зло».

Интегральный и комплексный подходы

В социологии понятие интеграции применяется относительно социальных систем, их целостности и характера функционирования. По Дюркгейму, важнейшим показателем и в то же время ресурсом интегрированного и здорового общества является органическая солидарность.

Вебер установил наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. Особое внимание проблемам социальной интеграции уделил Т. Парсонс, который ввел понятие нормативной и ценностной интеграции в свою структурно-функциональную парадигму рассмотрения социальных систем.

Интегративный подход является органической частью интегративной социологии - парадигмы, предложенной выдающимся российс-

ко-американским социологом П. Сорокиным. На основе синтеза научных и религиозных представлений он попытался обосновать целостный взгляд на исторический процесс как смену трех социокультурных типов - религиозного, чувственного и интегрального - при доминировании одного из них. Каждый социокультурный тип определяет характер экономической, политической, социальной, религиозной и ментальной организаций общества, а также систему ценностей и тип личности. Кризис современного общества на Западе и Востоке Сорокин связывал с господством чувственной социокультурной системы, основанной на ценностях благосостояния, комфорта, жадности власти и славы, что и порождает в беспрецедентном масштабе межчеловеческие раздоры, войны и революции. Будущее мировой цивилизации ученый ставил в зависимость от утверждения интегральной социокультурной системы, которая несет с собой качественно иные ценности - дух всеобщей дружбы и неэгоистической любви, и вытекающие из них отношения - усиление духовной взаимозависимости¹⁸.

Магистральным направлением познания общества и человека, объединения усилий представителей различных наук, синтеза знаний становится *комплексный подход*. В сравнении с другими методологиями, например, системным подходом¹⁹, комплексный подход изучен совершенно недостаточно. Исследователи справедливо констатируют, что «вопрос о соотношении комплексного и системного подходов ещё недостаточно разработан»²⁰. Нет работ, в которых бы давалась развёрнутая структура комплексного подхода как методологии.

Нет ясного ответа вопрос, как же происходит на практике взаимодействие наук, например, в исследовании человека, и что всё-таки имел в виду К. Маркс, когда говорил о становлении «одной» науки о человеке²¹.

Можно предположить, что системный и комплексный подходы в процессе познания дополняют друг друга, как бы сменяя. Первый доминирует при движении познания от чувственно конкретного к абстрактному, второй, при движении от абстрактного к конкретному как «синтезу многих определений».

Специфическая задача комплексного подхода в ходе всего процесса познания будет состоять в установлении в исследуемом объекте

взаимосвязей различного на каждой из ступеней познания. В познании сложных объектов важнейшее значение имеет изучение комплексных закономерностей, то есть, таких, которые характеризуют процессы совместно-различной детерминации (например, социально-экономические, природно-антропогенные, биосоциальные и т.п.).

На современной стадии познания системный подход будет подчинённым по отношению к комплексному. Он, как и комплексный, нацелен на синтетическое воспроизведение объекта, но не доходит в этом до постижения диалектически противоречивого единства и целостной многомерности противоречий объекта, но ограничивается его структурно-функциональными взаимосвязями, а потому, оставляет на втором плане моменты развития и самодвижения объекта. Комплексный подход в теоретической реконструкции объекта как органической целостности – не просто синтез, который может быть дан и средствами системного подхода, но установление внутреннего, растущего ко всеохватности противоречивого единства, различные стороны и измерения которого фиксируются соответствующими дисциплинами. Философия в ходе этой реконструкции призвана дать картину противоречивых связей объекта, выявить узловые проблемы его развития и обеспечивать стыки разнородных измерений объекта.

Комплексный подход видится нам как *путь* построения знания о сложных объектах как о «конкретном», как системе взаимосвязей.

В комплексном исследовании материалом интеграции становятся, прежде всего, интегративные по существу своему образования – методы наук. Методы должны работать как единый комплекс. В этом комплексе надо определить место каждого из методов в зависимости, как от его возможностей, так и от характера исследовательской задачи. Первостепенную важность получают вопросы взаимовлияния, координации, субординации отдельных методов, их зависимости от целого. Комплекс методов – подвижное образование, перестраивающееся в зависимости от поставленной задачи и избранного для исследования объекта.

В заключении хочется отметить, что мы не ставили задачу теоретического анализа социологических парадигм, а остановились на значе-

нии общенаучных подходов в исследовании социальных систем. Логика и динамика подходов в исследовании социальных систем стремится от эволюционно-структурных, исторических к интерпретационно-герменевтическим, а в последствии к выработке комплексного подхода в социологическом научном поиске.

Ссылки:

- 1 Луман Н. Теория общества. - М., 1999. С. 203.
- 2 См.: Миронов Ю. Н. Историческая социология России. – СПб., 2009
- 3 Зиновьев А. Фактор понимания. - М., 2006. С. 175
- 4 См.: Марков. А. Эволюция человека. В 2 кн. - М., 2012.
- 5 См.: Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы / Отв. ред. Д. М. Бондаренко. – М., 2009.
- 6 Российская цивилизация / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. - М., 2003. - С. 17
- 7 См.: Добреньков В.И. Ценностно-ориентированная социология. М., 2011; Косолапов Н. А. Контуры нового миропорядка. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в четырех томах / Сост. Т.А. Шаклеина. Т. I. Исследования. М.: МГИМО (У) МИД РФ; РОССПЭН, 2002.
- 8 Абалкин Л.И. Российская идея. Феномен российской цивилизации // Абалкин Л.И. К самопознанию России. - М., 1995; Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX - начало XX века. – М., 1998; Платонов О.А. Русская цивилизация. - М., 1992; Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). - М., 1998; Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. - М, 2001. и др.
- 9 Кибернетика - наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в технических, биологических и социальных системах, возникла на стыке математики, теории информации, техники и нейрофизиологии, ее интересовал широкий класс как живых, так и неживых систем. Её основателем является американский математик Н. Винер (1894-1964), выпустивший книги «Кибернетика, или управление их связь в животном и машине» и «Кибернетика и общество».

10 См.: *Афанасьев В.Г.* На пути к социальной кибернетике // Кибернетика и диалектика. М., 1978; *Назаретян А.П.* Кибернетика и интеграция наук. Ереван, 1986.

11 *Синергетика* возникла в начале 70-х гг. XX века. Основы синергетики были заложены немецким ученым Г. Хакеном, автором книги «Синергетика», работами бельгийского ученого И. Пригожина и его группы. Работы Пригожина по теории необратимых процессов в открытых неравновесных системах были удостоены Нобелевской премии (1977). Синергетика как междисциплинарная наука состоит из теории диссипативных структур (И. Пригожин и Г. Хакен), теории «странных аттракторов» и фракталов (Е.Н. Лоренц, Б. Мандельброт); теории катастроф (Р. Том), теории бифуркации динамических систем (А.А. Андронов) и др.

12 См.: *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., 2005.

13 *Кравченко С. А.* Синергетика // Социологический словарь. Под ред. С. А. Кравченко. - М. 2001. - С. 351-352

14 Герменевтика: история и современность (Критические очерки). - М., 1985; *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. - М., 1988; *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтики. - М., 2002

15 Капица С.П. Мировой демократический кризис и Россия // Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Под ред. Г. Г. Малинецкого. М., 2009. - С. 85

16 *Швырев В. С.* Понимание в структуре научного познания // Загадка человеческого понимания. - М., 1991; *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. - М., 1995; *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. - М., 1997; *Библер В.С.* Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). - М., 1975.

17 См.: *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и гуманитарное знание. - М.: МГУ, 1991

18 См.: *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. - М., 2009 и др.

19 *Садовский В.Н.* Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. 1979. М., 1980. С. 34-36; *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. - С. 220-222; *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. - С. 63.

20 *Логинава Н.А.* Опыт человекознания. СПб., 2005. - С. 6.

21 *Махаров Е.М.* Методология комплексного исследования человека. М., 1991. - С. 84, 185.

Влияние социальных и визуальных оснований утопии на эволюцию городского планирования

Костина А.О.

В статье раскрывается проблема влияния социальных и визуальных аспектов утопии (от классических утопий 18 века до активистских утопий начала 20 века) в трансформации теории и практики городского планирования. Также подвергается анализу связанное с утопией применение естественнонаучных и исторических методов в рассмотрении проблем городского пространства.

Ключевые слова: классическая утопия, активистская утопия, благородный дикарь, городское планирование, городское пространство.

Influence of Social and Visual Grounds of Utopia for the Evolution of City Planning

Kostina A.O.

The issue of social and visual grounds of utopia (from classical utopias of the 18th century to the activist utopias of the beginning of the 20th century) and their role in transformation of theory and practice of city planning is reviewed in the article. The analysis of the scientific and historical methods in case of urban space is presented here.

Key words: classical utopia, activist utopia, noble savage, city planning, cit space.

Классическая утопия - объект созерцания, модус существования, спокойный и немного ироничный. Она выступает в роли отсылки к обособленному источнику информации и является скорее эвристическим приспособлением, нежели политическим инструментом. Классические утопии никогда не содержали некоего «взрывного» компонента, призванного все трансформировать, который стал характерным для утопий 20 века.

Классическая утопия - это изображение общества блага, звездной тени идеи, у каждой из которых был архитектурный коррелят - идеальный город, не меньше, чем эмблема универсального и конечного блага. Согласно Макиавелли, идеальный город Ренессанса становился одним из источников знания для государя, а также являлся декоративной репрезентацией государства. В первую очередь утопия представляла собой гипотетический идеал, не претендующий на немедленную реализацию. Социальная критика тоже имела место, но была вторична. Прежде всего была изображением, предметом восхищения, не играла роль руководства к действию по преобразованию реального города.

Конвенция социальных и визуальных образов, всерьез не стремившаяся изменить общественные порядки, сыграла роль в развитии представлений о формах городов, подвергающихся анализу по сей день.

Классическая утопия обладала значительной метафизической отрешенностью, что, тем не менее, не могло стать гарантом ее незабываемости. Постепенно на повестке дня появляется вопрос соотношения абстрактного и реального. Постановка столь серьезного вопроса во многом определялась развитием науки, открытиями и важными фигурами, одной из которых стал Ньютон. Если он, как ученый естествоиспытатель, мог убедительно продемонстриро-

вать, описать и проанализировать законы физического мира, то почему результаты работы общества не могут быть в равной степени демонстративны? Именно в этот момент встал наиболее острый в истории общественной мысли вопрос о соотношении наук естественных и гуманитарных, обнаружила себя проблема общности и различия методов.

Более локальный вопрос, касающийся репрезентаций утопий - образов идеальных городов, состоит в следующем: может ли он быть не только городом в сознании? С точки зрения ньютоновского рационализма, как научная революция критично исследовала природу, так исследование социальных изменений должно исследовать нечто, называемое «естественным» обществом. «Естественное» общество как парадигма рационального общества следующим шагом требует ревизии понятия «естественного» человека.

Естественный человек лишен культурных «загрязнений» и социальных повреждений, он - человек до Искушения и Падения. Несмотря на длительную историю «благородного дикаря» в общественной мысли, именно в 18 веке о нем был создан миф, имевший значительные последствия. Невинный благородный дикарь в первую очередь являлся декоративный элемент идеализированной деревни, каковым он был хорошо известен в Античности. После своего повторного появления во времена Ренессанса, он стал все больше увеличивать свою значимость в качестве морального аксессуара. Хотя этот образ и можно считать вмешательством в механический порядок вещей, благородный дикарь почти полностью был «сделан на заказ» Просвещения. Сделан на заказ не только потому что представлял собой универсального человека, которого так хотела найти наука, но и потому, что немного измененная и модифицированная версия благородного дикаря могла стать столь необходимым компонентом в концепции «обычного человека».

Был «обычный человек» - достойный ответственного осмысления объект, но заброшенный, плоский, анонимный и негероический. В этом заключалось его печальное, но истинное положение. Увеличение его статуса требовало большей яркости личности, родословной, именно роль благородного дикаря и стала источником насыщения упомянутыми выше качествами.

Однажды принятый в цивилизованном обществе как нечто большее, нежели конвенция, неизбежной благородный дикарь стал значительной фигурой, превосходным ролевым игроком – классический пастух, красный индеец, открытие Кука, санюлот в 1792 году, участник июльской революции, марксистский пролетарий, микенский грек, хиппи, ученый, инженер, и, в конце концов, компьютер. Деятельность всех перечисленных была убедительна.

Принимая во внимание, что благородный дикарь - поставщик невинности, становится очевидным, что именно Просвещение ответственно за решительный и плодovitый брак (не без кровосмешения) мифов об утопии и аркадии.

Оба этих мифа подтверждают друг друга и друг другу же противоречат. Один относится к концу истории, другой – к ее началу. Утопия празднует триумф ограничений, даже репрессий, в то время как аркадия олицетворяет доцивилизационную радость свободы, на языке Фрейда, одна - Супер-эго, другая – Ид. Оба мифа фатально притягательны. Возможно, именно такая связь с 18 веком определяет изменения в морали утопии. Хотя Просвещение с его критикой способствовали изменению содержания утопий, мало повлияли на их форму.

Сен-Симон надеялся стать Ньютоном политической реальности, предлагал идею универсального правящего тела. Существовавшая власть была обвинена в идеосинкразии, а на ее месте должно было быть организовано мировое правительство ученых, математиков, схоластов, художников - все для пропаганды возведения культа разума. Это предложение было опубликовано в «Lettres d'un habitant de Genive a ses contemporains», оно было крайне академичным, даже отчасти сумасшедшим. Но несмотря на всю его экстравагантность, в его иррациональном объяснении разума был открыт путь для моментальных свершений. Так, со слогом Сен-Симона о том, что золотой век не позади, а впереди и будет реализован с совершенствованием социального порядка, моральная позиция классической утопии была заменена. Здесь и обозначился поворотный момент – утопия, смотрящая в будущее решительно заявила о себе. Наука должна стать основой морали, политика - превратиться в ответвление физики, а существующее правительство должно быть замещено более рациональным способом управления.

Таковы были некоторые из идей Сен-Симона, развиваемые в следующие двадцать лет – благонамеренная попытка заместить правительство человека правительством вещей. Несмотря на авторитаризм, мыслям Сен-Симона присущи социальные обертоны, не в последнюю очередь по отношению к искусству. В разумном обществе всякое производство будет процветать, не исключением станет и искусство, которое должно поддерживать и подкреплять новое управление. Союз прогрессивного общества и прогрессивного искусства – такой была одна из идей Сен-Симона, нашедшая продолжение у его последователей.

Искусство, как средство выражения общества, манифестирует важные социальные тенденции, оно – предвестник и освободитель. Потому знать, выполняет ли искусство добросовестно свою миссию инициатора, является ли оно действительно авангардом, значит понимать, куда движется человечество и какова его судьба.

И Сен-Симон и Конт представляли собой исторический тупик. Весь 19 век они функционировали в традиции Просвещения, но, с необходимостью, эта традиция стала изнашиваться.

С одной стороны, в мире расширяющихся рынков только энтузиазм банкиров и индустриалистов усиливался. Чисто интеллектуальный оптимизм 18 века стал казаться беспричинным. В общественной же мысли наблюдался раскол: в Англии и Германии понимали, что вряд ли общество является механическим конструктом, на котором так настаивал французский рационализм. В первых двух странах благородный дикарь считался не абстракцией, служащей подтверждением рационального аргумента, а чем-то вроде атавистической памяти, само наличие которой служит свидетельством неадекватности рационалистического подхода во Франции. В обеих странах говорили о человеке не как об абстракции, а об обществе и государстве – в их исторической специфике, кульминацией же стала гегелевская историческая диалектика. Однако, интересной и выделяющейся фигурой в этом ряду становится Эдмунд Бёрк и его «Размышления и Французской революции» (1790).

Репутация Бёрка всегда была неоднозначной. С одной стороны – теоретик эстетики, с другой – политический философ. Как эти две роли совмещались?

Бёрк известен и уважаем как основатель современного консерватизма, его мысли нашли место и в английской социалистической традиции. Утопия У. Мориса «Новости из ниоткуда» написана не без влияния идей Бёрка. Но недостаток интереса в потенциале как науки, так и индустриального роста, может быть трактован как негативная сторона его позиции. Он ужасается от идей простой утилитарности, и, как его немецкие современники обращается неуловимо и не для анализа к тому, что давно вышло из моды в Париже.

Бёрк находился под сильным влиянием Французской революции. В 1757 году он был убежден в возможности достижения Возвышенного, к 1792 году Возвышенное демонстрировало себя в действии. Но для Бёрка, отрекшегося от своих прежних интуиций, Революция стала «странной, дикой, анонимной, построенной на энтузиазме вещью», она была случаем абстрактного и тиранического разума, навязывающего установленные предписания, если это пример «общей воли» Руссо, с которым у Бёрка были общие мнения, то последний в таком акте общей воли более пользы не находит. Для него, если общество действительно было договором, то это был не воображаемый, утерянный позднее документ, а аккумулированные традиции данного общества, в данный момент времени. Договор – это традиции, гарантирующие специфические практики свободы, но ясные в переносе на частную и индивидуальную практику разума.

В этом случае обращение к опыту, практике стало обращением к государству как инструменту провидения и истории, как конкретному спектраклю социальной эволюции.

Без гражданского общества человек не мог никаким образом достичь совершенства, на которое он по природе способен. Но тогда благородному дикарю предлагают покинуть сцену, оставаясь лишь уважаемым предшественником, ибо гражданское общество: партнерство всех наук, всех искусств, в добродетелях, в совершенстве, партнерство не только живущих, но и умерших и еще не родившихся. Другими словами, гражданское общество является непрерывным континуумом.

Некоторые из этих утверждений имеют анти-утопичный и либертарианский характер, что имело неоднозначный эффект. Ибо, проти-

вопоставляя свою версию истории французскому рационализму, он вложил в развитие активистской утопии не меньше, чем те, чьи идеи он осуждал.

Органицистская концепция истории распространялась через романтический критицизм. Мы должны представить последователей Сен-Симона, отказывающихся от прагматических аспектов учения их лидера. Мы должны заметить их стремление стать индустриалистами Второй империи, мы должны понять как, по середине пути позитивистская утопия была искусно низведена. Позитивисты были крайне озабочены наложением политического порядка на научные демонстрации, «полностью независимые от человеческой воли», но 19 век становился все больше пропитан представлениями об историческом развитии, все простые понятия наподобие «волевого» и «научно» были все более скомпрометированы.

К середине 19 века то, что Маркс называл утопическим социализмом, обнаруживает себя в определенных архитектурных объектах: Фаланстер Фурье (1829) – копия Версаля, ставшая прототипом пролетарского будущего. Карманские издания «Нового Иерусалима», как называл их Маркс за все добродетели, они являлись прозаическими и незапоминающимися утверждениями. И в годы эволюционной надежды и демократического подъема, они выглядели не очень убедительно.

Великолепная аллегория июля 1830 года Делакруа «Свобода, ведущая народ», не только своим пафосом, но и размером показывает вновь освобожденные идеи и эмоции, которые Берк с тревогой распознал, но которые позитивисты не смогли освоить. Это политика, ушедшая за пределы политики. Это толпа, воодушевленная динамикой движения и судьбы, благородный дикарь, перенесенный из привычной атмосферы и поглощенный идеей эмансипации, считавшейся в 19 веке основной. «Клятва в зале для игры в мяч» Давида – это совершенно другая концепция героического. Событие – акт, начавший революцию 20 июля 1789 года, когда Национальное собрание решило не расходиться, пока не будет принята Конституция. Условия пребывания в Версале изображены спартанские, лица - высокопоставленные. Нет сомнений в том, что ежедневно их окружали совсем других декорации. И если ветер перемен заставля-

ет занавески волноваться в ответ на всеобщую взволнованность, то, вне зависимости от характера происходящей драмы, вовлечены в это могут быть только образованные.

Изображенная сцена по-своему универсальна, вполне можно было бы увидеть в ней и других деятелей. Томас Джефферсон вписался бы и вообще, не так трудно представить всю сцену, перемещенную в Филадельфию во времена созыва Континентального конгресса: юристы, озвученные декларацией вечной истины, принципов, ценных во все времена и в любом месте.

Еще один творец – архитектор Антонио Сант-Элиа, в его «архитектурной фантазии», в проекте футуристического города есть подъем, движение, празднование неотразимого, простая динамика, распознавание судьбы. Как действующие лица картин Делакруа - взволнованные пролетарии и студенты, им соответствует набор архитектурных творений, вдохновенных теми же идеями. Здесь мы видим первые наброски активистских утопий, и то, до какой степени риторика Делакруа трансформировалась, насколько «власть народа» была властью динамо-машин и поршней.

Делакруа, Давид, Сант-Элиа близко подошли друг к другу и обязались выступать в качестве спорщиков в истории идей, все они находятся в рамках кинематографического метода познания. Также, сознательно или нет, полет мысли Сант-Элиа захватывает как статику Сен-Симона и Конта, так и динамику Гегеля.

Идеи Гегеля – неотъемлемый компонент утопий начала 20 века. Историческая неизбежность, историческая диалектика, постепенное освобождение Абсолютного Духа в истории, дух лет, рас, народов: мы слабо осведомлены, насколько они являются последствиями теории общества как роста, развития и насколько менее заметно их влияние, нежели классических французских теорий.

Центральным его представлением является то, что разум не может достигнуть стабильности. Это идея агрессивного и энергичного разума, с той оговоркой, что это разум – не продукт человеческой деятельности, а духовная сущность. «Разум – Суверен мира», очевидно, абсолютный суверен, неуклонно настаивающий на связи всех феноменов. И даже если простое созерцание гегелевских идей заставляет нас согласиться с мнением, что мысль его

настолько глубока, что порой представляется непознаваемой, в центре нашего внимания не столько его туманность, сколько влияние. Мисс ван де Рое утверждал, что архитектура - это воля эпохи, переведенная в пространство: живая, изменяющаяся, новая. Гропиус говорил, что новая архитектура - логически неизбежный продукт нашего времени, Корбюзье рассуждал о том, что задача архитектора - прийти в согласие с его эпохой. Все три высказывания иллюстрируют как в манере Гегеля, его категорий и модусов насыщается мысль. Даже если ранее эти высказывания не были трактованы в данном контексте, они показывают актуальность Гегеля в утопиях начала 20го века. Во всех случаях непреодолимая, принудительная и логически оправданная «история» становится не менее реальной, чем нечто обладающее измерениями, весом, цветом и текстурой.

Кому-то футуризм представляется романтическим отражением гегелевской концепции, но если празднование силы среди одного из главных настроений, то нужно поместить его в определенную историческую рамку. Ницшеанское «Ставший свободным человек, а в гораздо большей степени ставший свободным ум, топчет ногами тот презренный вид благоденствия, о котором мечтают мелочные лавочники, христиане, коровы, женщины, англичане и другие демократы. Свободный человек - воин» [4] странным образом походит на высказывание Маринетти: «Мы будем восхвалять войну - единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть, и презрение к женщине» [3]. Но после 1914-18 годов данные настроения не могли представлять авангард иначе, как ретроспективно. Гропиус говорил, что после случившегося каждый думающий человек понял, что нужно менять интеллектуальный фронт. Если после Первой мировой войны программа мгновенно продемонстрировала собственный внутренний атавизм, потом, после формулировки *ville radieuse* кроме исчезнувшего национализма и фаллических фантазий мало что изменилось.

Утопия девятнадцатого-двадцатого веков была рождена под странными астрологическими комбинациями: с одной стороны Освальд Шпенглер, с другой - Герберт Уэллс. С одной стороны - эсхатологическое предчувствие, неотвратимый упадок Запада, с другой - мысль о миллениуме и будущем, и именно при этих влияниях и обстоятельствах формировались не столько идеи, сколько укоренившиеся, едва ли сознательные привычки.

Таков был основной фон, формировавший утопии и детальное рассмотрение предназначено, в первую очередь для внесения ясности в ослепляющую идею того, что в конечном счете все идеи могут быть помещены в оркестровки немецкой «истории» и французской «науки», духовного взрыва и механического холода, неизбежности и исследования, людей и прогресса. Это был свет идеи, генерирующей энергию, идеи, углубленной силами либеральной традиции и романтизма молодого авангарда, который помог «выстрелить» современной архитектуре 20 века подобно апокалиптическому разряду нового оружия. И хотя сейчас этот свет уже горит не так ярко, но и по сей день определяет некоторые усилия по формированию понятий «структуры» и общества благосостояния. В то же время в свете этих традиций картина видится однобоко, необходимо расширение оптики, чтобы говорить о роли утопий в формировании концепций городского пространства.

Литература

1. Бёрк Эдмунд, Размышления о революции во Франции. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, 1993 г.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Наука, 2006 г.
3. Метафизические исследования. Выпуск XIII. Искусство. Алейтея, 2000
4. Ницше Ф. Сумерки богов. Издательство политической литературы, 1989 г.
5. Сен-Симон А. Избранные сочинения в 2х томах. Академия наук СССР, 1948 г.
6. Mumford L. The City in History. A Harvest Book Harcourt, Inc, 1989
7. Rowe C. Collage City. The MIT Press, 1984

Новые области социального знания

Кравченко А.И.

Постоянно возникающие новые направления, тематические области, методологические подходы, парадигмы и направления, в том числе киберсоциология, визуальная социология, системная социология и др., формируют новый теоретико-методологический и даже эпистемологический ландшафт современной социологии. автор предпринимает попытку проанализировать некоторые тренды формирования такого ландшафта.

Ключевые слова: виртуалистика, социоканбернетика, системная социология, электронная социальная наука, теория актор-сеть, тетрасоциология, теория институциональных ловушек, месосоциология.

New areas of social knowledge

Kravchenko A.I.

Constantly emerging trends, thematic areas, methodological approaches, paradigms and trends, including kibersotsiologiya, visual sociology, sociology of systemic, form a new theoretical and methodological and even epistemological landscape of modern sociology. the author attempts to analyze some trends formation of this landscape.

Key words: virtualistics, sociocybernetics, systemic sociology, e-social science, the theory of the actor-network tetrasociology theory of institutional traps, mesosociology.

В конце XX – начале XXI века социологию что называется «прорвало»: количество новых подходов, концепций, моделей, методов и парадигм появилось больше, чем в любой другой исторический период развития этой науки. А возможно, что и больше, чем за всю историю социологии. Какие из этих моделей и парадигм останутся в теоретическом корпусе науки и сохранят свое значение на многие годы, а какие концепции и подходы, словно подснежники, всего лишь на сезон, сегодня гадать трудно. На быстротечность научной мысли в целом и социологической в частности в свое время обращал внимание П.Сорокин: «За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается»¹.

Однако попытаться систематизировать их или дать аналитический обзор уже сейчас необходимо. Необходимо для того, чтобы лучше понять, в каком метатеоретическом окружении формируется новое направление – наносоциология, каково ее место в системе научного знания XXI века.

В начале XXI века возникли синергетика, антропный принцип, универсальный эволюционизм, виртуалистика, теория сложности. Синергетика изучает переходные процессы, пытается увидеть за ними законы самоорганизации². Виртуалистика исследует виртуально-информационную или шире - виртуальную реальность³. Теория сложности пытается сформулировать специфические особенности сложных человекомерных систем⁴. Концепция универсального эволюционизма представляет всю природу в виде единого процесса развития и ищет законы эволюции, общие для вселенной, биосферы,

социума и человека⁵. Аффективный, лингвистический, прагматический, семиотический и этический повороты расширили, обогатили подходы социологов к пониманию социального действия и взаимодействия. В России циркулируют идеи выделить из социологии самостоятельные отрасли научного знания - «прессологию», «изучение СМИ», «имиджологию», «связи с общественностью» (PR - «пиарология») и др.⁶

Как справедливо отмечает С.А.Кравченко, «чтобы адекватно анализировать «убегающий мир» (Э. Гидденс), пришлось не улучшать и подправлять существующий инструментарий, а создавать качественно иные парадигмы, основанные не на интеграции собственно социологических теорий, а на синтезе социологических подходов с другими науками. Так возникли повороты в социологии, предполагающие, строго говоря, *постдисциплинарные* подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культуральный (Дж. Александер). Некоторые ученые, среди которых Ж. Бодрийяр, Дж. Ритцер, стали полагать, что такие подходы так или иначе утверждают новые пост-модернистские науки социального типа⁷.

Рассмотрим некоторые новые направления, теории, отрасли и тенденции, появившиеся в мировой социологии в последнее время.

По мнению С.И.Григорьева⁸, системе научного знания нового времени наибольшим влиянием пользуются пять доминирующих научных картин мира и способов его познания: *схолостическая* (в мифологической картине мира общество трактуется как некий текст, подлежащий дешифровке); *механистическая*, в пределах которой природа и общество характеризуются как механизм, все детали которого выполняют строго предназначенные функции; *статистическая*, в соответствии с которой общество мыслится как уравнивающая различные силы и факторы динамическая модель; *системная*, где общество предстает как целостное единение различных элементов и частей, способных к изменению; *диатропическая* картина мира, в рамках которой реальность трактуется как ярмарка или сад, где возникающие флуктуации и координация усилий создают многомерный и полицентричный социум. На стыке двух после-

дних картин мира активно формируется синергетика, которая вполне аутентично представляет систему знаний, сложившихся или продолжающих складываться в постнеклассической науке, в том числе в социологии. Современное полипарадигмальное социологическое мышление – лучшее тому доказательство. Характерна в этом плане универсальная социологическая теория, развиваемая красноярским социологом В.Г. Немировским и его единомышленниками. Не утратили своего значения на современном этапе теоретико-методологические дихотомии социологический реализм и социологический номинализм, эволюционизм - функционализм, позитивизм – антипозитивизм.

Вызывает несомненный интерес методолого-эпистемологический поиск С.Г.Кирдиной (институциональные матрицы), Ж.Т.Тощенко (парадоксальный человек), С.А. Кравченко (играция, перформативные тенденции)⁹. По мысли Н.В.Романовского, указанные подходы коррелируют с тремя типами теоретизирования (Г. Йоас, С.-А. Саржоманд и И. Валлерштайн): объяснение, экзегетика или эвристика. При этом первый тип опирается на парсоновскую теорию действия, второй провозглашает механизм развития социологии ее реакцию на происходящие в мире перемены, третий ставит в центр социологии идею рациональности как базы отражения текущих событий¹⁰.

Ведущие западные социологические макро- или даже мегатеории, такие как структурно-функционалистская теория Т.Парсонса, играют роль идеологии государственно-национального объединения. Последняя служит прежде всего зеркалом США как наиболее могущественного государства¹¹. Не избежала этой участи и противоборствующая с ней советская марксистско-ленинская социология, также выполнявшая роль идеологического форпоста и витрины социально-экономических и политических достижений развитого социализма. Возможно, не удивительно, что, как полагают специалисты, идейное оправдание советского строя в 1960-70 гг. разворачивалось в том числе и по линии массовых заимствований советскими социологами (А. Ядов, Т.Заславская, Р. Рывкина, А. Здравомыслов и др.) теоретических моделей из британской и американской социологии, где господствовал структурно-функциональный анализ Т. Парсонса¹².

В последние годы все большую популярность получает *социология глобализации* (глобальная социология, социология глобальных обществ), представителями которой в нашей стране являются В.Е. Давидович, Г.Г. Дилигенский, В.И. Добренков, В.И.Пантин¹³, А. Дугин, С.А.Кравченко¹⁴, В.Л. Иноземцев, В.В. Колба-новский, В.Н. Коновалов¹⁵, Ю.А. Красин, Н.Н. Моисеев, А.И. Неклесса, Н.Е. Покровский, М.А. Чешков¹⁶, А.Н.Чумаков¹⁷, П.А. Цыганков, В.А. Ядов, Р.Г. Яновский и др. Глобальная социология означает поворот от национально-государственного образования в качестве объекта соотнесения любого социологического исследования и от европоцентризма к глобальному социальному космосу — независимо от национальных «привязок». В предметном поле у нее находится мир как совокупность структурированных социальных и культурных систем, а не как совокупность территорий, на которых живет модернизирующееся человечество, подчиняющееся единым универсальным социальным закономерностями вовлеченное в прогрессивное развитие. Специалисты в области глобальной социологии дискутируют по поводу планетарных, формационных, цивилизационных и системных кризисов¹⁸, глобальных рисков¹⁹. Некоторые теоретики, в частности Р. Робертсон, Д. Розенау, Д. Руги, определяют процесс формирования глобального общества как «сжатие мира», «преодоление границ», «расщепление территориальности», проявление «экстерриториальных сфер социальной жизни». Наиболее полно проблемы глобализации проработаны Э.Гидденсом²⁰, Р.Коген²¹, М.Кастельсом²², Ф.Ферраротти, А. Мартинелли²³, А. Кинг и Б.Шнайдер²⁴, П.Штомпкой²⁵, М. Вевёркой, М.Буравым²⁶, М.Маклюэн²⁷, А.Турен²⁸ и др. Лидером глобальной социологии считается И.Валлерштайн, один из создателей мир-системной теории²⁹.

Претендует на самостоятельное существование, по крайней мере в теоретико-методологическом и историческом статусе, социология угнетения Д.Смита³⁰. По его мнению, деколонизация и слабая политическая власть в сочетании с глобализацией создают чувство глубокого унижения, что ведет к циклам виктимизации, страхам и мести³¹. Предметным полем социологии угнетения выступает глобальное общество.

Визуальная социология — достаточно новое направление исследований, в котором ученые используют технику фотографирования для более глубокого раскрытия социальной реальности. Обыденность запечатленной обстановки, бытовые сцены, беседа друзей или сослуживцев, поведение футбольных фанатов и многое другое дают богатейший материал социологу, стремящемуся выяснить статусные распределения в группе, типы социального действия, субкультурный контекст поведения исполнителей ролей. Один из активных адептов нового направления — известный американский социолог Говард Беккер³². У истоков визуальной журналистики, по мнению Г. Беккера, стоит известный представитель Чикагской школы Роберт Парк, который работал в качестве журналиста в газетах Миннеаполиса, Денвера, Детройта, Чикаго и Нью-Йорка. Дуглас Харпер, один из ведущих специалистов в области визуальной социологии, так определил возможности фотографии как исследовательского метода: изучение социального взаимодействия, выражение эмоций, использование фотографий для сбора более глубокой информации в ходе интервью, исследование материальной культуры³³.

Киберсоциология — некоммерческая мультидисциплинарная отрасль знания, использующая технологии веб-дизайна и имеющая целью критический анализ проблем, связанных с интернетом, киберпространством, киберкультурой и жизнью интернет-сообщества. Другие названия данной отрасли — Интернет-социология, web-социология, виртуальная социология. Так, в Норвегии, в Университете Осло развивают *web-социологию*³⁴, в США, в Университете Бредли — *социологию киберпространства*³⁵; в Аргентине, в Университете Буэнос-Айреса — *гиперсоциологию*³⁶. Социология киберпространства представлена такими темами, как виртуальные сообщества, гипертекстовая революция, постмодернизм и киберпространство, физика и метафизика киберпространства, женщины в киберпространстве, секс и эротизм в киберпространстве, виртуальная субъективность и фрагментация личности, компьютеры и будущее частной жизни, киберкапитализм и др.³⁷ Киберпространство — пространство, создаваемое сетевыми коммуникациями Интернета. Термин «cyberspace», введенный в 1984 г. У. Гибсоном, после возникновения всемирной телеком-

муникационной Сети стал обозначать создаваемое ею пространство.

Сегодня это активно развивающаяся (главным образом за рубежом) дисциплина, в рамках которой функционируют международные симпозиумы и семинары, подготавливаются специалисты, созданы многочисленные учебные курсы, кафедры, исследовательские центры, издаются журналы, монографии, учебная литература. Международный электронный журнал (e-zine) «Cybersociology Magazine» служит для социальных ученых форумом для изучения киберпространства и виртуальных сообществ³⁸.

Социокибернетика – междисциплинарное направление знаний, основанное на применении методов кибернетики, общей теории систем и теории социальных систем к объяснению социальных процессов, существующих в Интернет-пространстве. Иногда ее отождествляют с киберсоциологией, иногда считают самостоятельным междисциплинарным направлением, опирающимся на ряд гуманитарных и социальных дисциплин: философию, социологию, психологию, политологию и др. Общую теоретическую платформу социокибернетики составляют системный подход и социологическая теория. Она также имеет основу в области организационного развития (OD) консультационной практике, в теориях коммуникации, теории психотерапии и компьютерных наук³⁹. Международная социологическая ассоциация имеет исследовательский комитет, специализирующийся в этой области – RC51 – который публикует (электронный) журнал «Социокибернетика».

Опора на общую теорию систем и системный подход придает социокибернетике более теоретический характер, чем у киберсоциологии, занимающейся преимущественно эмпирическими исследованиями виртуального пространства. Социокибернетика развивается в западной науке более 50 лет, пользуется широкой известностью, представлена сотнями научных работ⁴⁰. В рамках современной компьютерной социологии формируется анализ социальных сетей (SNA – Social network analysis) — новое направление, которое занимается описанием и анализом возникающих в ходе социального взаимодействия и коммуникации связей (сетей) различной плотности и интенсивности. Анализ социальных сетей тесно связан не только с компьютерной социологией, но также с киберсоциологией и социокибернетикой.

В социальной кибернетике существует понятие социокибернетической системы – динамической системы, в которой связь между элементами и параметрами, циркуляция информации, системы информации, обратная связь. Для описания и анализа социальной системы, как правила, социетального уровня, применяются специфически управленческая терминология, а именно управляющая система, управляемая система, организация, обратная связь, алгоритм, модель, оптимизация, сигнал и др. Применение аппарата кибернетики к изучению общества состоит в том, что оно рассматривается как сверхкрупная самоорганизующаяся система, где происходят вещественно-энергетические и информационно-управленческие процессы, информационное взаимодействие со средой. Мера организованности социальных структур определяется мерой организованности информации, соотношением между энтропией и негэнтропией⁴¹.

Системная социология: Social Computing. А.А.Давыдов⁴² предлагает развивать новую социологию, которую назвал системной социологией, поскольку она основана на современном системном подходе, в частности, фундаментальном принципе системности, согласно которому существует зависимость каждого элемента, части, свойства и отношения от его места и функций внутри социальной системы; каждый элемент и часть социальной системы являются системой, а исследуемая система является частью более общей системы; поведение социальной системы есть результат взаимодействия всех элементов, индивидуальных свойств элементов и уровней системы, влияния других социальных систем и окружающей среды, а также прошлого состояния системы и ожидаемого будущего. В социальной системе существует первичная неразделенность субъекта и объекта; количества и качества; материального и идеального; пространства и времени; целого, частей и элементов; прошлого, настоящего и будущего; структуры, функций и энергии. В другой работе А.А.Давыдов⁴³ предлагает рассматривать компьютерную (вычислительную, компьютерную) социологию (Computational sociology) в качестве особой области знания, относящейся одновременно и к социологии, и к Computer Science. Она, как полагает автор, дает возможность разрабатывать теорию, объединяющую

частные теории социальных систем. Автор убежден в том, что «любую социальную систему можно реализовать в компьютерной системе с помощью языка программирования на основе одной или нескольких имитационных моделей»⁴⁴.

В 1991 г. в РОС был создан научно-исследовательский комитет «Теория социальных систем». (рук. А.А.Давыдов). В связи с развитием новых научных направлений, разработок и полученными результатами, в 2008 г. комитет был переименован в комитет «Системная социология». Одним из разделов системной социологии выступает Social Computing - новая компьютерная парадигма междисциплинарных исследований, разработок и практических приложений. Она представляет собой систему взаимосвязанных правил переработки информации («вычислений»), которая включает в себя Utility Computing (полезные «вычисления»), Cultural Computing (культуральные «вычисления»), Cognitive Computing (когнитивные «вычисления»), Affective Computing (эмоциональные «вычисления»), Context Computing (контекстуальные «вычисления»), Parallel Computing (параллельные «вычисления») и иные «вычисления», которые осуществляют Artificial Social Intelligence agents⁴⁵.

В рамках системной социологии развивается *Social Robotics* (социальная робототехника) - принципиально новый исследовательский инструмент, который позволяет экспериментально проверять социологические теории, разрабатывать новые теории, ставить перспективные исследовательские задачи в области понимания социальной реальности. В рамках Social Robotics существует анализ мультимедийной информации в Интернете, новый интеллектуальный Интернет - сервис Twine, информационный дизайн в Visual Text Analytics, Collaborative Tagging Systems и др.

Информационные технологии в социологии.

Первой попыткой проведения контент-анализа при помощи компьютера следует считать исследования Томаса Себеока и его коллег⁴⁶. Среди пионеров называют General Inquirer⁴⁷ (создана в 1962 г. Ф.Стоуном) - компьютерная система для анализа содержания и поиска на основе предложений как единицы информации. Она постоянно совершенствовалась и сегодня она использует 182 семантических категории.

Для проведения семантического анализа крупных информационных массивов компания «Acetic» совместно с учеными университета Париж VIII разработала пакет прикладных программ «Tropes». Программное обеспечение позволяет одновременно анализировать десятки томов текста.

Применив новую компьютерную программу обработки и анализа данных data-driven inquiry, международная группа исследователей (под руководством британских специалистов из Бристольского университета) провела крупномасштабный контент-анализ многоязычных текстов с использованием искусственного интеллекта⁴⁸. Исследователи запустили в систему машинного перевода и текстового анализа 1,3 млн. статей на 22 языках, опубликованных в новостных СМИ 27 стран Европы – беспрецедентный по своим масштабам массив данных.

Социологи из Института социологии РАН (А.А.Давыдов, А.Н.Чураков) разработали МАКС-3.0 - компьютерную экспертно-диагностическую систему, предназначенную для анализа, диагностики, моделирования и прогнозирования строения и динамики социальных систем (данные опросов общественного мнения, электоральное поведение избирателей, поведение потребителей, города, страны мира, тексты и т.д.). В эту систему встроен блок ALEX для автоматического поиска закономерностей в данных. Система МАКС может быть интегрирована с пакетом Контент-Анализ Про (версия 1.6), предназначенным для анализа текстов: рекламы, прессы, листовок, речей, интервью, материалов групповой дискуссии и т.д. Программа TextAnalyst, 2.0, созданная в НИИЦ «МикроСистемы», выделяет из обрабатываемых текстов основные понятия, ранжирует их по значимости, устанавливает связи между ними и строит дерево терминов. Осуществлять навигацию по тексту при помощи дерева терминов.

Из последних зарубежных разработок для контент-анализа можно упомянуть JFreq (создает матрицы частот употребления слов в массиве), LEXIMANCER (мультязычное программное обеспечение, производящее контент-анализ больших объемов текста), ТЕХТРАСК (кодирует тексты на основе созданных пользователем словарей), WordStat (модуль анализа текста журнальных статьи, литературных произведений, интервью), MonoCops (производит поиск еди-

ниц текстового анализа, определяет корреляции между ними в массиве)⁴⁹.

Электронная социальная наука (e-Social Science) - область применения нового поколения распределенных цифровых технологий для исследования социологических проблем⁵⁰. Другое наименование: *электронная социология* - данные для исследований в области электронной социологии берутся из сетей и открытых баз данных⁵¹. С. Скотт и У. Вентерс определяют ее как «особый метод виртуализации исследовательских практик»⁵². Частица «е» в e-Social Science означает распространение традиционных понятий и теорий, разработанных в рамках социальных наук, на область цифровых технологий, Интернета, киберинфраструктуры, социальных сетей и т.д. Понятие e-Science ввел в научный обиход в 1999 г. Дж. Тейлор (UK e-Science architect). «Термин «*Электронная наука*» (e-science) более новый и в отличие от Computer science относится не ко всей сфере знаний об информационных и компьютерных технологиях вообще, а лишь к изучению влияния на науку со стороны электронных сетевых технологий, и к исследованиям виртуальных сред»⁵³. В Великобритании в Университете Уэльса в 2004 г. возник Национальный центр по электронной социальной науке (The National Centre for e-Social Science - NCeSS). Цель - создание высокотехнологичных проектов (в частности, Grid computing, Access Grid, Videoconferencing) по использованию Интернет-данных в социальных науках⁵⁴.

Сегодня все большее развитие приобретает новое междисциплинарное направление - *математическая история*. В ее основе лежат математическое моделирование исторических процессов, новые информационные технологии и теория самоорганизации (синергетика). Это направление дает новые возможности для количественного анализа социально-экономических систем, исторической реконструкции, стратегического прогноза, описания альтернативных исторических траекторий⁵⁵. С. Малков⁵⁶ предлагает математическую модель, описывающую не только гиперболический рост населения Земли, но и квадратично-гиперболический рост мирового ВВП. Его модель, предназначенная для исследования динамики информационных процессов в обществе, в частности для изучения процессов взаимодействия и конкурентной борьбы различных видов условной информа-

ции. На этой основе С. Малков построил модель демографического цикла в аграрном обществе, модель аграрного общества с преобладанием государственной собственности на землю, модель аграрного государства феодального типа.

Комплексный системный анализ, моделирование и прогнозирование мировой динамики берут свое начало с работ Римского клуба в 70-х гг. прошлого века. Анализ и моделирование глобальной динамики - современное научное направление, включающее в себя исследование экономических, технологических, демографических, экологических и иных измерений глобального развития⁵⁷. На такой методологической платформе оформилась *клиодинамика* - междисциплинарная область исследований, сфокусированная на математическом моделировании социально-исторических процессов. Ее цель - исследование исторических закономерностей на основе анализа долговременных социальных процессов, в том числе разработка математических моделей «вековых» социально-демографических циклов и математическое моделирование долгосрочного развития мир-системы. Значительный вклад в развитие клиодинамики внесли Л. И. Бородин, Джек Голдстоун, П. В. Турчин, Г. Г. Малинецкий, С. П. Капица, Ю. Н. Павловский, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, С. А. Нефёдов, А. В. Подлазов, Хайнц фон Фёрстер, С. В. Цирель и др.

В 1980-90-е годы в рамках французского пост-структурализма начала формироваться - благодаря усилиям Бруно Латура (1992) и Мишеля Каллона (1991) - так называемая *теория актор-сеть* (Actor-Network Theory, ANT). Основу актор-сетевой теории составляет концепция гетерогенной сети, которая включает как социальные, так и технические элементы. Они образуют единое, хотя и разнородное, целое. Социальный порядок устанавливается в результате равной работы акторов сети. Под акторами понимают существа, выполняющие действия, которые влияют на других существ или другие объекты. Индивиды, малые группы, компьютерные вирусы, телефонные сети, банковские системы или рабочие станции в ней учитываются на равных основаниях. Общество не существует, доказывает в своих работах Б. Латур. Существуют только акторы. Их игра и взаимодействие создают структуру общества.

С теорией актор-сеть тесно связана сетевая теория, или реляционная социология (Relational Sociology), ведущим представителем которой считается Мустафа Эмирбайер, автор опубликованного в 1997 г. «Манифеста реляционной социологии»⁵⁸. Реляционная социология считает сети культурно конструируемыми процессами и стремится формализовать их, проводя алгебраические процедуры с данными дискурсивных интеракций⁵⁹.

Во Франции сегодня активно развиваются такие дисциплины и направления⁶⁰, как экономическая социология, исследования социальных сетей, публичной политики и науки, девиантности, различных форм нетолерантности и виктимации (превращение индивида в жертву), образования (особенно - насилия в школе, социальной и этнической сегрегации), искусства и культуры (в частности, профессий и публики), стратификации и неравенства (прежде всего в поколенческом разрезе), семьи (в частности, супружества и родства), сферы познания (через сближение с когнитивными науками), аргументации и публичной дискуссии, морального оправдания.

Новое и плодотворно развивающееся в современной западной социологии направление – теория рационального выбора Р. Будона и Дж. Коулмена⁶¹. К сторонникам теории рационального выбора относят Х.Эссера⁶². Дж. Ритцер замечает, что число сторонников этой теории в социологии возрастает, однако увеличивается и противодействие ей социологов, придерживающихся иных теоретических подходов⁶³.

Одним из модных направлений на Западе становится культуральная социология, в центре которой находится культурная составляющая бинарной реальности. В ней находит более широкое отражение значимость человеческих ценностей, верований, идей, опыта. «Эта теория в последнее время применяется в специальных дисциплинах - индустриальной социологии, социологии права, образования и т.д. Ее растущая роль выражена в анализе значения культурных аспектов повседневной жизни, поведения и сознания индивидов, что прежде заслонялось факторами экономическими, материальными, структурными»⁶⁴.

Канадский социолог Ив.Жангра предлагает социологическую модель научной практики, т.е.

рефлексивную микродинамику исследовательской деятельности, которая использует, в том числе, язык «акторов-сетей» и «гетерогенной инженерии»⁶⁵.

По мнению В.П.Култыгина⁶⁶, методолого-эпистемологический горизонт современной социологии чрезвычайно широкий: *микросоциология* (межличностные отношения и малые группы), *мезосоциология* (теории среднего уровня), *макросоциология* (массовые социальные процессы), *социетальная социология* (процессы за пределами национальных границ), *универсальные социологические теории* (все объясняющая картина социальных процессов); область исследования (теории социальных институтов, сфер социальной деятельности, сфокусированные на определенном круге объектов); уровень методолого-методического осмысления реальности, подразумевающий сравнительно новые социологические процедуры (социальные мониторинги, поллы, социальный консалтинг, социальное моделирование и др.); содержание социологических теорий (концепции, которые сформировались на базе позитивистской и неопозитивистской методологии, концепции, связанные с феноменологической методологией - этнометодология, постмодернизм, социальное конструирование реальности, - и такие прикладные области как теория рационального выбора, сетевой подход и др. И.П. Яковлев⁶⁷ обращает внимание на некоторые фундаментальные подходы, использование и развитие которых может сыграть роль «точек роста». Речь идет о синергическом, диалектическом, системном, циклическом, спектральном и других подходах.

Социологический витализм, получивший развитие в постнеклассическую эпоху, включает целый ряд среднеуровневых и отраслевых, специальных теорий социологического витализма: виталистской социологии образования, виталистской социологии молодежи, социологии социальных девиаций жизненных сил человека, виталистской социологии социальной работы, гендерной социологии, виталистской социологии регионального и муниципального развития и др.

⁶⁸ В основу виталистской социологии положен антропоцентрический подход, отражающий возрастающую ценность человека и его деятельности. Общество рассматривается не как жесткий каркас, структурирующий вокруг себя множество текущих событий, а как «текущее» изменчивое

образование, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов⁶⁹.

На основе методологии и теории социологического витализма в последние 2-3 десятилетия идет активная разработка новых социальных технологий и социоинженерных практик, разрабатываются и используются новые методы исследований, а также образовательной просветительской деятельности. Ключевой задачей их создания и применения становится культуроцентричность и социальная эффективность, а также природосообразность социальной культуры, ориентация на ноосферную философию.

В связи с этим в числе нетрадиционных социологических концепций, по мнению С.И. Григорьева⁷⁰, следует назвать социозкологию, социологическую концепцию жизненных сил человека, универсальную социологическую теорию. Универсальную социологическую теорию развивает красноярский социолог В.Г. Немировский и его единомышленники.

К господствующим в мировой науке тенденциям относится концептуализация *социетального развития*, где «случайность рассматривается как «организующая случайность» (Э. Морен), «максимальная сложность» (А. Колмогоров), подчеркивается, что общество становится обществом риска (У. Бек), «ускользающим обществом» (Э. Гидденс). Приобретают зримые очертания социальные угрозы: опасность столкновения цивилизаций, терроризм, запредельная социальная поляризация, невежество во власти, дрейф ценностей, «невозможность полностью контролировать социальные процессы» (И. Пригожин). Ключевой проблемой будущего, как показывает нынешняя практика и прогнозы науки, станет поиск эффективных способов противостояния социоприродным, технологическим (техногенным) и собственно социальным рискам. Эмерджентные нанотехнологии, поражающие воображение, сопровождающиеся «междисциплинарной самоорганизацией», выступают как «интегратор старого и нового знания», «цивилизационный вызов»⁷¹.

Перспективное направление современной социологической теории, основанное на *активистском подходе*, развивают Дж. Александер (неофункционализм), М. Арчер, П. Штомпка (социология социальных изменений).

Некоторые направления социологической мысли сегодня можно было бы отнести к *ренессансно-консервативным*.

Речь, к примеру, идет о неофункционализме – единственно новом теоретическом направлении, как считают Д. Александер и П. Коломи⁷², возникшем в западной социологии в 1980-е гг. Его принципиальное отличие от традиционного функционализма Т. Парсонса состоит в том, что в исследованиях структурной дифференциации неофункционализм подходит к проблеме социальных изменений комплексно, дополнив их функциональный анализ политической социологией, а также социологией культуры, массовых коммуникаций, феминизма, профессий, экономики. М. Орру пришел к выводу, что возрождение парсоновского учения – одна из характернейших черт социологии 1980-х годов.

Тетрасоциология – социология четырех измерений – представляет собой эпистемологический принцип социального конструирования современной реальности⁷³. В концептуально-методологическом плане она исходит из признания четырех координат социального пространства-времени: статистика, динамика, структуратика, генетика. Речь идет о социологическом конструировании одной из возможных теорий сетевого общества, придании более точных и операционных значений категориальным предпосылкам его анализа. Согласно представителям этого направления, сетевое общество существенно трансформирует жизненные практики человека, а вместе с ними критерии верификации и рациональности/научности теорий.

Граф-теории сегодня используются в *анализе социальных сетей* (social, network, analysis). Это направление активно развивается прежде всего в зарубежной социологии, которая традиционно на порядок выше российской в области математического оснащения. Здесь накоплен богатый математический аппарат, позволяющий строить весьма сложные модели социальных взаимодействий. Сеть социальных взаимодействий состоит из совокупности социальных акторов и набора связей между ними. В качестве социальных акторов могут выступать индивиды, социальные группы, организации, города, страны. Под связями понимаются не только коммуникационные взаимодействия между акторами, но и связи по обмену различными ресурсами и деятельностью, включая конфликтные отношения. Сформировавшаяся сеть взаимодействий может быть проанализирована

на с помощью различных стратегий, в том числе методами теории графов, теории информации, математической статистики⁷⁴. Анализ социальных сетей используется для исследования и моделирования информационных потоков в сетях, прогнозирования путей развития социальных ситуаций, объяснения специфики исполнения социальных ролей (в том числе и в гендерных исследованиях), анализа процессов социального обмена, изучения структуры социальных организаций и взаимодействий между ними, решения задач социометрии, экономической социологии, социологии массовых коммуникаций и Интернета, истории, политики и международных отношений.

Экоантропоцентрическая модель социального познания Т.М.Дридзе⁷⁵ использует идеи провозвестников современного антропокосмизма В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена; основоположников современной кибернетики - Н. Винера и социальной семиотики - Ч. Морриса; создателя единой теории фундаментального поля, основанной на новой парадигме для жизнеспособных и развивающихся систем, - физика И.Л. Герловина; футуролога и социолога А. Тоффлера, философа и социолога К. Мегрелидзе и историографа науки Т. Куна; психофизиолога И.М. Сеченова, биозолога Э. Геккеля, этолога К. Лоренца и культурантропологов Ф. Боаса, Э. Холла и Дж. Трейджера; психологов Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Ч. Осгуда, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейна и выдающегося «метафизика психологии» А. Бергсона; лингвистов - А.А. Потебни, Ф. Соссюра, Э. Косериу, Э. Бенвениста, испанского философа-экзистенциалиста Ортеги-и-Гассета, а также ряда других, в том числе и современных, ученых, приверженных идее интегративного восприятия мира. При этом Т.М.Дридзе исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно, происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания. Исследователь акцентирует свое внимание «не столько на человеке и/или среде в их общности, сколько на тех обменных (метаболических) процессах, которые происходят между ними». Прекращающийся человеко-средовой метаболизм выступает в качестве первоосновы самоорганизации, равно как и вос-

производства социальности как таковой. «Осваивая среду, делая ее своей, человек привносит в нее себя, т.е. состояние и направленность своего сознания, свое жизненное кредо»⁷⁶. Методологической платформой экоантропоцентрической социологии служит комплекс наук о способах самоорганизации и воспроизводства вещества, а также форм социальности.

К новым направлениям постмодерной социологии можно отнести теорию инаковости. *Теория инаковости* (Queer Theory - Квир-теория) – рационализация диалога между людьми различной гендерной (в частности, трансгендерной) идентичности по поводу социальной организации, в том числе (или по преимуществу) рационализация диалога между такими социальными группами людей с психофизическими особенностями, как лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, андрогины и квиры⁷⁷. Ее основной принцип – познавать и описывать «иное» так, чтобы не нарушить культурных границ субъектности. К теоретикам инаковости относят М. Бубера, М. Бахтина, Э. Левинаса, Ж. Дерриду, П. Рикера, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара и др. Внимание М.Фуко всегда привлекали слабые и угнетаемые, социальные изгои – безумец, пациент, преступник, извращенец, – которые систематически подвергались исключению из общества. Он признавался: «Восемнадцать лет своей жизни я прожил в состоянии страстного влечения к одному человеку».

Теория номадологии Ж.Делеза и Ф.Гваттари имеет непосредственное отношение к осмыслению современной культурной динамики и межкультурной коммуникации. Одно из главных понятий новой номадологии (своего рода социального скитальчества) – детерриториальность, т.е. разрушение жестких границ и пространств, переход к постоянной мобильности. Человечество разбивается на микрогруппы и «племена», между которыми, благодаря информационным технологиям, может устанавливаться связь в самое неожиданное время и в самом неожиданном месте, т.е. здесь-и-теперь. Микрогруппы и малые племена связаны между собой сетью социоэкономических и биокультурных отношений, напоминающих модель социального поля П.Бурдьё или современную концепцию социальных сетей.

Отрицательно относясь к присущей современному обществу детерриториализации, они

призывают к возврату в сферу частной жизни, к религиозно-духовной проблематике, к тем или иным формам религиозности. Термин «ризома»⁷⁸, введенный в философию и социологию в 1976 г. Делезом и Гваттари в их совместной работе «Rhizome»⁷⁹, фиксирует принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования. Таким образом, можно утверждать, что ризоморфные среды обладают имманентным креативным потенциалом самоорганизации, и в этом отношении могут быть оценены не как кибернетические (подчиненные командам «центра»), но как синергетические⁸⁰. Позиция Ж.Делеза и Ф.Гваттари как нельзя лучше соответствует современному мировоззрению, на котором строится квантовая механика, космология, синергетика и теория сложных систем.

В последние десять лет пристальное внимание экономистов и ученых, занимающихся изучением экономических процессов в странах с переходной экономикой, привлекает *теория институциональных ловушек*⁸¹. Согласно одному из ведущих теоретиков институционального подхода Д.Норту⁸², «институциональная ловушка» (institutional trap, lock-in effect) означает, что однажды принятое решение трудно отменить. В терминах неинституциональной теории «институциональная ловушка – это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер»⁸³. Ее устойчивость означает, что если в системе превалировала неэффективная норма, то после сильного возмущения система может попасть в «институциональную ловушку», и тогда уже останется в ней даже при снятии внешнего воздействия⁸⁴. Среди примеров институциональных ловушек можно назвать несогласование ряда интересов различных групп экономических агентов; несогласование краткосрочных и долгосрочных интересов; отрицание роли социальной политики без учета общесистемной связи между всеми сферами общества; копирование западных мер макроэкономической политики без учета национального опыта, постановка и одновременно достижение несовместимых целей (например, сдерживание инфляции и лоббирование интересов крупных корпо-

раций по поддержанию высокого курса доллара). К институциональным ловушкам относятся бартер, неплатежи, коррупция, избежание налогов и т.д.

В стадии становления у нас находится Экстремальная социология как направление мысли и практики⁸⁵. В сентябре 2005 г. в г. Надым (Ямало-Ненецкий АО) в рамках очередной 10-й встречи Ассоциации региональных социологических центров «Группа «7/89» был проведен Круглый стол – семинар «Экстремальная социология: вызов времени». Семинар имел две основные цели: 1) Обсуждение сравнительно нового понятия и нового направления – экстремальной социологии как практики проведения социологических исследований с физическим и материальным риском для исследователя, 2) Обсуждение имеющегося опыта, методологических подходов и конкретных методик проведения экстремальных социологических исследований.

Месосоциология (Mesosociology) занимается анализом таких понятий, как стратификация по доходу, возрасту, гендеру, расе, национальности, организации (функционально ограниченными социальными структурами) и общине (географически ограниченная социальная структура). Месосоциология расположена между анализом крупномасштабных макро-сил, таких как экономика или человеческое общество (которое является областью макросоциологии) и повседневным взаимодействием людей в малых масштабах (область микросоциологии). Организации – средний уровень всей структуры социального контроля. Первым типом организаций являются тотальные институты – тюрьмы и психиатрические больницы. Другой тип среднего уровня организации – структуры реинтеграции. Они реабилитируют тех, кто не соответствует нормам. К ним относятся реабилитационные центры для наркоманов и алкоголиков. Последний тип организации – организации как отдушины. Они обеспечивают выход сдерживаемой энергии и поведения, которое считается девиантными, но их нельзя искоренить из общества, в том числе проституцию. Общины и поселения также являются инструментами социального контроля. Вещи, которые находятся под контролем местных органов власти, часто являются наиболее видимыми признаками социального контроля в обществе, такими как полиция и организация соседств⁸⁶.

Формальная институционалистика – новая социальная метадисциплина, изучающая абстрактные ядерные социальные институты. Ядерный институт трактуется как инвариант преходящих институтов и как социокультурный образец. Ядерные институты – идеальные объекты, связанные друг с другом отношениями примыкания, симметрии и свертки – развертки. Отношения ядерных институтов и символических слов являются частным случаем изоморфизма общественного устройства и описывающего его языка. Изучение закономерностей устройства общества посредством изучения закономерностей описывающего его языка является предметом перспективной научной дисциплины лингвосоциологии. Формальная институционалистика может сформировать институционалистику как самостоятельную дисциплину со своими собственными методами⁸⁷.

Биоэтика – учение о нравственной стороне деятельности человека в медицине и биологии; междисциплинарная область знаний и практики, появившаяся вместе с возникновением новых возможностей науки и медицины. Основная задача – обосновать возможность этического контроля в биомедицинском воздействии на человека. В научный обиход это понятие ввел американский биолог-биохимик В. Р. Поттер. Он характеризовал биоэтику как «соединение биологического знания и человеческих ценностей»; как «науку о выживании»; как «научный гуманизм и новую культуру»; как новую этику, способную противостоять тому вызову, который бросили человечеству научно-технические достижения⁸⁸.

Ноэтика (греч. νοητικός, νοῦς – интеллект; νοεῖν – мыслить) – междисциплинарная область знания, основанная на интегральном подходе к изучению эволюции человеческого сознания и сферы внутреннего (субъективного) опыта; учение о мышлении, теория познания; наука о других измерениях разума, о сверхразуме. Она основана на возрастающей потребности людей в более глубоком понимании нашей духовной природы, глубинных ценностей и особенностей возможного гуманного общества. Ноэтика синтезирует древнее знание о человеке с достижениями современной науки, включая нейропсихологию, квантовую физику, когнитивную лингвистику, антропологию, молекулярную биологию, эволюционную психологию. В Калифорнии (США) астронавтом Эдгаром

Митчелом в 1973 г. создан Институт ноэтических наук (Institute of Noetic Sciences, IONS) – исследовательская организация, занимающаяся изучением сверх-возможностей мозга⁸⁹. Институт издает ежеквартальный журнал Shift: At the Frontiers of Consciousness. Совместно с New Harbinger Publications издается серия книг «Noetic Books»⁹⁰.

Системная психология – это ветвь общей психологии, интегрированная, с одной стороны, с теорией систем и системным подходом, а потому опирающаяся на теоретические работы Р. Баркера, Г. Бейтсона и Г. Матурана, а с другой – с инженерной психологией. Ее цель – изучение поведения индивидов и социальных групп в условиях сложных общественных систем, находящихся в состоянии гомеостаза или в состоянии нарушения равновесия (дисбаланса). Предполагается, что сложные социальные системы – это всегда или по преимуществу открытые системы, находящиеся в активном диалоге и взаимодействии с окружающей средой, вырабатывающие эффективные адаптивные механизмы, позволяющие сохранить эквивалентный обмен и баланс, а также устойчивость через динамические отношения между составляющими их компонентами, в частности, механизмами мотивационного, эмоционального, познавательного и группового поведения.

Ссылки:

- 1 Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000. с.471.
- 2 Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М., 2007.
- 3 Грязнова Е.В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек - Универсум». Нижний Новгород, 2006. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007.
- 4 Леонов А.М. Наука о сложности в эпоху постмодерна. Якутск, 2004.
- 5 Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М.. 2007.
- 6 Романовский Н. В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования, № 12, Декабрь 2009, с. 29.

7 Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. 2012. № 5. С. 19.

8 Григорьев С.И. Смена научных картин мира и социология // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 13-22.

9 Кулыгин В.П. Тенденции в европейской социологической теории начала XXI века // Социол. исслед. 2001. № 8.

10 Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2002; Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социол. исслед. 2004. № 8.

11 Григорьев С.И. Смена научных картин мира и социология // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 18.

12 Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Ред. Г.С. Батыгин. – СПб., 1999, с. 19-42, 64-82, 156-175; Григорьев С.И. Смена научных картин мира и социология // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 18.

13 Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза // Полис. 2012. № 6. С. 27–40.

14 Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007. С. 8–13; Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5.

15 Коновалов В.Н. Общество глобальное // Глобалистика: Энциклопедия / В.Н. Коновалов. Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 718. См. об этом также: Глобальное общество в конце XX столетия // Международные отношения: глобальные подходы. М., 1998.

16 Чешков М.А. Глобальное видение и новая наука. М., 1998.; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцельности. М., 1999.

17 Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М., 1994; Чумаков А.Н. Глобальные проблемы современности // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003; Чумаков, А.Н. Классификация глобальных проблем // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003.

18 Колбановский В.В. Гражданственность и глобальная социология // Социологические исследования, 2010, № 3, с. 112-121.

19 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Бек У. Живя в мировом сообществе и считаясь с ним. Космополитический поворот // Полис. 2012. № 5; Устьянцев В.Б. Жизненное пространство личности в обществе риска // Вестник Российского философского общества. 2002. - № 4. - С. 32-41.

20 См., например: Giddens A. The consequences of modernity. – Stanford (Cal.), 1990; Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005.

21 Cohen R., Kennedy P. Global Sociology. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

22 Кастельс М. Информационная эпоха; экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

23 Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление. (Доклад XV Конгрессу Международной социологической ассоциации, Брисбен, 2002) // Социологические исследования. 2003. № 1.

24 Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.

25 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

26 Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10-11. С. 154-176; Буравой М. Общественная роль социологии. М.: Вариант, 2008; Буравой М. Столкновение с вызовами глобальной социологии. Электронный ресурс: www.peacefromharmony.org; Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? // Социологические исследования, 2009. №4. С. 14-20; Буравой М. Отвечая на вызовы глобальной социологии – от Гётеборга до Иокогамы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 187-193.

27 Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.

28 Турен А. Критика модерна. СПб.: Питер, 2010.

29 Труды: The Modern World-System. Vol. I – III. Academic Press, 1974–1989; The Capitalist World-Economy. Cambridge University Press, 1979; Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Русский исторический журнал. 1998. Т.1. № 4; Анализ мировых систем: современное системное виде-

ние мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: основные направления исследования. М., 1999; Мирово-системный анализ. Социология и история // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000; Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общ. ред. Б.Ю.Кагарлицкого. СПб., 2001; Конец знакомого мира. М., 2004.

30 Смит Д. Мировой вызов: каким образом мы сможем достичь мира без унижения? (Доклад, представленный на Европейской конференции по социальной Теории Европейской Социологической Ассоциации, Москва, 24-26 сентября, 2002 год)

31 Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? // Социологические исследования, 2009. №4. С. 16.

32 Becker Howard S. Visual Sociology, Documentary Photography, and Photojournalism: It's (Almost) All a Matter of Context // Visual Sociology 10 (1-2), 5-14.

33 Harper D. Visual Sociology: Expanding Sociological Vision // The American Sociologist, 1988. 19 (1), 54-70.

34 Сайт: <http://www.uio.no/iroggen>

35 Сайт: <http://lydia.bradley.edu/las/soc/syl/> 391

36 Сайт: <http://www.anice.net.ar/infoysoc>

37 Соколова И.В. Структура и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории // Информационное общество, 1999, вып. 5, С. 30-33.

38 Подробнее см.: Добренёв В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 1. Теория и методология – М.: ИНФРА-М, 2003, с.406-411.

39 Термин «социо» в социкибернетике относится к любой социальной системе (как это было заявлено, в частности, Т. Парсонсом и Никласом Луманом).

40 Hornung Bernd R. EMERGENCE - A Key Concept for Sociocybernetic Theory of Information Society. Paper presented at the 15th World Congress of Sociology, Brisbane, July 8-13, 2002, RC51 on Sociocybernetics, Session 13, Unpublished Typescript, 2002; Хорнунг Б., Скотт Б. Тетрасоциология и социкибернетика: к сравнению ключевых

понятий // <http://www.peacefromharmony.org>

41 Подробнее см.: Агапов П.В. Динамика подходов в исследовании социальных систем: опыт теоретического осмысления // Социология, 2014. № 2.

42 Давыдов А.А. Системный подход в социологии: законы социальных систем. М., 2004; Давыдов А.А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. М., 2005; Давыдов А.А. Системная социология. Новая социология, основанная на общей теории систем, методах системного анализа, системного моделирования и системного управления. М., 2006; Давыдов А.А. Конкурентные преимущества системной социологии. М.: ИСАН, 2008. (Электронное издание); Давыдов А.А. Системная социология: Введение в анализ динамики социума. М., 2010.

43 Давыдов А.А. Компьютационная теория социальных систем // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 14-24.

44 Давыдов А.А. Компьютационная теория социальных систем // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 16.

45 Liu H., Salerno J., Young M. Social Computing and Behavioral Modeling. Berlin.: Springer, 2009; Давыдов А.А. Компьютерные технологии для социологии (обзор зарубежного опыта) // Социол. исслед. 2005, № 1, С. 131-138; Давыдов А.А. Конкурентные преимущества системной социологии. (Электронное издание). М.: ИС РАН, 2008; Давыдов А.А. О компьютерной теории социальных агентов // Социол. исслед. 2006, № 2, С. 19-28; Давыдов А.А. Системная социология: Social Computing. М.: ИС РАН, 2009.

46 Sebeok Thomas A., Raun, A. The first Cheremis grammar. Chicago, 1956; Sebeok T. A., Zeps V. J. An analysis of structured content, with application of electronic computer research in psycholinguistics // Language and Speech, (1958). 1, 181-193; Sebeok T. A. «Computer Research in Psycholinguistics: A Progress Report», prepared for presentation at the National Symposium on Machine Translation, Los Angeles, Cal. Feb 1960; Sebeok T. A. Notes on the Digital Calculator as a Tool for Analyzing Literary Information // Poetics, Literary Research Institute, Polish Academy of Sciences, Warsaw, 1961; Sebeok T. A. Zeps V. J. // An Analysis of Structured Content, with Application

- of Electronic Computer Research in Psycholinguistics // *Language and Speech* 1, 181-193 (1958); Sebeok T. A., Zeps V. J. A Concordance and Thesaurus of Cheremis Poetic Language // *Janua Linguarum, Series Major* 8, Mouton and Co., The Hague, 1961; Sebeok T. A., Zeps V. J. Computer research in psycholinguistics: Toward an analysis of poetic language // *Behavioral Science*, (1961). 6, 365-369; Sebeok Th. A. Toward a Statistical Contingency Method in Folklore Research // «*Studies in Folklore. Indiana University Publications*», Folklore Series, № 9, Bloomington, 1957, с. 130–140; Sebeok Th. A., Ingemann F. J. Structural and Content Analysis in Folklore Research (Studies in Cheremis: the Supernatural) // *Viking Fund Publications in Anthropology*, № 22, New York, 1956, с. 261–268.
- 47 General Inquirer (Internet version) (<http://www.wjh.harvard.edu/~inquirer/>)
- 48 Flaounas I., Turchi M., Ali O., Fyson N., De Bie T., et al. (2010) The Structure of the EU Mediasphere // *PLoS ONE* 5(12).
- 49 Подробнее см.: Рюмин А. Обзор программного обеспечения для контент-анализа // <http://content-analysis.ru/?p=249>
- 50 Журавлева Е. Ю. Развитие исследований в области электронной социальной науки // *Социс*, 2012. №7, с.100.
- 51 Dutton W. H., Jeffreys P. W., Goldin I. *World wide research: reshaping the sciences and humanities*. MIT Press, 2010.
- 52 Scott S. V., Venters W. The Practice of e-Science and e-Social Science: Method, December, Theory and Matter // *London School of Economics Working Paper Series* 151, London: 2006.
- 53 Журавлева Е. Ю. Развитие исследований в области электронной социальной науки // *Социс*, 2012. №7, с.100.
- 54 Журавлева Е. Ю. *Internet-research: сущность, структура и методы*. Вологда: Легия, 2009.
- 55 Проблемы математической истории. Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. М., 2009.
- 56 Малков С. *История и синергетика. Математические модели социальной, экономической и культурной динамики*. М., 2010.
- 57 *История и Математика. Альманах*, 2010. Анализ и моделирование глобальной динамики / Под ред. А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина. – М., 2010.
- 58 Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // *American J. of Sociology*. 1997. Vol. 103. No 2. P. 281-317.
- 59 Дополнительно см.: Donati P. *Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences (Ontological Explorations)*. Routledge, 2012; *Conceptualizing Relational Sociology: Ontological and Theoretical Issues / Ed. by Powell C., Dйрpelteau F.* - Palgrave Macmillan, 2013.
- 60 Подробнее см.: Кюзэн Ш.-А. В каком состоянии находится социология? // *Социологические исследования*. 2006. № 8. С. 13-19.
- 61 См.: Кюзэн Ш.-А. В каком состоянии находится социология? // *Социологические исследования*. 2006. № 8. С. 13-19.
- 62 Esser H. *Soziologie*. Frankfurt a.M.-NY. Campus, 1993-2001, 7 Bde.
- 63 Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. 5-е изд. М-СПб. и др. 2002, с. 356.
- 64 Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // *Социологические исследования*. 2007. № 1. С.27.
- 65 Жангра Ив. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 5. С. 75-98.
- 66 Култыгин В.П. Теоретическая социология за рубежом накануне конгресса // *Социологические исследования*. 2005. № 9. С. 10-13.
- 67 Яковлев И.П. О «точках роста» в социологии // *Социологические исследования*. 1999. № 1. С. 14-20.
- 68 Дыльнов Г.В., Климов В.А. Об основном понятии «социологии жизни» // *Социологические исследования*. 2003. № 4. С. 12-19.
- 69 Дыльнов Г.В., Климов В.А. Об основном понятии «социологии жизни» // *Социологические исследования*. 2003. № 4. С. 12-19.
- 70 Григорьев С.И. Смена научных картин мира и социология // *Социологические исследования*. 2000. № 9. С. 16.
- 71 Карпичев В.С. Идея неравновесности - возможности для социологии // *Социологические исследования*. 2008. № 10. С. 24.
- 72 Александер Д., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 112-120.
- 73 Семашко Л.Н. Тетрасоциология – социология четырех измерений. К постановке проблемы // *Социологические исследования*. 2001.

№ 9. С. 20-28.

74 См.: Чураков А.Н. Анализ социальных сетей // Социол. исслед., 2001, № 1. С. 109–121.

75 Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20-28.

76 Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 22.

77 В литературоведении, откуда и заимствован этот термин, квилр, как литературный образ, преподносится в маскарадной, шутовской смене специфических гендерных ролей, своеобразных социально-половых масок.

78 Ризома (фр. rhizome – корневище, луковица) – специфическая форма корневища, не обладающая четко выраженным центральным подземным стеблем.

79 Delez J., Gvattari F. Rhizome. P., 1976.

80 Подробнее см.: Грицанов А. А., Абушенко В.Л. Ризома //История философии. Энциклопедия. Минск, 2002, с.883-887; Можейко М.Л. Ризома // Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. Электронный ресурс: <http://ariom.ru/wiki/Rizoma>

81 Подробнее см.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1998; Балацкий Е. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм // Общество и экономика. - № 10. – 2001; Сухарев

О.С. Институциональная теория и экономическая политика (К новой теории передаточного механизма в макроэкономике) / Кн. 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. – М., 2001.

82 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М, 1997.

83 Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1998.

84 Бренделева Е.А. QWERTY-Эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории транзакционных издержек // <http://ecsocman.hse.ru/text/16213316/>

85 «Экстремальная социология». Беседа с С.П. Хайкиным // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 1(69). С. 46-49.

86 Подробнее см.: Turner Jonathan H. Sociology. N.J., 2006.

87 Найшуль В., Чебанов С. Социальная метадисциплина – формальная институционалистика // <http://www.russ.ru/pole/Social-naya-metadisciplina-formal-naya-institucionalistika>

88 Мейдер В. Нанотехнологии как новая реальность (Часть 1) // Здравый смысл. Июль – сентябрь 2011 № 3 (60).

89 Сайт Института: <http://noetic.org/>

90 Источники: Ключников С. Ноэтическая психология саморазвития // [<http://library.kitegrad.ru/>]; Евдокимов П. Ноэтика [<http://forum.mag-ingwar.com/>]; Ноэтика - сверхразум, наука о других измерениях разума [<http://neuropro.livejournal.com/>]; Философский словарь [<http://enc-dic.com/philosophy/>].

Социальные и гуманитарные науки: единство, общая специфика

Макарихина О.А.

В статье рассматривается проблема социально-гуманитарного знания. Постулируется тесная связь и общие особенности социальных и гуманитарных наук, предлагается перечень их отличий от наук естественных и технических. Выделяются семиотические особенности социально-гуманитарного познания.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, методология познания, семиотика.

Social sciences and humanities: unity, shared specifics. Makarikhina O.A.

The problems of socio-humanitarian knowledge are considered in the article.

The close relationship and common features of social and humanitarian sciences are postulated. The list of their differences from the natural and technical sciences is offered. Semiotic features of social and humanitarian cognition are highlighted.

Key words: social and humanitarian sciences, semiotics, methodology of knowledge.

В настоящее время наблюдается все возрастающий интерес к проблематике социально-гуманитарного знания. Это явление связано со многими причинами теоретического, философского и социального характера. Современная наука на переднем крае своего поиска исследует уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве главного компонента включен сам человек. С одной стороны, естественные и технические науки выявили негативные стороны своего развития – «антисциентизм» («антитехницизм»). С другой стороны, результаты социально-гуманитарного знания во все большей мере оказывают воздействие на цивилизационный процесс. Необходимость гуманитаризации науки, уже наблюдающийся рост статуса наук социально-гуманитарного цикла отмечаются в философии науки как важнейшие особенности современной научной парадигмы.

В соответствии с этими тенденциями меняется отношение к этой области знания и в сфере образования. В современной философии образования выделяют целый ряд преимуществ, которые обеспечиваются в результате усиления гуманитарной подготовки специалистов любого профиля. Среди них особенно важны приобретение к богатствам мировой и отечественной культуры, установление взаимопонимания и согласия между народами, повышение жизнестойкости личности [3, с. 10-11].

Термин «социально-гуманитарные науки» употребляется большинством ученых именно без разделения их на социальные и гуманитарные, хотя такая позиция не является общепринятой.

В классификации частных наук важным для данной работы является деление их по изучаемому объекту на естественные, технические и общественные. Специфика общественных наук активно обсуждается в литературе, как в гносеологической, так и методологической. При этом

сами общественные науки нередко подразделяют на социальные (изучающие общество, законы его существования и развития) и гуманитарные (их объектом является индивид, законы его жизнедеятельности). Несмотря на некоторое варьирование списков, чаще всего в число социальных включают социальную философию, историю, социологию, экономику, юриспруденцию, политологию, а в число гуманитарных – культурологию, религиоведение, искусствоведение, психологию, лингвистику, педагогику, философскую антропологию.

Поскольку термин «общественный» можно считать синонимом слову «социальный», объединение социальных и гуманитарных наук в общую группу общественных оказывается некорректным, либо требует другого обозначения. Одним из таких вариантов является сведение их в сферу социально-гуманитарного знания. Полное разделение социальных и гуманитарных наук затруднительно, так как индивид – всегда член социума и зависит от него, а общество состоит из отдельных людей и изучение социальных групп без учета свойств индивидов является заведомо неполным. «Обособленный индивид – это абстракция, чуждая опыту, равно как и общество, взятое в отрыве от индивидов» [6, с.35].

Еще один термин, закрепляющийся в научной и учебной литературе в настоящее время, – гуманитаристика. При его употреблении, как правило, тоже имеют в виду объединение социальных и гуманитарных наук.

Входит в научный оборот еще один термин – Digital Humanities. Это новое научное направление, возникшее на стыке компьютерных и социально-гуманитарных наук. Название его используют часто даже без перевода, а если переводят, то как цифровые гуманитарные науки. Но при характеристике этой отрасли знания перечисляются без какого-либо различия история, философия, лингвистика, литература, искусство, археология, музыка и т.д., то есть и социальные, и гуманитарные науки. Таким образом, в этом термине, как и в термине гуманитаристика, под Humanities понимается единство социальных и гуманитарных наук.

В литературе, посвященной специфике этих двух групп отраслей знания, либо не обсуждается проблема их различия, либо термины «общественные науки», «социальные науки»,

«гуманитарные науки» употребляются как синонимы. Причина такого неразличения, по-видимому, в том, что их больше объединяет, чем разделяет, и важным фактором объединения является именно отличие от других: естественных и технических. Единое обозначение комплекса наук об обществе и человеке с помощью термина «социально-гуманитарные науки» является не только одним из самых употребительных в научных текстах, но и, на наш взгляд, наиболее адекватным.

По-разному решается вопрос о единстве и различиях методов познания в области естественных и технических наук, с одной стороны, и социально-гуманитарных – с другой. Так, В.С. Степин считает, что «познание в социально-гуманитарных науках и науках о природе имеет общие черты именно потому, что это научное познание» [14, с.89].

В то же время многие исследователи, признавая отсутствие резких границ в методологии естественнонаучного и социально-гуманитарного познания, все-таки выделяют определенные особенности, отличающие социально-гуманитарное познание. Среди таких ученых можно назвать Г.Б.Гутнера [2], Л.А.Микешину [10, с.396-400], Н.Е.Копосова [4, с.52], М.А.Розова [12], С.Е. Никитину [11], В.А. Кутырева [7], В.А. Лекторского [8], В.П. Кохановского [5], В.Э. Войцеховича [1] и др.

Приведем результаты проведенного автором данной статьи «суммирования» и конкретизации таких особенностей.

1. Феномены, исследуемые гуманитарными науками, уникальны в их историко-культурной неповторимости, поэтому естественнонаучные методы к ним неприменимы либо должны быть видоизменены.

2. Общество, любая его подсистема, человек как член общества не являются статичными, неизменяемыми объектами. Ученый-гуманитарий (обществовед) обязан учитывать этот аспект, принцип историзма должен являться для него одним из определяющих.

3. Социально-гуманитарные науки изучают человеческую деятельность. В отличие от процессов, изучаемых естественными науками, которые происходят, деятельность людей не происходит, а совершается. Человеческая же деятельность менее предсказуема, чем природные процессы. Поэтому результаты социально-гу-

манитарного познания менее определенны и более гипотетичны, чем в естественных науках. Нельзя не отметить, что в последнее время изучение гипотезы как формы научного знания в структуре социально-гуманитарных наук активизировалось [15].

4. Социально-гуманитарное знание всегда ценностно нагружено. Очевидно влияние этого знания на решение моральных, политических и идеологических проблем. Как следствие, традиционный для естествоиспытателя метод эксперимента не должен применяться обществоведами, если его применение может нанести вред.

5. На результатах познания социума и человека так или иначе сказываются целевые и мировоззренческие установки исследователя, следовательно, можно говорить о более явной авторской позиции ученых-гуманитариев по сравнению с естествоиспытателями.

6. Исследователь проблем общества и человека сам является частью или представителем исследуемого объекта. Субъект и объект исследования совпадают или могут состоять в коммуникативном процессе. Так, этнолог является и этнофором (то есть носителем этничности, представителем определенного этноса), при этом на научный результат его трудов может, например, повлиять то, какой этнос: свой или чужой – он исследует.

7. Исследование объектов, связанных с обществом и человеком, осложняется принципиальной ненаблюдаемостью их. Поэтому «...в рамках гуманитарных наук предметцентризм как методологический принцип не срабатывает» [12, с.29]. Так, нельзя увидеть язык в целом: эта естественно сложившаяся знаковая система явлена лингвисту лишь в текстах. Этнолог не может собрать всех представителей конкретного этноса – ему приходится делать выводы о его особенностях из исследования отдельных фактов жизни этноса, из общения с отдельными этнофорами.

8. Следствием этого является многообразие взглядов ученых на один и тот же объект изучения. Проявление этого многообразия – множественность дефиниций научных понятий в социально-гуманитарной сфере. Автором данной статьи исследовался базовый термин этнологии ЭТНОС. В научной литературе было выявлено около 30 различных его дефиниций [9]. Еще сложнее дефинировать философские по-

нятия (ненаблюдаемость объектов философии максимальна по сравнению с объектами частных наук).

9. Очевидно резкое расширение внутринаучной рефлексии в самих гуманитарных науках, то есть усиление внимания к собственно гносеологическим и методологическим проблемам, стремление связать органически решение последних с решением специфически-содержательных вопросов этих наук. Особенно озабочены недостаточной методологической оснащенностью социологи. При этом любая гуманитарная наука – уже система с рефлексией (общество описывает себя).

10. В гуманитарном познании находят широкое применение герменевтические методы исследования, так как одним из ведущих приемов приращения знания является интерпретация текстов в широком (семиотическом) смысле.

11. Заметно отличается функционирование языка в процессе фиксации результатов социально-гуманитарного познания. Выражение научного понятия в слове обеспечивает возможность построения классификации понятий в определенной отрасли знания. Но выстраивание иерархии понятий в социально-гуманитарных науках осложняется нестрогостью, а также множественностью их определений. В какой-то степени эта нестрогость связана с влиянием ценностной, подчас идеологической нагруженности, что приводит к трансформации языковой семантики.

Пункты 8-й, 10-й и 11-й – представляют собой собственно семиотические особенности, наблюдаемые в текстах, посвященных социально-гуманитарной тематике. Любой знак, в том числе и языковой (в том числе и терминологический), может рассматриваться как структура, состоящая из трех компонентов, образующих так называемый семиотический треугольник:

- форма знака (словесная оболочка);
- концепт (выражаемое с помощью данной формы понятие);
- денотат (обозначаемый с помощью данной формы предмет, чаще класс предметов, имеющих общие свойства).

Отношение формы знака к его содержанию (концепту и денотату) формирует семантику знака.

Синтактика знака – его отношения с другими знаками.

Прагматика знака – те его особенности, которые выявляются в практике его применения и зависят от взаимодействия с автором или адресатом сообщения.

В языке социально-гуманитарных наук встречаются различные варианты асимметрии языкового знака.

1. Множественность формы знака при единстве концепта и денотата – синонимия терминов.

2. Множественность концептов при единстве формы и денотата – разнообразие определений одного и того же понятия.

3. Множественность концептов и денотатов при единстве формы знака – многозначность терминов.

Прагматика термина социально-гуманитарных наук очевидна и более ярко проявляется, чем в естественных и технических науках – см. 4-й, 5-й и 6-й пункты предложенного выше списка.

Таким образом, семиотический анализ, ставший в современной науке уже общенаучным методом, весьма продуктивен в гуманитаристике. Проблема формы, в которой представлены результаты научного поиска, в методологии науки настоящего времени становится одной из главных. Для текстов, фиксирующих результаты социально-гуманитарного познания, эта проблема особенно актуальна.

Приведенный выше перечень особенностей социально-гуманитарного познания, с одной стороны, позволяет утверждать факт безусловного отличия социально-гуманитарного знания по сравнению с естественнонаучным, обнаруживает явную специфику этой важной сферы науки, а с другой – подтверждает единство социально-гуманитарных наук.

Специфика научного знания в описываемой сфере должна учитываться и при формировании и анализе научных понятий социально-гуманитарных наук.

Литература

1. Войцехович, В.А. Куда эволюционирует наука? К синергетической парадигме познания / В.А. Войцехович // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 173-183.

2. Гутнер, Г.Б. Способы конституирования идеального предмета / Г.Б. Гутнер // Эпистемология и философия науки. Т. XXIX, № 3, 2011. с. 49-58.

3. Иконникова, С.Н. История культурологических теорий / С.Н. Иконникова. – СПб.: «Питер», 2005. – 474 с.

4. Колосов, Н.Е. Как думают историки. / Н.Е. Колосов – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.

5. Кохановский, В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук: учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 320 с.

6. Кули, Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. / Ч.Х. Кули. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.

7. Кутырев, В.А. Современное социальное познание: Общонаучные методы и их взаимодействие / В.А. Кутырев. – М.: Мысль, 1988. – 202 с.

8. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

9. Макарихина, О.А. Структура научного понятия как объект системного анализа (на примере термина и понятия «этнос») / О.А. Макарихина // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. Вып. 5. – Н. Новгород, 2005. – С. 587 – 594.

10. Микешина, Л.А. Философия науки / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. – 464 с. Стр. 396–400.

11. Никитина, С.Е. Семантический анализ языка науки / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1987. – 144 с.

12. Розов, М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания / М.А. Розов // Наука глазами гуманитария. – М.: Прогресс-Традиция, 2005, – С. 23-58.

13. Рузавин, Г.И. Методология научного познания: учеб. пособие для ВУЗов / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 287 с.

14. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

15. Шибаршина, С.В. Гипотеза в социально-гуманитарных науках / С.В. Шибаршина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского; Серия Социальные науки. – 2011. – № 2(22). – С. 124-129.

История и методология сетевого подхода

Сушко В.А.

Методология социальных сетей насчитывает почти столетнюю историю, а теоретические идеи восходят к еще более древним временам. Первым в эмпирических исследованиях их использовал социолог и антрополог А. Рэдклифф-Браун. Большой вклад внесли Дж.Морено, Т.Парсонс, Ч. Тили, Т. Ньюкомб, Л.Уорнер, Э.Мэйо, Дж.Хоманс и др. В статье рассматриваются также основные понятия современного сетевого подхода.

Ключевые слова: сетевой анализ, социометрия, акторы, сетевая плотность, социальный граф, социограмма, матрица.

History and methodology of a network approach
Sushko V.A.

Methodology of social networks has almost a century, and theoretical ideas go back to more ancient times. The first empirical studies of their use sociologist and anthropologist A. Radcliffe-Brown. Great contribution J. Moreno, T. Parsons, C. Tilly, T. Newcomb, W.L. Warner, E. Mayo, G. Homans and others. The article also reviews the basic concepts of modern network approach.

Key words: network analysis, sociometry, actors, network density, social graph, sociogram matrix.

Эволюция сетевых идей

В конце 1800-х годов Эмиль Дюркгейм и Фердинанд Теннис предсказали появление идеи социальных сетей в своем учении об обществе, а также в исследованиях социальных групп. Теннис утверждал, что социальные группы могут существовать в виде личных и прямых социальных связей, которые связывают индивидов, разделяющих общие ценности и убеждения (Gemeinschaft, сообщество), или в виде безличных, формальных и инструментальных социальных связей (Gesellschaft, общество)¹. Дюркгейм дал не-индивидуалистическое объяснение социальных фактов, утверждая, что социальные явления, возникающие при взаимодействии отдельных людей, образуют реальность, которая больше не может быть объяснена с точки зрения свойств отдельных субъектов². Георг Зиммель, живший на рубеже XX века, указал на природу сетей и влияние размера сети на взаимодействие людей. Он анализировал вероятность взаимодействия в свободно-связанной сети, а не в группе³.

Возникновение методологии исследования социальных сетей относят либо к 1930-м годам, когда в психологии оформился социометрический подход, либо к 1950-м годам, когда для анализа эмпирических данных научных исследований стали применять матричную алгебру и теорию графов. Британский антрополог А. Рэдклифф-Браун⁴ (1952) первым использовал терминологию сетевых исследований и предлагал рассматривать общественную структуру как сеть социальных отношений.

Основные события в этой области произошли в 1930-х годах, когда несколько групп психологов, антропологов и математиков, работающих независимо друг от друга, пришли к аналогичным открытиям⁵. В 1930 г. психолог Якоб

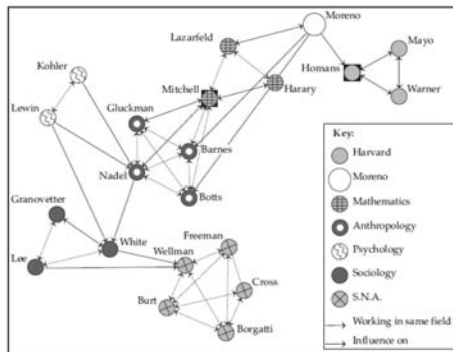

Рис. 1. История сетевого анализа в лицах¹⁴.

Л. Морено начал систематическую диагностику и анализ социального взаимодействия в малых группах, прежде всего в ученических классах и рабочих группах, став родоначальником социометрии. В антропологии основой для теории социальных сетей послужили теоретические идеи и этнографические исследования Бронислава Малиновского⁶, Альфреда Рэдклифф-Брауна⁷, и Клода Леви-Стросса⁸. Группе социальных антропологов, связанных с Максом Глюкманом и Манчестерской школой, в том числе Джону А. Барнсу⁹, Дж. Клайду Митчеллу и Элизабет Ботт Спиллиус¹⁰, приписывают проведение первой полевой работы, где были применены методы сетевого анализа. Это были исследования общинных сетей в южной части Африки, Индии и Великобритании¹¹. Одновременно британский антрополог С. Надель формализовал теорию социальной структуры, которая оказала огромное влияние на последующее развитие сетевого анализа¹².

В 1930-е годы многие из ведущих гештальт-теоретиков, бежавших из нацистской Германии, поселились в Соединенных Штатах, где Курт Левин, Якоб (Джейкоб) Морено (которые мигрировали в Америку в 1925 г.) и Фриц Хайдер стали видными, хотя и довольно разными, показателями гештальта под влиянием социальной психологии¹³. Левин основал Научно-исследовательский центр в Массачусетском технологическом институте, позже перенес его в Мичиган, и это центр оказался в центре исследований по социальной восприимчивости и структуре группы. Морено, с другой стороны, исследовал возможности при помощи психотерапевтических методов, чтобы раскрыть структуру дружественных выборов. С помощью таких методов, как

эксперименты, контролируемые наблюдения и выборочные опросы, он и его коллеги стремились изучить, каким образом отношения людей в группе являются одновременно ограничением и потенциалом для их личного психологического развития. Хотя слово ассоциируется прежде всего с Морено, «социометрический» является точным описанием общего стиля исследований, которые выросли из гештальт-традиции (рис. 1).

Анализ социальных сетей в нетехнических формах был разработан великим антропологом А.Рэдклифф-Брауном. С 1930 по 1970 гг. все большее число социальных антропологов и социологов начали строить свои программы на взглядах Рэдклифф-Брауна о «социальной структуре». При этом они стали всерьез воспринимать метафоры «ткань» и «сети» в описании процессов социальной жизни. Из этих «текстильных» метафор, направленных на понимание «взаимопереплетения» и «интерлокации» отношений, на основании которых организованы социальные акции, на первый план выдвинулась метафора социальной «сети» (social network)¹⁵. Вслед за тем ученые приступили к исследованию «плотности» и «текстуры» социальных сетей.

С 1950 г., однако, небольшая группа специалистов стала заниматься разработкой более формальных аналогов метафоры, а с начала 1970-х годов появились лавина технических и специализированных приложений. Из этих сочинений родились ключевые понятия анализа социальной сети, который сегодня определяет мейнстрим социальных исследований.

Научные работы Морено прочно укоренены в терапевтической ориентации межличностных отношений, которая отражает его медицинское образование и психиатрическую практику в Вене. Его цель, озвученная в его книгах и в создании журнала («Социометрия», основан в 1937 г.), состоит в том, чтобы исследовать, как психологическое благополучие связано с структурными чертами, совокупность которых он назвал «социальные конфигурации». Эти конфигурации образуются из конкретных форм межличностного выбора, притяжения, отталкивания, дружбы и других отношений, где участвуют люди, и они являются основой, на которой покоятся крупномасштабные «социальные агрегаты», такие как экономика и государство, явля-

ются устойчивый и воспроизводится в течение долгого времени. Морено интересовался отношением между маломасштабными межличностными конфигурациями и крупномасштабными социальными агрегатами, отношением, которое служило одной из ключевых идей в немецкой классической социологии, разработанную, в первую очередь тех, в работах Вебера, Тенниса и Зиммеля. Действительно, у последнего «формальная социология» является прямым предшественником многих социометрических концепций¹⁶.

В социологии в начале 1930-х годов работы Т. Парсонса подготовили почву для принятия реляционного подхода к пониманию социальной структуры¹⁸. Позже, опираясь на теорию Парсонса, социолог Питер Блау дал мощный импульс анализу реляционных связей социальных единиц благодаря разработке теории социального обмена¹⁹. К 1970-м годам все большее число ученых уже работали над тем, чтобы объединить различные подходы, методологии и традиции в единое целое. Важные результаты получила группа Харрисона Уайта и его учеников с кафедры социальных отношений Гарвардского университета. Независимо от них активную деятельность в этой области проводил в Отделе социальных отношений Гарварда Чарльз Тилли, который сосредоточился на анализе сетей в политической и общинной (community) социологии и сфере социальных движений, а также Стэнли Мильграм, который разработал концепцию «шести степеней сепаратизма» (six degrees of separation)²⁰. Марк Грановеттер²¹ и Барри Вильман²², бывшие студенты Уайта, также разрабатывали методологические принципы анализ социальных сетей в социологии²³.

Важный вклад в развитие методов и философии сетевого анализа внес выдающийся психолог Курт Левин. Левин утверждал, что структурные свойства социального пространства могут быть проанализированы с помощью математических методов топологии и теории множеств²⁴. Цель «теории поля» состоит в изучении предмета в математических терминах, а именно взаимозависимости между группой и окружающей средой в системе отношений. Такой подход и такие идеи Левина сближают его с возникшей позже общей теорией систем. В топологическом подходе социальное поле включает «точки», соединенные «путями». Точки пред-

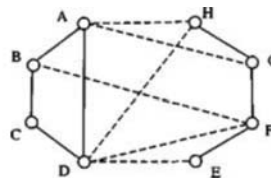

Рис. 2. Ориентированный граф с восемью вершинами¹⁷

ставляют отдельных людей, их цели и действия, а пути представляют интеракцию или причинные последовательности, которые соединяют точки. Полевая модель описывает каузальные и интеракционные взаимозависимости в социальных конфигурациях. Пути, которые идут между точками, связывают их вместе, а общая картина путей делит социальное поле на ряд дискретных «регионов». Каждая регион отделен от других отсутствием путей: пути ведут внутрь региона, но не между регионами. Возможности передвижения в своем социальном мире определяются границами между различными регионами социального поля, в котором они расположены. Ограничения, налагаемые этими границами, являются «силами», которые детерминируют поведение группы. Общее социальное поле поэтому - это поле сил, действующих на членов группы, формирующих их действия и переживания²⁵.

В то время как теория поля - в качестве теоретической основы для социального анализа - оказалась в тупике, защита Левиним математических моделей групповых отношений оказалась плодотворной основой для более поздних работ. Особое влияние на Левина оказал Д. Картрайт, который вместе с математиком Ф. Харари являлся пионером в применении теории графов к групповому поведению²⁶. Термин «граф» впервые появился в книге выдающегося венгерского математика Д. Кёнига²⁷ в 1936 г., хотя начальные задачи теории графов восходят еще к Эйлеру (XVIII в.).

Эти математические идеи сделали решающий прорыв в теории групповой динамики. Он заключался в переходе от концепции *когнитивного* баланса в индивидуальном сознании к *межличностному* балансу в группах. Т. Ньюкомб (1953) был одним из первых исследователей, двигавшихся в том же направлении. Он рассматривал процесс коммуникации с позиций математики и социальной психологии. Т. Ньюкомб предложил учитывать отношения, которые ус-

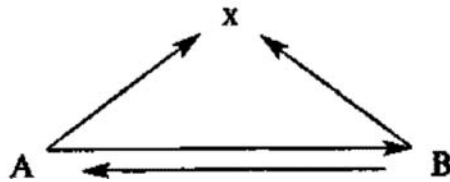

Рис.3. Треугольник коммуникации Т.Ньюкомба

танавливаются между агентами общения и между ними, и объектом речи. Его модель получила известность под названием ABX model. Она утверждает, что некто (A) посылает информацию кому-то другому (B) о чем-то (X). Модель предполагает, что ориентация A к B и к X зависят друг от друга. В результате формируются четыре ориентации: 1. A to X orientation; 2. A to B orientation; 3. B to X orientation; 4. B to A orientation. Если A и B сориентированы друг к другу положительно, то они будут стремиться к совпадению своего отношения к X. При несовпадении отношения друг к другу будет не совпадать и отношение к X. Совпадение отношения к X при несовпадении отношения друг к другу будет восприниматься как ненормальное.

Т.Ньюкомб утверждал, что существует тенденция, согласно которой если два индивида близки друг к другу по взглядам, вероятнее всего, они займут согласованную позицию и к любому третьему индивиду, предмету или событию. Опираясь на подобные открытия, исследователи могли строить модели систематической взаимозависимости между установками, которых придерживались *разные* индивиды в рамках одной группы.

Данное утверждение было обобщено в теоретической концепции Картрайта и Харари (1956)²⁸. Попытка применить математику к структуре групповых отношений не была, конечно, новой идеей. Такие попытки обнаружены в конце 1940-х годов²⁹. Основываясь на работе Левина, Картрайт, Зандер и Харари³⁰ развили мощные модели групповой сплоченности, социального давления, сотрудничества, власти и лидерства.

Большая часть математических работ, посвященная анализу сетевого баланса, сосредоточена на попытке обнаружить методы декомпозиции. Успешное разложение сбалансированной сети позволит исследователям получить представление о структуре сети, полагаясь толь-

ко на информацию об отношениях между людьми. Это открытие имеет огромное значение для понимания социальной структуры группы. Джеймс Дэвис³¹ оказался ведущей фигурой в деле обнаружения условий, при которых методы декомпозиции можно применять более чем к двум подгруппам.

Первые попытки применения социометрических идей в крупномасштабных социальных системах были инициированы именно такими исследованиями. Первоначально они касались изучения механизмов распространения болезни от одного человека к другому через цепочки контактов. На основании полученных выводов строились прогнозные эпидемиологические модели. Ведущей фигурой был А.Рапопорт, который подробно остановился на формальных последствиях исследований³² и помог стимулировать интерес к широкому применению подобных идей. В 1960-х годах началось использование сетевых концепций в исследовании распространения слухов и сплетен³³.

В период с 1930 по 1935 г. Л.Уорнер организовал полномасштабное антропологическое изучение поселковой общности (коммьюнити) небольшого городка Ньюберипорт (штат Массачусетс, США), которому он присвоил псевдоним «Янки-Сити». В исследовании сочетались разные методы: наблюдение, интервью, анализ исторических документов. В это время Уорнер покинул Гарвард и перебрался в Чикагский университет, где его наставник Рэдклифф-Браун стал приглашенным профессором. Уорнер и Рэдклифф-Браун в течение двух лет интенсивно анализировали полевые материалы из Yankee City вместе в Чикаго. В ранних работах Уорнера использованы методы и идеи Дюркгейма и Рэдклифф-Браун для исследований австралийских племен. А благодаря его встрече с Мэйо он впервые сформулировал идею применения антропологических методов к изучению современного городского сообщества³⁴.

В отчете об исследовании в Янки-Сити используются различные схемы для моделирования таких феноменов, как классовая структура и семейная организация. И не удивительно, что исследователи построили диаграммы клик. Чтобы представлять социальную структуру, они изобразили клики как ряд пересекающихся кругов диаграммы Венна³⁵. Тем не менее, они не продвинулись до уровня формального, струк-

турного анализа этих диаграмм. Во втором томе доклада о Янки-Сити, однако, была предпринята попытка представить то, что сейчас можно было бы назвать «позиционным анализом»³⁶.

На формирование анализа социальных сетей и тесно связанных с ним социометрических методов огромное влияние оказали такие крупные исследования, как Хоторнские эксперименты (1927-1934) Э.Мэйо и Л.Уорнера, исследование социальной структуры городского сообщества «Янки-Сити» (1930-1935) Л.Уорнера и П.Ланта, исследование «Старый город» в южной части США, проведенное в 1936 г. А.Дэвисом, Б.Гарднером и М.Гарднером, а также методическая переформулировка социоматриц данного исследования, проведенная Дж.Хомансом и построенная на основании новых данных теория обмена.

По всей видимости в исследовании «Old City» наряду с Дэвисом и Гарднерами активное участие принимал выдающийся американский социолог Дж.Хоманс, поскольку один из разделов научного отчета был написан именно им и именно он приобрел широкую известность среди сетевых аналитиков. Дело в том, что Дж.Хоманс провел повторный теоретический анализ эмпирических данных, полученных Дэвисом и его коллегами, использовавшими матричные методы к описанию участия 18 женщин в 14 социальных событиях³⁷. «Хоманс взял эти данные, представил их в виде матрицы, и одним из первых изложил метод «переформулированные матрицы» для анализа социальной сети»³⁸. Матрица «Старый Город» включала 18 строк (женщины) и 14 столбцов (событий), в их пересечении маркером «X» отмечали участие конкретной женщины в определенном событии. Сырые данные матрица, утверждал Хоманс, не обязательно располагать строго заданным способом, например, колонками. Они могут быть расположены в хронологическом порядке событий. В таком случае клетки пересечений распределяются случайным образом по всей матрице.

Перестановка строк и столбцов матрицы, объединяющая события, в которых преобладают конкретные женщины, могут раскрыть важные структурные особенности клики. Хоманс описал свой метод следующим образом: положим в центре колонки, представляющие события ... в которых присутствовало большое количество женщин, мы располагаем по направ-

(i) Original matrix

		Events							
		1	2	3	4	5	6	7	8
People	Ann	X		X		X		X	
	Beth		X		X		X		X
	Chris	X		X		X		X	
	Don		X		X		X		X
	Ed	X		X		X		X	
	Flo		X		X		X		X
	Gill	X		X		X		X	
	Hall		X		X		X		X

(ii) Re-arranged matrix

		Events							
		1	3	5	7	2	4	6	8
People	Ann	X	X	X	X				
	Chris	X	X	X	X				
	Ed	X	X	X	X				
	Gill	X	X	X	X				
	Beth					X	X	X	X
	Don					X	X	X	X
	Flo					X	X	X	X
	Hall					X	X	X	X

Рис. 4. Матрица перестановок Дж.Хоманса⁴¹.

лению к краям таблицы столбцы, представляющие события ... в которых представлено лишь несколько женщин. В верхней или нижней строках собираются те женщины, которые участвовали в социальных событиях наиболее часто. Возможно, придется сделать много перестановок, прежде чем появится четкая конфигурация предмета исследования»³⁹.

Хоманс утверждал, что это «перестановки» должно продолжаться до тех пор, пока распределение крестиков в клетках не покажет четкую картину. Он произвел переформулирование матрицы, в которой явно прослеживались признаки деления женщин на две «клик»: в таблице было два различных скопления крестов в переформулированной матрице. Метод Хоманса аналогичен тому, что впоследствии стали называть «блок моделирования», но сам Хоманс при этом не использовал формально-математические приемы. На самом деле, перекомпоновка матрицы Хомансом являлась результатом метода проб и ошибок⁴⁰.

Рис. 4. показывает упрощенную версию повторного анализа Хоманса. Матрицы показывают искусственные данные участия восьми человек в восьми событиях. В матрице (I), маркеры «X» разбросаны равномерно по всей матрице, но перестановка строк и столбцов в порядке, указанном в матрице (II), неожиданно выявила структурную оппозицию между двумя различными подгруппами: Энн, Крис, Эд и Джилл вме-

сте участвуют в событиях 1, 3, 5 и 7, в то время как Бет, Дон, Фло и Хал совместно участвуют в событиях 2, 4, 6 и 8. Таблица визуализирует два отдельных множества людей и две особые категории событий.

Перестановка методом проб и ошибок не является такой уж легкой задачей даже для простых матриц, созданных специально для демонстрации приема Хоманса, где данные расположены не очень плотно. Анализ данных реального исследования по 18 женщинам и 14 событиям занял бы значительно большее количество времени. Вот почему в дальнейшем ученые начали искать способ алгоритмизации работы с социоматрицами.

Чтобы проиллюстрировать свою позицию дальше, Хоманс вновь проанализировал Хоторнские данные бригады сборщиков реле. Используя социограммы, построенные учеными-наблюдателями, он рассмотрел клики, выделенные в свое время Ротлисбергером и Диксоном⁴². Хоманс сохранил идентификацию на первоначальные клики и не пытался провести повторное социометрическое исследование структуры клик так, как он сделал это при анализе данных исследования «Старый Город». Он предположил, хотя и без достаточных оснований, что метод перестановки матриц уже был использован авторами Хоторнских исследований⁴³.

Теоретическая концепция, которую Хоманс построил для объяснения группового поведения, основывалась на моделях более ранних исследователей малых групп, в которых группа понималась как система в окружающей социальной среде. Хоманс разделил структуру группы на «внутреннюю систему», которая выражает чувства, возникающие из взаимодействия ее членов, и «внешнюю систему», через которую в деятельности группы решалась проблема адаптации к окружающей среде⁴⁴.

Сама среда состоит из физических, технических и социальных контекстов группового поведения. Основной проблема у Хоманса касалась «внутренней системы», понятие которой он считал более научной категорией, чем термин «неформальная организация», которую он обозначает. Он решил подробнее изучить «неформальную организацию» с тем, чтобы перевести ее в термины структуры «внутренней системы».

С этой целью он выдвинул ряд гипотез о «внутренней системе», исходя из предположе-

ния, что люди, которые часто взаимодействуют друг с другом, склонны любить друг друга, и что по мере того, как частота их взаимодействия возрастает, степень их любви друг к другу увеличивается. Если частые взаимодействия происходят во «внешней системе», где существуют такие экологические ограничения, как требования, предъявляемые со стороны руководства и менеджмента компании, то члены рабочей группы будут стремиться развивать чувства симпатии и будет участвовать в дальнейших взаимодействиях друг с другом, не связанном с потребностью во «внешней системе»⁴⁵. Именно в этом случае, утверждает Хоманс, «внутренняя система» перерастает в сложную социальную конфигурацию, которая делится на клики. Несмотря на достоинства теоретического синтеза Хоманса, соединившего социометрическое и антропологическое исследование, немногие ученые в дальнейшем вдохновились его идеями и достигли крупных успехов. Хоманс и сам понимал ограничения, связанные с бихевиористским объяснением социального поведения и моделями рационального выбора. Он намеревался преодолеть их в рамках своей «теории обмена»⁴⁶.

Социометрия и сетевой метод

В рамках социологии социометрия имеет два основных направления: 1) исследовательская социометрия (*research sociometry*), 2) прикладная социометрия. Исследовательская социометрия сконцентрирована на изучении социально-эмоциональных связей в группе с использованием определенных критериев, например: С кем в этой группе Вы хотите сидеть рядом на работе? К кому в этой группе вы обратитесь за советом по рабочим проблемам? Кто в группе, по Вашему мнению, может стать самым эффективным лидером при решении данного проекта?

Исследовательская социометрия (*research sociometry*), которую иногда называют исследованием сетей, тесно связана со структурами отношений в малочисленных (индивиды и малые группы) и многочисленных популяциях, таких как производственная организация и район проживания.

Специалисты в области прикладной социометрии используют ряд эффективных методов и научных открытий для того, чтобы оказать

помощь нуждающимся в улучшении социально-психологического климата в группе, совершенствования межличностных отношений между людьми, развития и обогащения психо-социальных сетей.

Оба направления социометрии существуют для того, чтобы развивать у индивидов и групп их творческий, креативный потенциал.

Социометрические исследования призваны измерять социальные взаимодействия между отдельными индивидами внутри групп (ы). Одна из моделей, используемых в социометрических исследованиях, - это *анализ сети*. **Сетевой анализ** включает в себя «картирование» ("mapping") системы связей, формирующихся между определенным множеством людей, организации, событий или мест (локусов). Примером служат модели лидерства в организации или дружеские сети среди подростковых сообществ⁴⁷.

Социальная сеть, в социологии, обозначает социальную структуру, точки которой (индивиды, группы, организации) связаны между собой специфическими зависимостями: дружбой, родительством, экономическим обменом, сексуальными отношениями, знаниями, верованиями, престижем. Социальные отношения в таких структурах анализируются при помощи теории сетей (network theory). Сетевой анализ, основанный на теории графов, позволяет установить потоки обмена между стратами, выявить узловые вершины и определить их стратификационные характеристики. В сети необязательно личное присутствие, непосредственный контакт, постоянное общение, пространственная близость для того, чтобы множество людей считать социальным целым⁴⁸ (рис. 5).

В русской версии Википедии социальная сеть трактуется как платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений, визуализацией которых являются социальные графы⁴⁹. Ее подвидами являются: Социальные закладки (social bookmarking); социальные каталоги (social cataloging), примеры: Academic Search Premier, LexisNexis Academic University, CiteULike, Connotea; социальные библиотеки, примеры: discogs.com, IMDb.com; социальные медиохранилища; специализированные социальные сети; профессиональные социальные сети, примеры: LinkedIn, Мой Круг,

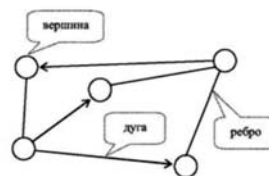

Рис. 5. Элементы социального графа

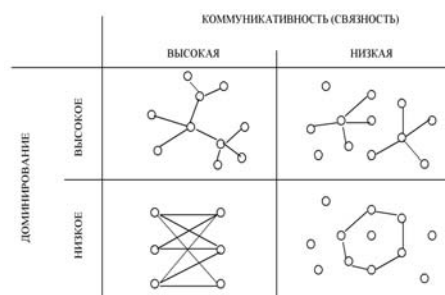

Рис. 6. Типы сетевых структур⁵³

Профессионалы.ру; корпоративные социальные сети; сервисы для совместной работы с документами; геосоциальные сети.

В английском варианте Википедии социальная сеть – это социальная структура, которая состоит из совокупности социальных субъектов (например, лиц или организаций) и набора двоичных связей между ними⁵⁰. Социальная сеть предоставляет ученому набор методов анализа структуры социальных субъектов, а также разнообразных теорий, объясняющих закономерности, наблюдаемые в этих структурах⁵¹. Изучение таких структур базируется на анализе социальных сетей, который применяется для выявления локальных и глобальных моделей, влиятельных акторов и динамики сети.

Сравнивая две формулировки, можно сделать вывод: первое определение заточено на Интернет, второе дает более широкое понимание социальной сети. История первого начинается с 1995 г., а история второго может уходить в глубины социоантропогенеза. Узкое значение понятия «социальная сеть» относится к социально-сетевому сервису – веб-сайтам, предназначенным для отражения в Интернете социального общения людей со схожими интересами. Пользователи создают профили, в которых указывается персональная информация (ФИО, дата рождения, школа, вуз, место работы и т.д.), а также список других пользователей, с которыми

ми он имеет какую-либо связь (дружба, деловые/рабочие связи и т.п.)⁵² (рис. 6).

В ходе развития и формирования сетевого анализа все чаще обсуждались вопросы о том, что считать элементарной единицей сети, ее узлом, как трактовать отношения между узлами, каков объект и предмет анализа социальных сетей (могут ли попадать сюда формально структурированные и жестко детерминированные объекты, например бюрократические структуры)⁵⁴.

Предмет анализа социальных сетей - структура регулярных отношений. Математический аппарат позволяет исследовать 1) реляционные свойства (связи и отношения), 2) атрибутивные данные. Методология сетевого анализа позволяет использовать разные данные: особенности акторов, групп и подгрупп, позиций и целой сети. Сетевой анализ позволяет описать процессы взаимодействия между социальными акторами, обменивающимися разными типами ресурсов или «потоков» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами)⁵⁵.

С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики. Междисциплинарная теория социальных сетей развита в работах Л. Фримана, Д. Ноука, П. Марсдена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковица и др.

Социология для обозначения узлов социальных сетей использует термин «актор». Иногда в качестве синонима используется термин «агент».

Акторы социальной сети подразделяются на первичных (индивиды и группы) и вторичных – социальные организации и социальные институты. Первичные акторы неформальные, вторичные – формальные. В качестве акторов могут выступать, к примеру, домохозяйства, обменивающиеся между собой теми или иными ресурсами, как-то: доход, информация, индивиды, подарки, натуральные продукты, орудия труда и т.д. Акторов иногда называют обобщенно «артефактами» социальной сети. В социологии различают акторов-людей (human actors) и акторов-не-людей (non-human actors)⁵⁶. Среди акторов-не-людей можно назвать понятия, нар-

ративы (рассказы), животных, социокультурные практики, организации, артефакты. «Люди могут приписать рассказанные истории объектам, включать их в социальную сеть и создавать взаимодействия с ними. Но социальное действие исходит только от людей»⁵⁷. Теория «актор-сеть» считает акторов-людей и акторов-не-людей равнозначимыми.

Акторами считаются люди или группы, находящиеся в отношениях обмена. Акторы описываются (характеризуются) атрибутами. Полученная в результате эмпирического исследования схема связей между акторами образует сетевую структуру группы или общества.

В сетевом анализе существует ряд ключевых характеристик связей, создающих формат сети: *дискретность*: узлы должны отделяться друг от друга, чтобы иметь возможность быть связанными; *подобие*: узлы должны быть подобны в главных характеристиках, подходить друг к другу, чтобы образовывать связь; *близость*: узлы должны быть локализованы друг по отношению к другу, т.е. соотноситься пространственно, географически, сопresentствовать во времени; *взаимность*⁵⁸.

Индикаторы сети:

Размер сети – число прямых связей, включенных в индивидуальные объединения. Данный показатель используется при измерениях величины популяций.

Сетевая плотность – общее количество связей между единицами сети (в социометрической матрице аналогом данного показателя является «сплоченность»).

Центральность и централизация – степень иерархизированности сетевых связей.

Сила связи определяется как интенсивность связи в диадах, измеренная на основе их закрытости, частоты или длительности. Например, показателями силы связи может быть продолжительность телефонных переговоров.

Ранг сети – длина общей многоступенчатой связи (маршрута), в которой один элемент сети связан с другими элементами. Ранг можно оценить как через размер сети, так и через ее плотность⁵⁹.

Когда некоторые акторы связаны друг с другом сильнее, чем с другими, такую ситуацию называют «сгущением». Такое «сгущение» можно объявить узлом на следующем уровне анализа⁶⁰.

Простейшей метрикой графа является степень центральности (degree centrality), показывающая, сколько связей есть у вершины. Степень центральности может быть посчитана для всех людей на графе.

В *социальном графе* каждая точка (узел, вершина) представляет индивида, а ребро (линия) между двумя точками изображает отношения между ними. А так как между людьми существует множество самых разных отношений, существует множество самых разных социальных графов.

На одной и той же выборке людей, знакомых друг с другом, т.е. малой группе, можно построить множество социальных графов. Их количество равно количеству критериев выбора. Например, если мы решим, что грани должны обозначать совместное веселое времяпрепровождение, мы построим совсем другой социальный граф, чем тот, который объединит любителей велопробежек. Часть людей из первого графа образует второй, куда могут войти новые члены. И межличностные связи будут пролегать иначе.

Поскольку между людьми существует много разных типов отношений, социолог может выстроить много разных социальных графов. При одном и том же количестве вершин число граней может возрастать чуть ли не до бесконечности. Соответственно формируется огромное число социальных графов. А если учесть, что малые группы, или выборки знакомых между собой людей, не являются закрытыми множествами, а постоянно меняются своими составами, пересекаются, распадаются и как либо еще изменяются, то число возможных графов на исходной основе не поддается счету.

Ключевой характеристикой социальной сети является то, что каждый человек связан с другими посредством прямых или косвенных связей. Это не означает, что каждый человек должен знать, взаимодействовать или находиться под влиянием любого другого человека в сети. Однако все вместе они связаны незримой структурой взаимосвязанной сети. Исследователь репрезентирует социальную сеть при помощи особого инструмента – социограммы – диаграммы кругов, связанных между собой многочисленными линиями⁶¹. Конструирование социограммы включает представление сетей, рисунка социограмма, схема кругов, связанных с ли-

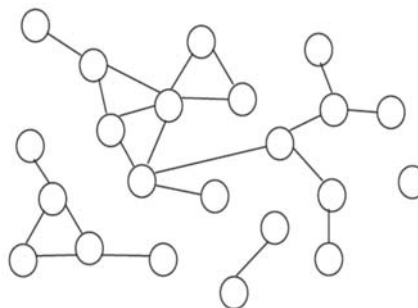

Рис. 7. Социограмма как социальная сеть

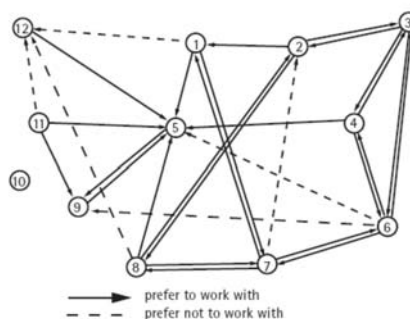

Рис. 8. Трудовые предпочтения и неprefer not to work with среди студентов⁶³.

ниями. Разработка социограмма подразумевает схематизацию реальных отношений между наблюдаемыми людьми при помощи кругов (индивиды) и отношений между ними (линии). Рис. 7 изображает такую социограмму.

Анализ социограммы позволяет исследователю анализировать и отображать сеть социальных отношений. Например, в бизнес-организации социограммный анализ поможет отслеживать изменяющуюся природу взаимоотношений. Мы видим, что Анжела отдает приказу Сью, Сью и Сэм консультируют и помогают друг другу. Сэм получает ресурсы от Дженни. Дженни общается с Алексом⁶². Исследователи считают, что выявление таких сетей помогает им понять структуру сложных социальных отношений внутри организации.

Следующая социограмма представляет двенадцать студентов из молодежной группы, один кружок изображает одного студента. Студенты попросили выбрать трех человек, с кем они предпочли бы работать в одной организации. Они также должны были определить трех человек, с

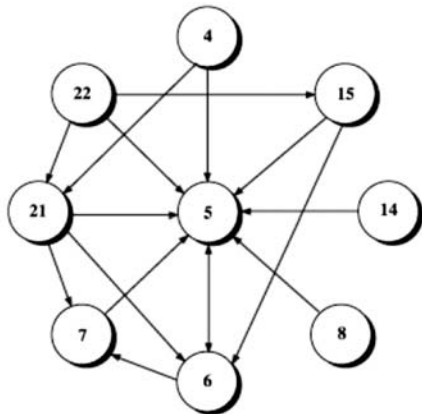

Рис. 9. Социограмма иллюстрирует сеть элементов. Круги указывают элементы, а линии - отношения между ними: элемент № 5 принимает сообщения от всех других элементов, но взаимодействует только с элементом 6.

Рис. 10. Диаграмма социальной сети: мезо-уровень

кем они предпочли бы вообще никогда не работать (рис. 8).

В приведенной выше социограмме на рис. 8 индивиды, с которыми предпочитают работать, представлены черными линиями, в то время как индивиды, с кем не хотят работать вместе, изображены пунктирными линиями.

При помощи этой социограммы мы можем получить следующую информацию:

- Выделена самая популярная личность: № 5
- Взаимные дружеские отношения проявляются между № 7 и 8
- Цепочки дружбы существуют, например у № 8, 7, 6, 3 и 2
- Закрытые дружеские группировки, т.е. клики, выявлены, в частности у № 3, 4 и 6

- Никем не выбранный (всеми отклоненный) индивид – это № 12
- Некоторые люди никем не выбраны и никем не отклонены, а именно № 11
- Человек, который не сделал ни одного выбора и вместе с тем не получил ни одного выбора (изолированный), например, № 10.
- Самый влиятельный индивид, а именно № 9, поскольку он был выбран самым популярным человеком в этой группе.

В этом анализе мы выявили две наиболее типичные для большинства групп личностные характеристики - популярность и изоляция⁶⁴.

Первая задача - определить тип данных, для которых анализ социальных сетей является наиболее подходящим. Те, кто заинтересован в его приложениях, несомненно, знаком с рядом основополагающих идей: это может быть полезно для исследований моделей родства, социальной структуры, сообществ, интерлокации бизнес-директоров и так далее. Анализ социальных сетей подходит для изучения любых типов «реляционной данных», систем отношений.

Сетевой анализ берет свои теоретические истоки из антропологии, социологии и социальной психологии. Якоб Морено (1934) заложил то, что сейчас называют фундаментом как социометрии, так и сетевого анализа, хотя сам этот термин появился позже. Социометрический метод группового анализа представляет собой первую попытку эмпирического измерения коммуникационных процессов на групповом и субгрупповом уровнях. Новаторская деятельность Морено касается не только экспертизы социальных отношений в малой группе, но также фундамента групповой субкультуры (рис. 9).

Анализ социальных сетей ведется на нескольких уровнях общества и общностей: уровень актора, микро-уровень (диады и триады в малой группе), уровень подмножеств, мезо-уровень, уровень организаций (формальные и бюрократические структуры), макро-уровень. Охарактеризуем некоторые из них.

Уровень подмножества: исследование проблем на этом уровне начинаются с микроуровня, затем продолжают на мезо-уровне. Исследование на уровне подмножеств может сосредоточиться на изучении социальной дистанции и достижимости, анализе клик и сплю-

ченных подгрупп, на группах действий и группах давления, на групповом поведении.

Мезоуровень. В общем, теории мезо-уровня начинаются с численности популяций, которые попадают между микро- и макро-уровнями. Социальные сети мезоуровня относятся к популяциям низкой плотности, но они могут подчиняться причинно-следственным процессам, чем отличаются от межличностных сетей на микроуровне⁶⁵ (рис. 10).

Макро-уровень. На макро-уровне межличностные взаимодействия обобщаются до социального масштаба, где действуют социальные институты и региональные механизмы, и относятся к населению страны или отдельной сфере общества. Здесь действуют крупные социально-экономические и социально-политические социальные сети⁶⁶ (рис. 11).

Другую позицию высказывает А.В. Чугунов. Он полагает, что Исследования социальных сетей в рамках сетевого подхода осуществляются на двух уровнях – теоретическом и прикладном. Первый уровень непосредственно связан с сетевой теорией, которая берет свое начало в основаниях социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм), социальной психологии (Д. Морено, Т. Ньюкомб, А. Бейвлас) и социальной антропологии (Дж. Барнс, Э. Ботт, К. Митчелл, А. Радклифф-Браун)⁶⁷. По мнению Г.В. Градосельской⁶⁸, наиболее интересные социологические теории в этой области связаны с именами Б. Велмана⁶⁹, Л. Фримана, С. Вассермана, Д. Ноука, Дж. Куклински и некоторых других⁷⁰.

Поскольку сетевая теория по сути не выражает никакой мировоззренческой позиции, а применяемые ею абстрактно-математические методы универсальны, то современные исследователи сошлись во мнении, что сетевая теория является «метатеорией».

В 2004 г. Social Science Citation Index зарегистрировал около 450 публикаций с наименованием «социальная сеть или социальные сети». Среди них только 53 цитаты отсылают к социологическим журналам. Всего более 10 журналов публикуют материалы по этой проблематике⁷¹.

Ссылки:

- 1 Tönnies, F. *Gemeinschaft und Gesellschaft*, Leipzig: Fues's Verlag, 1887.
- 2 Durkheim, E. *De la division du travail social*:

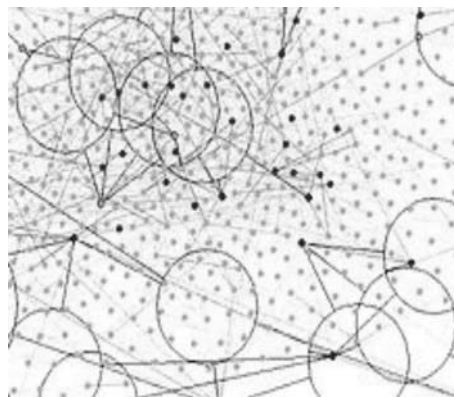

Рис. 11. Диаграмма социальной сети: макро-уровень

étude sur l'organisation des sociétés supérieures, Paris: F. Alcan, 1893.

3 Simmel, G. *Soziologie*, Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

4 Radcliffe-Brown A.R. *Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses*. L.: Cohen & West, 1952

5 Scott, John P. *Social Network Analysis: A Handbook* (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000, p. 8; Carrington, Peter J., Scott, J. Introduction // *The Sage Handbook of Social Network Analysis*. SAGE. 2011. p. 1.

6 Malinowski, B. *The Family Among the Australian Aborigines: A Sociological Study*. London: University of London Press, 1913.

7 Radcliffe-Brown, A.R. *The Social Organization of Australian Tribes*. Glencoe, 111.: Free Press, 1948; Radcliffe-Brown, A.R. On social structure // *Journal of the Royal Anthropological Institute*, (1940). 70, 1-12.

8 Lévi-Strauss, C. *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris: La Haye, Mouton et Co., 1947.

9 Barnes, J. *Class and Committees in a Norwegian Island Parish* // *Human Relations*, (1954). (7): 39-58.

10 Freeman, Linton C., Wellman B. A note on the ancestral Toronto home of social network analysis // *Connections*, (1995). 18(2): 15-19; Savage, M. Elizabeth Bott and the formation of modern British sociology // *The Sociological Review*, (2008). 56(4): 579-605.

11 Scott, John P. *Social Network Analysis: A Handbook* (2nd edition). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000.

12 Nadel, S.F. *The Theory of Social Structure*. London: Cohen and West, 1957.

- 13 Scott J. *Social Network Analysis: A Handbook*. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000.
- 14 Jones D. *Sociometry and Social Network Analysis: Applications and Implications* // ANZPA Journal 15 December 2006, p.80.
- 15 Scott J. *Social Network Analysis: A Handbook*. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. [<http://www.analytictech.com/mb119/tableof.htm>]
- 16 Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
- 17 Чугунов А.В. *Социальная информатика: Учебное пособие*. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012. с.42.
- 18 Parsons, T. *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of European Writers*. N.Y.: The Free Press, 1937; Parsons, T. *The Social System*. N.Y.: The Free Press, 1951.
- 19 Blau, P. *Bureaucracy in Modern Society*. New York: Random House, Inc., 1956; Blau, P. *A Theory of Social Integration* // *The American Journal of Sociology*, (1960). (65)6: 545-556 (May); Blau, P. *Exchange and Power in Social Life*, 1964.
- 20 Hogan B. *The Networked Individual: A Profile of Barry Wellman* // *Semiotix* [<http://www.semioticon.com/semiotix/semiotix14/sem-14-05.html>].
- 21 Granovetter M. *Introduction for the French Reader* // *Sociologica* (2007). 2: 1–8.
- 22 Wellman, B. *Structural analysis: From method and metaphor to theory and substance* // B. Wellman and S. D. Berkowitz (eds.) *Social Structures: A Network Approach*, Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988. Pp. 19-61.
- 23 Mullins, N. *Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. New York: Harper and Row, 1973; Tilly, C., (ed.) *An Urban World*. Boston: Little Brown, 1974; Granovetter M. *Introduction for the French Reader* // *Sociologica* 2 (2007): 1–8; Wellman, Barry. 1988. «Structural Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance» // *Social Structures: A Network Approach*, edited by Barry Wellman and S.D. Berkowitz. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 19-61.
- 24 Lewin, K. *Field theory in social science; selected theoretical papers*. D. Cartwright (ed.). New York: Harper & Row, 1951.
- 25 Ясницкий, А. *К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др.* // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal – Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*. – 2012. – N 1. – С. 60-97; Зейгарник Б. В. *Теория личности К. Левина*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С.18–32, 43–51.
- 26 Cartwright, D. & Zander, A. *Group dynamics: Research and theory*. London: Tavistock, 1953; Harary F., Norman R. Z. *The dissimilarity characteristic of Husimi trees* // *Ann. of Math.* vol. 58 (1953) pp. 134-141.
- 27 Кцнig, D. *Theorie der endlichen und unendlichen Graphen*. New Chelsea, 1936.
- 28 Cartwright, D. and Harary, F. *Structural balance: a generalization of Heider's theory* // *Psychological Review*, (1956) vol. 63, pp. 277–293.
- 29 Glanzer M., Glaser R. *Techniques for the study of group structure and behavior: I. Analysis of structure* // *Psychological Bulletin*, Vol 56(5), Sep 1959, 317-332; Bavelas A. *A mathematical model for small group structures* // *Human Organization* 1948 7: 16-30; Bavelas A. *Communication patterns in task oriented groups* // *Journal of the Acoustical Society of America* 1950 22: 271-282; Festinger L. *The analysis of sociograms using matrix algebra* // *Human Relations* 1949 10: 153-158.
- 30 Фрэнк Харари (Frank Harary) (1921-2005) – американский математик, специализировавшийся в теории графов. Является признанным основателем современной теории графов
- 31 Davis, J. A. *Clustering and Structural Balance in Graphs* // *Human Relations*, 1967. 20:282-87.
- 32 Rapoport A. *Ignition Phenomena in Random Nets* // *Bulletin of Mathematical Biophysics*, (1952) 14; Rapoport A. *Nets with Reciprocity Bias* // *Bulletin of Mathematical Biophysics*, (1958) 20.
- 33 Fararo, T.J. and Sunshine, M.H. *A Study of a Biased Friendship Net*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1964; Coleman, J.S., Katz, E. and Menzel, H. *Medical Innovation: a Diffusion Study*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.
- 34 Scott J. *Social Network Analysis: A Handbook*. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. p.19-20.
- 35 Warner, W.L., Lunt, P.S. *The Social Life of a Modern Community*. New Haven, CT: Yale University Press, 1941. p.113.
- 36 Warner, W.L., Lunt, P.S. *The Social Life of a Modern Community*. New Haven, CT: Yale University Press, 1941. p.42.

- 37 Davis A., Gardner B.B., Gardner M.R. Deep South. Chicago: University of Chicago Press, 1941. Chapter 7.
- 38 См.: Festinger, L. The Analysis of Sociograms Using Matrix Algebra // Human Relations, (1949) 2.
- 39 Homans, G.C. The Human Group. London; Routledge and Kegan Paul, 1951. p.83.
- 40 Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. p.
- 41 Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. p.24.
- 42 Homans, G.C. The Human Group. London; Routledge and Kegan Paul, 1951. p.66-70.
- 43 Homans, G.C. The Human Group. London; Routledge and Kegan Paul, 1951. p.83.
- 44 Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. p.24-25.
- 45 Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. p.25-26.
- 46 Homans, G.C. Social Behaviour. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.
- 47 Eunson, B. *Communicating for Team Building*. Milton, Qld: John Wiley & Sons, 1994; Hayllar, B. *Pathways to Research*. Port Melbourne, Vic: Rigby Heinemann, 1996.
- 48 Кравченко А. И. Социология: учебник для бакалавров / А. И. Кравченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012, с.320.
- 49 <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
- 50 Social network // http://en.wikipedia.org/wiki/Social_network
- 51 Wasserman, S., Faust K. Social Network Analysis in the Social and Behavioral Sciences // Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge University Press, 1994, pp. 1–27.
- 52 Анализ социальных сетей. Social Network Analysis: a Review. Материалы семинара. М., 2012. с. 10-11 [http://socrel.pstgu.ru/wp-content/uploads/2013/09/WP_2012-10.pdf]
- 53 Источник: Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей. Автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 2001
- 54 В конечном счете специалисты пришли к выводу: сеть создает формирующиеся между этими объектами связи, иначе бы любой список объектов являлся сетью.
- 55 Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей. Автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 2001
- 56 Mitzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology November 2009 vol. 57 no. 6 871-887.
- 57 Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социс, 2011, №8, с.35.
- 58 Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012. с.107-108.
- 59 Источник: <http://do.gendocs.ru/docs/index-382971.html>
- 60 Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004, с.20.
- 61 Hayllar, B. *Pathways to Research*. Port Melbourne, Vic: Rigby Heinemann, 1996.
- 62 Exploring sociometric models and sociograms // http://www.curriculumsupport.education.nsw.gov.au/secondary/pdhp/assets/pdf/tlsupp_004.pdf
- 63 Источник: Teasdale T.C. Social Psychology. Hong Kong: Lloyd O'Neil Pty Ltd, 1976, p. 35.
- 64 Eunson, B. *Communicating for Team Building*. Milton, Qld: John Wiley & Sons, 1994; Hayllar, B. *Pathways to Research*. Port Melbourne, Vic: Rigby Heinemann, 1996.
- 65 Hedström, P., Sandell R., Stern C. Mesolevel Networks and the Diffusion of Social Movements: The Case of the Swedish Social Democratic Party // American Journal of Sociology, (2000) 106(1): 145–72.
- 66 Wellman, B., Berkowitz, S.D. Social Structures: A Network Approach. Structural Analysis in the Social Sciences. Cambridge University Press, 1988.
- 67 Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012. с.108.
- 68 Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие. М., 2004. С. 10.
- 69 Wellman B. Network analysis: some basic principles // Sociol. Theory. 1983. Vol. I. P. 155-199.
- 70 Freeman L. C. Centrality in social networks, conceptual clarifications // Soc. Networks. 1979. Vol. 1. P. 215-236; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Knoke D., Kuklinski J.H. Network analysis, 1982; Хойслинг Р. Контексты и перспективы сетевой теории // Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. Пер. с нем. – М.: Логос-Альтера, 2003.
- 71 Freeman Linton C. The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science. Vancouver, Canada: Booksurge Publishing, 2004.

Подходы к типологии и классификации словарей

Тютюнников Н.Н.

В статье рассмотрены вопросы типологии и классификации словарей, как одного из основных методов исследования в лексикографии. Определены цели проведения лексикографической типологии и классификации, как для анализа множества существующих словарей, так и для создания новых.

Ключевые слова: лексикография, типология словарей, одноаспектная классификация, многоаспектная классификация, лексикографическая параметризация, системный подход.

Approaches to the typology and classification dictionaries Tyutyunnikov N.N.

The questions of typology and classification of dictionaries, as one of the main methods of research in lexicography. The aims of the lexicographic typology and classification, as for the analysis of the many existing dictionaries, as well as to create new ones.

Keywords: lexicography, typology of dictionaries, one-aspect classification, multi-aspect classification, lexicographical parameterization, systematic approach.

Лексикография является разделом языкознания, занимающимся вопросами составления словарей и их изучением. Одним из главных разделов лексикографии наряду с учением о структуре и элементах словаря является типология словарей.

На сегодняшний день существует большое количество различных типологий и классификаций. Так, например, в области лексикографии М.Л. Апажев в своей книге отмечает, что для построения типологии словарей было рассмотрено более 1200 исследований отечественных и зарубежных авторов [1, с. 29].

Первая в мире типология словарей была разработана русским и советским языковедом Л.В. Щербой в первой половине XX века. Его работа явилась отправной точкой для разработок отечественных и зарубежных лексикографических типологий и классификаций. В своих трудах он отмечал: «Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение...» [2, с. 265].

Основными целями осуществления работ по типологии и классификации словарей являются:

1) Повышение эффективности удовлетворения информационных потребностей читателей за счет предоставления им высококачественных справочных изданий.

2) Создание системы словарей, позволяющей с разных точек зрения или в различных аспектах представить всю глубину описываемой предметной области или лексическое многообразие языка в соответствии с запросами читателей, не перегружая их детальными сведениями.

3) Повышение качества разрабатываемых словарей различных типов за счет унификации технологии их создания.

4) Прогнозирование создания словарей новых типов.

5) Дальнейшее развитие теории и практики лексикографии.

6) Создание словарного фонда в рамках информационной системы, обеспечивающего высокую релевантность результатов поисковых запросов пользователя в условиях информационного взрыва.

Рассмотрение всех лексикографических типологий и классификаций не входило в задачи настоящего исследования. Был проведен анализ только 34 национальных и зарубежных типологий и классификаций, на которые чаще всего ссылаются лексикографы в своих обзорах и исследованиях. Однако даже на таком небольшом количестве трудов можно выделить пять основных подходов к построению типологий и классификаций словарей, представленных на рис. 1.

При рассмотрении подходов к типологии и классификации словарей необходимо учитывать тот факт, что словарь, наряду с энциклопедией и справочником, являются основными видами справочных изданий. В связи с этим, существующие классификации изданий (прежде всего нормативные) применимы и к словарям.

Нормативная классификация справочных изданий регламентируется ГОСТ 7.60–2003 [3], устанавливающим термины и определения на основные виды изданий, и ГОСТ Р 7.0.14–2011 [4], определяющим основные виды, структуру и издательско-полиграфическое оформление справочных изданий. За основу классификации справочных изданий взята структурная единица его основного текста, которая состоит: для энциклопедии – из энциклопедической статьи, содержащей заглавное слово и пояснительный текст; для словаря – из словарной статьи, содержащей заглавное слово и его описание; для справочника – из справочной статьи, содержащей заголовки и пояснительный текст.

Фактически, данная классификация в части первых двух видов изданий соответствует в лек-

сикографии делению на энциклопедические и языковые словари.

1. Разделение на энциклопедические и языковые словари

Наиболее общим подходом к типологии словарей в лексикографии является разделение словарей на энциклопедические и языковые (филологические, лингвистические) словари.

Его подметил еще Л.В. Щерба (1939 г.) [2, с. 278] в своих противоположениях, вторым из которых является противопоставление энциклопедического и общего словаря. Основанием для их деления является преобладание у первого имен собственных, а у второго – имен нарицательных.

Однако в последующем лексикографы уточнили эту точку зрения, поменяв основание деления. Так уже Л.И. Рахманова (1966 г.) [5, с. 3] отмечает, что в энциклопедическом словаре описывается «вещь», а в языковом объясняется «слово», называющее эту вещь. Тоже выделяет Б. Кемада (1968 г.) [6] во второй части своей типоло-

Рис. 1. Основные подходы к типологии и классификации словарей

гии, подразделяя по критерию «слова – вещи».

Заслуживает внимания также точка зрения Дж. Хеймана [7, с. 329], который вопреки традиционному мнению считает, что в принципе словарь – это и есть энциклопедия.

Однако между ними существуют различия. Наиболее полно их выразил В.В. Дубичинский. Он писал: «На практике все же различия между лингвистическими словарями и энциклопедиями существуют, и основой этих различий можно считать тот факт, что в лингвистическом словаре семантизация единиц лежит в плоскости „преднаучной“, наивной картины мира, тогда как энциклопедии оперируют строго научными дефинициями» [8, с. 72].

Поэтому, в лексикографии наиболее общим является разделение словарей на энциклопедические (или энциклопедии) и языковые (или филологические, или лингвистические, или просто словари). В первых из них описываются объекты, субъекты, процессы, явления реального мира, а во вторых – единицы языка, называющие их и употребляющиеся для их описания. Несмотря на условность такого деления и одновременного наличия энциклопедических и языковых свойств во многих словарях, энциклопедические словари, прежде всего, предназначены для одинакового понимания читателями различных частей окружающей их действительности или мысленного представления о них. В свою очередь, лингвистические словари предназначены для достижения такого понимания или представления между людьми, когда один человек излагает некоторую точку зрения другому с помощью языка.

2. Типология словарей

Более детальным в лексикографии является разделение словарей по типам или типология словарей.

Начало работ в этой области было положено Л.В. Щербой (1939 г.), который отмечает: «Хотя человечество очень давно начало заниматься составлением словарей разных типов, однако какой-либо лексикографической теории, по-видимому, не существует еще и до сих пор» [2, с. 265]. Им было выделено 11 типов словарей.

Одной из первых работ, заложивших основы современного представления типологии словарей явилось пособие Л.И. Рахмановой (1966 г.) [5], в котором было выделено и описано 14 основных

типов (или видов у автора) лингвистических словарей (не считая других классификаций словарей).

В соответствии с современными взглядами лексикографов типология словарей представляет собой расчленение словарей исходной предметной области и их группировку на основе доминирующего классификационного признака, который обычно присутствует в названии словаря, например, толковый словарь, энциклопедический словарь, словарь синонимов. Особенностью типологии словарей является то, что допускается выделение равнозначного типа словаря по разным основаниям обобщенной, идеализированной модели, что является недопустимым при классификации словарей.

3. Одноаспектная классификация словарей

Типология словарей как метод исследования в лексикографии имеет свои недостатки, и здесь ей на помощь приходит классификация словарей (прежде всего одноаспектная или иерархическая).

Одним из основных недостатков типологии словарей является ее обозримость только при небольшом количестве типов. При выделении в типологии более 5–7 типов она в большинстве случаев перестает восприниматься человеком как целостная система и представляется в его сознании как множество несистематизированных объектов, требующих дальнейшей группировки.

Такая группировка, объединяющая (выделяющая) определенную группу объектов (типов словарей – в нашем случае) по некоторому признаку называется классом. В свою очередь процесс и результат этой группировки называется классификацией.

В теории классификации и кодирования информации применяются два метода классификации – иерархический и фасетный.

При первом из них заданное множество объектов классификации последовательно делится на подчиненные подмножества [9]. То есть вся совокупность выделенных типов словарей группируется на классы. Причем каждому классу словарей соответствует признак, характерный для всех типов словарей, входящих в данную группу. В дальнейшем операция деления может быть проведена требуемое количество раз для группировки на классы более нижнего уровня, подклассы, виды и тому подобное.

Признак деления характеризует выбранную точку зрения, называемую аспектом, под которым рассматриваются объекты классификации в соответствии с целями исследования (или построения классификации). Так как на каждом уровне классификации типов словарей деление на подчиненные подмножества осуществляется только по одному признаку, то можно говорить об одноаспектной классификации словарей.

Примером большой одноаспектной классификации словарей является практическая типология филологических словарей М.Л. Апажева (1971 г.) [1], включающая в себя 100 типов словарей, выделенных на основе более 1000 филологических словарей. Наличие такого большого количества объектов классификации потребовало выделение 10 классов словарей, в каждом из которых от 3 до 26 типов словарей.

4. Многоаспектная классификация словарей

Другим методом исследования в лексикографии наряду с одноаспектной классификацией является многоаспектная классификация словарей. Она использует фасетный метод классификации информации, в качестве которой в данном случае выступают типы словарей.

При фасетном методе классификации заданное множество объектов классификации делится на независимые подмножества по различным признакам классификации [9].

В самом простом и распространенном случае деление объектов классификации по одному классификационному признаку осуществляется на ряд равнозначных позиций. В более сложных случаях значения одного классификационного признака фасетной классификации могут быть соподчинены друг с другом с помощью иерархического метода классификации.

При фасетном методе классификации аспектом является один из множества признаков классификации. Поэтому в данном случае при использовании этого метода можно говорить о многоаспектной классификации словарей.

Первой, употребившей понятия фасетной классификации для типов словарей, была В.Ф. Роменская (1978 г.) [10]. Она выделила 8 фасет, с помощью которых можно описать различные свойства любого словаря. Каждая фасета содержит 2–3 (и более) значения, связанные простым перечислением.

5. Лексикографическая параметризация словарей

Наиболее детальным подходом исследования словарей в лексикографии является лексикографическая параметризация.

Данное название закрепилось за этим подходом после выхода после выхода книги Ю.П. Караулова «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (1981 г.) [11]. В ней автор отмечал, что существующая типология словарей в большей степени является типологией названий, основанной на доминирующем признаке (доминантной характеристике) словаря. Но информация в словарях разных типов частично пересекается. Поэтому он ставит вопрос о минимальной единице языковой информации или языковой структуры, содержащейся в словарях, которая была названа лексикографическим параметром. На основании этих рассуждений автор на основе параметрического анализа 6 словарей выделяет 67 лексикографических параметров.

Метод лексикографической параметризации позволяет наиболее детально рассматривать словари, причем как существующие для их типологии и классификации, так и разрабатываемые для повышения их качества за счет использования типовых элементов состава словаря и структуры словарных статей. Лексикографические параметры описывают с заданной степенью формализации минимальные единицы языковой информации или языковой структуры, содержащейся в словарях. На сегодняшний день лексикографы выделяют три группы лексикографических параметров: назначения словаря, характеризующих методическую установку при его создании и его место в типологии и классификации словарей; состава словаря, определяющих основные компоненты словаря и их организацию; структуры словарных статей, описывающих их формат и характер написания. Количество таких параметров может быть от около десятка до одной сотни.

Заключение

В заключение обобщения подходов к типологии и классификации словарей можно сделать следующий вывод. Применение системного подхода, в отличие от структурного или функционального подходов, обеспечивает значительное снижение сложности лексикографичес-

кого анализа. Рассмотрение совокупности словарей, их состава и структуры словарных статей в виде иерархической системы позволяет не только гармонично вписать словари различных типов в множество видов различных изданий с их разнообразной классификацией, но и регулировать трудоемкость анализа словарей с помощью выбора требуемого уровня детализации их параметров.

В рамках системного подхода при выделении системы словарей в качестве ее внешней среды целесообразно использовать совокупность изданий. В нее словари входят как один из видов справочных изданий. Это позволяет использовать для типологии словарей существующие классификации изданий, нормативно принятые на государственном уровне.

Построение системы словарей в виде 5-ти уровневой иерархической системы и перемещение точки зрения исследователя системы на элементы нужного уровня позволяет снизить сложность лексикографического анализа до требуемого уровня детализации.

На первом уровне системы словарей закрепляется исторически сложившееся их деление на энциклопедические и языковые словари. Первые из них описывают объекты, субъекты, процессы, явления реального мира и служат для расширения человеческих знаний. Вторые содержат единицы языка и предназначены для правильного его использования людьми.

На втором уровне системы осуществляется типология словарей, то есть отнесение словаря к одному из известных (или новых) типов. Типология словарей осуществляется на основе одного доминирующего классификационного признака, который обычно присутствует в названии словаря.

На третьем уровне система словарей представляется в более сложном, но наглядном виде одноаспектной классификации словарей. Здесь все множество выделенных на предыдущем уровне типов и соответствующих им словарей делится на более крупные образования, образуя иерархическое дерево словарей.

На четвертом уровне системы учитывается многоаспектность классификации словарей, при которой словарь может быть одновременно отнесен к нескольким типам, выделенных на основе различных классификационных (дифференциальных) признаков. Типология отдельно-

го словаря системы характеризуется совокупностью значений всех фасет по каждому аспекту классификации.

Самым детальным является пятый уровень системы словарей, рассматривающий словарь с точки зрения его назначения, состава и структуры словарных статей. На этом уровне назначение словаря, прежде всего, характеризуется его типологией и (или) классификацией, а для описания состава словаря и структуры его статей применяются дополнительные лексикографические параметры.

Литература

1. Апажев М.Л. Лексикография: теория и практика. Прошлое. Настоящее. Будущее. — Нальчик: Эльбрус, 2005. — 384 с.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
3. ГОСТ 7.60—2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения. — Минск: ИПК Изд-во стандартов, 2004. — 36 с.
4. ГОСТ Р 7.0.14—2011. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Справочные издания. Основные виды, структура и издательско-полиграфическое оформление. — М.: Стандартинформ, 2012. — 8 с.
5. Рахманова Л.И. Русский язык. Лексикография. — М.: Изд-во Московского университета, 1966. — 46 с.
6. Quemada, B. (1968). Les Dictionnaires du franc?ais modern. Paris, Bruxelles, Montre?al: Didier, pp. 1539—1863.
7. Haiman, J. (1980). Dictionaries and Encyclopedias. *Lingua*, 50, pp. 329—357.
8. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. — М.: Наука; Флинта, 2009. — 432 с.
9. ПР 50.1.024—2005. Основные положения и порядок проведения работ по разработке, ведению и применению общероссийских классификаторов. — М.: Стандартинформ, 2006. — 34 с.
10. Роменская В.Ф. О классификационной схеме «тип словаря» // Структурная и прикладная лингвистика / ЛГУ им. Жданова. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. — С. 182—188.
11. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1981. — 366 с.

Что такое социальное православие

Щипков А. В.

Статья рассказывает о феномене «пленения церкви» государством, об автономности и идейной самостоятельности современной русской церкви, о различии между социальной концепцией РПЦ и господствующей в России идеологией «тотальной конкуренции».

Ключевые слова: государственное пленение церкви, мальтузианство, православная этика, русский социализм, симфония, социал-дарвинизм, социальная концепция РПЦ, социальное православие.

Schipkov AV.

What is social Orthodoxy

This paper describes the phenomenon of «Captivity of the Church» by the state, the autonomy and independence of the modern ideological Russian Church, the distinction between the social concept of the ROC and the dominant ideology in Russia «all-out competition.»

Key words: state capture of the church, Malthusianism, Orthodox ethics, Russian socialism, symphony, social Darwinism, social concept of the Russian Orthodox Church, social orthodoxy.

Со времен исчезновения с политической карты мира Советского Союза прошло более двадцати лет. Это огромный срок. Но на наше отношение к церковной истории все еще сильно влияют идеологические клише. До сих пор иногда приходится встречаться с абсурдным утверждением, что Церковь в России является слугой государства, глашатаем его идеологии и, в конечном счете, воспеваает чуждый ей культ. Только заходит речь о реституции, от кого-нибудь непременно слышим: здания церквей возвращают в обмен на лояльность. Как только РПЦ предлагает учить детей нормам православной культуры, непременно кто-нибудь скажет: «Помилуйте, это же новый обком». И когда идет речь об услугах капелланов в армии, о строительстве в Москве храмов шаговой доступности – антиклерикализм считает должным заявить о себе. Если на эти заявления не обращают внимания, рано или поздно следуют провокации вроде тех, которые имели место на выставке «Осторожно, религия!» или, того хуже, в ходе так называемого панк-молебна в Храме Христа Спасителя. На этом фоне постоянно предпринимаются попытки ограничить права верующих и вернуть религиозную ситуацию к состоянию советского времени. В рамках такого рода политической активности появился на свет проект радикально-атеистического «Религиозного кодекса» за авторством Михаила Прохорова.

Антицерковные политики стремятся создать впечатление, что Церковь всецело поддерживает тот странный многовековой режим, который некоторые русские историки со времен Ключевского и его школы называют «внутренней колонизацией» и «опричной системой». Это когда в рамках одного государства в странном соседстве существуют две страны, большая и малая. Причем меньшая сосредоточила в своих руках 90% существующих активов и живет

«другой» жизнью по сравнению с национальным большинством.

Прежде всего надо сказать, что российская ситуация не совсем уникальна. Это всего лишь следствие принятой современными властными элитами социал-дарвинистской морали, бесчеловечную сущность которой подчеркивали многие. С одной стороны, например, христианские мыслители эпохи патристики - прозорливо, пророчески и на свой лад - в частности, святитель Григорий Нисский в своей проповеди «Против ростовщиков» [3]. С другой стороны, так называемые классики марксизма: «Дарвиновская теория борьбы за существование есть просто перенос теории Гоббса «bellum omnium contra omnes» и буржуазно-экономической теории конкуренции, а также Мальтусовской демографической теории из общества в органическую природу. Сделав подобный трюк... легко перенести эти теории из естественной истории обратно в историю общества... и заявлять, что этот тезис находит подтверждение как вечный естественный закон общества» [2, С. 406-409].

Тогда причем здесь Церковь? Объяснения, как правило, скупы и невняты. Ну, просто все дело в том, что она ведь она плоть от плоти власти. Потому что ведь так повелось...

Самое смешное – наблюдать, как антицерковные критики либерального направления вдруг переходят на марксистские позиции, в принципе им чуждые, и рассуждают в том духе, что, мол, церковь – это элемент политической надстройки, а православие - часть идеологии правящего класса.

Идеология правящего класса хорошо известна: накопительство и потребление. Исходя из этого, группа так называемых «либеральных православных», для которых такое их кредо отнюдь не представляет новости, подбрасывает Церкви сомнительные формулы: «солидный Господь – для солидных господ», «православная этика и дух капитализма», «секулярное христианство». Чем дальше, тем больше и в конце концов можно услышать утверждения о том, что Церкви, чтобы быть современной, необходимо, мол, отказаться «от библейской концепции греха» и от «тезиса об исключительности Христа», проявить лояльность к абортам и к гендерной теории пола. Порою тон представителей этой социальной группы становится ультимативным.

По поводу описанной ситуации известный православный активист Филипп Гриль заметил: «Я уверен: если бы Церковь позволила использовать свой бренд для маркировки либеральных ценностей, которые лежат в основе нынешнего политического курса, ее бы превознесли. Но именно это и было бы сервильзмом, огосударствлением, «иосифлянкой болезнью». Существенна именно эта политизация конфликта. Церкви выдвинули не какой-нибудь, а именно политический ультиматум. От РПЦ хотели бы поддержки ценностей определенной части правящей элиты. Получается крайне забавная ситуация. От Церкви добиваются именно того, в чем ее обвиняют: «Почему бы вам не принять наши ценности, не проявить сервильность, если мы и так всех убедим в вашем сервильстве» [4].

В 2000 году увидел свет документ под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Достаточно бегло пролистать его, чтобы убедиться в фальсифицирующей направленности мифов о «неосергианстве», государственной церкви и православном госкапитализме. Но люди читают порой невнимательно, и пытаются, не зная сути, примирять в душе непримиримое. Любовь к неоязыческим культам, к элитаристским установкам «общества тотальной конкуренции» - и слово Божье.

О том, что это невозможно, неоднократно говорили как богословы, так и светские публицисты. Например, художник и философ Максим Кантор: «В будущее возьмут не всех» - это любимый слоган новаторов двадцатого века; Христос, например, считал, что в жизнь вечную возьмут всех, но в этом пункте современная цивилизация склонна придерживаться реалистического взгляда на вещи: и в жизни сегодняшней приняты не все, и в будущее всех не возьмут, не резиновое. Первым, что изъяли из будущего – оказался христианский образ» [1, С. 80].

Теперь о «симфонии» и «сервильстве». Само утверждение, будто бы совмещенный культ кесаря и патриарха есть чаемая «симфония», – столь же пафосно, сколь и неверно. Русская Церковь далеко не всегда была причастна к интересам правящего класса. До середины XVII века в стране существовала народная теократия. Она возникла после татарского нашествия и была создана усилиями всей русской нации. Произошло это, заметим, вопреки государственно-

му вассалитету князей перед ханами. Скажем еще точнее: в России в этот период развивалось социальное православие. Оно продвигалось энтузиазмом Иосифа Волоцкого и его последователей. И дожило до времен Аввакума и Ивана Неронова. До той поры, пока Церковь не была насильно вписана в проект бюрократического государства.

Отголоски этой ситуации наблюдались и в начале XX века. Не случайно русская версия социализма связана с именем Сергея Булгакова. Не случайно протоиерей Валентин Свенцицкий в 1912 году призывает верующих людей голосовать за левые партии (не большевистские). К сожалению, идея социального государства в 1917 году попала в руки политических авантюристов, использовавших ее как временный манок для русского общества. Что произошло потом, хорошо известно.

Конечно, дыма без огня не бывает. Государство временами стремится навязать Церкви то холопские комплексы, то кодекс коммунизма, то веберовский идеал. Но Церковь, как может, противостоит этому нажиму. Стараниями того же Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Феодосия Печерского, митрополита Филиппа, патриархов Тихона и Сергея. Период «государственного пленения Церкви», когда она утрачивала автономию, длился после Раскола (Реформы) и вплоть до окончания синодального периода в 1917 году. С обер-прокурором Синода вместо патриарха во главе Церкви. Тогда члены церкви и впрямь должны были совмещать Слово Божье со словом кесаря. Они еще не знали, не догадывались, что этот период закончится навсегда.

Поначалу Церковь была отторгнута большевистской властью от общества. Это означало гибель тысяч священников. Ситуация болезненная и страшная. Она была подретуширована после 1943 года, а репрессии частично прекращены при патриархе Сергии и до конца советского периода. Но, не уничтожив Церковь до конца, власть в начале 90-х забыла про неё на десяти-

летие. За это время РПЦ сформировала собственную социальную концепцию, не имеющую ничего общего с господствующим в официальных кругах социал-дарвинизмом и обществом борьбы всех против всех.

Церковь по своей сути обязана стоять на защите социального государства. Тем не менее сегодня, упоминая о социализме или социал-демократии в кругу политологов, бывает трудно объяснить, что речь вовсе не обязательно должна идти об авторитарной системе. В той же Германии, к слову, феномен социальной церкви, социального христианства воспринимается куда легче и привычнее.

Но ситуацию надо менять. Не выйдя за рамки порочной объяснительной модели, нельзя двигаться вперед. Причем прекрасные условия для этого шага сложились именно сегодня. Со времен господства госатеизма Церковь впервые оказалась свободна. Насильно закрепощать ее никто не пытается. А вот намерение вытолкнуть РПЦ из пространства общественных дискуссий прослеживается вполне отчетливо со стороны некоторых кругов политической элиты. Однако нельзя не учитывать, что православные в России уже оформились в мощную социальную группу, к голосу которой нельзя не прислушиваться.

Литература

1. Кантор, М.К. Перспективы авангарда // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. - Москва, 2013. с. 80.
2. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Письмо Энгельса П.Л. Лаврову. Сочинения, т. XXVI, - М.: 1935 г., С. 406-409.
3. Нисский, Григорий. Против ростовщиков. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravmir.ru/protiv-rostovshnikov-i-kreditorov-propoved-svyatitelya-grigoriya-nisskogo> (дата обращения 25.07.2014)
4. Щипков А. Церковь перед угрозой секулярной реформации. [Электронный ресурс] - URL: http://religare.ru/2_94875.html (дата обращения 22.07.2014)

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Формирование милосердия в процессе воспитания в рамках государства и общества

Белоножкина М. В.

Рассматривается роль государства и влияние общества на формирования милосердия в процессе воспитания старших школьников.

Ключевые слова: милосердие, воспитание, подросток, ребенок, личность, социализация, государство, общество.

Formation of mercy in the course of education within the state and society

Belonozhkina M. V.

Analysis the role of the state and the influence of society on the mercy formation in the educational process of older schoolchildren.

Key words: mercy, education, teenagers, child, personality, socialization, state, society.

Формирование молодого поколения это не только проблема каждой семьи в отдельности. Подросток помимо микрогруппы также «впитывает в себя» качественные послылы города, страны, то есть, общества, в котором он растет и воспитывается. Государство, несомненно, определяет условия, содержание социального воспитания старших школьников.

Воспитание милосердной личности не может быть полноценным, если в процессе в него не включено гражданское воспитание. Одной из главных задач является привитие будущим гражданам чувства патриотизма, активной гражданской позиции в отношении воплощения данного качества в реалии жизни в данном обществе и стране.

Очевидно, что каждое учебное заведение преследует цели определенного социального заказа, в основе которого лежит идеология государства в определенный момент его развития, исходя из которого, и складывается направленность социального воспитания подрастающих граждан (В. В. Зеньковский, А. В. Луначарский, Н. Н. Иорданский). [7, с.33.]

В трудах многих философов, педагогов, ученых подчеркивается необходимость общественного воспитания. Данное понятие несет в себе процесс социализации личности, приобретение подростком определенных качеств и черт, в рамках которых данному индивиду потребностью и

неотъемлемой частью жизни в государстве станет необходимость активно участвовать, преследовать и отстаивать интересы данного социума.

Во все времена на каждом историческом витке развития существовал определенный социальный идеал, к которому стремилось данное общество. Желание достигнуть идеала являлось своего рода планом по формированию будущих граждан. Таким образом, целью становилось максимальное воспитательное влияние на подрастающее поколение с целью привить им и сформировать в них необходимые качества. «Новые люди», «новое общество», «новое государство», «новая порода людей» - это идеал, пронесенный сквозь века и ставший целью в жизни многих общественных, исторических, научных деятелей среди которых Ж.Ж. Руссо, И.И. Бецкой, Н.И. Иорданский и многие другие. [7, с. 34]

Л.В. Мардахаев в своих трудах упоминает такое понятие как «диссоциальное» [2, с.103-104] воспитание. Под данным термином понимается целенаправленное формирование анти-социального сознания и поведения у членов контркультурных организаций, целью которых является противостояние ценностям и правилам общества. Хотелось бы при этом отметить, что в группу риска попадания под их влияние являются именно дети и подростки. В соответствии с изменениями в физиологии, а также проходя не простой этап психического и эмоционального становления, так называемого «взросления» учащиеся старших классов имеют пылкий ум, огромное желание пойти в противовес всему миру, доказать свою точку зрения, имея при этом маленький жизненный опыт и юношеский максимализм. Они наивно доверяют словам людей, зачастую тонким психологам, нечестным и порочным, преследующим свои корыстные политические, финансовые, личные цели.

Только внимательное отношение членов семьи, учителей, грамотный качественный многогранный всесторонний воспитательный и образовательный процесс формирования личности может оградить школьников от колоссальных проблем в жизни, коверкания психики, деформации неокрепших молодых душ и как последствия «большого» общества.

Особое место социальной педагогике занимают труды современных педагогов, посвящен-

ные самосовершенствованию человека. Рассматривая процесс формирования милосердия личности школьника в данном контексте необходимо отметить большую роль саморазвития личности. При создании оптимальных условий со стороны окружения ребенка, человеку необходимо ставить цели, выбирать способы их достижения, прогнозировать ситуации и способы достижения и выходов из трудностей. [7, с.35]

Существует необходимость в поведенческих моделях, ценностных ориентирах. Говоря о недостаточности стихийной социализации, разработан ряд критериев для выявления обозначения динамики развития социальности в процессе социального сопровождения человека, включающий критерии *внутреннего* ресурса социальности (В.В. Виноградов):

- степени готовности к сопровождению
- уровень социальных знаний, умений и навыков

- образовательный уровень
- уровень профессиональной пригодности

А также критерии внешнего (адаптивного) ресурса социальности:

- наличие социальных связей
- наличие документов, подтверждающих личностный статус
- определенные социальные гарантии государства перед человеком
- наличие жилья
- возможность трудоустройства и наличие востребованность профессии в обществе.

Гуманистическая модель личности К. Роджерса содержащая самопринятие, автономность, умелое восприятие действительности, способность к сочувствию, состраданию, эмпатия, открытость, спонтанность, толерантность, способность к творчеству является одной из систем, стремящихся к структурному анализу, раскрытию проблем социализации личности, помощи и раскрытию и социальному сопровождению. [3, с.34.]

В.Н. Шульгин выделяет социальное воспитание с позиции субъекта самосовершенствования — направленного осознанного социального самовоспитания человека.

Рассматривая тему воспитания чувства милосердия необходимо подчеркнуть важность личного примера воспитателей перед воспитуемым. Социальный выбор подростка осуществляется, основываясь на действиях и поступках

значимого для него лица. Стоит отметить, что личность, с которой берет пример старший школьник, не всегда является позитивным. Положительным будет пример тогда, когда человека будут окружать достойные высокоморальные люди, информацию, которую он будет черпать из внешнего мира, будет искренней, направленной на обогащение духовного мира ребенка. Помимо близкого круга людей, тех, кто окружает школьника, служат ему примером, существуют телевидение, радио, интернет, пресса. Данные изобретения человечества могут быть как средством, способствующим социализации, так и нести в себе разрушительный потенциал. В большинстве своем, они разлагают молодежь и сужают кругозор человека до низменных, плотских нужд, конечной целью информации которых не являются милосердие и сострадание как составляющие духовности, эмпатии и этики.

Этот важный аспект носит не только индивидуальный, но и государственный характер. Ответственность за данную структуру несут правительство, владельцы изданий, каналов и так далее. То есть люди в первую очередь заинтересованные в финансовой стороне вопроса, а не в моральном или этическом.

Искоренение насилия, разврата, пропаганды аморального и асоциального образа жизни является залогом формирования милосердия у учащихся старших классов и общества в целом. [2, с.99.]

На данном этапе в нашем государстве должна проводиться работа по борьбе над асоциальным воспитанием, коррекция последствий негативного социального воспитания, искоренение навязывания ценностей, идеалов не существующих ментальности русского государства, а также пропаганды того, что ведет к дальнейшему искоренению нашего народа, этноса, государства.

Накопление и передача исторических, этических и духовных ценностей является залогом положительного существования и реализации индивида в национальном государстве. Перенос опыта происходит посредством образовательного пространства и идеологии государства. Опираясь на труды А.М. Егорычева в зависимости от культурного базиса социума, от фундаментальности этических традиций. Все новое, что приходит в устоявшийся общественный строй сталкивается со старыми устоями.

Существует несколько сценариев преобразования общества. Новационные ценности могут быть отвергнуты, могут быть приняты и усилят базис культуры, новые ценности, имея сильный разрушительный потенциал, уничтожат изначальную культуру. [4, с. 19]

В реалии нашего времени важным является потенциал отечественного социокультурного пространства, в накоплении и приумножении российского ценностного богатства, обращении к своей истории, духовному наследию предков. Исходя из определения ценности как особого вида смысла, который усматривает в предмете или явлении человек, приобретаая со временем особый вид духовного образования, необходимо подчеркнуть что милосердие, как составная часть этической ценности бережно сохранялась и передавалась от поколения к поколению. При этом способствуя сохранению и развитию национального этноса. Входя в систему ценностей сострадание, является многовековой духовной традицией народа. Жертвенность, мессианство, всеединство, святость из покон веков прославляло Великую Русь.

И.А. Ильин, Г.П. Федоров, Н.А.Бердяев, Н.О. Лосский в своих трудах говорили о «национальном характере», «душе народа». [5, с.98] Человек с верой в душе, добром и справедливостью творит культуру. Этническая основа русских — это богатейшие традиции, язык, фольклор, в котором собран и передан национальный характер. Русская идея — это национальное самосознание, о котором писали В.С.Соловьев, Л.П. Красавин, Н.А. Бердяев, А.Ф.Лосев и многие другие. [1, с.65]

Рассматривая милосердие сточки зрения духовной традиции, необходимо отметить, что суть духовности анализируется много времени и имела отражение в трудах А.С. Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович. Свое продолжение тема имеет в работах современных научных деятелей, таких как В.Д. Шадрикова, Б.С. Братуся, В.И. Слободчикова, В.П. Зинченко, Л.В. Ясман. Анализ трудов выявил отсутствие общепризнанных решений проблемы духовности на уровне обобщенной теории. [6, с.25]

К.И. Локтев в своих исследованиях приходит к выводу, что решение проблемы поисков первоисточков духовности необходимо искать в психологических категориях, которые, в свою

очередь стали бы обобщающими концептами для многогранности понятия духовности. Данными категориями, по мнению К.И. Локтева, могут стать психологические конструкты: сознание, деятельность, отношение, смысл, человек, субъект, индивидуальность. При этом обобщающим концептом, характеризующим психологическую природу духовности, может являться категория смысла (Д.Л. Леонтьев, А.Г. Асмолов, А.К. Серый). [8, с. 15]

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что формирование милосердия, духовности и нравственное воспитание в старшей школе является сложным многогранным процессом, оно сопряжено с трудовым, эстетическим, патриотическим, физическим воспитанием, при этом огромную роль в этой работе возложено на государство и общество.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. - 320с.
2. Вопросы воспитания. - Под ред. Селивановой Н.Л. - М.: МПСУ, 2010. - №4(5)
3. Виноградов В.В. Концептуальные педагогические основы социального сопровождения осужденных: монография/ Федер. службы исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. - Владимир: ВГУ, 2011.
4. Егорычев А.М. Духовно-нравственные основания в развитии человека и общества русского мира. Социальная педагогика в духовно-нравственном становлении современного человека (сборник научных трудов участников международной научно-практической конференции). Под ред. А.В. Иванова и А.М. Егорычева - М.: МГПУ, 2013. - 292с.
5. Ильин И.А. О русской идее. Наши задачи (Статьи 1948-1951гг) // Собр. Соч.: В 10 т. - Т.1 - М., 1996.
6. Коваль Н.А. Духовность в системе профессионального становления специалиста: Дис. Д-ра психол. наук: 19.00.13. - М.: РГБ, 2002.
7. Мардахаев Л.В. Социальное воспитание в социально-педагогической деятельности. Социальная педагогика в духовно-нравственном становлении современного человека (сборник научных трудов участников международной научно-практической конференции). Под ред. А.В. Иванова и А.М. Егорычева - М.: МГПУ, 2013. - 292с.
8. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика/ Ред. М.С. Яницкий. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. - 272с.

Россия в современном глобальном мире: вызовы и решения

Дзугцев Х.В.

Статья написана по материалам экспертного опроса на тему: «Россия в современном глобальном мире. Вызовы и их решение. Июль 2014 г.», проведенного Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН и кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. В качестве экспертов выступили социологи, экономисты, государственные чиновники, члены парламента, ученые, преподаватели школ, юристы, журналисты. Объем выборки 15 человек.

Ключевые слова: кризис, региональная разобщенность, национальные отношения, чиновничий аппарат, авторитет России, политическая активность РФ, экономическая мощь РФ, прирост населения, качественная миграция, дошкольные образовательные учреждения, вузы, экономические связи, качественная миграция, конкурентоспособное производство, индустриализация сельского хозяйства, природная рента, заработная плата, политические интересы России.

Dzutsev H.V.

Russia in today's global world: challenges and decisions
This article is written based on the expert survey on the topic: «Russia in today's global world. Challenges and solutions. July 2014», conducted by the North Ossetian Center for Social Research ISPI RAN and the department of sociology and social processes of the North Ossetian State University. KL Khetagurova. The sample size of 15 experts.

Key words: crisis, regional fragmentation, ethnic relations, bureaucracy, authority of Russia, the political activity of the Russian Federation, Russian economic power, population growth, migration of high-quality, pre-school educational institutions, universities, economic relations, migration quality, competitive production, the industrialization of agriculture, natural resource rents, wages, political interests of Russia

Украинский кризис обнажил целый ряд современных проблем России, главными из которых являются:

- региональная разобщенность. Регионы РФ связаны, как правило, с федеральным центром, но не между собой. Эта связь иерархическая и носит прежде всего экономический характер. В культурологическом отношении она малоразвита. Регионы отстаивают перед центром свои финансовые интересы, которые в условиях дотационности подавляющего большинства из них и высокого уровня развития коррупционной составляющей этих отношений являются главным фактором взаимодействия. Перед большинством регионов стоит задача выживания, которая отодвигает на второй план общенациональные интересы государства. Сегодня «национальное» в России означает «чеченское», «русское», «татарское», «уральское», «дагестанское», «московское», «питерское» и т.п., но никак не «российское». Оснований для размежевания между регионами намного больше, чем для их единения. Федеральные округа, основная идея которых укрепление вертикали власти, территориальное разделение не по национальному принципу, на деле способствуют только росту чиновничьего аппарата.

Развивающиеся тенденции отдаления народов России друг от друга формируют сначала безразлично-индивидуалистическое сознание, а затем стремление реализации интересов каждой их разрозненных групп порождает противоречия, противостояние, противоборство.

Игнорирование подобных противоречий в условиях их расшатывания внешними силами привело Украину, Египет, Сирию, Ирак к гражданской войне:

- **межнациональная напряженность.** Политизированная этничность, принимающая все более агрессивные формы, угрожает рос-

сийскому сообществу этносепаратизмом, сецессией, межэтническими конфликтами и этнополитическими кризисами.

Сложившаяся на территории СКФО РФ ситуация в политической, социальной и культурной сферах требует неотложных решений. Со всей остротой ощущается недостаточная разработанность теоретического аспекта данного предмета и практических рекомендаций по проведению этносоциальной политики государства в условиях нарастающего национального радикализма со стороны противников территориальной целостности Российской Федерации. При этом этничность приобретает политические функции, а этнос превращается в субъект политики. Последнее представляет опасность территориальной и социальной целостности государства. Особенно остро это ощущается при распространении экстремизма вглубь религиозной составляющей жизни социума.

На современном этапе при исследовании причин межнациональных конфликтов прежде всего следует исходить из концепции конфликта цивилизаций, в последние два десятилетия акцентированной американским социальным философом и политологом Самюэлем Хантингтоном. Согласно этой концепции все формы межнациональных конфликтов, в том числе и религиозных, являются выражением единого противоречия – цивилизационного. Всевозможные формы (этнические, социальные, политические) в этом смысле являются не истинными источниками, а только формой проявления. Подход к исследованию источника конфликта с позиции конфликта цивилизаций предоставляет возможность правильно измерять те ожидания конфликтующих сторон, которые могут лечь в основу компромисса.

Из концепции цивилизационного подхода вытекает вывод о том, что исследование причин межнациональных конфликтов в России нельзя осуществлять, опираясь только на западный (прежде всего американский) опыт конфликтологических исследований. В отличие от США, Канады, Австралии, большинство этнических образований в России не является эмигрантским этническим землячеством, а представляет собой автономные государственные объединения на исторических территориях. Поэтому ожидать от них идентичности этнического сознания наподобие эмигрантского «гостевого»

менталитета землячеств мигрантов США и Канады, в основе которого лежат сугубо экономический интерес и большей частью – лишенная этических основ масскультурная коммуникация, неправомерно.

- **терроризм.** Центру давно пора понять, что многочисленная армия безработной молодежи Северного Кавказа – это база, с которой рекрутируются различного рода наемники, террористы. Как объяснить обывателю центральной полосы, почему число террористов на Северном Кавказе не уменьшается, несмотря на их уничтожение, или на месте одной срубленной головы, как у Змея Горыныча в русской народной сказке, вырастает сразу несколько? А причина – на поверхности: по материалам массового опроса – 80% молодежи на Северном Кавказе не имеют работу. В 90-е годы XX века на Северном Кавказе были разорены колхозы, совхозы, промышленные комплексы. А такие республики, как Чечня, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия традиционно являлись аграрными, и в основном население в них занималось скотоводством и земледелием. Людей сделали маргиналами, как в РФ, так и на Северном Кавказе.

Для современного терроризма на Северном Кавказе главная цель – отчлнить регион от России и сделать его автономным, мусульманским.

Поэтому, когда говорят, что в основе терроризма лежит национальная неприязнь – это не так. Как правило, национальная неприязнь существует на уровне индивида или может существовать на уровне толпы, но это уже массовый психоз, но не причина, а форма громоотвода. В этой сфере легче работать, вот ее и используют. А в действительности при всех обстоятельствах в основе лежит экономический интерес. Просто давят на слабое место, в данном случае на этническую составляющую, чтобы именно там прорвало. А вот что там за экономические интересы? Они, скорее всего, находятся на федеральном уровне не одной республики, а целого региона.

- **недостаточно высокий авторитет** России в международных политических отношениях, ограничивающий реализацию ее интересов даже в ближайшем геополитическом окружении. Она допустила непосредственно у своих границ развертывание открытого вооруженного конф-

ликта, участниками которого выступают иностранные (неукраинские) солдаты;

- **низкая политическая активность** РФ в международных отношениях, формировании традиционно российских зон влияния в условиях благоприятной экономической и политической конъюнктуры. Она опоздала, упустила момент, во-первых, подготовки, во-вторых – формирования и развертывания украинского кризиса, в-третьих – момент его локализации и ликвидации его источников.

Решением обозначенных проблем должна стать политика усиления политической, следовательно, экономической мощи Российской Федерации. Нам видится несколько следующих основных направлений этой политики.

Во-первых, количественный и качественный рост численности населения. Для нормального демографического покрытия имеющейся территории России численность ее населения должна составлять около 400 млн человек. Только в этом случае могут быть созданы условия территориальной неприкосновенности РФ с ее природными ресурсами. Расширение численности населения земного шара идет темпами, существенно превышающими темпы роста населения РФ. В определенный момент потребности в ресурсах народонаселения самых сильных и перенаселенных стран мира вызовут неизбежность передела ее территории.

Кроме того, 400 млн человек – это не только производители, но и потребители, что более важно в условиях рыночной экономики.

Обеспечить естественный прирост населения РФ в необходимых масштабах в короткий срок не представляется возможным. Поэтому остается только вариант качественной миграции – привлечение в страну трудовых ресурсов требуемой квалификации и интеллектуального потенциала. При этом, мигранты культурно должны обрести качество «россиянина» - гражданина и патриота.

Нужна миграция из европейской в сибирскую часть страны. Европейская часть перенаселена: до Урала – 70% населения, а от Урала и до Дальнего Востока – 30%. Однако условия жизни в Сибири должны быть настолько привлекательными, чтобы человек добровольно переехал в незнакомое место и обосновался на нем.

Качество населения страны в информационно-технологическом мире во многом опре-

деляется уровнем его интеллекта, фактором формирования которого является, прежде всего, система образования (от общего до профессионального). Результаты единых государственных экзаменов 2014 года позволил раскрыть глубину падения уровня образования за 20 реформенных лет. Финансирование дошкольных образовательных учреждений, школ, вузов на уровне «выживания» педагогов привело к неизменно необходимому для получения аттестата зрелости баллов по математике до 20 из 100 возможных продемонстрировало неспособность соответствующих правительственных структур (в частности, министерств образования и науки, экономического развития) и законодательных органов (Государственной думы, парламентов регионов и др.) выполнять свои функции. Реформа образования привела страну к стратегическому краху, ослаблению государства на несколько десятилетий. В сложившихся условиях необходимо дать объективную оценку экономическим, культурологическим и политическим потерям от деятельности Министерства образования и науки РФ и его региональных структур.

В правительственных и законодательных органах нужны реальные реформаторы, типа П. Столыпина, А. Косыгина и др. Кроме того, в правительство надо вводить лучших представителей периферии, что позволит усилить доверие к правительству и чувство защищенности народов России.

Во-вторых, политика неоиндустриализации страны, основными целями которой должно стать:

- плановое и прогнозируемое развитие экономики страны;
- экономико-территориальное единение страны за счет рационального разделения труда по ее регионам. Экономические связи – самые сильные из всех существующих, следовательно, экономическая интеграция обеспечит целостность страны наилучшим образом. Требуемое распределение производственных мощностей по регионам может осуществляться как за счет целенаправленного усиления прямых государственных инвестиций, так и через инструменты налогового и кредитного регулирования;
- создание в регионах новейших конкурентоспособных производств, способных решить

проблемы дефицита большей части региональных и местных бюджетов, безработицы и бедности населения со всеми вытекающими отсюда проявлениями социально-отклоняющегося поведения;

- индустриализация сельского хозяйства, укрупнение сельскохозяйственных производств, например, в форме аграрно-промышленных комплексов, и оптимизация численности сельского населения на уровне 7-10 % от общей численности населения страны. Мелким фермерским хозяйствам в той форме, в которой они существуют в России, не обеспечить продовольственную безопасность даже собственного населения, не говоря об экспорте сельскохозяйственной продукции. Им не доступны техника, достижения современной агрохимии и агротехнологий. Высокие риски сельскохозяйственного производства обуславливают высокие цены, следовательно, недоступность кредитных ресурсов. В свое время укрупнение сельских хозяйств в форме колхозов и совхозов было продиктовано именно последними ограничениями сельскохозяйственного производства.

Предлагаемые меры в экономике создадут условия для качественной иммиграции населения и притока инвестиций не только из республик бывшего СССР, но и из дальнего зарубежья.

Основным источником ресурсов для индустриализации должна стать природная рента. Сегодня природная рента присваивается доволь-

но узким кругом людей, а должна существовать справедливая система распределения национального богатства между членами общества. Использование природной ренты в производственных процессах позволит избежать инфляции. Прямое увеличение заработных плат, социальных выплат ведет лишь к пропорциональному удорожанию товаров и услуг, то есть инфляции. Инвестиции в производственную сферу позволят увеличить доходы работников, пенсионеров, студентов и др. без раскручивания инфляционной спирали.

В-третьих, приоритет политических интересов России в международных отношениях и усиление деятельности соответствующих государственных структур по реализации этих интересов. В обществе после событий 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии, присоединения в 2014 г. Крыма есть обоснованное ожидание усиления позиций России в мировой политике. Социум готов поддержать Президента РФ, о чем свидетельствует рейтинг в мае 2014 г. на уровне 85,9%, что обеспечивает ему успех в проведении внешней политики. Учитывая, что в этом направлении чувствуются пробелы государственных структур, обеспечивающих ее реализацию. В общественном мнении безукоризненными являются только фигуры С. Лаврова, Чуркина и С. Шойгу. Деятельность остальных оценивается негативно.

Полиция и общество – пути восстановления доверия

Дук Ю.И.

В статье особое внимание уделяется преступлениям совершаемым сотрудниками полиции, на фоне резкого снижения позитивного опыта взаимодействия гражданского общества и готовности к сотрудничеству граждан с работниками полиции, а также отсутствия контроля со стороны общества за их деятельностью. Основное внимание автор акцентирует на необходимости восстановления доверия граждан к полиции путем совершенствования системы материального обеспечения сотрудников полиции, а так же изменения существующей системы подбора кандидатов на должность сотрудников правоохранительных органов в системе МВД и порядка замещения вакантных должностей офицерского состава.

Ключевые слова: преступность, сотрудники полиции, доверие общества, кадровая политика, система подбора кадров, оценка эффективности работы МВД.

Police and society - ways of restoring confidence
Duk Yu.I.

The article focuses on crimes committed by police officers, against the backdrop of a sharp decline in the positive experience of interaction between civil society and the willingness of citizens to cooperate with the police, and the lack of public control over their activities. Main attention is focuses on the need to restore public confidence in the police by improving financial security police, as well as changes in the existing system of selecting candidates for the position of law enforcement officials in the Interior Ministry and order filling vacancies officers.

Keywords: crime, police, public trust, personnel policy, the system of recruitment, evaluation of the effectiveness of the Ministry of Internal Affairs.

Российская Федерация на современном этапе строительства демократического государства проводит преобразования в социально-экономической и политической жизнедеятельности общества и государства.

В условиях радикального реформирования осуществляется ломка привычных стереотипов, взглядов на понимание различных проблем общественной жизни. Изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности граждан, в том числе и правоохранительную деятельность. В данных условиях особенно остро встают вопросы, касающиеся обеспечения общественной безопасности [8, с.267].

Руководство страны делает немало для создания современной системы правоохранительных органов, способной противостоять криминалитету, который получил «карт-бланш» в начале девяностых годов и до сих пор активно и упорно диктует стереотип поведения населению нашего государства.

Подтверждением сказанному являются статистические данные уровня зарегистрированной преступности в нашей стране за 2013 год – 2206 тысяч преступлений [4]. Данный показатель превышает вдвое уровень регистрируемых преступлений в восьмидесятые годы, например, в 1987 году было зарегистрировано 1185 тысяч преступлений [5, с. 16]. В связи с этим правоохранительные органы до сих пор работают в авральном режиме, что не может не отражаться на качестве расследования, уровне раскрываемости и остальных вытекающих из этого показателей. Негативными последствиями такой работы являются психологическая напряженность и повышенная нервозность сотрудников правоохранительных органов, проявляющиеся в виде грубого отношения к гражданам и необоснованной агрессивности. В последнее время дан-

ные факты достаточно часто освещаются средствами массовой информации.

Например, дикое преступление, совершенное 4 ноября 2010 года в станице Кущевской, где бандой Цапка были убиты 12 человек, четверо из которых - дети. Эта банда под покровительством милицейских начальников на протяжении 16 лет терроризировала жителей данной станицы. А так же стрельба майора милиции Дениса Евсюкова в супермаркете, в результате которой семь человек получили ранения, двое из которых скончались [7]. Какое может сформироваться мнение у населения о сотрудниках правоохранительных органов, если при их попустительстве и при их участии погибают ни в чем неповинные люди, которых они в силу своих служебных обязанностей должны защищать?

К нашему великому сожалению, доверие граждан к сотрудникам правоохранительных органов на сегодняшний день очень низкое. Правоохранительные органы за последние двадцать пять лет растеряли то уважение, которое было заработано советской милицией, в силу огромных негативных процессов, протекающих в нашей стране последние десятилетия.

Правоохранительная система дистанцировалась от народа из-за потери контроля общества над нею.

По утверждению М.В. Жернового, подлинное мнение населения о деятельности полиции не представляет для ее сотрудников профессионального интереса, а, следовательно, не значимо [3]. Эффективность деятельности полиции сегодня оценивается, к сожалению, не гражданами общества, а вышестоящими инстанциями. По этой причине можно говорить о реальной зависимости общества от качества работы полиции и, что парадоксально, о практической независимости деятельности полиции от оценки ее деятельности обществом.

Сегодня готовность населения к сотрудничеству с полицией находится на достаточно низком уровне. Несмотря на то что, по результатам опросов, 69% граждан считают, что следует всегда или в большинстве случаев помогать органам внутренних дел, 20% полагают, что следует помогать только в некоторых случаях, и 5% думают, что помогать не следует никогда. Особенно плачевно ситуация выглядит в молодежной среде [3, с. 20-21].

Ранее имевшийся позитивный опыт взаимодействия ОВД и гражданского общества во многом утрачен. Проводимая реформа полиции, призванная вовлечь институты гражданского общества в контроль над полицией, пока далека от завершения. К сожалению, полиция не контролируется обществом в должной мере [6, с.5].

Вернуть доверие общества - это самая главная задача, которая стоит перед правоохранительными органами на первоначальном этапе реформ, проводимых в МВД, и задача эта не из легких. Правоохранительные органы не смогут нормально функционировать в отрыве от населения. Без тесного контакта с гражданами, все усилия в борьбе с преступностью будут наталкиваться на равнодушие и безразличие со стороны населения. В связи с этим государству необходимо разработать такие мероприятия по изменению облика сотрудника правоохранительных органов, которые привели бы к безоговорочному доверию и бесспорному принятию сотрудника правоохранительных органов в ряды защитников граждан нашего государства.

Практически такой подход наблюдается в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации.

В ходе реформирования системы МВД России результаты, ожидаемые обществом, достигнуты далеко не в полном объеме. Нарушения законности, дисциплины в органах внутренних дел продолжают иметь место. Качество правоохранительных услуг существенно не повысилось, уровень доверия граждан к полиции по-прежнему остается невысоким. [2, с. 1].

Министерство внутренних дел работу с кадрами определяет как главное звено дальнейшего реформирования системы. Однако принципиально нового в подходе при подборе кадров не наблюдается. Повышение заработной платы сотрудников, о которой так много говорят со всех трибун, существенного влияния на изменение облика полицейского не оказало. На наш взгляд, должно быть не повышение, а коренное изменение системы оплаты труда и наличия соответствующего социального пакета, существенно изменяющего экономический статус работника правоохранительных органов и серьезно удерживающий его не только от совершения преступлений, но даже от малейших нарушений трудовой дисциплины.

Предлагаемое тестирование кандидатов на должности сотрудников правоохранительных органов проводятся в органах внутренних дел достаточно давно, и, как показала практика, существенного зaslona проникновению «случайных» лиц не создает. Министерство внутренних дел предлагает проводить ротацию кадров, однако эта методика справедлива для Министерства обороны. Одно из главных условий успешной работы сотрудника правоохранительных органов является знание не местности, а людей, населяющих ее, их забот, проблем и не в общем, а каждого конкретного человека, каждой семьи. Этой информацией должен обладать каждый сотрудник ОВД от сотрудника ППС до начальника УВД. Обладание такой информацией под силу сотруднику, имеющему достаточно большой стаж работы на обслуживаемой территории, и особо ценно, если он является уроженцем данного населенного пункта и знает его особенности с детства.

На наш взгляд, и имеющаяся система подбора кандидатов для прохождения службы в ОВД не отвечает современным требованиям и должна быть коренным образом пересмотрена.

В учебной литературе имеются, предлагаемые российскими учеными, методические рекомендации раннепрофилактических мероприятий направленных на предупреждение возможных нарушений дисциплины и законности со стороны будущего сотрудника, в процессе изучения кандидата на службу.

Например, В.Я. Кикотя предлагает в качестве раннепрофилактических мероприятий в процессе изучения кандидата на службу руководителю при участии психологов и других специалистов по работе с личным составом составить объективное представление о кандидате от его правового сознания до наличия татуировок. [1, с. 138-141]. Всего предлагается выяснить около ста характеристик. при этом источники информации не конкретизируются.

Не согласиться с методикой В.Я. Кикотя невозможно, она полностью отражает подавляющий объем информации, необходимой для установления профессиональной пригодности кандидата на должность сотрудника правоохранительных органов. Единственная проблема состоит в возложении процесса изучения кандидата на руководителя подразделения ОМВД при участии психологов и других специалистов

(кто понимается под другими специалистами, не оговаривается).

Если проанализировать должностные инструкции руководителя ОМВД или руководителя любого структурного подразделения и на их основе сделать фотографию рабочего дня каждого, то окажется, что времени на работу с кандидатом, по предлагаемой схеме, у руководителя практически нет. В таком же положении находятся и работники кадровых служб по причине их немногочисленности и загруженности текущей работой. Что касается психологов, то их штатная численность также далека от достаточного, чтобы обеспечить проработку кандидатов в рамках данной методики. В таком же положении находятся и руководители высших учебных заведения системы МВД, принимающих абитуриентов, для обучения. На наш взгляд, необходимо вернуться к системе путевок-рекомендаций, выдаваемых общественными организациями и трудовыми коллективами, в которых трудится кандидат, с личной ответственностью руководителя данной организации. Необходимо возродить добровольные народные дружины, детские и юношеские организации юных помощников полиции, в которых будущие кандидаты в сотрудники правоохранительных органов смогут проявить себя, попробовать свои силы в деле борьбы с правонарушениями, а руководители ОМВД и кадровые работники определить будущих кандидатов из их числа. Ведь для того чтобы понять профессиональную пригодность молодого человека, его необходимо увидеть в деле лично или получить информацию от профессионалов наблюдающих отношение к порученным обязанностям. В связи с этим руководство такими общественными организациями поручать работникам правоохранительных органов находящимся в отставке, при непосредственном кураторстве начальником ОМВД.

На наш взгляд, и замещение вакантных офицерских должностей должно осуществляться только из числа сотрудников младшего начальствующего состава ОМВД с последующим обучением в высших учебных заведениях системы МВД, проверенных и отлично зарекомендовавших себя в практической работе, изъявивших желание продолжать службу на офицерских должностях и получивших рекомендацию от сотрудников своего подразделения. Необходи-

мо исключить поступление в высшие учебные заведения системы МВД абитуриентов, не прошедших службу в ОМВД на должностях младшего начальствующего состава. Таким образом, правоохранительные органы смогут свести к минимуму возможность проникновения в свои ряды случайных людей, людей поступающих на службу из корыстных, преступных и иных не благовидных побуждений. Только такой подход к кадровой политике в МВД может дать положительные результаты в восстановлении доверия общества к сотрудникам полиции и МВД в целом.

Литература

1. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: учебник / Под общ. ред. д-ра пед. наук, д-ра юрид. наук, проф. В.Я. Кикотя. – М.: ЦОКР МВД РФ, 2009. – 480 с.
2. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // опубликовано 4 февраля 2013 г. на Интернет-портале «Российской Газеты». Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html> (дата обращения: 28.05.2014).
3. Жерновой М.В. Представление граждан о роли полиции в современном обществе // Право и безопасность. – 2013. – №1-2 (44).
4. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 28.05.2014).
5. Преступность и правонарушения (1991-1995). Статистический сборник. – М.: ГИЦ МВД РФ, 1996. – 187 с.
6. Соболева М.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в сфере защиты личных прав и свобод человека и гражданина // Вестник ВИ МВД России. 2013. №2. Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-vzaimodeystviya-politsii-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva-v-sfere-zaschity-lichnyh-prav-i-svobod> (дата обращения: 28.05.2014).
7. Стрельбу в московском супермаркете устроил начальник ОВД Царицыно // Lenta.ru, 27 апреля 2009). Режим доступа: URL: <http://lenta.ru/news/2009/04/27/chief/> (дата обращения: 28.05.2014).
8. Щеголева Н. В. Полиция и общество: система и люди // Молодой ученый. – 2013. - №2(49). – 464 с.

Гуманитарный вызов: сущность и способы противодействия угрозам

Жеребкин М.В.

В данной публикации автор анализирует сущность гуманитарного вызова России сегодня, приводит примеры идеологической агрессии против русского народа, размышляет о причинах, по которым ныне живущим поколениям необходимо помнить о Великой Отечественной войне и Великой Победе, и способах противодействия угрозам.

Ключевые слова: вызов, угрозы, война, фашизм, мужество, память, агрессор, освободители, потенциал, победа.

Humanitarian challenge: the essence and the ways of overcoming threats

Zherebkin M.V.

In this article the author analyzes the essence of humanitarian challenge in Russia nowadays, sets examples of ideological aggression against the Russian nation, meditates on the reasons, why living generations need to remember the World War II and the Victory and the ways of overcoming threats.

Key words: challenge, threats, war, fascism, courage, memory, aggressor, liberators, potential, victory.

Время, в которое мы живем, характеризуется множественностью вызовов. Но едва ли не самый сложный и коварный – гуманитарный вызов. Сложный потому, что по сути он является идеологической интервенцией, направленной на сознание человека, его изменение. А коварный – потому, что менее заметен и потому кажется до поры до времени безобидным, не страшным. Но только до поры.

Сегодня противодействие приобрело настолько массовый, системный и комплексный характер, что вполне может быть названо идеологической агрессией. Особенность ситуации в том, что, во-первых, давление осуществляется при крайне неблагоприятных для нас обстоятельствах – общий экономический кризис, дополненный санкциями. Во-вторых, и это особенно важно, идеологическая агрессия в первую очередь направлена на самое дорогое для русского, советского человека – память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе.

Переписывание истории, фальсификация итогов войны и отрицание решающего вклада в Победу советского народа – это идеологическая война против России, ее народа. Необъявленная, не реально осуществляемая. Ставки в этой войне чрезвычайно высоки – сознание, миропонимание нынешнего и последующих поколений. Поэтому так важно осмыслить сущность вызова и найти способы противодействия угрозе.

В год 70-летия Победы в историки записались главы некоторых государств, высокие должностные лица, которые наперебой предлагают свои версии войны. В том, что наперебой, – нет никакого преувеличения. Особенно отличаются этим руководители соседней Украины. Президент страны П. Порошенко договорился до того, что обвинил Сталина в развязывании Второй мировой войны. Одновременно Верховная Рада принимает закон о признании организаций ОУН-УПА борцами за независимость Украины. Странная получается картина: фашисты

оккупировали Украину и украинские националисты вместе с ними, с оккупантами, воевали за независимость своей страны. Не против фашистов, а вместе с ними. И они, националисты, герои! Но у нынешней украинской власти свое понимание исторических событий и вот уже под запрет попадает сам термин Великая Отечественная война.

В унисон с украинским президентом свои версии войны и Победы преподносят польские руководители. Министр иностранных дел Польши Гжегош Схетына, например, делает откровенное признание, что не понимает, почему День Победы отмечается в Москве, а не в Польше. Он не понимает, а объяснить ему в Польше некому. Потому что след за ним Президент Польши Бронислав Коморовский, заявляет о намерении пригласить на 8 Мая европейских лидеров на полуостров Вестерплатте, где 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война.

Поскольку нападают на нас через историю, то и отвечать мы будем тем же оружием. И тут никак не обойтись без гениальных слов выдающегося русского поэта и мудрого философа Федора Тютчева, который как будто специально для нас написал: «Истинный защитник России — это история: ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу».

Потому ключевым элементом системы нашего противостояния должна стать правдивая история о Великой Отечественной войне. О том, как воевали наши деды и прадеды, как трудно добывал советский народ Великую Победу. С какой силой пришлось сразиться и какую силу сумели победить. Обратимся к цифрам и фактам. Для примеров возьмем лишь некоторые эпизоды той войны.

В статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил» приводятся такие данные о соотношении сил накануне войны: «Вооруженные силы фашистской Германии перед нападением на Советский Союз насчитывали 8,5 млн чел. В Советских Вооруженных силах в армии и на флоте всего к июню 1941 года в наличии было 4,8 млн чел. личного состава. В восточной группировке войск фашистской Германии и ее союзников насчитывалось 5,5 млн человек. В западных военных округах Советского Союза насчитывалось 2,9 млн человек».[1]. Если посмотреть на соот-

ношение боевой техники и вооружений то по некоторым позициям, например в танках и самолетах, Красная Армия была всех сильнее. Но это если смотреть на балансовую ведомость. А по существу? Во-первых, огромное количество этой техники не только уже не могло стрелять, но даже просто ездить и летать и служило ремкомплект для других машин. Во-вторых, если сравнивать современную на то время боеспособную технику, то соотношение сторон будет удручающим: группировка войск противника по новым тяжелым и средним танкам превосходила советские войска в 1,5 раза, а по новым боевым самолетам — в 3,2 раза.

Ранним утром 22 июня 1941 года по всей западной границе Советского Союза на нашу страну обрушилась мощная лавина армии вторжения. Такой могучей силы, отобилизованной и оснащенной технически, обученной убивать и наступать мир еще не знал. Европа — 12 покоренных Гитлером стран — лежала распростертая и беспомощная у ног агрессора. Гитлер располагал гигантским потенциалом военных экономик Германии и покоренных европейских стран. Достаточно сказать, что только заводы чехословацкой «Шкоды» с момента оккупации страны и до начала Второй мировой войны произвели военной продукции почти столько же, сколько за это же время ее произвела вся военная промышленность Англии.

Гитлер и его окружение не сомневались, были уверены в молниеносной и победной войне против Советского Союза. Стратегической основой фашистского плана являлась теория блицкрига. Разгромить Советский Союз намечали максимум за пять месяцев. Немецкие военные стратеги полагали, что они все предусмотрели все просчитали, чтобы не сомневаться в быстрой и победоносной войне с СССР. Но, как вскоре выяснилось, не все смогли увидеть и понять немецкие генералы, когда рисовали на штабных картах стрелки своих наступлений по громадной территории СССР. А просчитать они не могли жизненную энергию организма, имевшем название советский народ. Они были уверены, что СССР — глиняный колос, который развалится при первом же ударе. А получалось все ровно наоборот: с каждым новым ударом сила страны не только не ослабевала, а наоборот, крепла и усиливалась.

Отчаянное сопротивление с первых часов по всей линии границы! Да, красноармейцам

приходилось отступать, невозможно было сдерживать такой огненный вал. Много причин нашего отступления и страшных потерь лета–осени 1941 года. Но бесспорно и другое: по советской земле фашисты уже не шагали парадным шагом, как это происходило в Европе.

Героическая Брестская крепость! На ее пороги гитлеровцы отводили не более восьми часов, а отработали о захвате лишь 30 июня! Да и то явно поторопились, по официальным советским данным крепость продолжала сражаться еще много недель. До 12 июля сопротивлялась группа майора Гаврилова. А жители Бреста позже рассказывали, что и в августе из крепости слышались выстрелы. Фактически защитники Брестской крепости воевали по меньшей мере полтора месяца! Таким было для фашистов начало войны с Советским Союзом – начало Великой Отечественной войны.

А вот каким было начало Второй мировой войны. Польский пограничный гарнизон на полуострове Вастерплатте 1 сентября 1939 первым принял бой. Потери первого дня у поляков – убито 4 человека. Символ польского сопротивления – начальник гарнизона майор Хенрик Сухарский на второй день войны отдал приказ о капитуляции и вывесил белый флаг. Справедливости ради отметим, что его заместитель временно отстранил майора от командования гарнизона, белый флаг сняли и гарнизон продолжил сопротивление. Но на седьмой день майор Сухарский опять отдал приказ о капитуляции, гарнизон вывесил белый флаг и сдался. Потери составили 15 человек. Еще один интересный момент в этой героической обороне: немецкий генерал даровал польскому майору право на ношение офицерской сабли даже в плену. Такие были рыцари. Можно ли представить русского майора Гаврилова из Брестской крепости в такой роли или другого советского офицера с саблей на боку в фашистском концлагере?!

«Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина», – эту надпись сделал защитник Брестской крепости Зинатов Тимерян Хабулович 20 июля 1941 года. Такие слова произнесут тысячи и тысячи воинов Красной Армии за долгие годы войны, но начало мужества положено было здесь, в Брестской крепости.

И вот теперь руководители Польши предлагают отмечать день Победы на этом полуострове, где, во-первых, никаких военных побед

достигнуто не было, а во-вторых, где гарнизон дважды вывешивал белый флаг капитуляции! Как говорится, осознайте разницу: «умираю, но не сдаюсь» и белый флаг капитуляции на второй день немецкого наступления. Хотя понять-то поляков можно – кому приятно осознавать, что немецкие армии оккупировали всю Польшу за... три недели. Что поделаешь, как могли так и сопротивлялись тогда. А теперь хочется в герои-победители!

Тогда в Европе, немцы привыкли воевать легко, без тяжелых потерь, под звуки губных гармошек. Францию покорили за шесть недель! А тут, на русской земле, так не получалось. Слишком много времени тратили захватчики на русские города, слишком медленно продвигались вперед. Каждый город, населенный пункт превращался в крепость, каждая река – в рубеж обороны. И продвижение фашистов замедлялось и замедлялось... Сравните: если в первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля темп снизился до 3,5–8,5 км в сутки.

А потом будет важнейшая битва под Москвой. Именно здесь мы доказали всему миру, и союзникам и врагам, что СССР не сломлен, более того, может успешно наступать. Будут и другие сложные, трудные, кровавые битвы, будут победы и поражения на фронтах. Будут примеры такого героического сопротивления мужества, что им не померкнуть никогда. Одно только слово – Севастополь – 250 дней героической обороны! А легендарный Ленинград, выдержавший блокаду, переживший тысячи смертей, но не поднявший белый флаг капитуляции! А бессмертный Сталинград, сражение на Курской дуге!

После этих битв окрепшую советскую военную машину, устремленную на запад, мощь оружия, усиленного величием духа русского советского человека уже ничто и никто не могли остановить. До самого Берлина, до Красного знамени на рейхстаге!

В недавно вышедшем 12-томном издании истории Великой Отечественной войны описаны десятки, сотни примеров героизма и стойкости бойцов и командиров Красной армии. Эти примеры – неопровержимые доказательства того, что именно Советский Союз разгромил фашизм, что союзники лишь помогли нашей стране на заключительном этапе военных дей-

ствий, в значительной степени из опасений, что и без них справимся.

Еще вчера доказательства были неопровержимыми, а сегодня, как видим, их пытаются опровергать. При этом не приводят новых аргументов, поскольку их нет, а лишь делают провокационные вбросы в медиaprостранство, рассчитывая, видимо, что сработает авторитет высоких должностных лиц – авторов фальшивой информации.

Но у нашей правды есть и другой счет – цена Великой Победы. И снова цифры. Людские потери Советского Союза составят более 26,6 млн человек. Наша страна никогда ранее не несла таких страшных потерь. Если суммировать все человеческие смерти первой мировой и гражданской войн, включая эпидемии, то и тогда цифра будет 10,3 млн человек. Попробуйте представить, что в результате Второй мировой войны оказались полностью безлюдными такие европейские страны как Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания и Нидерланды. Совокупное население этих стран равнялось общему числу советских потерь в войне.

Для сравнения и лучшего понимания итогов войны и значения Великой Победы сравним потери наших союзников: США – 418 тыс. человек, Великобритания – 400 тыс., Франция – 600 тыс. [2, с. 389-390]. Помимо людских потерь есть еще и материальные. Здесь тоже цифры более чем впечатляющие: СССР потерял почти 30 процентов национального богатства, Великобритания – 0,9, США – 0,4 процента.

Размышляя об этом, пытаюсь найти слова, которые бы соответствовали тяжести войны, страданиям людей на фронте и в тылу, все больше понимаю, что не хватит никаких слов, чтобы они вместили горечь потерь, доблесть солдата, величие Победы. Все это может вобрать в себя только наша индивидуальная и коллективная память.

Знание этих фактов – самый весомый аргумент в споре с фальсификаторами истории, в борьбе за отстаивание нашей правды. В этих знаниях о ходе войны, сражениях и победах на фронтах особое место должна занимать личная память о родных и близких – наших дедах и прадедах, которые воевали, которые не вернулись домой. Когда в России на демонстрации выходят молодые ребята с портретами своих дедов-фронтовиков, – это и есть наш ответ всем недругам, это и есть наш патриотизм, гордость за родину. Не через лозунги только, а через личное отношение и личную память.

Именно этой памяти нас и хотят лишить. Хотят, чтобы мы забыли миллионы смертей наших советских людей. Наши, как сейчас принято говорить, партнеры на что делают расчет? Если нельзя ослабить страну, воздействуя на страну, надо попытаться ослабить страну, воздействуя на отдельного человека, индивида. Надо подменить важнейшие духовные ценности русского человека, лишить его гордости за страну, чувства восхищения предками, которые свои жизни не жалели ради жизни на земле!

Объектом таких исторических манипуляций избрана в первую очередь молодежь, студенты и школьники. Украинское Минобразования заявляет об отказе от термина «освобождение от фашистских захватчиков», заменяя его на «изгнание нацистских оккупантов». На первый взгляд, для неопытных юных умов, какая разница – «освобождение», «изгнание». Но разница на самом деле существенная, и чиновники от украинского образования поясняют, что «освобождение» предусматривает свободу, а Украина, дескать, получила с «изгнанием» немцев не свободу, а советскую оккупацию. Так размывается память, так формируется сознание нынешних поколений. А судьбы империй, как справедливо заметил Аристотель, зависят от воспитания молодежи. Мы не можем согласиться с такими опытами как украинских, так и европейских историков, ученых, политиков.

Для меня и моей семьи Великая Отечественная война – очень личная война. Мой родной дед – Кучков Федор Севастьянович, 1901 года рождения, погиб 13 июля 1943 года в сражении на Курской дуге. Он воевал с первого дня в составе 219 стрелковой дивизии, которая не раз оказывалась в самых жарких боях. Достаточно сказать, что за два года войны она прошла три переформирования. В переводе с языка военных терминов это означает, что трижды две трети ее состава погибало в боях.

Семья долго не знала о его судьбе. Он просто не вернулся с войны, оставив жену, сына и пятеро дочерей. Одна из них – моя мама. Шесть лет назад удалось выяснить в военных архивах место гибели – урочище «Толстое» Ивнянского района Белгородской области. Дни 12, 13, 14 июля 1943 года стали для бойцов дивизии днями ада. Тогда 200 немецких танков пытались прорвать оборону дивизии на этом участке Курской дуги. Оставшиеся в живых так вспомнили ту битву: горела земля, плавился металл, от дыма и

копоти неба не было видно... Потом специалисты подсчитают, что по 2150 кг смертельного металла в виде снарядов и бомб обрушил враг на каждого защитника этих рубежей. Немногие бойцы дивизии уцелели в том сражении. Погиб и мой дед. Один из тех 860 тысяч бойцов, которые пали в сражении на Курской дуге! Страшная и мгновенная смерть – осколком снаряда ему оторвало голову. Было ему тогда 42 года.

Он ушел на войну в июне 1941 года из села Вольное Великописаревского района Сумской области Украины, которая граничит с Белгородской областью России. Его дивизия уже через месяц после Курской битвы победоносно вступит на Советскую Украину, освобождая его родину. В те июльские жаркие дни 1943 года, я уверен, он рвался в бой, так как победа в том бою открывала ему дорогу домой, к семье, детям! Он не дойдет до своего села каких-то 100 километров с небольшим, не увидит жену, детей, односельчан. Такая ему выпала судьба в то лихое время.

Мы – это две его дочери, одна из них – моя мама, я, брат, сестра и наш отец – побывали на месте боев и на месте захоронения дорогого для нас человека. Это братская могила в селе Новенькое. На стеле выбито имя деда. На братской могиле горит вечный огонь, местные школьники ухаживают за мемориалом. Там, в селе Новенькое, для всех жителей он – герой! Рядовой боец Федор Кучков – один из героев той страшной войны. И освободитель.

И теперь, спустя 72 года после освобождения нашего с дедом родного села и через 70 лет со дня Великой Победы, премьер-министр Украины Арсений Яценюк в интервью одному из немецких телеканалов заявил: «Мы все очень хорошо помним советское вторжение на Украину и в Германию». Что же получается по пану Яценюку? Если бы моему деду посчастливилось выжить в том страшном бою на Курской дуге, то он, пройдя еще 100 километров с небольшим, оказался бы в родном селе не освободителем, а... оккупантом?! Нет, рядовой Федор Кучков не согласился бы с нынешним премьером Украины. Но дед погиб в том бою. И потому я, его внук, родившийся в там же, в Сумской области на Украине, протестую против такого извращения истории.

Портрет моего деда, того, что погиб на Курской дуге, висит у меня в кабинете. Мне говорят, я похож на него. Согласен и рад этому. Трудная судьба выпала ему, его жизнь отдана

Великой Победе. Он погиб, чтобы жили мы. Я смотрю на него каждый день. Его присутствие в моем кабинете, в моей жизни помогает мне жить и понимать жизнь.

В какой-то неизвестной братской могиле могли быть захоронены и оба деда моей жены. Один в декабре 1941 года записался добровольцем в г. Иваново. Он был бухгалтером, носил очки, стрелять не умел... Но взял винтовку и пошел защищать Москву. Он не вернулся, погиб в первом же бою, под подмосковным Наро-Фоминском. Другой, оставив в сибирской деревне жену и трех малолетних детей, ушел на фронт добровольцем. Оказался под Москвой в те же жаркие декабрьские дни и ночи 1941 года. Мы не знаем, что с ним произошло. Знаем только формулировку: «пропал без вести» в той же битве под Москвой.

Каждая советская семья потеряла кого-то из родных в Великой Отечественной войне. Очень важно, чтобы все мы, каждый из нас знал своих родных, тех, кто был на той войне, кто погиб, защищая мир от фашизма, кто своей смертью завещал нам помнить цену Великой Победы. И это еще один способ противодействия нынешним угрозам, аргумент в пользу нашего единства и сплоченности. Таким было наше общество, страна тогда и потому победила врага. Преодолеем вызовы и мы сегодня, если будем их видеть и понимать, кто и с какой целью нагромождает ложь вокруг Великой Победы.

Я не хочу, чтобы память о Великой Отечественной войне превратилась в такие же абстрактные знания о сражениях Отечественной войны 1812 года или русско-японской войны. Абстрактные – потому что я не знаю, кто из моих предков погиб в войне с Наполеоном. Та история не дошла до меня в таком личном преломлении через два столетия. Но мне хотелось бы, чтобы мои потомки и через триста лет знали и помнили своих пра-прадедов, которые погибли в борьбе с фашизмом.

Причина, почему эта война должна оставаться в памяти людей как личная часть жизни, заключается в том, что это была особенная, исключительная война в отличие от всех других. Поражение в Отечественной войне 1812 года, если бы таковое произошло, не ликвидировало бы Российское государство, русский народ. Равно как и поражение Наполеона не привело к исчезновению с карты Европы Франции, оно лишь вернуло государство к старым границам. Поражение России в русско-японской войне так-

же не привело к уничтожению России как государства. И первая мировая война в этом отношении не была бы исключением, если бы не Февральская революция 1917 года, отречение Николая II, Октябрьская революция... Россия тогда могла быть в числе победителей, могла проиграть, но при любом раскладе осталась бы страна Россия и ее многонациональный народ.

Другое дело – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Если бы наши отцы, деды и прадеды не выдержали, не одолели, не уничтожили фашизм в той войне, то фашизм уничтожил бы нас – Советский Союз, русский народ, другие народы великой многонациональной державы. Это утверждение – не штамп советской пропаганды, не попытка представить немецких агрессоров более бесчеловечными, чем они были в реальности, что, собственно, сделать невозможно в принципе, поскольку гитлеровский фашизм был по сути своей запредельно бесчеловечным.

Тем не менее, чтобы не быть голословными, будем оперировать исключительно фактами из немецких документов. Вот один из примеров: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, – говорилось в одном из дополнений к плану Ост, – достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа». [3, с. 183].

В историко-публицистическом издании «Война. Мифы СССР. 1939–1945» Владимир Мединский цитирует инструкцию для немецкого солдата под названием «Военная подготовка в войсках». Вот что там было написано: «Помни о величии и победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет ни сердца, ни нервов – на войне они не нужны. Уничтожив в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского; не останавливайся – старик перед тобой, женщина, девушка или мальчик. Убивай!» [4, с. 127-128].

Подобные цитаты можно приводить и дальше, их много. Ясно, что фашисты фактически готовили для русского, советского народа уничтожение физическое, интеллектуальное и духовное. На такую судьбу никак не мог согласиться советский человек, как не могла смириться и покориться агрессору великая страна.

И она не покорилась. Страна выстояла и

победила. Наши деды и прадеды свой долг перед страной и нами, ныне живущими выполнили на отлично. А мы, в чем заключается сегодня наша с вами задача? Их две, и обе главные. Выполнив их, мы выполним свой долг перед героями той войны. Первая задача – создавать и укреплять нашу память о той войне и Великой Победе. Она нам нужна, чтобы мы были способны сохранить страну для себя, наших детей и внуков, чтобы никто не смог изменить, оболгать, извратить историю великой страны и великого многонационального народа-победителя. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо вообще!

Вторая задача – быть готовыми отразить не только гуманитарную агрессию, но и военную. Это тема отдельного большого разговора. Но один пример для понимания ситуации привести необходимо. Некоторое время назад, когда наши, как принято говорить, западные партнеры и США прежде всего начали готовиться разворачивать систему ПРО в Европе, то они в один голос дружно говорили: система не направлена против России, она лишь ответ на возможную ядерную угрозу со стороны Ирана. Мы и тогда этим рассказкам не верили, а сегодня и партнеры подтвердили наши обоснованные опасения. С Ираном достигнуто соглашение о его ядерной программе, зафиксировано, что Иран будет использовать атомную энергию исключительно в мирных целях. Но... ЕвроПРО свернуто не будет, программа будет завершена по плану – так говорят наши, с позволения сказать, американские партнеры. Против кого же теперь будет она направлена? Партнеры молчат. Догадайтесь, мол, сами. А нам и гадать не надо, мы знаем. А коль так, то если завтра война, мы должны быть готовы к походу сегодня!

Литература

1. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА Пресс, 2001. 624 с. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIVOSHEEV/poteri.txt> (Дата обращения 26.03.2015).
2. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. 2-е изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 704 с.
3. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. – 624 с.
4. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. 2-е изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 704 с.

Теория глобального социального неравенства в социологии мобильностей Джона Урри

Мартыненко Т.С.

В статье представлен анализ многоуровневой теории глобального социального неравенства британского социолога Джона Урри. Согласно методологии мобильной социологии, доминирующая система мобильности определяет основные формы социального неравенства. Свою теорию социального неравенства Дж. Урри выстраивает при помощи понятий доступа и сетевого капитала, демонстрируя какие конфигурации неравенств преподносит появление новых каналов и потоков.

Ключевые слова: Джон Урри, доступ, каналы, потоки, сеть, социальное неравенство, социология мобильностей

Theory of global social inequality in sociology mobilities
John Urry

Martynenko T.S.

The article presents an analysis of John Urry's multi-level theory of global social inequality. According to the methodology of mobile sociology dominant system of mobility identifies main forms of social inequality. J. Urry builds his theory of social inequality based on concepts of access and network capital. The author demonstrates configurations of inequalities offered with emergence of new scapes and flows.

Key words: John Urry, access, scapes, flows, network, social inequality, mobile sociology

Изменения, происходящие в современном обществе, ставят перед социологией новые проблемы, а также заставляют принципиально иным образом взглянуть на уже существующие. Появляется необходимость пересмотра методологических принципов и соответственно понятийного аппарата социологии. В попытке преодолеть методологические проблемы, социологи, в частности, обращаются к исследованию глобального общества, отказываются от универсализма в качестве базового принципа, постулируют посттрудовой характер современного общества, используют сложную сетевую морфологию и логику и даже отрицают возможность применения понятия «общество» в современной социологической теории. Теория социального неравенства не является исключением. Являющаяся неотъемлемой частью социологической теории общества, сегодня теория социального неравенства также выступает в качестве одной из фундаментальных проблем социологии. По мнению ряда выдающихся социологов, социальные неравенства будут одним из приоритетных направлений социологии XXI века [см., например, 8].

Одним из подходов к изучению социального неравенства, заслуживающего внимания по причине своей нетривиальности и радикальности по отношению к существующим социологическим теориям, является социология мобильностей или мобильная социология, родоначальником которой является британский социолог Джон Урри (р. 1946).

Основные положения новой социологии Дж. Урри впервые изложил в статье «Мобильная социология» [3] и книге «Социология за пределами общества» [5]. Предваряли мобильную социологию исследования путешествий и туризма [6]. В социологии мобильностей британский социолог отходит от концепции «дезорганизованного капитализма», сформули-

рованной им ранее совместно с С. Лэшем [1], и во многом принимает противоположные установки. Исходя из глобальной перспективы изучения социальных процессов, Дж. Урри отмечает в качестве теоретических ориентиров весьма разнородные теории и концепции, среди которых первостепенное значение занимают теория сложности, концепция доступа, сетевая теория, теоретические построения П. Бурдьё и, наконец, акторно-сетевая теория, занимающая важное место в методологии британского социолога.

Понятие мобильности, которое в теории Дж. Урри не только претендует на замену понятия «общество», но и должно лечь в основу социологической теории, не является для социологии новым термином, но обретает более глубокое значение. «Мобильности все меняют. Они не просто дополняют статический или структурный анализ. Они требуют полноценной ре-визии того, как рассматривались социальные феномены раньше» [9, с. 130]. Свою теоретическую позицию британский социолог не считает оригинальной: «Таким образом, эта парадигма выдвигает на первый план те теории, методы и типы исследований, которые до того велись полуподпольно, вдали от взглядов. Итак, я намеренно использую термин «мобильности», чтобы подвести к более широкому проекту создания социальной науки, ориентированной на изучение движения» [9, с. 90].

Дж. Урри исходит из того, что положение «социальное как общество» необходимо заменить положением «социальное как мобильность». Социология, по мнению Дж. Урри, долгое время игнорировала социальные аспекты разного рода перемещений и движения в принципе, которыми пронизана социальная жизнь, за исключением вертикальной мобильности. Не совокупность структур, а совокупность социальных отношений, воспроизводящих системы мобильностей, должны составлять содержание социологической теории. Для этого Дж. Урри использует новые понятия и концепции «особенно такие, как «сетевой капитал», «встречность», «промежуток», «поставтомобильный»...» [9, с. 78].

Главным инструментом познания социальной реальности, по мнению Дж. Урри, выступают метафоры. «Наше понимание общества и социальной жизни во многом определяется раз-

личными метафорами и отражается в них» [10, с. 34]. Со времени своего возникновения социологическая теория использовала такие метафоры как метафора зрения, обмена, организма и других. В настоящее время появляются новые метафоры, которые должны сменить устаревшие. Главными из них являются метафоры мобильности и путешествия.

«Учет повседневных практик личной мобильности (пусть и опосредуемой технологически) приводит к трансформации соответствующих метафор и социологических понятий» [10, с. 269]. «Социология предполагала «метафизику соприсутствия», то есть непосредственное присутствие рядом с другими как базис социального существования. Эта метафизика порождала анализ, который фокусировался на паттернах социальных интеракций более или менее прямого соприсутствия» [9, с. 134]. В связи с развитием новых информационных технологий социология должна отказаться от подобной перспективы. Все трансформации социологической теории производятся Дж. Урри «... ради реорганизации той части социологии, которая занята вопросами социального неравенства и отчуждения, слабых связей и встреч, сетевых отношений, изменяющейся природы мест и комплексных систем, а также глобального изменения климата» [9, с. 73].

Теоретические конструкции Дж. Урри тесно увязываются с понятиями пространства и времени. «Исторически большая часть литературы по социальному неравенству игнорировала то, каким образом понятие «пространства» изменяет наше понимание экономических, политических и культурных процессов, которые порождают и усиливают социальное неравенство» [9, с. 343].

Рассматривая пространственное измерение современного мира, Дж. Урри, прежде всего, отмечает, что развитие «глобальной сложности» приводит к размыванию национального как основной сферы социального. Фактором, оказавшим значительное влияние на эти изменения, является глобализация. С точки зрения британского ученого, глобализацию необходимо рассматривать как процесс, а не результат. «Глобализация ломает эту метафору общества и тем самым проблематизирует господствующую дискурсивную схему социологии» [10, с. 52-53].

Несмотря на признание влияния процесса глобализации, Дж. Урри отвергает возможность существования глобального общества: «...не существует единого глобального общества; существуют отдельные уровни глобальной взаимозависимости; непредсказуемые взрывные волны “хаотически” распространяются из одной части на всю систему в целом; существуют не “общества”, но чрезвычайно могущественные “империи”, перемещающиеся по земному шару...» [10, с. 27].

Социальное пространство в теории Джона Урри подчинено сетевой логике и подразумевает сетевую морфологию: обращение к сложным горизонтальным структурам, совокупностям потоков, каналов и узлов. Британский социолог пользуется определением сети, которое предложил М. Кастельс: «Сеть как совокупность взаимосвязанных узлов, в которой расстояние между социальными позициями короче там, где такие позиции являются узлами конкретной сети, а не лежат за ее пределами» [10, с. 54]. По этой причине теория социального неравенства Дж. Урри носит глобальный характер: мир поделен на тех, кто включен в сеть социальных отношений, отмеченных доминирующим типом мобильной системы, и тех, кто находится за ее пределами.

Работы Дж. Урри изобилуют ссылками на теоретиков актор-сетевой теории – А. Мол, Дж. Лоу, Б. Латура и других, работы которых ознаменовали материальный поворот в социологии. С точки зрения актор-сетевой теории, материальным объектам должно уделяться такое же внимание, как и индивидам. Материальные объекты кардинально влияют на социальную реальность: «люди – ничто без объектов, организованных в различные системы» [9, с. 472]. Общества для Дж. Урри всегда являются гибридами. Отсюда особое внимание к мобильным системам и входящим в их состав транспортным средствам, технологиям. Дж. Урри также принимает взгляд Бруно Латура на социальное: «не следует себе представлять и отдельный уровень социальной реальности, который был бы уникальным результатом человеческих поступков и особых способностей» [10, с. 29]. Британский социолог в духе авторов актор-сетевой теории пишет: «человеческий и физический миры тесно взаимосвязаны и их невозможно анализировать отдельно – как общество и как природу или людей и объекты» [10, с. 28].

Выстраивая свою теорию общества и социального изменения, Дж. Урри утверждает, что мобильности являются важнейшим критерием, фактором и формой не только социального изменения обществ в целом, но и социального неравенства. Этапы развития/изменения обществ Дж. Урри выделяет при помощи указания на доминирующую систему мобильности, в основе которой лежит определенный тип перемещения. Подробно рассматривая исторические аспекты развития этих систем, британский социолог выделяет несколько главных видов, которые имели некоторые локальные особенности на конкретных территориях – это система пешего хождения, система общественного транспорта (под ним подразумевается, прежде всего, строение железных дорог) и, наконец, автомобильная система мобильности, доминирующая в настоящее время. Каждый вид транспорта подразумевает подобную систему мобильности.

Так, «ходьба также является самой “эгалитарной” из всех систем мобильности. Хотя прогулка и маркирована классово, гендерно, этнической и возрастной принадлежностью, и на возможность пешего хождения сильно влияет доступность технологий, все же в этой системе мобильности социального неравенства гораздо меньше, нежели в остальных. При прочих равных, чем мощнее пешеходная система, тем меньше социального неравенства в обществе. Можно сказать, что тротуары и тропы для “общества” значительно полезней, чем кресла и автомобили» [9, с. 198]. «В разряд пешеходов входили все классы общества, и только представители элиты порой использовали других пешеходов, чтобы они переносили их через эти покрытые грязью, булыжником и нечистотами улицы» [9, с. 163]. В разные эпохи ходьба принимала своеобразное символическое значение. Дж. Урри приводит в качестве примера создателя теории дрейфа как техники быстрого перемещения Ги Дебора, для которого «ситуационист, вышедший на прогулку, верит, что он включился в борьбу за структурирование пространства, за строительство воображаемого города, не ограниченного рутинными практиками повседневной жизни» [9, с. 171].

Постепенно появились новые мобильные системы, в основе которых лежали новые технологии, например, автомобиль, велосипед, поезд. Доступ к ним также «был неравным и

зависел от физических возможностей и принадлежности к классу, полу, этносу и возрастной группе» [9, с. 160].

С возникновением и развитием сети железных дорог входит в практику перемещение на большие расстояния и тем самым появляется новый виток социального неравенства. Несравнимо большее влияние на социальное неравенство оказало появление автомобильной системы. Автомобилизация стала фундаментальной характеристикой современных обществ в целом. С момента появления и распространения автомобиля появляется не только быстрый по сравнению с пешим хождением способ передвижения (езда верхом не отличалась так кардинально от ходьбы), но и быстрый способ индивидуального движения. Возникает радикальная индивидуализация движения: «Личное время одного человека все больше расходится с личным временем другого, если не на целые сутки, то на многие часы. Человеческая деятельность все менее структурируется коллективно, по мере того, как схемы массового потребления заменяются все более вариативными и сегментированными схемами» [9, с. 247].

Развитие информационных технологий порождает новые виды социальной рутины, основным действием которых разворачивается в «межпространствах». «Межпространство – это пространство и время между двумя или более “мероприятиями”, возникающее в результате размывания границ между временем пути и временем дела» [9, с. 441].

Появление самолетов и гражданской авиации возвестило о новом этапе социального неравенства. Тем не менее, эта система не стала доминирующей и не смогла заменить собой автомобилизацию. В своем развитии «аэропространства совершили два “скачка”, от мономодальных “летних полей” к мультимодальным транспортным узлам, а потом, недавно, к мультифункциональным коммерциализированным глобальным узлам» [9, с. 275]. «Авиапутешествия и их видимые неравенства – как синекдоха растущего глобального паттерна неравенства, объясняемого гигантскими вариациями в распределении сетевого капитала. Глобализирующиеся системы очень сильно различаются по тому, путешественники какого вида проходят через их полупубличные аэропространства» [9, с. 296]. Сами аэропорты, по мнению Дж. Урри,

являют собой пример так называемых «не-мест», то есть пространств, особенностью взаимодействия внутри которых является отсутствие необходимости в нем. «“Не-места” являются особенно отличительным признаком “сверхсовременности”» [9, с. 287].

Несмотря на то важное место, которое мобильности занимают в теории Дж. Урри, возможность концептуализации этого понятия появляется только при рассмотрении понятия «доступ». Стоит отметить, что в современной социологии концепция доступа становится все более распространенной и имеет все большее влияние после выхода в 2000 году работы американского социолога и экономиста Джереми Рифкина «Эпоха доступа» [см., например, 2; 7] и дискуссии, последовавшей в теоретической социологии после.

Поскольку в основе социологии Дж. Урри лежит движение, то «можно сказать, что “добровольное» движение – это власть; ибо возможность двигаться (или, по своему желанию, оставаться на месте) для индивидов и групп является главным источником особых преимуществ, концептуально не зависящих от экономических и культурных. Высокий уровень доступа к мобильности зависит от доступа к более мощным системам мобильности» [9, с. 142].

В теории Дж. Урри доступ имеет экономическое, физическое, организационное и темпоральное измерения. В этом проявляется попытка британского социолога объединить классический классовый анализ социального неравенства с категориями социологии мобильностей. «Я предполагаю, что экономический аспект касается того, что традиционно понимается как деление на социальные классы, гендерные, возрастные и этнические группы в той степени, в какой они структурированы экономически, а другие элементы, физический, организационный и темпоральный, являются компонентами того, что я называю сетевым капиталом» [9, с. 357]. Тем самым автор выстраивает многоуровневую теорию социального неравенства и предполагает в качестве основного ресурса сетевой капитал.

«Сетевой капитал – это способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или прак-

тические выгоды (хотя также часто они заключаются в различных объектах и технологиях или же средствах нетворкинга» [9, с. 362].

Основными элементами сетевого капитала являются документы и навыки, позволяющие свободно перемещаться, наличие удаленных других, двигательные способности, бесплатная локационная информация и пункты контакта, коммуникационные устройства, безопасные и надежные места встреч, соответствующие назначению, доступ к средствам перемещения, время и другие ресурсы для управления и координации предыдущими элементами.

Понятие сетевого капитала Дж. Урри призывает рассматривать как принципиально отличное от понятия социального капитала в теории Пьера Бурдьё, несмотря на то, что во многом опирается на его представление о совокупности капиталов, принадлежащих различным полям. По мнению Дж. Урри, особенностью и характерной чертой сетевого капитала является социальная включенность. «Социальная включенность – это вопрос преодоления пространственных ограничений в определенные моменты времени, дающего доступ к неформальным сетям, связанным с работой, досугом, дружеским или семейным кругом» [9, с. 356]. Несмотря на развитие информационных технологий, позволяющих взаимодействовать на расстоянии и совершать виртуальные путешествия, «личные встречи необходимы для накопления сетевого капитала» [9, с. 412]. Именно по этой причине индивиды затрачивают на них значительные ресурсы, в том числе время.

Двумя требующими внимания понятиями социологии мобильностей Дж. Урри являются «каналы» и «потoki». «Каналы – это сети машин, технологий, организаций, текстов и акторов, образующие различные взаимосвязанные узлы, через которые могут передаваться потоки. Каналы преобразуют измерения времени и пространства. После появления того или иного канала индивиды и прежде всего корпорации внутри каждого общества, как правило, предпринимают попытки подключиться к ним через превращение самих себя в узлы данной сети. В отличие от структурированных каналов, потоки состоят из людей, образов, информации, денег и отходов, которые движутся внутри, а главное, поверх национальных границ, причем отдельные общества зачастую неспособны или

не желают контролировать их ни прямо, ни косвенно» [10, с. 56-57]. К ним он относит: 1) перемещение людей посредством всех видов путей; 2) транспортировку объектов почтой и иными способами; 3) проволочные и коаксиновые кабели; 4) микроволновые каналы, используемые сотовыми телефонами; 5) радио- и телевизионные спутники; 6) оптоволоконный кабель.

Трансформация каналов и потоков напрямую влияют на систему социального неравенства, существующую в обществе. «Появление новых каналов перемещения создает новые пространственные неравенства, поскольку они одновременно усиливают возможности тех организаций, которые способны их внедрять, и ослабляют силы тех, кто исключен из их числа. Здесь обнаруживается новая специализация социального неравенства, новые конфигурации «власти-знания» [10, с. 115]. Потоки, в свою очередь, «создают новые неравенства «доступа – отсутствия доступа», которые не фиксируются в юрисдикциях отдельных государств» [10, с. 57]. При этом динамика социального неравенства, базирующаяся на сетевой морфологии, имеет тенденцию к поляризации богатых и бедных, поскольку «срабатывает механизм позитивной обратной связи, и богатая сеть становится богаче, а бедная – беднее, что приводит к дальнейшему неравенству» [9, с. 412].

Тем самым, теория социального неравенства Дж. Урри выстраивается посредством концепций доступа и сетевого капитала, встроены в теорию смены мобильных систем. Мир, по мнению британского социолога, делится на две части – ад и рай. Эти части отделены друг от друга сложной системой ворот (gates), призванных отделить одну от другой. «Вход в рай зависит от наличия доступа к достаточному сетевому капиталу, а ад ждет всех «сете-обделенных» (network-deprived) в этом странном новом мировом (бес)порядке» [9, с. 381].

Несмотря на то, что движение, доступ и социальная включенность могут рассматриваться как благо в современном мире, следует понимать, что за этим также следуют негативные последствия. «Более того, чем больше люди двигаются, осуществляя свой индивидуальный жизненный проект, особенно на «Севере», тем шире они раскидывают свою личную сеть и, как кажется, проявляют все большую «агентность». Но чем больше они ее проявляют, тем больше

оставляют следов в компьютерах, а ведь те являются важнейшими элементами почти всех систем мобильности» [9, с. 145]. Тем самым личная активность и индивидуальность часто сопряжены с контролем над субъектом.

В связи с этим Дж. Урри обращается к вопросам идентичности. По его мнению, «режимы международного перемещения не столько ослабляют государство, сколько размывают гражданское общество и его организующую власть над жизненными шансами и стилем жизни своих “членов”. Особенно заметно это происходит примерно с 1990 г., благодаря трансформациям телесного, коммуникационного, виртуального и воображаемого путешествия; разные наборы социальных отношений больше не протекают в основном в рамках национальной экономики, государства и особенно – гражданского общества» [9, с. 349]. Из этого следует, что «развиваются новые виды гражданства и идентичности, конкурирующие и порой подтачивающие национальную идентичность и гражданство» [9, с. 349].

Не отрицая существование классов как экономических категорий, Дж. Урри утверждает, что основными социальными группами в современном обществе являются *сообщества*. Это понятие прошло развитие от сообщества в топографическом смысле, то есть основанного на географическом соседстве объединении, через сообщество как набор систематических взаимоотношений социальных групп и институтов к своему современному значению. Основной характеристикой сообщества в современном смысле становится «причастность, человеческая общность, характеризующая тесными личными узлами, эмоциональной теплотой отношений между членами сообщества» [9, с. 312]. Не взирая на то, что сегодня эти сообщества часто значительно рассредоточены в пространстве, Дж. Урри утверждает, что от этого взаимоотношения между членами этого сообщества не становятся более поверхностными, хотя имеют тенденцию к краткосрочности. Поддерживаемые периодическими личными контактами, сообщества представляют собой важнейший вид социальных групп в современном обществе.

Дж. Урри рассматривает современное общество, прежде всего, в терминах потребления, а не производства. Потому одним из вариантов формирования сообщества является потребле-

ние того или иного товара или группы товаров. «Потоки потребительских товаров на более общем уровне трансформируют само понимание “членства” в организациях зарождающейся глобальной эры» [10, с. 69]. Обычно включение в социальную группу означало наделение правами и обязанностями, теперь для ощущения принадлежности достаточно носить футболку с соответствующим логотипом. На первый план выходит культурный опыт, определяемый Дж. Урри как возможность движения, перемещения любого рода в соответствии с содержанием понятий его теории.

Под влиянием процессов сжатия пространства и времени возникают новые виды социальных пространств, а именно – киберпространство, которое тесно увязано с появлением нового вида сообществ. «Киберпространство – это связанная глобальной сетью, поддерживаемая компьютерами, генерируемая ими и управляемая с их помощью многомерная совокупность перекрывающих друг друга виртуальных “сообществ”» [10, с. 107]. В то же время личность, включенная в глобальное взаимодействие большого числа сообществ по всему миру, «размывается или делается мобильной как цепочка следов» [9, с. 145].

Дж. Урри отмечает, что новые сообщества оказывают все большее влияние на индивида, преодолевая границы национальных государств. Тем не менее, этот процесс социологи оценивают различным образом, например, «Рейнгольд рисует апокалиптический образ того, как социальная жизнь, некогда организованная внутри национальных обществ, будет сдвигаться в сторону виртуальных сообществ, выходящих за границы каждого общества с его характерными группами, формами солидарности и идентичности» [10, с. 111]. Эти сообщества подразумевают новую конструируемую идентичность: «создаваемые киберпространством миры населены сообществами, состоящими из тел, чей облик является продуктом моделирования компьютерных инженеров на основе своих предпочтений» [10, с. 109].

Подобные изменения создают то, что Дж. Урри обозначает как «тесный мир»: исследования показывают, что двух случайных людей с огромной вероятностью будут отделить друг от друга менее десяти знакомых. Наряду с этим сжатием мира происходит *осетвление* тех сфер,

которые всегда имели характер взаимодействия лицом к лицу, например, семьи, работы, что меняет их формы и систему взаимодействий между членами этих групп, которые также становятся зачастую опосредованными технологиями.

Построение столь динамичной и многоуровневой социологической теории совсем не означает для Дж. Урри открытость будущего и невозможность социального прогнозирования: «будущее четко очерчено и вовсе не открыто» [9, с. 479]. Социальное прогнозирование основывается на постулировании Дж. Урри сложности экологических проблем, стоящих перед человечеством сегодня, и, соответственно, их решающем значении для современного общества. В связи с этим британский социолог считает, что в ближайшие два десятилетия нас ожидает, во-первых, появление и распространение поставтомобильной системы движения, которая должна будет являться более экологичной, мобильной и вновь индивидуализированной, а, во-вторых, будущее может пойти по двум сценариям, которые Дж. Урри обозначает как «племенная сделка» и «благие намерения».

Согласно сценарию «племенная сделка», катастрофа глобального потепления может привести к нарушению уже существующей взаимосвязанности мира, разделению на регионы, где каждый регион будет представлять свои интересы в борьбе с другими. «Благими намерениями», которыми согласно поговорке вымощена дорога в ад, Дж. Урри называет сценарий, в котором человечество, стремясь предотвратить экологическую катастрофу, установит цифровой паноптикум, то есть общество тотального контроля и слежки.

В конце книги Дж. Урри с сожалением отмечает: «мой анализ завершается грустной констатацией факта: осмысление различных вариантов будущего сквозь линзы этой парадигмы указывает на то, что глобальное будущее ба-

лансирует между моделями Оруэлла и Гоббса, между дьяволом и глубоким голубым морем» [9, с. 501].

Таким образом, социологическая теория Дж. Урри позволяет не только под иным углом взглянуть на социологию в целом, но и выстроить теорию глобального социального неравенства. Рассмотрение основных положений теории социального неравенства Джона Урри позволяет констатировать тенденцию к увеличению социального неравенства в долгосрочной перспективе. Автор в целом считает будущее четко очерченным и весьма пессимистичным.

Литература

1. Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Madison: University of Wisconsin Press, 1987.
2. Rifkin J. The Age of Access. N.Y.: J.P. Tarcher/Putnam, 2000.
3. Urry J. Mobile Sociology // British Journal of Sociology, 2000. Vol. № 51. PP. 185–203.
4. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007.
5. Urry J. Sociology beyond Societies: mobilities for the twenty-first century. London: Sage Publications, 2000.
6. Urry J. The tourist gaze: leisure and travel in contemporary societies. London: Sage Publications, 1990.
7. Артемова Т.С. Понятие «доступ» в социологической теории Джереми Рифкина // Социология, 2012. №3. С. 84-96.
8. Терборн Г. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // Социологическое обозрение, 2001. Том 1. №1. С. 46-49.
9. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
10. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

Функционально–стилевая дифференциация лезгинского языка

Азадова Н.Э.

В связи с изменением социального статуса лезгинского языка наблюдается постепенное расширение сфер его употребления, которое предусматривает более четкую функционально–стилевую дифференциацию на всех структурных уровнях языка. В статье анализируются различные пласты стилистически маркированной лексики на примерах из произведений лезгинской художественной литературы, деловых документов, научных работ, публицистики.

Ключевые слова: лезгинский язык, функциональный стиль, нейтральный стиль, разговорный стиль, книжный стиль, публицистический стиль, научный стиль.

The functional and style differentiation of Lezghin language N. E. Azadova

In connection with the change of the social status of Lezghin language there is a gradual expansion of spheres of its use which provides more accurate functional and style differentiation at all structural levels of language. The various strata of the stylistic marked vocabulary are analyzed in article by the examples from works of Lezghin fiction, business documents, scientific works, journalism. Keywords: Lezghin language, functional style, neutral style, colloquial style, bookish style, publicistic style, scientific style.

Лезгинский язык второй половины XX в., оказавшись под сильным влиянием русского языка, значительно расширил ресурсы своих выразительно–изобразительных средств на всех уровнях. Общеизвестно, что лексико–семантическая система является наиболее чувствительной к общественно–экономическим, политическим, культурным и научно–техническим изменениям в жизни общества. Именно поэтому рядом с заметным расширением сферы функционирования лезгинского языка произошли сдвиги коммуникативно–прагматичного характера, которые повлекли активизацию и пополнение запаса разноуровневых экспрессивных средств. В связи с изменением социального статуса лезгинского языка наблюдается постепенное расширение сфер его употребления, которое предусматривает более четкую функционально–стилевую дифференциацию на всех структурных уровнях языка. В языке выделяется и активно функционирует значительный пласт лексики, которую называют «стилистически–окрашенной», «стилистически–маркированной», поскольку слова, входящие в эту категорию, обязательно являются носителями стилистического значения.

Большая часть слов современного лезгинского языка имеют только денотативное значение и с точки зрения экспрессивности они стилистически нейтральны. Тем не менее, всякое нейтральное слово, находясь в эмоционально–экспрессивном контексте, может принимать окраску этого контекста. При этом имеется достаточно большое количество слов с устойчивой дополнительной окраской. Так, слова, окраска которых обусловлена отношением к литературной норме языка, могут образовывать слова с эмоционально–экспрессивной окраской, то есть с дополнительными оттенками, которые появляются в значении слова на основе ус-

тойчивых оценочных связей, общепринятых в данном языковом сообществе. Принадлежность слова к определенному функциональному стилю языка определяет социальное окружение этого слова.

В лезгиноведении существует несколько классификаций функциональных стилей языка. Так, например, Р.И. Гайдаров и С.А. Селимов различают 1) разговорный; 2) художественный (литературы и искусства); 3) официальный 4) научный [1, с. 105]. А.Г. Гюльмагомедов выделяет следующие функциональные стили: 1) разговорный а) собственно разговорный, б) просторечный, в) грубопросторечный; 2) нейтральный; 3) книжный а) научный, б) официально-деловой; 4) поэтический [2, с. 130]. Одна из последних классификаций А.Г. Гюльмагомедова и Г.И. Магомедова включает в себя: 1) разговорный а) каждодневный разговорный б) устного творчества; 2) литературы и искусства (художественный); 3) официальный (документальный); 4) науки; 5) газетно-публицистический стили [3, с. 113].

На современном этапе развития лезгинского языка говорить о каком-либо окончательном оформлении функциональных стилей еще рано. Напротив, данный процесс все еще продолжает активно формироваться. Поэтому высказанное А.Г. Гюльмагомедовым в начале 80-х годов прошлого века мнение относительно того, что «было бы грубой ошибкой утверждать, будто в настоящее время процесс стилистической дифференциации речевых средств завершился, и исследователи дагестанских языков без труда могут членить языковой материал по стилям» [2, с. 124] все еще остается актуальным.

Для анализа лексических средств выразительности в лезгинском языке мы опирались в основном на произведениях современных лезгинских писателей. Основу текстов этих произведений составляют слова общеупотребительного стиля. Общеупотребительный стилистический пласт лексики является нейтральным (нормативно-литературным) и существует во всех сферах коммуникации. Словарный фонд данного пласта составляют единицы, которые обозначают обыденные предметы быта, называют элементы окружающей среды, а также свойства этих предметов и их признаки, действия человека и животных и их состояния и т.п. Эта лексика используется, как правило, в своем пря-

мом значении, без экспрессивной окраски. Например, все слова в следующих предложениях можно отнести к общеупотребительной, нейтральной лексике лезгинского языка: *Вуна лугьуда ам зи хайи диде, зунни адан буьндугьур гада-гьудуь хва я* (К.М.) 'Ты так говоришь, как будто она моя родная мать, а я ее некультурный, несерьезный сын'. *Пейкера диде кьуна, инал ярхнавай тарцин тандив гьана* (К.М.) 'Пейкер, подхватив мать, подвела ее к сваленному здесь стволу дерева'.

Важнейшим признаком нейтральной лексики является то, что она понятна всем носителям языка. Стилистически нейтральная лексика количественно преобладает в словарном составе языка. На фоне слов, которые входят в ее состав, другие лексические единицы обнаруживают определенные эмоциональные оттенки и реализуются в каком-то конкретном функциональном стиле.

В не обладающих давними традициями письменной литературы языках, к которым относится и лезгинский, не только своеобразен состав функциональных стилей, но и чрезвычайно подвижны границы между ними, при этом очень сильны традиции использования разговорной лексики в формировании литературно-художественного функционального стиля.

Для художественного произведения характерно использование разностилевой лексики, в том числе и разговорной, это добавляет естественность и живость языку героев, создает эффект непосредственности общения. Разговорный пласт лексики стилистически неоднородный, потому что с одной стороны, он сливается с общеупотребительной лексикой, с другой – с просторечной. Основу разговорного стиля лезгинского языка составляют речевые средства, которые употребляются в повседневном общении, отличающейся непринужденностью, спонтанностью обмена информацией между субъектом и адресатом речи. При этом предметом сообщения, как правило, служит каждодневный быт носителей языка. Разговорная лексика, как правило, имеет эмоциональную и аффективную окраску. Лексическим признаком разговорного стиля является использование слов с выразительным экспрессивно-оценочным позитивным и негативным значением. Использование разговорной речи в художественной литературе может зависеть от содержательно-рече-

вого плана художественного произведения. Приведем примеры использования просторечных слов в лезгинской художественной литературе:

Ша халудив, са плагь гун за ваз! (Ф.Н.) 'Иди к дяде, дай я тебя поцелую'. В данном предложении использовано просторечное слово *плагь гун* 'целовать', вместо нейтрального *темен гун*. В следующем предложении видим употребление слова *члагай* 'красивый' сниженного разговорного стиля вместо нейтральных *гуьрчег*, *гуьзел* с тем же значением: *Юсуф хандин квалерин вилик члагай шарабан алаз акуна* (С.Я.) 'Перед домом Юсуф-хана видели красивый шарабан'.

Официально-деловой стиль в лезгинском языке в настоящее время находится только в начальной стадии своего формирования и, в отличие от языков с развитой литературной традицией, пока не имеет какой-либо дифференциации. Официально-деловая лексика лезгинского языка употребляется для обслуживания государственных нужд в госуправлении, делопроизводстве, науке, образовании и т.п. на уровне местных администраций в местах компактного проживания лезгин. Примером употребления официально-делового стиля могут служить следующие предложения, взятые из текстов заявлений: *... тлалабда заз Махачкъаладин пуд лагай нумрадин юкъван мектебда келун давамардай эхтияр гун* (Р) «...прошу разрешить продолжить учебу в Махачкалинской средней школе № 3».

Научный стиль речи выполняет информативную функцию, основу которой представляет дифференцированная разноотраслевая терминология, в ней выделяется общенаучная абстрактная лексика. Терминологическая лексика отдельных отраслей знания объединяется в относительно замкнутые лексические подсистемы, к которым относятся требования однозначности, дефинитивности, отсутствию экспрессивно-оценочных наслоений. К наиболее развитой области научного стиля в лезгинском языке относится филологическая научная литература. В настоящее время на лезгинском языке пишутся не только школьные и вузовские учебники, но и научные монографии. Ярким примером использования данного стиля речи могут служить следующие предложения, почерпнутые из диссертационной работы: Например

В отличие от информативных официально-делового и научного стилей, публицистический

стиль рассчитан на осуществление речевого воздействия на читателя, поэтому в текстах ярко выражена политическая заостренность, подчеркнута идеологическая направленность. Публицистическая лексика за своим составом очень разноплановая. В ней представлены слова для обозначения общественно-политических явлений (*къарагъун* 'восстание', *сечкичи* 'избиратель', *азадвал* 'свобода'); единицы торжественного, возвышенного звучания (*жуьрэтлувал* 'доблесть', *игитвал* 'героизм', *зулум* 'злодеяние'); слова обличительной семантики (*чапхунчи* 'захватчик', *хаин* 'предатель', *медениятдин душман* 'мракобес'), например:

Лексика художественного стиля лезгинского языка вбирает все элементы названных стилей, характеризуется употреблением слов в прямом и переносном значении, использованием всех средств выразительности — лексических, синтаксических, фразеологических. В художественном произведении слова не только несут определенную информацию, но и служат для эстетического воздействия на читателя при помощи художественных образов. Чем ярче, правдивее образ, тем сильнее он воздействует на читателя. Выбирая единственно необходимое в каждом случае слово, писатели создают яркие и запоминающиеся образы родной природы и народной жизни рисуют духовный мир своих героев, передают их речь во всем ее своеобразии. В этом плане особенно стоит выделить поэтизмы, придающие высказыванию торжественный, возвышенный тон. При этом в роли поэтизмов часто выступают восточные заимствования, имеющие более яркую эмоционально-экспрессивную окраску, нежели слова исконного происхождения. Например, в предложении *Куьн мектебдиз кват хьухь буьтуьн, Гьарда чира илим дерин*. С.С. 'Вы все соберитесь в школе, изучайте глубоко науку' вместо исконного *вири*, употреблено тюркское поэтическое слово *буьтуьн* 'все'. Также в предложении *Уьмуьр азад тир, жемьатар хуррам, Адалат къати - недачир гьарам* (М.А.) 'Жизнь была свободной, народ радостный, справедливость сильная — не делали запрещенное' вместо более сниженных слов *шад*, *хвещи* 'радостный' употреблен поэтизм арабского происхождения *хуррам*.

Следует отметить, что принадлежность лексикой современного лезгинского литературного языка к тому или иному функциональным сти-

лю достаточно условна, так как сами стили еще не получили окончательную оформленность, не являются нерушимыми, напротив они активно взаимодействуют и взаимопроникают. Исследование динамики семантико-стилистических характеристик лексических единиц лезгинского языка – процесс многоаспектный, требующий постоянной фиксации стилистических параметров слов. Поэтому вопрос развития стилистических особенностей лексики лезгинского языка нуждается в постоянном комплексном изучении.

Литература

1. Гайдаров Р.И., Селимов С.А. Лезги чӀал. III пай. Синтаксис. VII – VIII классрин учебник. – Изд. 6-е. – Махачкала: Дагучпедгиз. 1980. – 119 с. (на лезгинском языке).
2. Гюльмагомедов А.Г. Стилистическая дифференциация лексических единиц // Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз. 1982. – 148 с.
3. Гюльмагомедов А.Г., Магомедов Г.И. Лезги чӀал: VIII – IX кл. патал учебник. – Изд. 2-е. Махачкала: Издательство НИИ педагогики, 2001. – 186 с. (на лезгинском языке).

Концепции страха

Горбунова Е.Н.

В статье раскрыты социально-философские, психологические и психофизиологические представления о сущности, закономерностях и причинах страха. Проведен анализ трактовок понятия «страх» с точки зрения различных теорий эмоций, а также соотношение понятий «страх» и «тревога». Проведен анализ классификаций страха с точки зрения его феноменологии и причин возникновения.

Ключевые слова: эмоции, страх, тревога, эмоциональное состояние.

An overview of the concepts of fear
Gorbunova E.N.

In the article the socio-philosophical, psychological and psychophysiological ideas about the nature, patterns and causes fear. The analysis of interpretations of the concept of «fear» from the point of view of different theories of emotions, and the relationship between the concepts of «fear» and «anxiety». The analysis of the classifications of fear from the point of view of phenomenology and causes.
Key words: emotions, fear, anxiety, emotional state.

Проблема страха в гуманитарном знании исследовалась учеными с разных теоретических позиций, которые позволяют раскрыть социально-философские, психологические и психофизиологические представления о феноменологии, закономерностях и причинах страха. Философские представления о природе страха и причинах его возникновения имеют место практически во всех научных школах и направлениях философского знания (Аристотель, Платон, М. Монтень, Г. Гоббс, Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Л. Фейербах, С. Кьеркегор и др.). На современные представления о сущности и механизмах возникновения страха оказали влияние взгляды Б. Спинозы, Дж. Локка и др., по мнению которых, страх является состоянием, беспокойством души, связанным с чувством неуверенности и неопределенности, с ожиданием неприятностей, которые могут произойти в ближайшем будущем. Труды философов посвящены преодолению страха перед внешним злом, природой и природными явлениями, которые трансформировались в страх перед определяющей природу высшей силой, то есть перед Богом [8; 12].

В философских концепциях страха периода эпохи Просвещения имеет место переход на исторически новую форму страха – внутренний страх человека перед своей природой, который, согласно немецкому философу Хр. Бегемманну, связан с концепцией воспитания «добродетельного человека», доминированием власти над внутренним миром человека через переживания внутреннего страха и стыда [16]. Более всего внутренний страх вызывают переживания, связанные с чувственной природой человека, подавление которой в угоду принципам добродетели, приводит к внутренним конфликтам и неврозам, которые позже были описаны З. Фрейдом с позиции концепции психоанализа [15].

Современные психологические концепции страха опираются, прежде всего, на различные теории эмоций, согласно которым исследователями трактуется феноменология и механизмы страха. В зарубежной психологии проблеме страха посвящены работы У. Джеймса, Д. Уотсона, З. Фрейда, К. Изарда, Ф. Зимбардо, А. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромма и многих других исследователей. В отечественной науке в изучение феноменологии страха большой вклад был внесен И.М. Сеченовым, И.П. Павловым, Л.С. Выготским, А.И. Захаровым, М.И. Буяновым, А.М. Прихожан, Б.И. Кочубей, Е.В. Новиковой и другими.

Психофизиологические концепции страха, описывающие его физиологические механизмы, были раскрыты в работах русских физиологов И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и др. Согласно взглядам И.М. Сеченова и И.П. Павлова, физиологической основой страха является сложная рефлекторная реакция организма на внутренние или внешние раздражители, представляющие истинную или мнимую опасность. Такие эмоциональные состояния, как страх, тревога, боязнь - являются, по мнению И.П. Павлова, различными вариациями тормозного процесса. Зарубежные психологи описывали психофизиологические основы страха с точки зрения тех концепций, которые служили для описания психологии эмоций. Так, У. Джеймс, отталкиваясь от идей датского психолога К. Ланге, сформулировал концепцию, которая сегодня известна как теория эмоций Джеймса-Ланге, согласно которой страх, как и другие эмоции, возникает в результате ощущения физиологических изменений в собственном организме? «боимся, потому что дрожим». В противовес данной позиции, согласно теории эмоций Кэннона-Барда, психологическое переживание страха и физиологические реакции возникают одновременно [6]. Зарубежный исследователь К. Изард утверждает, что страх складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, проистекающего из ожидания угрозы или опасности [4].

Согласно З. Фрейду, страх - «аффективное состояние и прежде всего то, что можно почувствовать» [15, с.250]. С точки зрения З. Фрейда выделяются следующие виды страха: реальный страх как биологическая реакция на опасность, он связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта само-

сохранения; невротический страх как страх ожидания, как «беспредметную эмоциональную реакцию», источником которой являются сексуальные и агрессивные влечения, подавленные в детском возрасте. Невротический страх отличается от реального тем, что источник опасности первого страха находится скорее во внутреннем, чем во внешнем мире [15, с. 252].

При попытке раскрыть содержание понятия «страх», как указывает Е.Н. Кузнецова, имеет место многозначность и семантическая неопределенность данного термина. Это связано, по мнению автора, которая ссылается на В.К. Вилюнаса, с попытками объяснить эмоции, в том числе и эмоции страха, с одной стороны с позиции чувственной сферы, с другой стороны - с позиции роли когнитивных процессов в оценке ситуации страха, что во многом является отражением до сих пор не преодоленной общеметодологической и общепсихологической дилеммы сенсуализма и рационализма. Так, например, Э. Клапаред считает, что оценка ситуации страха формируется на основе чувств, а Р.С. Лазарус утверждает, что заключение о страхе как о наличии угрозы и невозможности ее избежать производится на основе когнитивных процессов [7, с. 14].

В отечественной психологии страх чаще всего определяется как эмоциональное состояние. Так, согласно Е.П. Ильину, «страх - это эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья и благополучия [5, с. 147]. Согласно А.В. Петровскому, «страх - эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительности или воображаемой опасности» [9, с. 386].

Психологическое описание сильного страха дал К.Д. Ушинский: «Действие страха именно потому и ужасно, что он, останавливая деятельность души, в то же время приковывает ее внимание к предмету страха» [13, с. 403]. Согласно К.К. Платонову, страх проявляется в двух основных формах - астенической и стенической. Астеническая форма страха выражается в пассивно-оборонительных реакциях, например, в оцепенении, ступоре, и в активно-оборонительных реакциях - в мобилизации своих возможно-

стей для предупреждения опасного исхода (бегства) [10].

Для понимания феноменологии страха необходимо рассмотреть его соотношение с таким явлением, как тревога. В научный обиход понятие «тревога» было введено З. Фрейдом. Разграничивая содержание понятий страх и тревога, З. Фрейд выделял конкретный страх и неопределенный, безотчетный страх (тревогу) [15]. Согласно теории дифференциальных эмоций К. Изарда, С. Томкинса, страх – фундаментальная эмоция, а тревожность – устойчивый комплекс, образующийся в результате сочетания страха с другими фундаментальными эмоциями: «Тревожность... состоит из доминирующей эмоции страха и взаимодействий страха с одной или несколькими другими фундаментальными эмоциями, особенно со страданием, гневом, виной, стыдом и интересом» [4, с. 331]. А.И. Захаров отмечал, что тревога имеет социальные формы психического реагирования, страх – инстинктивные [3]. Опираясь на мнение А.И. Прихожан, отметим, что в современных психологических исследованиях наиболее распространена точка зрения, рассматривающая «страх как реакцию на конкретную, определенную, реальную опасность, а тревожность – как переживание неопределенной, смутной, безобъектной угрозы преимущественно воображаемого характера» [11, с. 13].

Определяя феноменологию переживания страхов, исследователи выделяют различные классификации страхов. Наиболее полную классификацию страхов мы находим у А.И. Захарова, работы которого посвящены возникновению и развитию страхов в детском возрасте. Согласно автору страхи делятся по следующим признакам: по характеру – природные, социальные, ситуативные, личностные; по степени реальности – реальные и воображаемые; по степени интенсивности – острые и хронические. Личностно обусловленный страх предопределен характером человека, например, повышенной мнительностью, и способен появляться в новой обстановке или при контакте с незнакомыми людьми, в то время как ситуативно обусловленный страх возникает в необычной, крайне опасной или шокирующей человека обстановке [2]. В детском возрасте выделяются несколько групп страхов. К первой группе автор относит медицинские страхи, к которым относятся боязнь

уколов, боли, крови, врачей, а также страх заболеть или заразиться, вторая группа включает страхи, связанные с физическим ущербом – боязнь неожиданных звуков, нападения бандитов, машин, поездов, самолетов, а также боязнь стихийных явлений: огня, пожара, явлений природы – бури, урагана, грозы, землетрясения, наводнения, войны; к третьей группе детских страхов, относятся страхи смерти, которые проявляются в том, что дети боятся умереть или что умрут их родители. Другой группой детских страхов является страхи животных и сказочных персонажей, а именно боязнь волка, медведя, собак, крокодила, пауков, змей; Бабы Яги, Кощея Бессмертного, Бармалея, Змея Горыныча, чудовищ. Пятую группу объединяют страхи, связанные со сном, например, боязнь перед тем, как заснуть, боязнь страшных снов и темноты. Социально-опосредованные страхи, а именно боязнь каких-нибудь людей, родителей, того, что они накажут, боязнь опоздать в детский сад, в школу, страх одиночества составляют шестую группу страхов. Седьмую группу детских страхов образуют пространственные страхи, к которым относятся боязнь высоты, глубины, воды, замкнутого пространства (лифт, маленькая комната), открытого пространства (больших площадей) [3, с. 57].

Аналогичную классификацию страхов мы находим у Ю. Щербатых: природные страхи, непосредственно связанные с природными стихиями и угрозой жизни человеку: гроза, солнечные затмения, появление комет, извержения вулканов и сопровождающее их землетрясения, которые ассоциируются у человека со страхом конца мира, а также страхи животных; социальные страхи – боязнь и опасения за изменение своего социального статуса; внутренние страхи, которые рождены лишь фантазией и воображением человека и не имеющие под собой реальной основы для беспокойства [14]. По причинам возникновения страхов Т.В. Абакумовой выделяются объективные источники возникновения страха, к которым относят биологические, техногенные, планетарные и космические страхи. Другой причиной возникновения страхов является отсутствие представлений о полноте и целостности окружающей действительности, что зачастую приводит к образованию социальных и детских страхов. Онтологические причины вызывают религиозные,

экзистенциальные страхи и страх смерти. Гносеологические причины инициируют страхи от избытка информации [1, с. 133].

Итак, анализ концептуальных подходов к исследованию феномена страха позволяет констатировать, что в его определении имеет место семантическая неопределенность: страх определяют как чувство, эмоция, состояние, аффект и осмысливается с точки зрения различных концептуальных подходов к изучению эмоций человека. В то же время следует констатировать, что, несмотря на неоднозначность данного феномена и отсутствия единой концепции страха, на сегодняшний день достаточно полно подставлены различные теории эмоций, позволяющие раскрыть философские, психофизиологические и психологические аспекты переживания страха, а также феноменологию и механизмы возникновения страха.

Литература

1. Абакумова Т.В. Философские аспекты феномена страха: диссер. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. - Якутск, 2002. - 150 с.
2. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. - СПб.: Союз, 2004. - 448с.
3. Захаров, А.И. Как преодолеть страхи у детей. - М.: Педагогика, 1988. - 98с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2008. - 464с.
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2008. - 783с.
6. Кеннон В. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. - Л.: Прибой, 1927. - 173с.
7. Кузнецова Е.Н. Психологические особенности проявления страхов у педагогов и врачей на уровне структур обыденного сознания: дис. ... канд. психологических наук. - Ставрополь, 2003. - 238 с.
8. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. - М.: Мысль, 1985. - 623 с.
9. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. - М.: Политиздат, 1990. - 494с.
10. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Высш. школа, 1984. - 174с.
11. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. - М.: Московский психосоциальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. - 304 с.
12. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. - М., 1957. - Т.1. - 672 с.
13. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. Том 1. Теоретические проблемы педагогики. - М.: Педагогика, 1974. - 584 с.
14. Щербатых Ю.В. Психология страха: Популярная энциклопедия. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. - 416 с.
15. Фрейд З. Страх//Введение в психоанализ. Лекции. - М., 1989. - 456 с.
16. Begemann Chr. Furcht und Angst im Prozess der Aufdearung: Zu Literatur und Bewusstgeschichts des 18. Francfurt a / М.: Athenaum. 1987. - S. 195.

Эволюция форм государственного единства и право наций и народов на самоопределение в период становления советского государства

Гостев С.С.

В начале XX века происходит обострение национальной напряженности, рост и интенсификация национальной самоидентификации, имеет место такое явление как «окраинный национализм», и как следствие происходят отдельные акты реализации права наций и народов на самоопределение, что в свою очередь требует юридического обеспечения этих процессов. Распад крупнейших многонациональных империй после Первой мировой войны открыл более обширные возможности для реализации права на самоопределение.

Ключевые слова: Право наций и народов на самоопределение; распад многонациональных империй; Первая мировая война; Великая Российская революция; Декреты советской власти; внутригосударственные юридические механизмы; автономия; сецессия; федерация; революция.

Evolution of forms of the state unity and the right of the nations and the people on self-determination during formation of the Soviet state

Gostev S.S.

In the beginning of the XX century there is increased national tensions, the growth and intensification of national identity, there is such a thing as «peripheral nationalism», and as a result there are separate acts of the realization of the right of nations and peoples to self-determination, which in turn requires legal support of these processes. The collapse of the largest multinational empires after the World War I has opened greater opportunities for the realization of the right to self-determination.

Keywords: The right of nations and peoples to self-determination; the dissolution of multinational empires; World War I; the Great Russian revolution; the Decrees of Soviet power; domestic legal mechanisms; autonomy; secession; the federation; the revolution.

Распад крупнейших многонациональных империй после Первой мировой войны и революционные конфликты начала XX века открыли обширные возможности для реализации права на самоопределение, что потребовало соответствующего юридического обеспечения этих процессов. Особенности правового обеспечения реализации права наций и народов на самоопределение в странах континентальной Европы на внутригосударственном уровне прослеживаются на примере эволюции форм государственного устройства России после Великой Российской революции.

Правительство большевиков попыталось реализовать выдвинутый еще в 1914 году лозунг заключения немедленного мира без аннексий и контрибуций, бывший в то время довольно популярным в уставшей от войны Европе, и выдвинуло идею права наций на самоопределение в качестве основы национального государственного строительства. В.И. Ленин[3] был первым, кто воспринял и разработал принцип самоопределения народов как «международный политический инструмент» и как критерий для освобождения всех зависимых народов. Труд Ленина «О праве наций на самоопределение»[3], изданный в 1914 году, во многом объясняет позицию социал-демократов в отношении принципа самоопределения народов. В данной работе можно выделить, что В.И. Ленин понимал под субъектом самоопределения: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо ...государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важней-

шее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец – условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйником, продавцом и покупателем» [3].

Определяющим признаком субъекта самоопределения В.И. Ленин называет «единство языка». Положение лингвистического принципа в основу идентификации субъекта права наций и народов на самоопределение является прогрессивной и актуальной идеей того времени. Ещё одним критерием, по мнению В.И. Ленина, является «экономическое развитие» территории, население которой реализует право на самоопределение. Это означает, что не каждая нация, народ или любая другая, исторически сложившаяся как коллективная личность группа людей в составе империи имеет право на самоопределение, а та, на территории которой сложились более развитые капиталистические отношения. Следует сделать замечание, что в таком случае ограничение действует для такой формы реализации права наций на самоопределение как сецессия. Нельзя не согласиться с этой, весьма убедительной точкой зрения, так как в истории больше шансов на успешное завершение имеют только те процессы, которые подготовлены экономически (в широком смысле). Реализация права наций и народов на самоопределение, в долгосрочной перспективе, имеет шансы на неудачное завершение, в случае отсутствия экономического «базиса». Однако следует помнить, что право на самоопределение – это естественное право, его источник – это «народ» и само его существование уже означает наличие права на самоопределение, но для его успешной реализации нужна экономическая база. Тем не менее, реализация права наций на самоопределение, с точки зрения советского подхода к данной проблеме, не должна и не сводится к одному только отделению.

Большой интерес представляют тезисы: «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», изданные В.И. Лениным в 1916 году. Внутривнутриполитическая концепция советского государства относительно прав народов на самоопределение базировалась в то

время на следующих принципах:

1) Этнические группы должны быть ориентированы на самостоятельный путь развития;

2) Реализация принципа должна обязательно привести к освобождению всех колониальных стран, т.е. фактически к антиколониальной борьбе;

3) Реализация принципа должна была запретить аннексию земель против желания населяющих их народов, что неизменно сталкивалось с территориальным переделом имперских границ и вполне оправдывалось, учитывая положение России в состоянии войны.

В.И. Ленин писал: «Мы требуем, свободы самоопределения, т.е. независимости, т.е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немислимой без свободы отделения» [3].

«Политическая стратегия в национальном вопросе для марксистов-ленинцев состоит в достижении максимально тесного на данном этапе развития сближения наций, через обеспечение полной свободы самоопределения, чтобы прийти к их добровольному братскому единству на основе социализма» [8].

Учитывая особенности того времени, вызванные рядом социально-политических потрясений, произошедших в начале XX века, Ленинская концепция, естественно, несла в себе революционный и политический аспекты и рассматривала принцип самоопределения как «инструмент», способный послужить интересам революции. В.И. Ленин, в труде «О праве наций на самоопределение» указывал: «Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в обоих случаях обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего насчет другой нации» [3]. В.И. Ленин ставил задачу подчинения борьбы народов за

самоопределение непосредственно целям и задачам революции.

Не смотря на эти закономерные особенности, В.И. Ленин создал фундаментальный задел для дальнейшего развития права наций и народов на самоопределение. В.И. Ленин, разрабатывая советский концепт реализации права наций и народов на самоопределение решительно отмежевался от возникшей в период перехода к цивилизации нового времени идеи «государства-нации», положенной в основу европейского подхода к реализации права наций и народов на самоопределение.

На историко-правовом примере эволюции форм государственного устройства России после Великой российской революции и на протяжении существования СССР можно обнаружить огромное количество правовых форм практической реализации права наций и народов на самоопределение.

Юридическое обеспечение реализации права наций и народов на самоопределение в послереволюционной России на внутрисоветском уровне было организовано путем провозглашения и закрепления этого права в декларациях, декретах и других правовых документах советской власти. «Формы государственного единства России радикально изменилась на третьем этапе Великой российской революции, в условиях становления советской государственности (октябрь 1917 – 1922 г.).

Основы национально-государственной политики советской власти были сформулированы в Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.)»[5]. Советом Народных Комиссаров было принято решение положить в основу своей деятельности по национальным вопросам в России следующие начала: 1) Равенство и суверенность народов России; 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[1]. В дальнейшем, принцип права наций и народов на самоопределение был закреплен в принятой на III Всероссийском съезде советов в январе 1918 года Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа: «...III Всероссийский съезд советов всецело присоединяется к про-

водимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами демократического мира между народами, без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций»[1].

Помимо этого, в статье 11 Конституции РСФСР 1918[2] года говорилось, что Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы и входить в состав РСФСР на федеративных началах.

Реализация права наций и народов на самоопределение, в процессе советского государственного строительства, выразилась в образовании самостоятельных субъектов, таких как: территориальные, национально-территориальные и национально-культурные автономии, по всей территории бывшей Российской империи возникли самые разные формы национально-государственных образований. Так возникли Украинская Советская республика, образовались самостоятельные государства Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, появились независимые государства в Прибалтике, образовывались автономии Кубани и Дона, сформировались национально-культурные и областные автономии алтайцев, бурят, киргизов, хакасов, якутов. «Сложная обстановка на Дальнем Востоке, обусловленная иностранной интервенцией вынудила молодую советскую власть пойти на компромисс со всеми патриотическими антияпонскими политическими силами и создать временное буферное государство – Дальневосточную Республику, объединявшую все области Дальнего Востока»[5]. Финляндия вышла из состава России, образовав собственное государство.

Возникновение столь широкого спектра самых разнообразных форм автономий имеет под собой вполне закономерные причины, которые, заставляли большевиков permanently корректировать свой политический курс. Вызвано это было тем, что провозглашенный принцип права наций на самоопределение был тесно связан с формой государственного устройства. Свобода отделения, подразумеваемая под одной из форм реализации права наций и народов на самоопределение, неизбежно вступает в противоречие с формой организации государственного единства и территориальной целостности

тью государственного образования. Ещё задолго до прихода к власти В.И. Ленин и его сторонники отвергали существовавшую форму государственного устройства России и называли Российскую империю «тюрьмой народов». Но одновременно с этим, большевики были сторонниками централизации и унитаризма и до 1917 года отрицательно относились и к такой форме государственного устройства как федерация

Такая aberrация зрения вполне объяснима, в период становления советской власти вполне объяснима. С одной стороны, абсолютно закономерным и логичным было стремление сохранить в составе нового государства старые территории, так как выход той или иной части из состава государства неизбежно ставил под угрозу безопасность и экономическое благополучие страны. С другой стороны, было необходимо придерживаться взятого политического курса и провозглашенных принципов. В столь тяжелый для российской государственности период реализация принципа права наций на самоопределение мог в форме сецессии использовалась для создания «буферных государств», что позволяло искусственно отодвинуть государственные границы.

Эксплуатация принципа самоопределения народов достаточно хорошо проявилась в момент подписания Лениным 21 февраля 1918 года Брест-Литовского[4] мирного договора, по которому Советское правительство уступало Германии Польшу, Литву, часть Латвии, Эстонию и Белоруссию, тем самым фактически отказав народам в реализации права на самоопределение, несмотря на то, что в Конституции 1918 года национальным группам была предоставлена возможность свободного выхода из состава государства.

Не меньший вклад в развитие принципа права наций на самоопределение внес И.В. Сталин. В своих трудах он писал следующее: «...в России принудительный царский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени, федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России. Федерализму в России, суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму»[6]. И.В. Сталин разработал свой проект политико-территориального устройства советского государства. Сталин предлагал строить государство по национально-территориальному

принципу и фактически выступал за унитарное государство, в составе которого были бы автономные республики. Такая модель представлялась более прочной и жизнеспособной и, тем не менее, учитывающей право наций на самоопределение. Сталин определяет нацию как: «исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»[6].

Теоретико-правовые воззрения большевиков на процесс реализации права наций и народов на самоопределение не сводились исключительно к «безрассудному отделению» определенных территорий. Право наций и народов на самоопределение представлялось и применялось как внутригосударственный институт и принцип государственного строительства.

Литература

1. Декреты Советской власти. Т. I. - М.: Госизд-во полит. литературы. 1957.
2. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. - М.: Политиздат. 1987.
3. Ленин В.И. Критические записки по национальному вопросу, О национальной программе РСДРП, О культурно-национальной автономии, Национал-либерализм и право наций на самоопределение, Социалистическая революция и право наций на самоопределение, О праве наций на самоопределение, Итоги дискуссии о самоопределении. - М.: Издательство политической литературы. ПСС. 1965
4. Минц И.И. Брестский мир. История дипломатии. - М.: Терра. Изд. 2-е. 1945.
5. Михайлова Н.В. История государства и права России (XIX – начало XXI в.). – М.: КНО-РУС, 2014.
6. Сталин И.В. Организация Российской Федеративной Республики. – М.: Правда. Вып. 62-63. 1918.
7. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 11. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949.
8. Тункин Г.И., Федоров В.Ф. В.И. Ленин и современное международное право. – М.: Знание, 1970.

Египетские мотивы в пьесе Александра Блока «Рамзес»

Ахмед А.А.

В данной статье проводится анализ египетской линии в пьесе Александра Блока «Рамзес». В исследовании освещаются различные аспекты и подходы к изучению пьесы, рассматриваются биографические факторы, которые повлияли на замысел пьесы, а также глубоко изучается проблема проявления российской действительности через образ Египта в пьесе Блока.

Ключевые слова: Литературы Востока, исторические картины, власть, народ, конфликт, Египт, маска, биография, реализм.

Egyptian motives in the play «Ramses» by Alexander Blok Ibtisam AH.

This article analyzes the Egyptian lines in the play by Alexander Blok «Ramses». The study highlights various aspects and approaches to the study of the play shall be considered biographical factors that influenced the concept of the play, as well as to study in depth the problem of manifestations of Russian reality through the image of Egypt in the play Blok.

Keywords: Literature of the East, historical pictures, power, people, conflict, Egypt, mask, biography, realism.

Пьеса «Рамзес» (1919 г.) - последнее драматургическое произведение Александра Блока. История возникновения его замысла достаточно прозаична, но нестандартна для творческой биографии поэта. Пьеса стала результатом работы над заказом, поступившим от редакции «Всемирной литературы», созданной в сентябре 1919 году. Тогда же была написана целая программа «Литературы Востока», в которую входила серия произведений на исторические темы, призванных реализовать просветительскую функцию. Пьеса на египетскую тему должна была быть написана Блоком. Идея была поддержана Луначарским. Помимо Блока, в этом образовательном проекте приняли участие Н. Гумилев, Е. Замятин, К. Чуковский и другие¹.

Однако «исторические картины» из жизни Древнего Египта не были для Блока уходом от тех «грозных вопросов» современности, которым было посвящено все его творчество. Сам круг проблем, остро обозначившихся в описании древнеегипетской жизни (противостояние властей и народа, толпы и наделенного тайным знанием пророка), не является уходом от тех обстоятельств, в которых жила Россия и сам поэт в послереволюционные годы. Об особенном драматизме обстоятельств личной жизни Блока справедливо писал Г.М. Бонгард-Левин, признавая их роль в усилении трагизма пьесы: «Осень и последующая зима 1919 г. были исключительно напряженным периодом в творческой и личной жизни Блока, временем душевных потрясений, творческих взлетов и неудач, семейных драм, материальных невзгод, тяжелой, неизлечимой болезни»².

Глубинный автобиографический пласт пьесы тонко почувствовал и В.Б. Шкловский, назвавший ее трагедией³. Он имел в виду не жанровые особенности, но трагедию, переживаемую поэтом и косвенно отразившуюся в пьесе. Суть трагедии — в невозможности для Блока писать о том, что волновало и по-настоящему было зна-

чимо для него: о судьбе России и русской интеллигенции, в невозможности продолжать работу над поэмой «Возмездие». Заказ египетской пьесы помогал разрешить бытовые проблемы, но отвлекал от собственных творческих исканий.

О глубоко личном восприятии событий из жизни древнего Египта пишут и другие исследователи, однако, по-разному истолковывая скрытые «русские» аллюзии. Так, по мнению А. Федорова, за египетскими реалиями можно увидеть «образ потерпевшей крушение за три года перед тем русской монархии <...>»⁴. Менее прямолинейные параллели проводит О.Ю. Неволина, которая полагает, что на материале далекой истории человечества А. Блок решает «вечные психологические проблемы, не скрывая, а, наоборот, подчеркивая их личную, субъективную окраску». И если сюжетную структуру драмы определяет исторический материал, то «духовно-эстетическую – лирическое, исповедальное начало, более весомое и более значительное»⁵. И, хотя автор диссертации не называет эти проблемы, сама мысль об исповедальности пьесы представляется вполне обоснованной.

Но в то же время было бы неверно говорить, что египетские мотивы – только «маска», скрывающая реалии русской жизни. Нельзя не учитывать для понимания замысла этой пьесы глубокого интереса Блока к разным явлениям древнеегипетской культуры, прежде всего, египетским мистериям, учениям египетских гностиков. Поэта влекла мистика египетских древних обрядов и учений, Египет им воспринимался как родина мистических учений и мистерий, обрядов посвящений, результатом которых становилось обретение высшего знания и права заниматься искусствами и науками⁶. Возникший не без влияния Вл. Соловьева, в том числе его стихотворения «Три свидания», где отразился визионерский опыт философа в египетской пустыне, этот интерес, как и его глубоко личный характер, объединял Блока с другими его современниками, прежде всего, А. Белым, В. Брюсовым, М. Волошиным, П. Флоренским и др. Но когда Блок работал над пьесой, его волновало, думается, не стремление предложить «новое понимание мистической сущности Египта» (как, например, В. Розанова⁷), хотя знание гностических учений⁸ и ритуалов мистерий Блоку пригодилось в пьесе (в частности, в описании заклиний, которые творятся над умирающим Псарой). В «Рамзесе» автор не только демонст-

рировал познания в древней истории, но и стремился вновь поставить вечные вопросы, прежде всего, проблемы назначения человека, которому дан пророческий дар и право видеть то, что не видят непосвященные. Получив задание создать исторические картины, своего рода исторические иллюстрации, позволяющие читателю ярко представить характерные стороны египетской жизни, поэт написал произведение более сложное и глубокое, чем это представляется на первый взгляд.

В определенной степени именно память о России определила ту «русскость» пьесы, которую отметили уже первые читатели, в частности М. Горький, который, по свидетельству К. Чуковского, сказал автору о его персонажах, в целом похвалив пьесу: «Только говорят они у Вас слишком по-русски, надо немного вот так» (и он вытянул руки вбок – как древний египтянин – стилизовал свою нижегородскую физиономию под Анубиса) – нужно каждую фразу поставить в профиль». «30 ноября 1919 г. Блок, когда ему сказали, что его египтяне в Рамзесе говорят слишком развязно, слишком по-русски, ответил: «Я боюсь книжности своих писаний. Я боюсь своей книжности»⁹.

Позднее исследователи старались опровергнуть замечание Горького, одновременно, как ни парадоксально, подтверждая обоснованность этого упрека указанием на то, что в центре внимания Блока была именно российская жизнь: «Упрек Блоку в том, что его персонажи в «Рамзесе» говорят слишком по-русски, понятен, но вряд ли справедлив, – писал известный историк Бонгард-Левин. – Ведь для А. Блока «Рамзес» был не столько сочинением о Древнем Египте, сколько напоминанием о России: агонизирующей, погрязшей в коррупции и заслужившей проклятие Пророка. Поэтому в том, что некоторые коллеги поэта, не вполне осознав стержень пьесы, тем не менее верно ощутили ее главный нерв – «слишком по-русски» – нужно видеть удачу Блока. Если основной смысл пьесы в том, чтобы на примере Древнего Египта показать, к чему в действительности идет Россия, то оценка «слишком по-русски» звучит, хоть и невольной, но явной похвалой»¹⁰.

Продолжим и поддержим мысль историка Бонгард-Левина. Действительно, «Рамзес» Блока написан по книгам Масперо и Тураева¹¹, об этом сам автор пишет в примечании к пьесе. О том, что Блок стремился добросовестно выполнить

такую «иллюстраторскую» функцию в пьесе, свидетельствует богатый этнографический материал, введенный, в первую очередь, в обширные ремарки. Создается впечатление, что Блок максимально широко хотел охватить в рамках сравнительно небольшого произведения разные стороны жизни древнего Египта, представить разные сословия (фараон, чиновники разного ранга, офицеры, ремесленники и проч.) и указать на иерархические законы в этом мире. Читая пьесу, можно узнать, что производили в древнем Египте, чем торговали на базаре. Мы видим древних египтян в разных ситуациях: в их будничной жизни и в момент обострения противоречий между бедными и богатыми. Здесь описываются бунт ремесленников, торжественный выезд фараона, смерть естественная и убийство толпой проповедника.

Однако задача, которую ставил перед собой поэт, не ограничивается созданием драматических иллюстраций к историческим хроникам. Как уже отмечалось выше, на историческом материале Блок ставит «вечные» проблемы, имеющие особенную актуальность для русских поэтов, в том числе и для Блока: в первую очередь, проблему пророка и толпы. Сосредоточенность на этой проблеме объясняет в определенной степени те отступления от исторических фактов, которые были отмечены известным египтологом В. Струве, с которым Блок встречался лично и чьим мнением дорожил: «<...> в истории Египта: автором смешаны 2 царя = 2 эпохи – эпоха Рамсеса II (царя XIV стол[етия]) и эпоха Рамсеса III (царя XIII в.). Так, картина развала, которая нарисована автором, относится ко времени Рамсеса III, и то к концу его царствования. Эпоха же Рамсеса II была эпохой (в особенности начало его правления) расцвета во всех отношениях»¹². Другим нарушением исторической правды, явным анахронизмом Струве считал образ пророка, предсказавшего гибель египетской цивилизации и растерзанного за это толпой. По утверждению Струве, «пророк» говорит языком пророка IX или VIII вв. В эпоху Рамсеса II речи «пророка» немыслимы в устах еврея»¹³.

Образ пророка, действительно, – создание блоковской фантазии, это – один из основных персонажей, он противопоставлен всем: и бедным, и власти имущим. Его одиночество, отторженность от окружающих, изгойство – мотивы, которые сопутствуют этому персонажу. Не случайно Блок сделал пророка и евреем, точнее,

нашел своего пророка в еврейском народе, погрешив при этом против истины. И столь же не случайно Блок вкладывает ему в уста «речения, заимствованные из ветхозаветной Книги пророка Исая»¹⁴.

В блоковской пьесе именно образ пророка крайне важен, это – один из ключевых персонажей, равновеликий двум сильным мира сего и двум «посвященным», наделенным особыми полномочиями и особенной властью, – Рамзесу II и чиновнику Псару. Каждый из трех персонажей претендует на особенную мудрость, но тайное знание, которым владеют Рамзес или Псару, только отделяет их от простых смертных.

Именно надмирность Рамзеса II Блок действительно стремился подчеркнуть в своем героическом. Для Блока было важно представить Рамзеса как обобщенный образ правителя, отстраненного от земного существования, от жизни своего народа, он живет на уровне бытия, но не быта. В итоге эта отстраненность, нездешняя возвышенность оказывается преступной, потому что реальными рычагами власти управляют чиновники, подобные Псару и Хамоизиту. Примечателен в этой связи авторский комментарий, относящийся к фараону: «В нем должно быть подчеркнуто нечто странное, отвлеченное, «красивое» – рядом с очень некрасивым бытом. Ему как бы ни до чего нет дела, в нем заключено древнее воспоминание, и он – чужой среди подданных, как Эдип с юным лицом был чужестранцем ... среди долгобородых фивян, которые никогда не смотрели в глаза Сфинксу»¹⁵. Автор всячески подчеркивает чужеродность этого образа, оторванность Рамзеса от реалий и потребностей своего народа: он – чужой среди своих.

Что же касается Псару, то его мудрость и власть, которые он демонстрирует, на самом деле иллюзорны, хотя он и его подчиненные и утверждают, что обладает всей полнотой земной власти, издавая законы, повышая в чинах, улаживая несогласия и давая мир в стране. Псару может утверждать, что «все люди ходят в моем свете» [IV-249], что он знает то, «что скрыто в каждом человеке» [IV-250]. Но на самом деле этим знанием он не обладает: не случайно он умирает в миг своего торжества, и напрасно «кучка друзей» творит заклинания, напоминая о его «посвящении»: «Чародейная сила Псару <...> есть сила Озириса Атуму, царя богов <...>» [IV-268].

Этим сильным мира сего в древнем Египте противопоставлен изгой, но истинный Пророк:

именно ему доступно понимание смысла настоящего и подлинное знание о будущем. Уже само именование этого героя Пророком имплицитно указывает на соотнесенность образа блоковского «анахроничного» героя с пушкинским и лермонтовским пророком. На пушкинское стихотворение «Пророк» указывает и общий источник некоторых ключевых образов стихотворения Пушкина и высказываний блоковского Пророка: блоковский Пророк говорит «речениями, заимствованными из ветхозаветной Книги пророка Исайи», образы из которой стали ключевыми в описании превращения пушкинского героя, «духовной жаждою томимого», в Пророка. А само описание противостояния Пророка и толпы является явной аллюзией на лермонтовского «Пророка». Можно отметить и определенную близость блоковского Пророка образам пушкинских юродивых, наделяемых незыблемым правом говорить правду в лицо правителям, не боясь жестокой расправы.

На соотнесенность проблематики «Рамзеса» с блоковской концепцией поэта справедливо указал В.Б. Шкловский, который отметил связь между пьесой и речью Блока, произнесенной в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина. По свидетельству Бонгард-Левина, в рукописном фонде Пушкинского Дома хранится рукописная запись о «Рамзесе» Шкловского, который хорошо знал поэта¹⁶.

К этому справедливому замечанию добавим только, что судьба Пророка и его роль в пьесе становится понятнее в контексте и другой блоковской статьи 1921 г. «Без божества, без вдохновения».

Не останавливаясь подробно на блоковской концепции поэта, отметим только некоторые принципиальные совпадения в между блоковскими размышлениями о сущности поэта и образом Пророка в пьесе. Описание поэта в этой статье Блока, основанное на пушкинских образах, коррелирует с образом пророка в «Рамзесе»: «Первое дело, которое требует от поэта его служение, - бросить «заботы суетного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину... Дикий, суровый, полный смятения, потому что вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения» [5 – 521с.]. Пророк в «Рамзесе» также бежит общества, стремится к уединению и одиночеству, он также горит враждебной толпой и в финале произведе-

ния убиваем ею. Основываясь на тексте речи о Пушкине, скажем, что Блок детализирует, уточняет содержание конфликта поэта и толпы, поэта и власти. Автор много рефлексировал над понятием «чернь»: «Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский», давая собирательное имя той родовой придворной знати, у которой не осталось за душой ничего, кроме дворянских званий: но уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь, чернь вчерашнего и сегодняшнего дня: не знать и не простонародье; не звери, не комья земли, не обрывки тумана, не осколки планет, не демоны и не ангелы. Без прибавления частицы «не» о них можно сказать только одно: они люди; это не особенно лестно; люди – дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена «заботами суетного света» [V-522].

Само противостояние поэта и черни осмысливается Блоком в речи как вечно повторяющийся конфликт, призванный обнаружить неблагополучие поэта, неизменно трагическую роль, которую он призван выполнять. Но отметим и еще одну параллель: для Блока существовала абсолютная зависимость между душой поэта-пророка и его страной, о чем особенно отчетливо он написал в статье «Без божества, без вдохновения». И потому гибель поэта – предвестие гибели его культуры, как это произошло с Пушкиным. Понимание этой несомненной зависимости, определяющей концепцию поэта-пророка у Блока, придает и дополнительные, трагические аспекты финалу пьесы: убийство пророка толпой – знак неизбежной гибели египетской культуры, какой бы прочной она ни казалась.

Литература

1. Подробнее об этом см.: Бабичева Ю. В. Метаморфозы русской исторической драмы в 10-х годах XX века // Неординарные формы русской драмы XX столетия. Межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1998. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/bab/ich/babicheva_y_v/2.htm (дата обращения 03.02.2015 г.).
2. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 29-43.
3. Федоров А. Путь Блока-драматурга // Блок. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1971. URL:

http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0320.shtml (дата обращения 03.02.2015 г.).

Неволина О.Ю. Театр А. Блока и традиции русской классической драматургии. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иваново, 1993// cheloveknauka.com/teatr-a-a-bloka-i-traditsii-russkoy-klassicheskoy-dramaturgii

5. См. письмо А. Блока к А. Белому от 3 февраля 1903 г., где он проявляет глубокую заинтересованность именно в проблеме египетских мистерий. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 17.

6. Волошин М. Лики творчества / Изд. подготовили В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С.414; Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004. С. 37.

7. О пометках на полях книги Б. Тураева «История древнего Востока», прежде всего, касающихся учений гностиков, см.: Рычков А.Л. Пометы А. Блока в «Истории древнего Востока» Б. Тураева URL: www.nggumus.ru/articles/argshives/full_art.php?aid=358@binn_rubrik_pl_articles=355 (дата обращения 03.02.2015 г.).

8. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2771> (дата обращения 03.02.2015 г.).

9. Рычков А.Л. Пометы А. Блока в «Истории древнего Востока» Б. Тураева. URL: www.nggumus.ru/articles/archives/full_art.php?aid=358@binn_rubrik_pl_articles=355 (дата обращения 03.02.2015 г.).

10. Блок. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1971. С. 272. Далее в тексте ссылки на это издание даются с указанием тома римскими цифрами и страницы – арабскими.

Ссылки:

1. Подробнее об этом см.: Бабичева Ю. В. Метаморфозы русской исторической драмы в 10-х годах XX века // Неординарные формы русской драмы XX столетия. Межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1998. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/bab/ich/babicheva_y_v/2.htm (дата обращения 03.02.2015 г.).

2. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. С. 29-43.

3. Там же.

4. Федоров А. Путь Блока-драматурга // Блок. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1971. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0320.shtml (дата обращения 03.02.2015 г.).

5. Неволина О.Ю. Театр А. Блока и традиции русской классической драматургии. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иваново, 1993// cheloveknauka.com/teatr-a-a-bloka-i-traditsii-russkoy-klassicheskoy-dramaturgii

6. См. письмо А. Блока к А. Белому от 3 февраля 1903 г., где он проявляет глубокую заинтересованность именно в проблеме египетских мистерий. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 17.

7. Волошин М. Лики творчества / Изд. подготовили В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С.414; Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004. С. 37.

8. О пометках на полях книги Б. Тураева «История древнего Востока», прежде всего, касающихся учений гностиков, см.: Рычков А.Л. Пометы А. Блока в «Истории древнего Востока» Б. Тураева URL: www.nggumus.ru/articles/archives/full_art.php?aid=358@binn_rubrik_pl_articles=355 (дата обращения 03.02.2015 г.).

9. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2771> (дата обращения 03.02.2015 г.).

10. Там же.

11. Рычков А.Л. Пометы А. Блока в «Истории древнего Востока» Б. Тураева. URL: www.nggumus.ru/articles/archives/full_art.php?aid=358@binn_rubrik_pl_articles=355 (дата обращения 03.02.2015 г.).

12. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2771> (дата обращения 03.02.2015 г.).

13. Там же.

14. Там же.

15. Блок. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1971. С. 272. Далее в тексте ссылки на это издание даются с указанием тома римскими цифрами и страницы – арабскими.

16. Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока // Бонгард-Левин Г. М. Из «Русской мысли». СПб., 2002. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2771> (дата обращения 03.02.2015 г.).

Особенности пропаганды физической культуры и спорта в СССР в 1918–1940 гг.

Истягина-Елисеева Е. А.

Статья посвящена анализу методов пропаганды физической культуры и спорта в нашей стране в первой половине XX века. Актуальность материала определяется тем, что профессиональные историки нечасто обращаются к вопросам становления и развития спортивной пропаганды в Советском Союзе, несмотря на ее серьезное влияние на общественно-политическую и социальную жизнь страны.

Ключевые слова: агитация, пропаганда, СССР, физическая культура.

Characteristics of propaganda of physical education and sports in USSR in 1918-1940

Istiagina-Eliseeva E.A

The article is dedicated to the analysis of methods of propaganda of physical education and sports in our country in the first half of the XX century. The relevance of the material is determined by the fact that professional historians rarely consider the issues of formation and development of sports propaganda in the Soviet Union, despite its serious impact on the political and social life of the country.

Key words: campaigning, propaganda, USSR, physical education

Советская система пропаганды физической культуры и спорта на протяжении многих десятилетий способствовала развитию массового спорта и укреплению здоровья нации. Однако профессиональные историки нечасто обращаются к вопросам становления и развития спортивной пропаганды в нашей стране.

Цель статьи – показать на примере методов пропаганды физкультуры и спорта, используемых в первой половине XX века в СССР, значимость агитационной деятельности как для становления советского спорта, так и для развития страны в целом, оздоровления населения и повышения обороноспособности государства. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, объективности и системного научного анализа, чье применение в совокупности позволило рассмотреть развитие пропаганды физической культуры и спорта как неотъемлемую часть социально-политической жизни СССР.

Изучая такой важный аспект государственной политики СССР в области физической культуры, как пропаганда здорового образа жизни и спорта, нельзя не остановиться на развернувшейся в 20-х годах XX столетия острой борьбе мнений о судьбе физической культуры. Одну из точек зрения выразил Н. И. Подвойский, глава Всевобуча (созданная в апреле 1918г. система всеобщего воинского обучения), а также с августа 1920г. первый председатель Высшего Совета Физической Культуры (ВСФК). На Всероссийском Совещании по допризывной подготовке и физической культуре осенью 1921 г. он выступил с докладом, в котором целями физической культуры обозначил воспитание из детей и юношей созидателей, подготовку пролетарской массы к выполнению хозяйственных, военных и других задач республики [1]. Физкультура по мысли Н. И. Подвойского базировалась на трех китах: массовые праздники, массовые демонстрации, рабоче-крестьянские гуляния, прогулки и экскурсии [2]. Врачебному контролю за физическим состоянием трудящихся он отводил малозначимую роль.

Иными задачи физкультуры виделись главе Наркомздрава Н. А. Семашко, сменившем на посту председателя ВСФК Н. И. Подвойского в

июне 1923 г. На страницах «Известий физической культуры» он выразил следующее мнение: «Главной задачей физкультуры является оздоровление трудящихся, повышение производительности труда и корригирование вредных последствий профессиональной работы» [3]. Сторонники Семашко писали прямо: «Общий лозунг – «физкультура – дело врачей» [4].

Последователи Н. И. Подвойского группировались вокруг выросшего в недрах Коминтерна Красного спортивного интернационала (КСИ), а также т. н. «Общества строителей международного красного стадиона» (МКС), возникшего в 1919 г. Основной целью общества было «создание международного красного стадиона и использование его для пропаганды и развития физической культуры трудящихся» [5].

Работа МКС внесла значительную лепту в развитие средств пропаганды физической культуры в СССР. основополагающим принципом агитации МКС было «массовое действо, как форма массового празднества» [6]. Все это перекликалось с идеями Н. И. Подвойского: «...нам прежде всего надо стараться, чтобы выгнать его (рабочего) из комнаты, из душных барачков, из рабочих кварталов на воздух, на солнце» [7].

Одним из самых интересных моментов в истории МКС стало создание в 1925 г. Организационного театра [8]. С 1925 по 1932 г. Оргтеатр объехал 180 городов, дал 2400 спектаклей, на которых присутствовало 2,5 млн зрителей [9].

В конечном счете, общество стремилось органически соединить физическую культуру и спорт с массовыми гуляниями, развлечениями и празднествами трудящихся, сделать отдых рабочих эффективным [10]. С 1925 по 1929 г. наряду с непосредственно спортивной работой МКС организовало около 200 общесоюзных рабочих гуляний [11]. Проводились т. н. практикумы по подготовке руководителей массовых действий [12]. Рабочие активно старались заинтересовать играми, гимнастикой, легкой атлетикой, плаванием, катанием на коньках, санках, лыжах, танцами [13].

С течением времени физическая культура и спорт оказались важнейшими инструментами социальной политики, значительным фактором международного престижа первого в мире пролетарского государства. Переломным моментом стали постановления ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 и 23 сентября 1929 гг., которые прямо указывали на необходимость усиления государственного централизованного контроля, руководства партии, а также преобразование 1 апреля 1930 г. ВСФК при ВЦИК РСФСР в ВСФК при ЦИК

СССР, а затем создание на его месте в июне 1936 г. Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР.

На рубеже 1920–30 гг. в СССР была развернута грандиозная агитационно-пропагандистская работа в области физической культуры. Практически сразу были введены те средства и методы пропаганды, которые использовались на протяжении всей истории существования СССР: наглядная (парады, шествия, фотовыставки, изобразительное искусство) и устная (лекции, беседы, концерты) агитация, радио и кино, спортивная печать и т. д. Наиболее сильными по своему влиянию на массы инструментами являлись такие формы наглядной агитации, как парады и физкультурно-спортивные празднества, ставшие витриной советского спорта, пышностью и помпезностью они символизировали повсеместное развитие спорта и физической культуры на территории Советского Союза.

Парад всевобучистов 25 мая 1919 г., который принимал В. И. Ленин, стал первым физкультурным парадом в советской истории. 17 июля 1920 г. в честь Конгресса III Интернационала в Москве на Красной площади были организованы показательные выступления спортсменов. Они вылились в яркую демонстрацию, в грандиозное и невиданное для Москвы зрелище, в котором участвовало 12 тыс. человек. Летом 1923 г. профсоюзы и комсомол совместно провели I Всесоюзный праздник физкультуры, в котором приняло участие более 2 тыс. спортсменов. Вот что было написано об этом событии в журнале «Известия спорта»: «Мы растем, и растем быстро, мы начинаем действительно вовлекать широкие слои трудящихся в физкультуру» [14]. Осенью 1925 г. ВСЦПС провел в Москве I Всесоюзный праздник физкультуры, в нем участвовало 600 спортсменов из шести крупнейших профсоюзов страны [15].

Одним из самых запоминающихся спортивных торжеств 1920-х годов стал Летний праздник физкультуры 1927 г., длился он с 20 по 27 августа. Помимо спортивных состязаний состоялся парад. Участники несли плакаты с традиционными для того времени лозунгами: «За наш покой, за нашу власть, коль час придет, пойдем в сраженье. Физкультура это часть всего рабочего движенья!» В ряду агитационных материалов были и призывы к населению с целью привлечь к здоровому образу жизни: «Сидеть в домах – какого чорта! Сегодня все – на праздник спорта!» [16].

Если на уже упомянутый парад 1927г. было потрачено 76602 рубля [17], то только на художествен-

ное оформление парада, состоявшегося 30 июня 1935 г., МОССХ (Московскому Областному Союзу Советских Художников) было выделено 350–400 тыс. рублей. Заказы получили такие известные художники как И. И. Бродский, К. Ф. Юон, И. Э. Грабарь, Д. Т. Моор, В. Н. Перельман [18]. Перед зрителями и высокими гостями прошли порядка 105 тыс. человек, разбитых на 13 колонн [19]. Тем же летом состоялся стотысячный по числу участников парад в Ленинграде [20]. А 12 июля этого же года имел место еще один парад московских активистов-физкультурников и обладателей значков ГТО I степени, и снова более 100 тыс. человек славили партию и правительство за успехи в построении нового общества.

Вторая половина тридцатых годов ознаменовалась целой серией грандиозных парадов и спортивных представлений.

I Всесоюзный парад физкультурников состоялся 12 июля 1937 г. в Москве. В параде приняли участие сорок пять тысяч спортсменов из 11 республик. Через сутки «Красный спорт» писал: «В этот день Красной площадью владели юность, сила, ловкость и радость» [21].

В конце июля 1938 г. в Москве прошел очередной парад тридцати пяти тысяч физкультурников. Режиссер Н. Охлопков отмечал в «Известиях»: «Эти народные спортивные праздники являются не только смотром ежегодной физкультурной работы. Это — истинно народное зрелище. Это — новый вид искусства, монументального, грандиозного, в котором театр, балет, опера, живопись, скульптура, музыка, песня синтетически соединены, подчиняясь физкультурному действию» [22].

К Всесоюзному параду 1939 г. подготовка началась в январе: была издана специальная брошюра с указаниями по строевой подготовке участников, в центральных печатных органах проводилась широкая информационная компания [23]. Торжество должно было происходить не только на Красной площади, но и в других районах Москвы. В районе ВДНХ в зоне отдыха Всесоюзной сельскохозяйственной выставки был построен временный спортивный городок с трибунами на 60 000 мест [24].

Важнейшим методом пропаганды физической культуры и спорта в довоенное время являлась устная пропаганда. Устной пропагандой были охвачены практически все слои населения, но особое внимание уделялось физкультурной работе в армии. На итоговом заседании участников Зимней спартакиады РККА 1 марта 1933 г. К. Е. Ворошилов заявил: «Великому пролетарскому духу просто здоровое тело уже недостаточно, ему нужны великие телеса» [25]. Физкультурным организа-

циям вменялось в обязанность организовывать совместные с воинскими частями вечера физкультуры, принимать шефство над воинскими спортивными ячейками, учреждать переходящие призы по отдельным видам спорта и т. д. [26].

Центральное место в агитационной работе занимала пропаганда среди рабочих. Задача была поставлена предельно четко: «Каждый третий член профсоюза — физкультурник!» [27]. До 1929 г. руководство физкультурой было сосредоточено в культотделах профсоюзов, имевших одного или нескольких инструкторов. Начиная с 1929 г., при ВЦСПС и Совпрофах были организованы т. н. «бюро физкультуры» для руководства всей физкультурной и спортивной работой, такие же бюро создавались и на предприятиях [28]. В цехах с наличием трех и более физкультурников организовывалась ячейка физкультуры, работавшая под общим руководством заводского Бюро физической культуры [29].

Предполагалось, что сдавший на значок ГТО, должен «вести активную агитработу, подготовить на сдачу комплекса не менее 20 человек, участвовать в организации коллектива (кружка), выполняя одну из общих обязанностей (например, член бюро физкультуры, руководитель секции, судья и т. п.)» [30].

Издавались специальные методические пособия, посвященные «Вечеру физкультуре в клубе», в которых подробно расписывалось содержание вечера, программа, темы для бесед, оформление клуба и т. п. [31]. Интерес также представляют инструкции «Вечера вопросов и ответов по физкультуре». Целью диалога с рабочими являлось «выявление и учет запросов и интересов со стороны рабочей массы по физкультуре и спорту, разрешение практических вопросов, связанных с использованием методов физической культуры и спорта, возбуждение интереса к физической культуре вообще и в частности к проведению ее на данном предприятии» [32]. Задавались следующие темы для бесед: «Как и когда заниматься физкультурой? Как стать здоровым, занимаясь гимнастикой и спортом? Зимний спорт. Физическая культура трудящихся. Физическая культура и быт» [33].

Все эти мероприятия сопровождалась массовой компанией, т. н. «двухнедельниками физической культуры» под лозунгами: «Физкультура — могучее средство в борьбе с профвредностями!», «Физкультура — путь к здоровью!», «Где лучше провести день отдыха? За городом, на лыжах» [34].

Важную роль в вопросах пропаганды физической культуры и спорта в 1920–30 гг. играла

спортивная печать. Первая книга, изданная массовым тиражом – «Я – отличный стрелок», вышла в 1918 г. В том же году на свет появились «Правила игры в футбол», а в 1919 г. – пособие по гимнастике. В 1920 г. было издано пять книг по физической культуре общим тиражом 114 тыс. экземпляров, выпущены брошюры серии «Библиотека физкультурника». В 1925 г. вышла книга «Физкультура в деревне» М. Собоцкого. В 1923 г. было создано специализированное издательство «Физкультура и спорт», начал выходить журнал «Известия физической культуры» [35].

Со временем у советского физкультурного движения появилось свое научное издание – журнал «Теория и практика физической культуры» (с 1937 г. «Теория и практика физической культуры»), начало которому было положено в 1925 г. выходом в свет научно-популярного сборника работ по физической культуре. Первым главным редактором журнала стал Н. А. Семашко [36]. Существовало и более массовое издание – журнал «Физкультура и спорт», первый номер которого вышел 4 января 1928 г. [37]. Тираж составлял 35 тыс. экземпляров [38]. Издание целого ряда газет и журналов, таких как «Красный спорт», «Пролетарский спорт», «Всеобщий и спорт», «Известия спорта», «Известия физической культуры», «Физкультура и спорт», «Физкультура и спорт», служило мощным подспорьем в деле развития спорта.

Активно проводилась работа по изданию спортивной литературы в союзных республиках, в том числе и на национальных языках, из резолюции, принятой Закавказским совещанием по физкультуре от 3 марта 1929 г.: «Наладить пропаганду физкультуры через печать, вместе с тем принять меры к изданию физкультуры литературы на национальных языках и наладить освещение физкультуры вопросов через радио» [39].

Выводы. В целом в период 1918–1940 гг. на территории СССР была развернута широкая агитационная работа в области физической культуры, отдельных видов спорта, комплекса ГТО. Несмотря на ряд трудностей в этом абсолютно новом деле, советское спортивное руководство в целом справилось с поставленной задачей, добившись просто невиданных ранее темпов роста физкультурного движения. Широко применялся целый спектр агитационно-пропагандистских средств: наглядная и устная агитация, печать, радио, кино, делавшее свои первые шаги в эти годы. Их комплексное применение позволило охватить самые широкие массы населения, различного половозрастного, социального состава, что дало свои плоды в деле оздоровления советских граждан, роста производительности труда,

достижения высоких спортивных результатов, повышения обороноспособности СССР.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
2. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 178. С. 109
3. Известия физической культуры. – 1924. – № 1. – с. 13.
4. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 38. Л. 197.
5. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
6. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 22.
7. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 28. Д. 38. Л. 247.
8. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.
9. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 24
10. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
11. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 35.
12. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 244. Л. 37.
13. ГАРФ. Ф. 4346. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.
14. Кулагин, Е. Наши успехи / Е. Кулагин // Известия спорта. – 1923. – № 3. – с. 55 с.
15. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 108. Л. 54
16. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 11. Л. 32.
17. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 11. Л. 2.
18. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 2.
19. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 14.
20. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Л. 31
21. Кравченко, А. Первый парад / А. Кравченко // Красный спорт. – 1937. – 13 июля. – с. 15
22. Охлопков, Н. Счастливейший день / Н. Охлопков // Известия. – 1938. 26 июля. – с. 21–25
23. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 10. Д. 1. Л. 2
24. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 10. Д. 1. Л. 3
25. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 159. Л. 83.
26. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
27. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 3. Д. 60. Л. 18.
28. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 24. Д. 7. Л. 12.
29. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 82.
30. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 3. Д. 60. Л. 35.
31. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 201.
32. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 202.
33. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 202.
34. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 2. Д. 6. Л. 206.
35. Прокофьева, Л.К. Становление и развитие физической культуры в учебных заведениях Восточного Забайкалья в первой половине XX века: Дисс. ... канд. пед. наук. / Л.К. Прокофьева – Шюя, 2009. – с. 89–90.
36. Страницы московского спорта. – М. – 1961. – с. 33.
37. Страницы московского спорта. – М. – 1961. – с. 44
38. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 3. Д. 36. Л. 5.
39. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 1. Д. 5. Л. 97.

Отражение исторической эпохи в биографическом исследовании З. Прилепина

Калиниченко Л.А.

Статья содержит анализ биографического исследования современного российского автора «Подельник эпохи: Леонид Леонов». Указано, что эта книга является и биографической, и публицистической, делается вывод о том, что З. Прилепин ставил перед собой цель отобразить жизненный и творческий путь Леонида Леонова, а не создать детальное произведение, описывающее общий контекст эпохи.

Ключевые слова: биографическое исследование, историческая эпоха, контекст эпохи, биографическая литература.

Kalinichenko L.A.

Reflection of the historical era in biographical studies Z. Prilepina

This article contains analysis of biographical studies of modern Russian author of «Accomplice era: Leonid Leonov». Pointed out that this book is a biographical and journalistic, concludes. that Z. Prilepin set a goal to display the life and career of Leonid Leonov, and a detailed work describing the overall context of the era.

Key words: biographical research, historical era, the context of the era, biographical literature.

Творчество Захара Прилепина развивается на наших глазах. Поэтому неудивительно, что его исследование является делом актуальным. Вместе с тем, в целом небольшое количество критических работ, посвященных произведениям этого писателя, не может не наводить на мысль о том, что полное исследование его творчества еще впереди. И это снова обуславливает актуальность нашей работы, которая имеет дело с анализом одного из последних по времени произведений писателя. Тем более, что именно «Подельнику эпохи» сегодня не посвящено каких-либо серьезных литературоведческих исследований.

Отметим, что анализируемая нами книга не является художественным произведением, она открывает новую грань таланта Прилепина, поскольку показывает его умение в жанре документальной прозы, точнее – прозы биографической. Итак, предметом анализа в нашей статье является книга Захара Прилепина «Подельник эпохи: Леонид Леонов». Целью статьи является выявление того, каким образом Прилепин рассматривает творчество Л. Леонова на фоне исторической эпохи.

Интерес Прилепина к творчеству Л. Леонова не разовый, поскольку в 2010 году вышла книга из серии «ЖЗЛ» под названием «Игра его была огромна». Однако, по сути, это один и тот же труд, о чем говорит и сам автор: «Эта одна и та же книга, просто расширенная за счёт включения двух новых главок» [4]. Кроме того, Прилепин подготовил к изданию шеститомник произведений Л. Леонова, который снабдил своими комментариями и предисловием.

Отвечая в одном из интервью на вопрос о том, откуда у него интерес к Леонову, Прилепин сказал так: «Огромный писатель, один из несомненных титанов в этом ряду: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Горький, Платонов, Булгаков, На-

боков... У нас много любят в последнее время говорить, что великая литература закончилась – правда, как правило, говорят об этом люди, которые читают мало и впопыхах, зато очень любят высказываться.

Но, если они хотят великой литературы – вот, пожалуйста. «Пирамида» вышла только в 1994 году – совсем недавно. Роман сногшибательный. Прочитали его, как мне кажется, человек сто. В том числе, я, Олег Кашин и Дмитрий Быков» [4].

Возвращаясь к тому, что книга З. Прилепина «Подельник эпохи: Леонид Леонов» пока еще не стала предметом внимания критики, отметим, что ее «предшественница» «Игра его была огромна» собрала гораздо больше рецензий. Причем критики старались быть объективными, указывая не только на позитивные стороны «Игры», но и на ее недостатки. Так, например, К. Мильчин утверждал: «Таланта биографа вполне хватило на портрет писателя на фоне страшного времени, на историю человека, которого ломали и доломали до того, что он под конец жизни старался вообще молчать и не привлекать к себе внимание. Но вот история про незаслуженно забытого гения у Прилепина явно не склеилась» [2]. По мнению критика, Прилепин слишком много внимания уделяет попыткам «скрупуплезно отмывать Леонова от многочисленных подлостей, в связи с чем текст резко теряет в убедительности» [2].

На наш взгляд, основной целью З. Прилепина было все же не только жизнеописание Л. - Леонова, но и построение портрета этого писателя на фоне эпохи, что вполне удалось. С другой стороны, отдельные критики указывали, что и исторический контекст у Прилепина не всегда соответствовал реальности. Скажем, такой точки зрения придерживается В. Бондаренко: «Вот с чем реально слабовато порой у Прилепина, так это с историческим контекстом. Вернее, он, исторический контекст этот, дан очень неровно. То, что близко и интересно, описано убедительно, с тонкими «проникновениями». А позднесталинские и застойные годы даны как-то впроброс, по-журналистски, без заземления на «духовные поиски» современников. Льетса фактажный поток, журчливый, но неглубокий.

Эта мутноватость исторического сознания – да, и она оттуда, из захлеба перестроенной публицистики» [1].

Сложно сказать, ставил ли Прилепин перед собой именно такую цель – отобразить все особенности исторической эпохи, однако на это наводит название второй книги, посвященной Л. Леонову (которая, как уже было сказано, является доработанной версией первого издания).

Обращаясь к книге Прилепина о Леонове, сразу уделяешь внимание его стилю. Привыкнув к «фирменному прилепинскому» стилю романов и повестей, насыщенному жаргонизмами и вульгаризмами современной эпохи, невольно поражаешься, обращая внимание на чистый литературный язык, который, будучи так же насыщен метафоричностью, абсолютно лишен просторечий и прочих единиц, засоряющих речь. Создается впечатление, что существуют два писателя Прилепина: один, который пишет современные романы, поглядывая на мир с иронией, и второй, абсолютно серьезный автор, имеющий как минимум серьезное филологическое образование (которое, впрочем, у автора действительно присутствует). Вместе с тем, стиль писателя здесь все равно узнаваем, поскольку обращает на себя внимание прежде всего его известная отрывистость, лаконичность, легкость.

Уделяя внимание Прилепину «серьезному» (абсолютно условный термин), нельзя не отметить то уважение, с которым он относится к Леониду Леонову, советскому классику, прожившему практически весь XX век и ставшего свидетелем всей советской эпохи. Однако в этом ракурсе сразу обращает на себя внимание лексема «подельник», которая явно взята не из классической литературы. Итак, нужно ответить на вопрос: почему Леонов в интерпретации Прилепина не свидетель эпохи, а именно ее подельник?

Зная писательскую славу Прилепина, его провокационный стиль, невольно из значений многозначного слова «подельник» читатель выбирает то, которое апеллирует к тюремным жаргонам. То есть, говоря о подельнике, криминальные личности имеют в виду того, кто проходит с ними по одному уголовному делу.

И все же первоначальное значение этого слова совсем другое. Из нескольких значений «соратник, подельщик, компаньон, сотоварищ, соучастник» наиболее подходящим в отношении этой книги кажется соратник и сотоварищ. Очевидно, автор хотел подчеркнуть, что Лео-

нид Леонов являлся не просто свидетелем большого периода российской истории («С тех пор Леонов видел всех правителей России своего века»; «Леонов говорил: «Горький жал руку Толстому, Толстой – Тургеневу, Тургенев – Гоголю, Гоголь – Пушкину... Так и шло в русской литературе это теплопожатие»), но и его активным участником (со-участником, иначе – поделником?). То есть человеком, который не просто наблюдал историю, а человеком, который активно ее творил. В данном случае – своей недолгой службой в белой гвардии, и, позднее, активным служением на литературном поприще.

Название первого издания было более понятным: по сути, это цитата из произведения самого Л. Леонова «Дорога на Океан», слова, которыми Леонов характеризовал Глеба Протоклитова. Прилепин адресует эти слова самому Леонову, подчеркивая, что огромной была и роль писателя. Довольно просто провести аналогии между «огромной игрой» и «поделником эпохи». Ключевым словом во втором названии становится именно эпоха, поскольку Леонову суждено было прожить практически весь XX век с его бурными событиями.

Он прожил 95 лет: родился в 1899 и умер в 1994 году. Разумеется, был свидетелем всех самых бурных событий XX века: и революции, и двух мировых войн, а также свидетелем перестройки и развала СССР. Выше была приведена цитата из книги Прилепина, в которой подчеркнуто, что Леонов видел всех правителей России XX века, начиная от императора. В книге «Поделник эпохи» нет сведений по поводу знакомства Леонова с Лениным, зато приведены факты его общения со Сталиным (этому посвящена целая глава), с Горбачевым, упоминаются также Ельцин и Хрущев. Немаловажно также то, что упоминается и общение советского классика с Вангой, которая сама по себе уже является отдельной эпохой. Упомянут в исследовании также Ф. Шалапин, который в свое время указывал на появление нового таланта.

Приведены также факты общения Леонова с российскими писателями, каждый из которых тоже оставил свой след в истории русской литературы: с Горьким (отдельная глава), Есениным, Булгаковым, Шолоховым, Набоковым. Упоминаются также другие писатели, но из «эпохальных» названы имена именно этих. Сам же

Леонов, будучи писателем масштабный и плодотворный, за всю жизнь написал массу произведений, начиная от стихотворений и заканчивая романами и эпопеями. Он писал также статьи, драмы, сценарии.

Вся эта панорама дает возможность сделать вывод о том, что жизненный и творческий путь Л. Леонова действительно протекал на фоне целой исторической эпохи, да и сам он стал эпохой в развитии русской литературы. Разумеется, нас интересует в данном исследовании не столько биография Л. Леонова, сколько задача ее З. Прилепиным.

И в этом плане нельзя не отметить, что сам жанр книги Прилепина дает широкие возможности для ее изучения. Это одновременно и биография, и публицистическое исследование, в котором отображены несколько исторических периодов: от 20-х годов XX века до 90-х. Мастерство Прилепина именно в том, что он вписывает жизненный и творческий путь Л. Леонова в исторический контекст, не отделяя судьбы писателя от судьбы России. Хотя цитированный выше В. Бондаренко, напомним, говорил о том, что исторический контекст как раз Прилепину удался не везде.

Вместе с тем, на наш взгляд, Прилепин и не ставил перед собой цель написать историческое исследование, посвященное советской эпохе. Его задача была другой – популяризировать творчество незаслуженно забытого писателя. И с этой задачей он справился. Обращая внимание именно на судьбу Леонова, Прилепин создает прием кольцевания: книга начинается и заканчивается сном юного Лёны («Когда ему было девять лет, приснился сон: он идет по цветочному лугу, Господь начинает благословлять его и обрывает движение...»; «Незадолго до ухода Леонов вновь вспомнил о своем памятном детском сне: где луг, и Бог, и его обрванное благословение. Пройдя огромный путь длиной почти в столетие, отрок Леонид вновь вернулся в то же самое лето, которое на целую жизнь заронило в его душу печаль»).

Этот прием подчеркивает, что основной сюжетной линией все же является жизнеописание писателя, а не история России или СССР. Более того, выводя личность Леонова на фоне эпохи, автор не забывает о том, что говорит прежде всего о человеке: имеет история об отце будущего писателя и его двух женитьбах,

немало внимания уделено двум дедам, вспоминаются умершие братья и сестра. Много говорится о жене писателя, без которой он на исходе жизни словно осиротел.

Интересен также и эпизод с Вангой. Прилепин подчеркивает, что болгарская провидица напомнила писателю о его сестре, которая умерла маленькой и о которой Леонов никогда и нигде не писал. В отношении Леонов-Ванга стоит также заметить, что сам писатель явно верил знаменитой болгарке, в то время как из книги Прилепина становится непонятно, верит ли в силу Ванги он сам.

Ключевыми главами книги Прилепина, по мнению критиков, являются главы и Сталине и Горьком, поскольку Горький был культовой фигурой для литераторов, и его влияние на творчество Леонова неоспоримо. Примечательно то, что молодой писатель посмел критиковать маститого, что в будущем и стало причиной их размолвки.

В отношении же Сталина суть материала, приведенного Прилепиным, даже не в том, как именно общались эти два великих по-своему человека, а в том, что как раз эта глава рисует тот контекст, в котором вынуждены были творить писатели разных мастей в середине XX века.

Обратим внимание на то, делает ли Прилепин литературоведческий анализ романов Леонова (напомним, писатель является филологом по образованию). На наш взгляд, как он сознательно уходит порой от детальных исторических описаний эпохи, ограничиваясь «воздвижением» на ее фоне личности Леонова, так же не

ставит перед собой цель проанализировать произведения писателя, как если бы писал книгу по истории литературы. Данный Прилепиным анализ «Барсуков», «Дороги на Океан», «Русского леса», «Пирамиды» и повести «Evgenia Ivanovna» является скорее попыткой найти в этих произведениях отображение жизненного пути самого Леонова, чем серьезным литературоведческим исследованием. Но такую цель наш современник перед собой и не ставил.

Цель Прилепина была в другом: показать все особенности жизненного и творческого пути Леонида Леонова, отобразить его фигуру в контексте эпохи. И, на наш взгляд, именно этой цели он достиг.

Литература

1. Бондаренко В. Проза.ру – 18.05.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/leonov/prozaru.html> (дата обращения 11.03.2013)
2. Мильчин К. «Ведомости. Пятница» – № 15 (198) 23 апреля 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/leonov/vedomosti-pjatnica.html> (дата обращения 11.03.2013)
3. Прилепин З. Подельник эпохи: Леонид Леонов. М: Астрель, 2012. 832 с.
4. Прилепин З. Стыдно писателю всю жизнь водить хороводы вокруг себя самого. Интервью // Московский книжный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://morebo.ru/interv/item/1375910389218> (дата обращения 11.03.2013)

Роль фабрики в формировании социокультурного пространства с. Раменское во второй половине XIX – начале XX века

Куренкова Е. А.

В статье раскрывается роль фабрики в формировании социокультурного пространства с. Раменское во второй половине XIX - начале XX века. Автор изучает особенности, которые оказали влияние на формирование социокультурного пространства. В основе исследования лежит анализ деятельности директора фабрики Ф. М. Дмитриева и владельцев фабрики купцов Малутиных.

Ключевые слова: социокультурное пространство, фабрика, условия труда, рабочие, образование, здравоохранение.

Factory's role in shaping the socio-cultural space s. Ramenskoye in the second half of XIX - early XX century. Kurenkova E. A.

The article explores the role of the factory in the formation of social and cultural space s. Ramenskoye in the second half of XIX - early XX century. The author studies the features that influenced the formation of socio-cultural space. The study is based analysis of the director of the factory F. M. Dmitriev factory owners and merchants Maluyutins.

Key words: socio-cultural space, factory, working conditions, worker, education, health.

Социокультурное пространство можно представить в виде двух частей – «социальное пространство» и «культурное пространство».

Увеличение влияния социальных процессов и культуры в обществе неизбежно происходит при его трансформации. В российской истории такой процесс произошел во второй половине XIX века. Это было характерно как для крупных городов, так и для небольших территориальных образований. Причем для последних характерно было наличие определенного элемента, вокруг которого складывалось данное социокультурное пространство и который напрямую оказывал влияние на этот процесс. Для с. Раменское во второй половине XIX века таким социокультурным элементом явилась бумагопрядильная фабрика.

Село Раменское в 30-е годы XIX века принадлежало придворной даме княгине Анне Александровне Прозоровской, бывшей замужем за Федором Сергеевичем Голицыным и родившей ему пятерых сыновей и двух дочерей. Супруги редко навещали в подмосковное имение и предпочитали проводить время в столице. Ф. С. Голицын умер в возрасте 35-ти лет, оставив долг в 2,5 миллиона рублей.

Царь не оставил семью без внимания, и по его указанию была создана попечительская комиссия, которая предложила построить в Раменском две деревянные фабрики – писчебумажную и бумагопрядильную. Писчебумажная фабрика была построена на р. Хрипанке, но дохода не приносила и вскоре была закрыта.

Большая бумагопрядильная фабрика была основана князем В. С. Голицыным на деньги Анны Александровны, супруги брата Ф. С. Голицына, с привлечением бюджетных средств в начале XIX века. Местом для строительства фабрики был выбран берег Борисоглебского озера, поскольку повышенная влажность способствовала сохранности нити при переработке хлопка.

В течение нескольких десятилетий дела на фабрике шли плохо: сказывалось отсутствие технических познаний у предпринимателя. За 6-7 лет она дважды выгорала и приносила большие убытки. Кроме того, работа на фабрике была тяжелой и не оплачивалась. Графиня Риччи, жившая долгое время в с. Раменское писала: «В то время крестьяне неохотно шли на фабрику, прощались с родными, будто уходили в солдаты. Причиной же были жестокие наказания и подневольный труд. Сам князь сильно притеснял крестьян и вообще был человеком недобрым». Для борьбы с пожарами Голицын решил возвести каменные корпуса фабрики. Для этого крестьяне вместо сбора урожая должны были завозить кирпич для фабричных корпусов. Но крестьяне взбунтовались, а вслед за ними взбунтовались и рабочие фабрики. Самые активные бунтовщики были схвачены и отправлены в Сибирь.

В 1833 году мануфактура начала давать продукцию, однако продолжала оставаться убыточной. Князь В.С. Голицын, осознавая свою несостоятельность как фабриканта, пытался сдать фабрику в аренду. В середине 1830-х годов арендаторами фабрики были поочередно купцы Чумана и Хайлов. Однако в их руках фабрика пробыла недолго и перешла в 1843 году в аренду братьям-купцам Михаилу, Павлу и Николаю Малютиным [9].

Главным руководителем всех фабричных дел стал Павел Семенович Малютин, сумевший заинтересовать крестьянина трудом на фабрике. Князь Голицын отзывался о Малютине, как о человеке чести, на которого, безусловно, можно положиться. Внешне новый глава фабричных дел был суров и непривлекателен. Писал с большим количеством ошибок и не имел образования. Однако отличался энергией и широким размахом в торговых делах. Природный ум Малютина помогал ему в управлении фабрикой. Ограничения в личной жизни, порой скупость в быту: питание в дешевых трактирах, там же, чтобы не платить за свечу в гостинице, написание деловых писем и занесение полученных заказов, никак не сказывалось на благотворительной деятельности Малютина. В Калуге была открыта богадельня и банк, названный именем умершего брата Михаила.

Управление технической стороной в первые годы аренды Малютиными бумагопрядильной

фабрики находилось в руках англичан. Причем чувствовалась неприязнь Павла Малютина к иностранным управленцам: за 10 лет было смещено пять директоров [9].

В 1851 году, несмотря на противодействие директора-англичанина, Малютин приглашает на фабрику молодого русского технолога Федора Михайловича Дмитриева, который только что окончил курс в Петербургском технологическом институте, ночным смотрителем машин.

Молодость Дмитриева не помешала ему обрести полное доверие со стороны Малютина, и через 5 лет он становится ответственным директором на фабрике.

Вторым помощником Павел Малютин назначает себе Петра Семеновича Гальцова, преданного слугу торгового дома Малютиных, человека большого ума, бывшего в течение сорока лет главным руководителем коммерческой части предприятия. Дмитриева Гальцов называл «гордостью не только дома Малютиных, но и всего нашего отечества».

Еще одним человеком, опорой купца Малютина, был счетовод и кассир Раменской фабрики Александр Алексеевич Филатов. В детстве он усвоил лишь простую грамоту и путем самообразования поднял себя на уровень интересов научными вопросами в области истории и естествознания.

Главной темой Ф.М. Дмитриева как вновь назначенного директора фабрики было внимание устройству быта рабочих. Дмитриев одним из первых российских директоров-текстильщиков ездил за границу, где овладел самым передовым опытом по устройству предприятий и жилья для рабочих. Поэтому целесообразным было его стремление еще больше модернизировать и расширить производство.

12-часовой рабочий день для детей был заменен на 8-часовой. Для сравнения – на фабриках Константинова в Ростокине работа длилась по 13-14 часов, с пяти часов утра зимой или четырех летом и до семи часов вечера с двухчасовым перерывом в тяжелейших условиях [1, с.82]. Представление об этом дает Боборыкин П.Д. По мнению современников, его манере изложения свойственна способность «удерживать всякую мелочь и всякий штрих», при этом описание было наполнено фотографической точностью [3, с. 223]. «Они вошли в помещение, где лежали груды грязной шерсти. Воздух

был насыщен жирными испарениями. В чанах прела какая-то каша и выходила оттуда в виде чистой желтоватой шерсти... Заглянули туда, где печи и котлы. Тасе жаль сделалось кочегаров. Запах масла, гари, особый жар, смешанный с парами, обдал ее.. У одного кочегара ворот рубашки был расстегнут и ноги босые. «Так легче! – Сострила Любаша. – Добровольная каторга, прибавила она громко» [2, с. 313-314].

В 1876 году Дмитриев произнес речь на акте Императорского Технического Училища, озаглавленную «Об устройстве жилых помещений для рабочих на фабриках и заводах», которую закончил так: «Я уверен, что собравшиеся здесь представители просвещенной части нашего общества яснее понимают пользу заботливости о здоровье рабочих, чем даже я изложил ее. Но я счел бы свой труд не напрасным, если бы мне удалось в моих слушателях, будущих промышленных деятелях, получающих здесь свое образование, возбудить желание изучить этот предмет и зародить в их сердцах искру любви к нему. Я надеюсь, что молодые люди, готовящиеся к поступлению в практическую промышленную жизнь, не только не упустят из виду санитарной части тех производств, изучением и ведением которых они будут заниматься, но и в свою очередь деятельно помогут развитию ее. Уже одна любовь к человечеству, в которой по учению нашего верховного Учителя заключается весь социальный закон, должна служить для них побудительной причиной и путеводной звездой. Но здесь, в вопросе об улучшении условий жизни рабочих, гуманность идет об руку с видимой общей практической пользой. Мы верим, что молодые деятели, вооруженные современными научными познаниями, оправдают возлагаемые на них надежды, будут стремиться к разрешению задачи и наконец решат, каким образом при помощи простых и общедоступных средств можно достигнуть наиболее благотворных результатов в устройстве санитарной обстановки рабочего человека» [4, с.5].

Вместе с Филатовым Дмитриев решил учредить в Раменском школу для малолетних рабочих. Открытие школы, первоначально помещавшейся в двух комнатах одного из фабричных корпусов, прошло в 1858 году. Позднее было построено деревянное здание. В 1900 году – каменное здание.

Ученики делились на 2 смены по 125 человек в каждой. Ежедневные занятия, по 1–2 часа, велись в школе по системе Ланкастера, и, по свидетельству посетившего эту школу профессора М. Я. Киттары, успехи превзошли его ожидания [9]. Одним из первых учителей в школе был А.А. Филатов. В школе ставились спектакли с приглашенными артистами. Причем для этого был выделен большой зал с двумя ярусами балконов.

Учебный год начинался 1 сентября, заканчивался для работников фабрики к пасхальной неделе, для остальных детей – к 15 мая. Уроки продолжались с 8.30 до 16.00 с переменами по 10–15 минут и часом обеда.

В 1872 году на первой Всероссийской выставке в Москве Раменская школа была признана образцовой и получила большую золотую медаль. Братья Малютины не поскупились на экспозицию. Представители фабрики привезли на выставку 36 комплектов пособий по математике, истории, географии, грамоте и Закону Божию. Учителя и инспектора народных училищ могли увидеть предметы для рисования и черчения, репродукции картин. Особенного внимания заслуживали различные коллекции: минералогическая – с образцами камней, снабженных описанием места и времени их нахождения, коллекция разных видов деревьев с указанием, где они растут и чем полезны человеку, собрание образцов почвы из разных уголков России с объяснениями, что на какой земле лучше сеять. Также была представлена коллекция хлопка, веретена с фабрики, модели паровых машин, школьная мебель в натуральную величину и даже уменьшенные интерьеры классных кабинетов.

Мариэтта Шагинян в романе-хронике «Первая Всероссийская» рассказывала: «Таких школ на всю Россию насчитывалось в те годы всего две, и обе у богатых, на западный манер хозяйничавших купцов – братьев Малютиных; одна при бумагопрядильной фабрике, в сорока двух верстах от Москвы возле Раменского: другая – по Владимирскому шоссе при химическом заводе. В первой школе училось у них 420 человек (8–9–10 лет), из них 40 взрослых (17–18 лет), во второй – 220 человек. Сами же братья Малютины ничего не жалели для школы – деньгами и предметами» [8].

Школа демонстрировалась на первой Всероссийской выставке в Москве. В ней было до

20 педагогов. Руководство осуществлял Н.В. Кашин, видный московский педагог. Общее число учащихся в 1899 году насчитывало 659 человек. Правлением фабрики на оборудование школы в 1916 году было потрачено около 22 000 рублей. При школе была открыта библиотека.

Другим направлением развивавшемся при Раменской фабрике было здравоохранение рабочих. При фабрике был построен больничный городок. В 1900 году в него входило несколько каменных и деревянных построек. В 1916 году правление фабрики на содержание больницы потратило около 17000 рублей.

В 1888 году возведено деревянное здание родильного приюта на 10 кроватей, куда была приглашена акушерка. Беременные женщины отпускались на некоторое время, до родов с работы, а кормящие грудью два раза в смену отпускались домой. В шести корпусах устроены детские ясли, где младенцы находились под присмотром нянь. С этого же года вводится обязательное оспопрививание [6].

В 1891 году было построено каменное здание больницы. Фабричный врач переселился в село, а в 1892 году приглашен – второй, в 1895 – фельдшер, в 1900 – третий врач. В больнице располагались: амбулатория, лаборатория, операционная, три мужских и три женских палаты, общая столовая, подсобные и служебные помещения. В 1892 году построен инфекционный барак на 30 кроватей [6].

В 1896 году расширены и улучшены здания лечебницы и родильного приюта. Врачебная помощь рабочим и их семьям оказывалась бесплатно, также как и получение лекарств в аптеке. В случаях острого и тяжелого заболевания местных жителей, не работающих на фабрике, им тоже помощь оказывалась бесплатно. При приеме на работу временных рабочих (каменщиков, плотников и пр.) проводилось медицинское обследование. Заразные больные немедленно изолировались, при необходимости вещи уничтожались с их компенсацией. Если заболели в фабричных домах, квартира дезинфицировалась и заново перекрашивалась. Семья больного не допускалась к работе, пока он не выздоравливал. За вынужденный прогул членам семьи выплачивалась заработная плата, как за рабочие дни. Ещё до издания закона о надзоре за фабриками на ней было установлено правило, по которому каждому рабочему, пострадав-

шему на производстве, выдавалось полное жалование за всё время болезни (за 1899 год было выдано 1709 рублей 20 копеек). Неспособные к труду по вине фабрики получали пожизненное пособие. По смерти кормильца пособие получала его семья (размеры пособия зависели от стажа работы, размера жалования и семейного положения) [8].

Также для рабочих было построено двухэтажное с третьим полуподвальным этажом каменное здание фабрики, снабжавшееся водой из общего водопровода. В бане было паровое отопление и газовое освещение.

Было построено каменное здание фабричной лавки. Здание делилось на три части: центральная часть в два этажа предназначалась для размещения торговых помещений, две другие части в виде одноэтажных крыльев – для торговли и размещения складов. Владельцы фабрики стремились обеспечить рабочих товарами хорошего качества и, по возможности, низким ценам. Все торговые операции производились за их счет.

Предложенные Ф.М. Дмитриевым капитальные дома для рабочих на арендованной земле строить было невыгодно. Павел Малютин не желал вкладывать средства в чужую фабрику. В связи с этим Федору Михайловичу было поручено передать князю А.Ф. Голицыну-Прозоровскому «категорическое» письмо. В нем Дмитриев написал: «На специальном совете, бывшем у моих доверителей, решено продолжать бумагопрядильное производство в Раменском только при условии приобретения фабрики с землей в собственность, в противном случае машины с фабрики будут вывезены в Купавну, где мои доверители наметили строить новую фабрику».

В то время «владельцы земель видели в фабриках», - как пишет ученик Дмитриева С.А. Федоров – «какое-то зло для нравственности населения, рассадник всевозможных пороков и прочее». Часто помещики того времени упраздняли фабрики в своих владениях, и поэтому хозяева боялись воплощать на арендованных землях крупные проекты. Надо отдать должное Голицыну-Прозоровскому, он не принадлежал к числу таких помещиков. «Он скоро склонился на убеждения арендатора, что, если фабрика, сделавшись собственностью Малютинных, будет расширяться и улучшаться, не только не обе-

образит, а напротив будет служить украшением его владений и повлечет за собой благоденствие и довольство его крестьян» [4, с. 31]. В 1866 году Голицыны продали фабрику с принадлежащей к ней землей С.П. Малютину, старшему сыну Павла Семеновича Малютина, которому после смерти отца перешло владение фабрикой.

С 1871 года началось строительство жилых корпусов при фабрике. К 1900 году для рабочих было построено 8 деревянных двухэтажных домов с 25 квартирами и 10 каменных трехэтажных домов с 976 комнатами для семейных рабочих с водопроводом, электрическим освещением в коридорах, ватерклозетами или теплыми ретиродами, каменный трехэтажный дом для бессемейных рабочих на 800 человек и 5 деревянных одноэтажных спальных бараков на 1000 человек.

Такая застройка характерна для фабричных корпусов того времени. В с. Алексеевском, пригороде Москвы, мануфактур-советник Сапожников в 1889 году планировал построить «деревянное двухэтажное строение... для размещения рабочих». Предполагалось разбить оба этажа дома на шестнадцать комнат с печами и без них. Общий размер для всех комнат должен был составлять 8 кв. сажень [1, с.82].

Для служащих раменской фабрики было построено 5 каменных и 5 деревянных домов с 43 квартирами. Проживавшие в фабричных домах рабочие за жилье не платили. Тем же, кто снимали жилье, дирекция доплачивала: взрослым по 3 рубля в месяц, подросткам – 1,5 рубля [7, с.59].

При фабрике была прачечная и канализация. С рабочих, питавшихся в фабричной столовой, вычитали определенную сумму в день: с мужчин в пост 7 копеек, в мясоед – 8, с женщин, мальчиков и девочек – в пост 6 копеек, в мясоед – 7 [7, с.59]. Для одиноких престарелых работников фабрики была устроена богадельня. У товарищества Малютиных были свои коровники, птичники, курятники, бойня, оранжерея, пекарня.

Расширение фабрики сопровождалось быстрым ростом численности рабочих. В 1843 году на ней было занято всего 358 человек, в 1871-м – 1707, в 1900-м – 6787. Сначала это были крестьяне Раменского, потом ближайших деревень Дергаево, Дементьево, Донино, Ново-Рож-

дественно, Игумново. Затем стали приезжать и жители других губерний. Общее население Раменского в 1897 году составляло 8502 человека, из них 6885 были жителями фабричного поселка [5, с. 11].

Хотя по всей Казанской дороге были волнения, на Раменской фабрике в революцию 1905 года было спокойно. Безусловно, рабочие фабрики не могли не участвовать в политических событиях рубежа веков. Первый политический кружок появился на фабрике в 1892 году. Им руководил ткач С.В. Королев. К его созданию был причастен бывший ткач фабрики Ф.И. Поляков, уволенный в 1891 году за конфликты с начальством и выступления, в которых отстаивал права рабочих. Поляков нашел новую работу в Москве, где сблизился с революционно настроенными рабочими и участвовал в организации нескольких кружков на фабриках и заводах. В 1894 году он вошел в состав руководящей группы организации «Рабочий союз», но в 1895-м был арестован. После двухлетнего заключения его сослали в Сибирь, где он вскоре умер от туберкулеза. В 1895 году арестовали и выслали С.В. Королева [5, с. 12].

Эти события только увеличили число листовок московского «Рабочего союза», призывавших бороться за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы и распространявшихся среди работников Раменской фабрики. В 1901 году газета «Искра» писала, что летом на Раменской мануфактуре Малютина «...рабочим удалось добиться мирным путем сокращения рабочего времени с 11,5 до 9 часов» [5, с. 12].

В 1914 году в с. Раменское и фабричном поселке проживали 12000 человек. В начале XX века правление товарищества осуществляло широкую благотворительность: вносило плату за отопление и освещение храмов и церковно-приходских школ (в с. Раменском, Купавне, Троицком-Ратманове, Иванисово, Казанском), давало средства для поддержания церковных хоров, помогало строительству храмов в Волинской, Ковенской, Черниговской и Гродненской губерниях, материально поддерживало больницы и богадельни, в том числе: Бронницкую городскую, Покровскую женскую богадельню, Покровскую психиатрическую больницу, жертвовало средства в благотворительные фонды: Бронницкое отделение Романовского комитета, Бронницкий комитет Елизаветинского бла-

готворительного общества, Обществу вспомоществования бедным учащимся в училище г. Бронницы, Обществу для пособия бедным в с. Раменском, давало деньги на стипендии учащимся, на помощь освобожденным политзаключенным (в 1917 году – 50 000 рублей) [7, с.64]. При фабрике товарищество содержало богадельню, больницу, родильный приют, школу. В ближайших к фабрике деревнях, жители которых работали на фабрике, построило и содержало школы. Правление товарищества выплачивало пособия и благотворительные выдачи: бывшим служащим, рабочим и их семьям, на воспитание детей бывших рабочих, на лечение рабочих, на похороны служащих и рабочих, пенсионные и благотворительные выдачи бывшим служащим, вдовам служащих, рабочим, пострадавшим от увечий, бывшим рабочим фабрики по старости и болезням, вдовам за долгую службу умерших рабочих, на воспитание детей рабочих Раменской фабрики [7, с. 64].

Раменская бумагопрядильная мануфактура, а точнее действия ее владельцев и руководителей, сыграла важную роль при формировании социально-культурного пространства подмосковного села. «Образцовая школа, больница, лавка с дешевыми харчами и товарами, образцовые жилища для рабочих, за которые фабрика была награждена исключительной наградой на брюссельской международной гигиенической выставке 1876 года – вот те наглядные свидетели гуманности не на устах только, но и на деле; но этого мало, – существуют те же учреждения и на других фабриках и заводах – но важно то, чтобы над всем этим царил человеческое отношение к личности всякого работника, любовь к людям, не отвлеченная, не к массе, но к людям как к самостоятельным индивидуумам» – этими словами в Некрологе современники оценили путь Ф.М. Дмитриева, пройденный им на раменской земле [4, с.28].

С другой стороны, и владелец фабрики П.С. Малютин «обладал большой природной проницательностью ума». В то время он был «уже известным и по значительности своих промышленных и торговых операций, и по устройству Калужского банка. Этот человек с чисто русской душой и сердцем любил Россию, верил в ее будущее, желал самобытности в ее жизни лишь на основании этих симпатий ко всему русскому мог совершить такой решительный поступок (как удаление иностранца-директора), который тре-

бовал, особенно в то время, громадной силы воли и большой самостоятельности мысли», – пишет ученик Дмитриева С.А. Федоров [4, с. 31].

В целом, действия по улучшению условий труда, социально-бытового обслуживания и просвещения фабричных рабочих наблюдались на разных фабриках как пригорода Москвы, так и Московской губернии. Однако действия руководства Раменской фабрики носили более спланированный и целенаправленный характер, что помогло создать определенное социокультурное пространство в с. Раменское. Рабочие получили возможность трудиться в хороших условиях, малолетние рабочие смогли получать образование в одной из лучших школ России. Развивалось жилищное строительство для рабочих и служащих фабрики. Особое внимание уделялось здравоохранению и страхованию рабочих. Такие меры привели к тому, что волнения первой русской революции практически не отразились на фабрике.

Литература

1. Белов А.В. Москва, Московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века (город и процессы урбанизации сельских окраин). – М.: Папирус ПРО, 2005. – 182 с.
2. Боборыкин П.Д. Китай-город. – М., 1956. – 644 с.
3. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей. Т.4. – СПб., 1895. – 484 с.
4. Мазурова Н.Н. Ф.М. Дмитриев. Первый русский директор Раменской мануфактуры. – М.: «Возрождение культуры», 1992. – 32 с.
5. Медведева А. «Красное Знамя»: светлое прошлое // Раменский городской журнал – Июнь 2010 – С.6-12.
6. Лисина И.А. Купцы Малютины [Электронный ресурс] URL: <http://www.ramenskoye.ru/> (дата обращения: 29.11.2013).
7. Пэнэжко О. Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. – Владимир, 2008. – 416 с.
8. Шагинян М. Первая всероссийская. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.ru/book/shaginyan_marietta/pervaya_vserossiyskaya.html (дата обращения: 07.02.2014).
9. Энциклопедия купеческих родов. 1000 лет русского предпринимательства [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rus.ec/b/377544> (дата обращения: 07.02.2014).

Освоение нравственных норм младшим школьником

Ларичева Н.В.

В данной статье рассмотрена крайне важная в наше время проблема - проблема нравственного воспитания школьников. Проанализированы несколько определений ключевого понятия - «нравственность», рассмотрена связь между учебным процессом и нравственным развитием личности школьника и выявлена важная роль учителя в этом процессе. Вывод о том, что возможности, предоставленные педагогу образовательной системой, способствуют необходимому планомерному расширению нравственного сознания школьника и подведению его к самостоятельному нравственному выбору, обоснован содержанием статьи.

How junior pupils learn norms of morality
Laricheva N.V.

This article describes a very important issue of our time - the problem of moral education of students. There are several definitions of key word - «morality», a review of relations between the educational process and the moral development of student's personality and the importance of teachers' role in this process. In conclusion it's found out that the teachers' opportunities, which are provided by the education system, help students to expand their moral consciousness and make their independent moral choice. Ключевые слова: нравственность, нравственные нормы, младшие школьники, формирование нравственности, нравственное воспитание
Key words: morality, norms of morality, junior pupils, the formation of morality, moral education

«В воспитании человека важно добиваться, чтобы нравственные и моральные истины были не просто понятны, но и стали бы целью жизни каждого человека, предметом собственных стремлений и личного счастья». [1]

Вопросы нравственного развития, воспитания, совершенствования человека волновали общество всегда. Особенно сейчас, когда все чаще можно встретить жестокость и насилие, проблема нравственного воспитания становится все более актуальной. Кто как не учитель, имеющий возможность влияния на воспитание ребенка должен уделить этой проблеме важнейшую роль в своей деятельности. Нравственное воспитание - процесс, направленный на формирование и развитие целостной личности ребенка, и предполагает становление его к Родине, обществу, коллективу, людям, к труду, своим обязанностям и к самому себе. Задача нравственного воспитания состоит в том, чтобы социально необходимые требования общества педагога превратили во внутренние стимулы личности каждого ребенка, такие, как долг, честь, совесть, достоинство. [3]

Значение и функции начальной школы в системе непрерывного образования определяется не только преемственностью ее с другими звеньями системы образования, но и неповторимой ценностью этой ступени становления и развития личности ребенка.

В настоящее время проблемой является создание педагогических условий для нравственного воспитания школьников в процессе учебной деятельности. Для решения данной проблемы учителю требуется не только знание предметов начальных классов и методика их преподавания, но и умение направить свою деятельность на нравственное воспитание в формировании учебной деятельности.

В наиболее общем смысле термин «нравственное развитие» обозначает процесс, с помощью которого дети интернализируют общественные понятия о «правильном» и «неправильном». Психологические объяснения нравственного развития склоняются либо к «моральному релятивизму» (понятия о правильном и неправильном зависят от изучаемой культуры, универсальных стандартов не существует), либо к «моральному универсализму» (определенные ценности, такие как сохранение человеческой жизни любой ценой, имеют универсальное значение для любой культуры и каждого человека).

Л.А. Григорович дал следующее определение «нравственности» - это личностная характеристика, объединяющая такие качества и свойства, как доброта, порядочность, дисциплинированность, коллективизм». [4]

И.С. Марьяненко обозначил «нравственность» - как неотъемлемую сторону личности, обеспечивающую добровольное соблюдение ею существующих норм, правил, принципов поведения. Они находят выражение в отношении к Родине, обществу, коллективу, отдельным людям, к самому себе, труду и т.д.». [7]

Нравственное воспитание младшего школьника происходит прежде всего в процессе обучения. Урок - место разнообразных коллективных действий и переживаний, накопления опыта нравственных взаимоотношений. На уроках дети приучаются к самостоятельной работе, для успешного осуществления которой необходимо соотносить свои усилия с усилиями других, научиться слушать и понимать своих товарищей, сопоставлять свои знания со знаниями остальных, отстаивать мнение, помогать и принимать помощь. На уроках дети могут переживать вместе острое чувство радости от самого процесса получения новых знаний, огорчения от неудач, ошибок. В воспитательном отношении все предметы, которые изучаются в школе, одинаково важны. Система нравственного просвещения строится концентрически, т.е. в каждом классе дети знакомятся с основными нравственными понятиями. Но от класса к классу увеличивается объем знаний, углубляется осознание нравственных понятий и представлений. Уже в 1-ом классе учитель постепенно вводит понятия о доброжелательности и справедливости, о товариществе и дружбе, о коллективизме

и личной ответственности за общее дело. Само собой разумеется, что работа над воспитанием данных качеств у детей осуществляется комплексно в течение всех четырех лет обучения. Чтобы развить нравственное сознание школьников, учитель помогает им осмыслить как их собственный опыт, так и опыт других (пример товарищей, родителей и взрослых, примеры из литературы). [8]

В нравственном воспитании младших школьников определяющее значение имеет личный пример учителя, его отношение к детям. Даже в мелочах, в манерах дети стараются подражать своему учителю. Если для отношений между учителем и учениками характерны душевность, отзывчивость, заботливость, такими же будут отношения учеников между собой. Учителю следует избегать общих оценок личности каждого ученика. Школьника можно хвалить или осуждать за его поступок, но не следует оценку конкретного факта переносить на его личность в целом и говорить, что он вообще хороший или, наоборот, во всем плохой. Домашняя обстановка и отношения в семье оказывают большое влияние на нравственное развитие школьника. Вот почему важно учить родителей воспитанию детей.

За нравственным развитием ребенка требуется следить так же тщательно, как и за его успехами в чтении, письме, математике. Традиционное для системы Л.В. Занкова внимание к духовно-нравственной культуре обучаемых, к их воспитанию в комплексе выразилось в отборе материала, в системе заданий, в организации содержательного общения детей. [5]

Проблема духовно-нравственного воспитания детей является одной из ключевых проблем, стоящих перед каждым родителем, обществом и государством в целом. В современном обществе сложилась отрицательная ситуация в вопросе духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Главными причинами данной ситуации явились: отсутствие четких положительных жизненных ориентиров для молодого поколения, резкое ухудшение морально-нравственной обстановки в обществе, спад культурно-досуговой работы с детьми; резкое снижение физической подготовки молодежи и заботы о здоровом физическом развитии детей. Отечественные педагоги, изучая все лучшее, что было наработано до революции и после, пытаются воспитать фи-

зически здоровую душу, наполненную духовной энергией, интеллектуально развитую личность. Используемые в начальной школе учебные авторские программы и разработки уроков, внеклассных мероприятий представляют особую ценность, так как содержат опыт работы учителей по формированию интереса учащихся к подлинным ценностям родной страны.

В нравственном воспитании учащихся начальных классов весьма актуальным является формирование гуманных отношений между детьми, воспитание у них действенных нравственных чувств. В этом плане в школе с детьми проводится немало различных мероприятий: беседы на этические темы, чтение художественной литературы, обсуждение положительных и отрицательных поступков детей. Однако, чтобы вся эта система воспитательных мероприятий была эффективной, необходимо, чтобы каждое воздействие педагога имело силу.

Учебный процесс тесно связан с нравственным воспитанием. В условиях современной школы, когда содержание образования увеличилось в объеме и усложнилось по своей внутренней структуре, в нравственном воспитании возрастает роль учебного процесса. Содержательная сторона моральных понятий обусловлена научными знаниями, которые учащиеся получают, изучая учебные предметы. Нравственное воспитание является целенаправленным процессом, предполагающим определенную систему содержания, форм, методов и приемов педагогических действий.

Рассматривая систему нравственного воспитания, различают несколько аспектов:

Во-первых, осуществление согласованных воспитательных влияний учителя и ученического коллектива в решении определенных педагогических задач, а внутри класса - единство действий всех учащихся.

Во-вторых, использование приемов формирования учебной деятельности нравственным воспитанием.

В-третьих, под системой нравственного воспитания понимается также взаимосвязь и взаимовлияние воспитываемых в данный момент моральных качеств у детей.

В-четвертых, систему нравственного воспитания следует усматривать и в последовательности развития тех или иных качеств личности по мере роста и умственного созревания детей.

Процесс воспитания в школе строится на принципе единства сознания и деятельности, исходя из которого формирование и развитие устойчивых свойств личности возможно при ее деятельном участии в деятельности. [6]

В результате регламентированного характера процесса, обязательного систематического выполнения учебных поручений у младшего школьника складываются нравственные знания, характерные для учебной деятельности, нравственные отношения.

Учебная деятельность, являясь в младшем школьном возрасте ведущей, обеспечивает усвоение знаний в определенной системе, создает возможности для овладения учащимися приемами, способами решения различных умственных и нравственных задач.

Учителю принадлежит приоритетная роль в воспитании и обучении школьников, в подготовке их к жизни и общественному труду. Учитель всегда является для учащихся примером нравственности и преданного отношения к труду.

Специфической особенностью процесса нравственного воспитания следует считать то, что он длителен и непрерывен, а результаты его отсрочены во времени.

Существенным признаком процесса нравственного воспитания является его концентрическое построение: решение воспитательных задач начинается с элементарного уровня и заканчивается более высоким. Для достижения целей используются все усложняющиеся виды деятельности. Этот принцип реализуется с учетом возрастных особенностей учащихся.

Процесс нравственного воспитания динамичный и творческий: учителя постоянно вносят в него свои коррективы, направленные на его совершенствование. [2]

На нравственное формирование личности оказывают воздействие и многие социальные условия, но решающую роль в этом процессе играют педагогические воздействия.

Нравственность - понятие, характеризующее и общество в целом, и личность. Сколько бы мы не говорили о современном кризисе нравственности в нашем социуме, никогда не стоит забывать: общество - это совокупность личностей. Только личность ценою собственных усилий может добиться успехов в нравственном самостроительстве, а педагог, семья, близкие люди - помочь ей в этом.

Нравственное воспитание – процесс формирования моральных качеств, черт характера, навыков и привычек поведения. Основополагающая базовая категория нравственного воспитания – понятие нравственного чувства (постоянного эмоционального ощущения, переживания, реальных нравственных отношений и взаимодействий).

Нравственное сознание – активный процесс отражения ребенком своих нравственных отношений, состояний. Субъективной движущей силой развития нравственного сознания является нравственное мышление – процесс постоянного накопления и осмысления нравственных фактов, отношений, ситуаций, их анализ, оценка, принятие нравственных решений, осуществление ответственных выборов. Нравственные переживания, мучения совести порождаются единством чувственных состояний, отраженных в сознании, и их осмыслением, оценкой, нравственным мышлением. Нравственность личности складывается из субъективно освоенных моральных принципов, которыми она руководствуется в системе отношений и постоянно пульсирующего нравственного мышления. Нравственные чувства, сознание и мышление – основа и стимул проявления нравственной воли. Нравственность человека проявляется в сознательном следовании нравственным принципам и в привычных формах нравственного поведения. [2]

Успех нравственного воспитания детей зависит от характера субъективного нравственного пространства, в котором они живут. В него входят отношения и общение в коллективе, семье, на улице с товарищами и друзьями, родителями, учителями, отношение к себе, к природе, к внешнему миру, труду, образу жизни, к общественным требованиям.

Педагогу необходимо путем организации отношений и деятельности детей свести до минимума стихийные влияния в зоне нравственного пространства и взаимодействия. В случае успеха управление взаимодействиями в субъективном нравственном пространстве детей превращается в действенный механизм качественного преобразования их личности.

Итак, нравственное воспитание и формирование готовности к нравственному выбору – это целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных ценностей, соответствующих требованиям общественной морали.

Важнейшим средством нравственного воспитания является использование созданных в культуре на разных этапах исторического развития нравственных идеалов, т.е. образцов нравственного поведения, к которому стремится человек. Как правило, нравственные идеалы формируются в рамках гуманистического мировоззрения как обобщенной системы взглядов и убеждений, в которой человек выражает свое отношение к окружающей его природной и социальной среде и центрируется вокруг человека. При этом отношение человека содержит не только оценку мира как объективной реальности, но и оценку своего места в окружающей действительности, связей с другими людьми.

Литература

1. Азбука нравственного воспитания: Пособие для учителя. / Под ред. И.А. Каирова, О.С. Богдановой. – М.: Просвещение, 1997–17с.
2. Аплетаяев М. Н. Система воспитания нравственной личности в процессе обучения. Омск: ОмГПУ, 1998. 256 с.
3. Бабанский Ю.К. Педагогика. / Ю.К. Бабанский. – М.: Просвещение, -1998–479с.
4. Григорович Л.А. Педагогика и психология. - М., 2001г.
5. Занков Л. В. Избранные педагогические труды. – 3-е изд., дополн. – М.: Дом педагогики, 1999. З. Занков Л. В. Избранные педагогические труды. – 3-е изд., дополн. – М.: Дом педагогики, 1999.
6. Левичев О. Ф. Уроки «Искусство этического мышления»: Методическое пособие учителю. Ишим: ИГПИ, 2002. 54 с.
7. Марьенко И.С. Нравственное становление личности. - М., 1985г.
8. Соколова О. А. Характеристика условий, в которых формируется личность ребенка//Завуч начальной школы. – 2003. – № 4. – С. 46 – 47.

Эффективное обучение иностранным языкам с использованием информационных технологий

Лобанова Е.И., Панюшкина О.А., Стрижова Е.В., Нисилевич А.Б., Шульгина Н.В.

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и студенты при преподавании и изучении иностранных языков в неязыковом вузе в быстро меняющемся информационном обществе, а также предлагает инновационные методики и новые коммуникативно-ориентированные подходы в обучении студентов в неязыковом вузе.

Ключевые слова: глобализация, коммуникативно-ориентированный подход, информационное общество, смарт-технологии, интерактивные методы обучения, ролевые игры, веб-технологии, мультимедийный контент, аватар.

Effective training in foreign languages with the use of information technologies

Lobanova E.I., Panyushkina O.A., Strizhova E.V., Nisilevitch A.B., Shulgina N.V.

In the article problems which teachers and students during teaching and learning of foreign languages in not language higher education institution face in quickly changing information society are considered, and also offers innovative techniques and new communicative focused approaches in training of students in not language higher education institution.

Key words: globalization, the communicative focused approach, information society, smart technologies, interactive methods of training, role-playing games, web technologies, multimedia content, avatar

В современных условиях глобализации и информатизации общества высшая школа должна чутко реагировать на происходящие процессы и вносить изменения в существующую систему образования. Эпоха высоких технологий требует глобального пересмотра того, как человек учится и приобретает знания в новых социально-экономических условиях, когда компьютерные сети становятся основным универсальным средством социальной коммуникации. Перед образованием стоят задачи формирования личности, конкурентоспособной и успешной в современном информационном обществе. В настоящее время обществом остро осознается необходимость овладения иностранными языками и насущная потребность в коммуникативно-ориентированном обучении с тем, чтобы учащиеся могли применять иностранный язык в реальной жизни при личном, деловом и профессиональном общении с представителями иных культур. Проблема состоит в том, что изучение иностранного языка в условиях российского неязыкового вуза не дает, к сожалению, возможности общаться с носителями языка; иными словами, отсутствует языковая среда, столь необходимая для эффективного научения иностранному языку. Таким образом, возникают определенные противоречия в преподавании иностранного языка в вузе:

- между декларируемыми целями, которые требуют творческого подхода к обучению, и традиционными формами и методами, ориентированными на передачу готовых знаний;
- между интеллектуальным и коммуникативным потенциалом учащихся и реальным неумением решать коммуникативные задачи на иностранном языке.

Вследствие этого необходимо искать пути повышения эффективности обучения иностранным языкам в вузе.

Эффективность обучения иностранному языку — это важная и сложная проблема, которая недостаточно исследована по отношению к студенческой аудитории. Одним из факторов успешного освоения иностранного языка является заинтересованность студента содержательной стороной занятий. В настоящее время средством эффективного обучения становятся активные формы, основанные на широком применении информационных технологий (ИТ).

Многие образовательные инновации связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения. Понятие «интерактивный» имеет латинское происхождение и означает «находящийся в режиме взаимодействия» (например, с компьютером). Следовательно, интерактивное обучение — это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента, студента и компьютера или студента, компьютера и преподавателя и т.д. Кроме того, это специальная форма организации познавательной деятельности, в основе которой заложены вполне конкретные и прогнозируемые цели. Основной целью является создание комфортных условий обучения, при которых студент чувствует свою успешность и интеллектуальную состоятельность. Это делает продуктивным процесс обучения. Суть интерактивного обучения состоит в том, что во время учебного процесса все учащиеся оказываются вовлечёнными, имея таким образом возможность понять и осознать то, что они знают и умеют делать с этим знанием. Совместная деятельность учащихся в процессе обучения и освоения учебного материала предполагает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад, что ведёт к интенсивному обмену знаниями, идеями и способами деятельности. Обучение проходит в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет не только получать новое знание и новые навыки, но и способствует развитию самой познавательной деятельности, ее переходу на более высокий, конструктивный, уровень.

Интерактивная деятельность на занятиях предполагает организацию и развитие диалогового общения, которое ведёт к взаимопониманию, взаимодействию, совместному решению общих, но значимых для каждого участника задач. Она исключает доминирование как одного выступающего, так и одного мнения над дру-

гим. В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить и решать сложные проблемы на основе знания обстоятельств и соответствующей информации, рассматривать и принимать в расчет альтернативные мнения, принимать взвешенные решения, участвовать в дискуссиях и общаться с другими людьми. Для этого на занятиях организуется индивидуальная, парная и групповая работа, применяются исследовательские проекты и ролевые игры, привлекаются различные источники информации. Исследования ОЭСР указывают на то, что использование компьютера дома гораздо более продуктивно для учеников, чем использование компьютера в аудитории. Огромные возможности, которые предлагает сеть, чтобы получать информацию, а также, чтобы работать с материалом, созданным преподавателем или однокурсниками, образуют бесконечное множество учебных файлов, быстрый доступ к которым облегчает обучение, прежде всего в случае иностранного языка. Это способствует интерактивному взаимодействию между преподавателем и учениками, а также между самими учениками.

Применение инновационных технологий в учебном процессе требует создания новых моделей обучения, новых направлений и стратегий поиска, организации, изучения и использования информации. Это приводит к изменению в мыслительных представлениях и повышает эффективность обучения. Одной из причин использования таких технологий в преподавании иностранных языков является огромное количество информации, к которой мы имеем доступ. Среди онлайн-энциклопедий наиболее представительной является Википедия, которую создают сами пользователи сети. Ее основным преимуществом является легкая доступность информации, что значительно ускоряет поиск.

Еще одной причиной использования ИТ являются методические достоинства, состоящие в большей степени интерактивности обучения, чем при работе в аудитории или лингафонном кабинете. Информационные технологии, и Интернет в частности, позволяют нам осуществлять различные интерактивные задания без присутствия наших студентов в аудитории. Правда, стоит опасаться простого переноса структурных упражнений в учебнике на интерактивные мероприятия. Возможности, которые предла-

гают нам ИТ, мы должны использовать для реализации более значительных и конструктивных заданий. Кроме того, как было замечено, при обучении иностранному языку при помощи компьютера повышается скорость усвоения грамматических конструкций и накопления словарного запаса. Мультимедийные технологии подразумевают использование таких аудиовизуальных и интерактивных средств обучения как:

- программные средства (мультимедийные диски, презентации, видео-, аудио-ролики, ресурсы сети Интернет);
- оборудование (ПК, аудио-, видео-аппаратура, мультимедийный проектор, интерактивная доска).

Рынок образовательных программ предлагает большое количество различных обучающих видеокурсов (что является прекрасным дополнением к аудиторным занятиям), отображающих социокультурные реалии: мимику и жесты, специфику речи, окружающую обстановку. На базе этих видеокурсов преподавателю очень удобно проводить различные ролевые игры и организовывать дискуссии с целью повторения пройденного лексического и грамматического материала. На дисках, которые являются обязательным компонентом современных УМК, записаны тексты и задания для аудирования, песни, рифмовки, упражнения для работы над произношением. Записи выполнены профессиональными звукооператорами с участием специально приглашенных актеров-носителей языка.

Современные информационные технологии предоставляют целый комплекс средств для обучения иностранным языкам: мультимедийные обучающие программы ("Профессор Хиггинс", "Oxford platinum", "English platinum", "Репетитор по английскому языку Кирилла и Мефодия") и словари (<http://spravki.net/>), огромное разнообразие интернет-ресурсов: учебные и аутентичные материалы на иностранных языках, электронные версии зарубежных газет и журналов (<http://www.onlinenewspapers.com/>), публикации (<http://www.washtimes.com/>) и т.п. В настоящее время имеется множество мультимедийных средств обучения, такие как интерактивные курсы «Tell me more», «Английский: путь к совершенству», множество энциклопедий и т.д. Они рассчитаны на обучение речевым видам деятельности: чтению, письму, аудированию, говорению; объяснению и повторению различ-

ного грамматического материала с соответствующими заданиями и упражнениями, как для самостоятельного обучения, так и работе в группе. Необходимо заметить, что компьютер, аудио и видеотехника являются для учащихся всего лишь источником для получения необходимой информации и инструментом обучения. Все эти инструменты ни в коем случае не являются самоцелью, а служат конкретным практическим задачам. Доступ к компьютерным технологиям и телекоммуникациям, а также правильное их использование - вот ключ к успеху в информационном обществе. Итак, можно сказать, что информационные технологии позволяют добиться качественно нового уровня усвоения учебного материала. Конечно, такая работа - это трудоемкий и кропотливый процесс.

Для повышения эффективности обучения важно использовать информационные технологии нового поколения Web2. Его инструменты позволяют студентам перестать быть простыми потребителями, а превратиться в создателей web-страниц, печатать тексты, создавать собственные аудио- и видеофайлы. В мире преподавания иностранных языков уже существуют и продолжают создаваться новые инструменты, которые позволяют получать более качественные знания и навыки владения языком в упомянутых форматах. Согласно определению Тима О'Рейли, технологии Web 2.0, которые еще называют социальными сервисами („social software“) - это платформа сервисов и служб, позволяющая любому пользователю получать, создавать и быть соавтором информации. Web 2.0 - это синхронное и асинхронное общение в сети, это создание личной зоны в сети и создание сетевых сообществ по интересам.

Применение таких технологий в преподавании иностранных языков является хорошей мотивацией обучающихся к изучению языков, а также позволяет создать коммуникативную среду, предполагает совместные способы работы и возможность выбора форм обучения и исследования в соответствии со своими личностными способностями и намерениями.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть социальный сервис Voki, который был нами изучен и апробирован на занятиях практического курса второго иностранного языка (немецкий).

Voki - это онлайн сервис Web 2.0, предназначенный для создания мультимедийных контен-

тов. После регистрации на сайте <http://www.voki.com> с помощью данного сервиса можно создавать своего говорящего аватара. Для озвучивания Voki можно просто напечатать текст, и аватар будет произносить его, записать свой собственный голос с помощью микрофона или загрузить аудиофайл с компьютера. Данные аватары возможно пересылать по электронной почте, вставлять в блог или использовать в электронном курсе, размещенном на платформе Moodle.

Необходимо принять в расчет следующие отличительные особенности данного сервиса:

1. возможность просматривать созданные аватары только в режиме онлайн;
2. возможность пересылать созданные контент по электронной почте;
3. доступность просмотра созданного аватара любому пользователю;
4. возможность многократного озвучивания текста.

Хотим отметить, что социальный сервис Voki может являться эффективным средством преподавания иностранных языков, так как обладает следующими дидактическими характеристиками:

- Автономность. Позволяет обучающимся организовать свой учебный процесс в соответствии со своими личностными способностями.
- Интерактивность. Дает возможность пересылать созданные контент и взаимодействовать с другими пользователями.
- Многофункциональность. Дает возможность развивать несколько видов речевой деятельности: умения говорения, аудирования и письма.
- Мультимедийность. Использование не только графических, текстовых, но и аудиоматериалов.

· Простота в обращении.

Учитывая дидактические особенности и методические возможности данного сервиса, можно выделить следующие этапы работы:

Подготовительный этап:

1. Введение в тему. Постановка задачи;
2. Знакомство с критериями оценки, описание требований к форме представления конечного результата;

3. Знакомство обучающихся с возможностями сервиса Voki, правилами создания интерактивных контентов в сети Интернет.

Процессуальный этап:

1. Создание и размещение интерактивного контента;

2. Рассылка созданного контента.

Заключительный этап:

1. Оценка и обсуждение созданного продукта обучающимися по предложенным критериям;
2. Самооценка обучающегося.

При организации работы с данным сервисом Веб 2.0 можно предложить следующие задания:

1. Прослушать созданные интерактивные аватары и ответить на поставленные вопросы.
2. Прослушать созданный Voki и высказать свое мнение по предложенной тематике.
3. Представить себя, своего друга, знаменитого человека.
4. Составить пересказ текста.

В качестве примера рассмотрим задание, разработанное автором статьи для будущих лингвистов-переводчиков, изучающих дисциплину «Практический курс второго иностранного языка (немецкий язык)» по теме «Германия» (уровень владения языком A2), целью которого будет являться развитие навыков говорения.

Задание посвящено теме «Знаменитые личности Германии». Занятие проходит в компьютерном классе, где есть подключение к Интернет-подключению. На первом этапе обучающимся предлагается представить знаменитого человека, родившегося в Германии, а так же задать несколько вопросов различной тематики, например, о месте рождения, интересах, стране изучаемого языка и т. д. Преподаватель предлагает карточки с именами личностей, которых нужно представить на занятии. Обучающиеся вытягивают карточку с именем знаменитого человека. Затем преподаватель формулирует задачу: найти информацию в Интернете по следующим пунктам (место рождения, дата рождения, семейное положение, семья, знак зодиака, профессия, увлечения и т. д.) и представить на основе этой информации знаменитую личность, а так же знакомит обучающихся с возможностями сервиса Voki, правилами создания говорящих аватаров, с требованиями к форме представления конечного результата.

В заключение подготовительного этапа обсуждаются критерии оценки:

1. Соответствие содержания теме, объему устного дискурса;
2. Связность и логичность организации текста;
3. Правильность речи в соответствии с орфоэпической, грамматической и лексической нормами изучаемого языка.

На процессуальном этапе обучающиеся самостоятельно выполняют задание, создают аватар, задают несколько вопросов и отправляют на электронную почту преподавателя мультимедийный контент. В зависимости от уровня владения языком, преподаватель может также предложить в качестве опоры следующие фразы и выражения:

Ich bin am ..... in ..... geboren.

Ich komme aus .....

Mein Sternzeichen ist .....

Ich interessiere mich für .....

Meine Familie besteht aus .....

Создать аватар можно двумя способами: либо напечатать текст, который будет озвучен данной программой, либо сделать запись записать своего собственного голоса. На третьем этапе преподаватель показывает созданные аватары, обучающиеся должны угадать, о какой личности идет речь, ответить на поставленные вопросы и оценить созданный Voki по заданным критериям.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что использование технологий Веб 2.0 на занятиях иностранного языка способствует развитию новых видов деятельности обучающихся и обладает большим потенциалом в обучении иностранным языкам, поскольку:

- повышает ответственность студентов за свое обучение и мотивацию к изучению иностранных языков;
- создает психологически-комфортные условия для развития разных видов речевой деятельности (говорение, письмо, аудирование);
- развивают творческие способности обучающихся;
- побуждают обучающихся к устным высказываниям;
- развивают навыки аргументации в устной и письменной речи

Вместе с тем, хотелось бы повториться, что социальные сервисы Веб 2.0 являются лишь дополнительными техническими средствами обучения иностранным языкам, использование которых нужно методически грамотно интегрировать в учебный процесс для достижения оптимальных результатов.

Использование информационных технологий способствует развитию самостоятельной работы студентов. Использование ИТ не ограничивается, по крайней мере на данный момент, аудиторией. Многие преподаватели, которые

включают ИТ в свое обучение языкам, используют их во внеаудиторной работе для самоподготовки студентов. Это дает возможность самостоятельно выбирать темп и уровень выполняемых заданий, что соответствует принципам индивидуального обучения.

Компьютер предоставляет разнообразные технические преимущества для обучения иностранным языкам: возможность осуществлять технический перевод; использовать программы проверки грамматики и орфографии; использование мультимедиа, интерактивного видео при обучении устной речи. Графические возможности компьютера позволяют реализовать принцип наглядности обучения.

ИТ позволяют создать единое информационное пространство для обучения иностранному языку. Практически неограничен образовательное значение компьютерных сетей, как локальных (в рамках одного вуза), так и глобальных, объединяющих миллионы пользователей. Использование таких сетей расширяет возможности обучения. Границы пространства и времени в обучении исчезают или рассеиваются. Все зависит от студента, от его желания учиться, времени, имеющегося в его распоряжении, а также от его способности заниматься вне аудитории. Такое обучение называется «невидимым». Преподаватель должен направлять в нужное русло это «внешнее» или «невидимое обучение», способствуя развитию автономного обучения студента.

Использование компьютера способствует созданию благоприятного психологического климата, повышению мотивации изучения иностранных языков. Обучение, осуществляемое с использованием информационных технологий, позволяет развивать самостоятельность и творчество студентов. Новые технологии облегчают создание коммуникативной среды, которая благоприятствует конструктивному обучению. Мы можем видеть, что посредством компьютерных программ, основанных на исследовании, симуляции и виртуальном окружении, создаются контексты, в которых ученики строят знание на языке, начиная с уже известных структур.

Таким образом, инновационные технологии, которые мы сегодня рассмотрели, существенно обогащают и разнообразят преподавание иностранных языков и повышают его эффективность. На смену монотонной работе приходит интеллектуальный творческий поиск, что делает процесс обучения более продуктивным.

Модель неформального образования детей и взрослых в детско-юношеской спортивной школе

Мальгин В.Е.

В статье рассматриваются особенности педагогической модели процесса неформального образования детей и взрослых через внедрение вариативных форм неформального образования в детско-юношеской спортивной школе и ее влияния на образовательную среду учреждения дополнительного образования. Ключевые слова: информатизация, образовательная среда, вариативный подход, индивидуальные особенности, мониторинг, модель среды неформального образования, экспериментальная деятельность

Model of non-formal education of children and adults in youth sports school

Malgin V.E.

The article discusses the features of the pedagogical model of the process of informal education of children and adults through the implementation of various forms of non-formal education in youth sports school and its impact on the educational environment of the institution of additional education

Keywords: informatization, educational environment, variational approach, individual characteristics, monitoring, model of the environment of non-formal education, experimental activities

В современных условиях интеграции и унификации сфер деятельности человека, внедрения и распространения информационных технологий, происходят кардинальные изменения в области социального взаимодействия в сфере образования. Под воздействием многообразных технологий, используемых в системе образования, в мире складываются новые социальные приоритеты:

- интериоризация многоуровневого образования в течении всей жизни;
- восприятия образования как личного ресурса, обязательного условия социализации;
- гарантия социального равенства в образовании независимо от территориальных, материальных и возрастных особенностей;
- непрерывный рост образовательного потенциала личности в соответствии с внутренними и внешними факторами;
- решение проблем конкуренции и сотрудничества в области образования за счет процессов современного социального глобализма;
- ускорение интеграции формального, неформального и информального образования.

В настоящее время во всех развитых странах мира на уровне государственной политики достигнуто признание того, что знания во все возрастающей степени становятся основной развития общества, что необходимым средством социально-экономического прогресса в XXI веке является трансформация человечества в общество «пожизненного обучения». Положение «от обучения на всю жизнь к обучению через всю жизнь» может служить лозунгом совокупной системы образования и наиболее полно отражает потенциал и задачи неформального образования, которое, в свою очередь, должно стать одним из механизмов реализации концепции образования на протяжении жизни [4, с.61].

Изменения, связанные с модернизацией в российской системе образования, тоже в той

или иной мере продиктованы переходом к информационному обществу всего мирового развития.

С другой стороны массовая информатизация основных сфер деятельности человека, неизбежно влечет за собой перенасыщение учебных программ общеобразовательных школ, и как следствие ведет к уменьшению или вытеснению возможностей использования программ учреждений дополнительного образования. Переход к крайне востребованной сейчас вариативности дополнительных образовательных программ, тормозят рамки формального образования (длительность цикла, стандартизация, ресурсозатратность, сертификация и др.), а при традиционном авторитарно-манипулятивном стиле педагогического управления, вообще нарушаются условия для гармоничного духовного и физического развития подрастающего поколения. Программы учреждений дополнительного образования спортивной направленности ориентированы на детей и подростков и реализуются, как правило, в свободные от основной школы часы и имеют длительный и циклический характер. Попытки начать освоение курса с середины или перехода во время цикла, чреватые неосвоением и невозможностью перевода в группы следующего года обучения. Отсутствие вариативных программ для взрослых и «простаивание» учреждений спортивной направленности в свободное от занятий детей время не способствуют приобщению населения к физической культуре и спорту и увеличению количества занимающихся своим здоровьем.

Важнейшими различиями школьного и дополнительного образования являются:

- Обучение в школе удовлетворяет государственный (социальный) заказ на определенный уровень знаний и определенный тип личности своих граждан. Поэтому школьное образование обязано ориентироваться на достижение образовательных стандартов обученности. По этой причине познавательный интерес, присущий детям от природы, достаточно часто успешно затормаживается и даже уничтожается именно в силу обязательности и стандартизованности программ, методов и критериев обучения. В условиях же дополнительного образования дети обучаются главным образом «по интересам».

- В школьном обучении используются чаще всего стандартные учебные программы, адап-

тированные учителем. Для дополнительного же образования характерно преимущественное использование авторских учебных программ.

- В школе индивидуализация обучения осуществляется со стороны учителя, а в УДО – со стороны самого учащегося. Реализуется свободный выбор учащимся вида занятий и педагога, что может рассматриваться как важнейший этап его самоактуализации.

В УДО процесс обучения носит более неформальный характер, чем в школьной традиции, и потому он ближе к природным основаниям развития детей, когда акцент ставится не на информационном способе обучения, а на общении, на передаче опыта от старшего к младшему; более сильное, чем в школе, имеет значение личностное влияние педагога на учащихся [2, с.71].

При этом, в отличие от общего образования, дополнительное образование не имеет фиксированных сроков завершения; его можно начать на любом возрастном этапе и, в принципе, в любое время учебного года, последовательно переходя от одной ступени к другой. Его результатом может стать хобби на всю жизнь и даже определение будущей профессии [1, с.7].

Проблемы взаимодействия основного и дополнительного образования детей и взрослых, открытости единого образовательного пространства, предоставления возможных условий развития личности детей и взрослых в рамках неформального образования может быть продуктивно и рационально решена, прежде всего, на уровне создания модели образовательной программы, которая может представлять собой интеграцию основного и дополнительного образования, исходя из потребностей детей и взрослых на основе их свободного выбора. Это особенно важно не только в подростковом возрасте, когда интересы ребенка достаточно изменчивы, но и в других возрастных периодах характеризуемых нехваткой времени, удаленностью формальных образовательных центров, отсутствием программ и многими другими причинами - неформальное образование может сыграть совершенно особую роль развития детей и взрослых, предоставляя для этого достаточно широкие возможности [3, с.603].

Актуальность и выявленные противоречия обусловили выбор темы экспериментальной

Таблица 1

Пол	Возраст	Кол-во	Плавание	Лыжи	Фитнес	Борьба	Бодибилдинг	Танцы	Футбол
М	7-18	230	61	13	-	33	20	7	96
	19-35	110	52	18	8	12	8	-	12
	36-53	65	30	10	-	-	-	-	25
Ж	7-18	222	80	22	65	2	5	41	7
	19-35	190	75	14	95	-	-	6	-
	36-53	145	90	32	23	-	-	-	-
		962	388	109	191	47	33	54	140

работы школы - «Развитие вариативных форм неформального образования детей и взрослых на базе детско-юношеской спортивной школы»

В результате экспериментальной работы по внедрению вариативных форм неформального образования, мы хотим доказать устойчивую зависимость количественных характеристик предлагаемых образовательных услуг (вариативных курсов) и качественных, которые будут выражаться в воспитании физической культуры у детей и подростков, а также формирование устойчивой потребности в физической активности и физкультурно-оздоровительной деятельности у различных групп населения города как необходимого стимула формирования нового, более продуктивного уровня жизнедеятельности.

В качестве базы экспериментальной деятельности будут использоваться площади и материально-технические возможности учреждения (плавательный бассейн, два игровых, тренажерный и борцовский залы, теннисные корты и зал бокса). Непосредственную реализацию программ по видам спортивной деятельности будут осуществлять тренеры-преподаватели ДЮСШ и приглашенные тьюторы из числа активистов спортивно-массовой работы.

В построении эффективно работающей модели среды неформального образования детей и взрослых на базе детско-юношеской спортивной школы, мы исходим из того, что неформальное образование всегда основывается на сетевых принципах взаимодействия. В связи с этим, мы берем за основу построения данной модели теоретические предпосылки Ю.А.Конаржевского, А.И. Адамского, А.М.Цирульникова, А.М.Лобок, М.М. Чучкевич, С.В.Тарасовой и т.д. о сетевом планировании, сетевом взаимодействии и сетевом образовании.

Согласно модели по организации неформального образования детей и взрослых на базе детско-юношеской спортивной школы каждый

человек (ребенок или взрослый), желающий заниматься физическим самообразованием, имеющий собственную инициативу, становится равноправным членом неформальной физкультурно-спортивной сети. Члены сети для разрешения определенной проблемы, решения задач или достижения определенного коллективного результата формируют неформальные объединения (как правило по видам спорта). Проблема или задача, вокруг которой объединяются члены сети, становится «звеном» сети. Количество «звеньев» зависит от количества задач, которые разрешаются в рамках сети. Каждый член, с одной стороны, вносит свою лепту в развитии сети, и с другой стороны, сам же развивается в процессе реализации того или иного «звена» с другими членами физкультурного сообщества сети [3, с.604].

Мониторинг востребованности тех или иных видов спортивной занятости детского и взрослого населения был проведен с помощью анкетирования родителей и детей во время классных собраний в общеобразовательных школах. Анкеты были анонимными, а вопросы предполагали однозначные ответы:

- Каким индивидуальным видом спорта Вы захотели бы заняться...
- Каким командным видом спорта Вы захотели бы заняться...
- Какой вид спорта Вы посоветовали бы ребенку (родителю)...
- В какую спортивную игру Вы поиграли бы в свободное время...
- Каким спортивным навыкам Вы хотели бы научиться...
- Какие физические качества Вы хотели бы в себе развить...
- Какие туристические навыки Вас привлекают...
- Какой спортивной деятельности Вы смогли бы научить других...

Таблица 2

Триатлон	Образовательные	Консультации по видам спорта		Информирование о деятельности ДЮСШ	
Полиатлон		Неформальное	Кила		Уличный футбол
Стритбол			«Ветераны»		«Железная леди»
Плавание			Борьба	Подводный спорт	
Турлет			Бокс	Семейный час	
Дартс			Плавание	«Доступная среда»	
Шахматы			Льжные гонки	Акваэробика	
Стрельба			Теннис	Ориентирование	
Биатлон			Баскетбол	«Кому за..»	
Троеборье			образование	Маунтинбайк	Русские забавы
Бильярд	Туризм			«Спасатель»	
ГТО	услуги	Организация и проведение спортивных мероприятий		Методические услуги для специалистов	

- Ваш пол и возраст...

Всего в анкетировании приняли участие 962 человека в возрасте от 7 до 53 лет (табл. 1).

При первоначальном анализе занятости спортивных площадей реализацией программ дополнительного образования для детей (в рамках формального образовательного процесса) было выяснено, что более разгруженными и даже свободными являются игровые и борцовский залы. Поэтому было принято решение начать с реализации неформальных программ «Железная леди (самооборона для женщин)», «Футбольный фристайл (жонглирование мячом)», «Микрофутзал». А в плавательном бассейне (по выходным дням) были организованы трехмесячные курсы по обучению плаванию.

Таким образом педагогическая модель интеграции дополнительного и неформального образования детей и взрослых в детско-юношеской спортивной школе стала иметь следующий вид (табл. 2).

Подводя промежуточные итоги экспериментальной деятельности можно сказать, что самая главная работа еще впереди, но мы уверены, что только через непосредственную интеграцию дополнительного (формального) и вариативных форм неформального образования можно создать настоящую развивающую и вос-

питающую образовательную среду для детей и взрослых.

Литература

1. Асмолов А.Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования: от традиционной педагогики к педагогике развития. – Внешкольник. – 1997. – № 9. – с. 6-8.
2. Евладова Е.Б. Образование основное и дополнительное: (проблема взаимосвязи). // Внешкольник. – 2000. – № 3.
3. Мальгин В. Е. Разработка модели среды неформального образования детей и взрослых с использованием ресурсов и возможностей детско-юношеской спортивной школы / В. Е. Мальгин, О. В. Трофимова, Н. В. Щергунова // Молодой ученый. – 2014. – №20. – С. 602-604.
4. Мухлаева Т. В. «Международный опыт неформального образования» журнал «Человек и образование» Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования (ФГНУ ИПООВ РАО), №4 2010.
5. <http://www.raduzhnyi-city.ru/> Официальный сайт ЗАТО г. Радужный Владимирской области

Взаимодействие производительных сил в агропромышленных отраслях России во второй половины XIX – нач. XX вв.

Рогатко С.А.

Данная статья отражает те факторы и принципы, на которых основывалось взаимодействие производительных сил в агропромышленных отраслях России во второй половине XIX-нач.XX вв.

Ключевые слова: Производственные силы, внутриотраслевые связи, межотраслевые связи, продукты производства, продукты-отходы от производства.

Interaction of productive forces in agro-industrial branches of Russia in the second half of XIX – the head of the XX centuries.

Rogatko S.A

The reference article deals with those factors and main principles based on which the interaction of production forces in agro-industrial branches of Russia was established in the period of mid-to-late XIX- beginning of XX centuries.

Keywords: productive forces, intra-communication, inter-industry linkages, products manufacturing, food-waste from production.

Для того что бы правильно подойти к исследованию этой проблемы, необходимо четко определить структурные и институциональные черты каждого из участника производственного процесса. Выше мы уже говорили, что законодателями производственных и торговых стандартов капиталистического образца во второй половине XIX - нач. XX вв. выступили крупные предприниматели фабрично-заводского типа. Представители крупных помещичьих и купеческих династий концентрируя капиталы в недрах своего дворянского имения или торговых заведений городского типа устремлялись к главной своей цели - получения максимальной прибыли. Для этого необходимы были соответствующие условия: наличие капитала, современных средств производства, наличие местного качественного сырья, дешевой рабочей силы и подходящей (желательно свободной) рыночной среды. Именно используя эти условия крупные сельхозпроизводители и пищепереработчики в пореформенное время наращивали собственные производственные мощности и таким образом становились в некоторых отраслях, например в мукомольной, свеклосахарной, солеваренной, рыбопромышленной, скотопромышленной и мясоперерабатывающей, холодильной законодателями конкурентной сферы и основателями самой отрасли. То есть по существу несли на себе печать монопольного начала. Ниже их стояли в этой иерархии производительных сил городское предпринимательство среднего уровня и помещичья переработка сельскохозяйственного типа. И замыкали этот ряд малые городские предприятия купцов и мещан, а также крестьянские кустарные перерабатывающие промыслы. Все эти участники так или иначе имели общие структурные черты: работа с пищевыми продовольственными товарами и социальные обязательства перед потребителями в виде обращения на рынке готового доступного, в должном количестве и качественного товара. При этом, как правило, каждый из участников про-

изводственного отраслевого процесса ориентировался на собственного потребителя: крупные предприниматели с их фабрично-заводской пищевой продукцией на богатые и зажиточные городские слои населения, средние и малые городские предприниматели на зажиточных мещан, переработчики помещичьих экономий и крестьяне кустари ориентировались главным образом на сельских обывателей, а также широкие слои городских пролетарских масс. Были конечно же и исключения, когда крупные мукомолы производили свою продукцию для городских пекарен всех уровней, а, например, каспийские сельдяные промыслы Сапожниковых и Беззубиных поставляли свой товар главным образом в сельские местности для крестьян. Однако не будем забывать, что главным критерием приобретения пищевых товаров на городских и сельских рынках во второй половине XIX - нач. XX вв. была все-таки уже не сословная принадлежность, а физическая (финансовая) способность купить тот или иной товар. Зажиточные городские слои требовали товар по европейским стандартам: с гарантией качества, товарным видом, в хорошей упаковке и т.д. Простые слои населения в городах и сельской местности довольствовались пищевыми товарами либо полуфабрикации, в оптовой форме, либо в по низким ценам, порой даже неудовлетворяющим сроком хранения и перевозки. При этом на первый план выходила рыночная конкурентоспособность любого производителя выражающаяся в умении продать свой товар по наиболее высокой цене и при этом сохранить, хотя бы так называемое «лицо» товарного качества. Ведь не будем забывать, что проблема фальсификации пищевых товаров появилась как раз из недр высокой конкуренции между всеми участниками капиталистического рынка. Если в конце XVIII - нач. XIX вв. помещики переработчики выставляли на рынок свой товар, например муку, сыры или хлебное вино не имея конкурентов в лице городских переработчиков купцов или скажем крестьян кустарей, то в пореформенное время рыночная картина изменилась в корне. Конкурентная рыночная среда товаропроизводителей стала формироваться из всевозможных слоев населения. А в кооперации, например в молочной и мясoperерабатывающих отраслях в конце XIX - нач. XX вв. принимали совместное участие такие ранее несовместимые в производстве сословия, как помещики, купцы, крестьяне, мещане всех видов и даже священники. То есть

сословная принадлежность теперь уступала место наличию капитала, высокому стандарту сырья и способностью качественно его переработать желательна во всех видах: первичной, глубокой и торговой, чтобы получить и реализовать на рынке современный товар отвечающий не только внутренним, российским требованиям, но и общемировым.

Справедливости ради надо сказать, что взаимодействие производительных сил в сельскохозяйственных и пищеперерабатывающих отраслях берет свое начало с момента появления отдельных отраслевых направлений в агропромышленной интеграции России. То есть примерно с конца XVIII - нач. XIX вв. когда соединялись первые финансовые капиталы с крупными помещичьими производителями и переработчиками. Эти процессы были отделены сословными правовыми нормами и привилегиями в зерновом земледелии, винокурении, солеварении, скотоводстве, рыбопромышленности. Помещики и крупные городские предприниматели использовали крестьян, мещан, сельских торговцев в роли поставщиков и первичных переработчиков дешевого сырья. Начало изменений во внутриотраслевом взаимодействии было положено в ходе аграрных реформ 60-х гг. Именно с этого времени особенно много освобождающихся крестьян из крепостной зависимости стали тянуться в города на отхожие промыслы, а некоторые сколотив начальный капитал создавали свое дело: погреб, палатку, шалаш, трактир, магазин и даже небольшое заведение по переработке питательных веществ. Именно из этих городских заведений затем создавались фабрики и заводы нового капиталистического типа. В 60-70-е годы появляется понятие «гастрономические» заведения, в которых как правило кроме торговли продуктами питания, имелась фабричная обработка и переработка сырья. Например, колбасные, сыроваренные, хлебопекарные, кондитерские, рыбные и другие заведения как правило семейного типа. Работа в этих заведениях требовала специальной квалификации в связи с соблюдением появляющихся новых стандартов пищевых изделий, появлением новой техники и совершенствующимся технологическим процессом. Поэтому в разных пищеперерабатывающих отраслях, особенно с глубокой переработкой возникают школы: мукомольные, маслоделая, сыроделая, винодельческие. На производствах и в торговле появляются термины «сорт», «пересортица», «утилизация

отходов» и пр. В это же время впервые появляется термин «фальсификация пищевых продуктов», из которого затем к началу XX в. выльется целая глобальная межотраслевая проблема. В 80-90-е гг. XIX в. в России стали создаваться внутриотраслевые корпорации и союзы, съезды, которые были наделены полномочиями по координации и решению проблемных вопросов как внутриотраслевых, так и региональных в пределах данной отрасли. Не обошла эта тенденция и пищеперерабатывающие отрасли. Появляются периодическая отраслевая печать, в которой фабриканты, купцы и мелкие торговцы могли обмениваться информацией, находить ответы на многие профессиональные вопросы. В конце XIX в. как их тогда называли «производства по обработки питательных веществ» по объему производства занимали после мануфактурной промышленности (хлопчатобумажной и текстильной) второе место (722 млн.руб. – примерно около 25 % всего объема в обрабатывающей промышленности).¹

В межотраслевом взаимодействии производительных сил основную роль играли те виды производств, которые имели объединительные, интеграционные функции. Кто владел в помещичьих экономиях XVIII-XIX в. винокурением производством сельскохозяйственного типа, тот был центром межотраслевых связей конкретного региона. То же касалось и винодельческих хозяйств Юга России, которые влияли на земледелие, плодовое и бахчевое огородничество, коньячно-спиртовое производство, сахарное, и даже на всю продовольственную торговлю колониальными товарами. Владельцы свеклосахарных предприятий сельскохозяйственного типа Юго-Запада России в с 70-80-х гг. XIX в. влияли по существу на развитие: земледелия в Черноземье и некоторых уездах Центрально-промышленного района, спиртовую промышленность, скотоводство, крахмально-паточное, кондитерское производство. Крупные мукомольные предприятия волжские и других районов Юга России концентрировали вокруг себя: земледельческие хозяйства, крупяные и бакалейные предприятия, спиртовые. Индустриальной вершиной внешне отраслевого взаимодействия явились консервные производства городского типа и холодильное дело. Как известно, возникшая на рубеже 80-90-х гг. XIX в. холодильная промышленность явилась тем экономическим балансом между практически всеми пищеперерабатывающими и сельскохозяйственными отраслями, без которого дальнейшее раз-

витие всей агропромышленной интеграции в Российской Империи уже не могло развиваться. Холодильная отрасль должна была умудриться стать сбалансированным элементом между процессами ценообразования и качеством пищевого продовольствия. Насколько ей это удалось, можно судить по тому, что благодаря холодильной промышленности русские мясные изделия, рыбные товары, многие молочные продукты стали достоянием широких слоев населения в самых разных регионах страны. По существу благодаря холодильной промышленности межотраслевые связи в пищевом производстве стали служить не только производителям для получения максимального дохода, но и потребителям, т.к. появляющиеся первые бытовые холодильные установки в 1910-13 гг. уже непосредственно влияли на благосостояние населения. Однако в виду технологической отсталости, слабой инвестиционной и организационной политики государства, холодильная отрасль в России так и не смогла достичь общемировых и европейских стандартов. Это также всячески мешало нашему экспортному продовольственному потенциалу.

Надо отметить, что чисто в производственном плане взаимодействие всех отраслевых производительных сил строилось по принципу чем дешевле и качественнее сырье, рабочие руки и технологии, тем больше шансов произвести качественный товар по разумной рыночной цене. Например крупные городские мукомольные заводы Поволжья производили на вальцовых станках крупчатую муку высокого помола. Она предназначалась для таких хлебопекарных фабрик, какие были у Филипповых, Севастьяновых и пр. известных крупных столичных хлебопеков. Могли ли крупные хлебопеки приобрести помещичью муку или даже муку крестьянского помола для производства качественных хлебобулочных изделий? Скорее всего нет. Хотя были исключения в виде широких закупок муки у различных производителей пекарен для армии и флота, фабрично-заводской потребительской кооперации. Или скажем, крупные скотобойни приобретали на скотопромышленных столичных площадках не только степной южный скот у крупных прасолов, но и местный скот у некоторых крестьян и помещиков. Однако в основном взаимодействие главных производителей к концу XIX в. строилось по принципу: помещик или крестьянин - производитель сырья, товаров первичной переработки, купец-прасол со своей сетью рынков и базаров, городской оптовый тор-

говец и далее раздробительная (розничная) продажа в виде различного рода мелких хозяйев магазинчиков, лавочников, шалашей и пр. То есть в цепочки «поле-прилавок» могли участвовать все виды и типы производительных и торговых сил, а также все сословия.

Особенным фактором влияющим на взаимодействие производственных сил сельскохозяйственных и перерабатывающих отраслей второй половины XIX - нач. XX вв. стала возникающая на новых фабрично-заводских началах специализация различного рода вспомогательных и смежных отраслевых направлений. Это в первую очередь было связано с появлением на русском рынке иностранного технологического оборудования и развитием отечественного машиностроения. В первой половине XIX в. благодаря проникновению в нашу страну новой волны иностранных изобретений и капитала наметился рост численности предприятий выпускающих сельскохозяйственное оборудование. В 1862 г. в России машиностроительных заводов можно было насчитать всего лишь 60, которые, так или иначе, создавали машины для обработки и уборки урожая зерновых². Тенденция к росту заводов в 60-70-е годы благодаря притоку капиталов, рабочей силы из села, а также требованиям рынка сельхозпроизводителей была ощутима. Общее производство всех механических заводов и мастерских, занимавшихся постройкой сельхозмашин, в России достигло в 1882 г. около 6 млн., руб., тогда как в 1876 г. оно равнялось лишь 2 374 800 руб.³ Сельскохозяйственная выставка 1882 г. в Москве показала, что русские заводчики производили достаточно качественные плуги, не уступавшие зарубежным аналогам, а после Нижегородской Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. стало ясно - русские плуги постепенно вытесняют с российского рынка плуги иностранного производства. С развитием железоделательных заводов западного, южного и восточного промышленных районов, улучшилось качество поставляемых материалов для плугов и других машин /железо, сталь и чугун/. Изготовление жней-лобогреек, достаточно прочно установившееся к концу XIX в. в России, легко находило все нужное сырье на русском рынке. Также сравнительно хорошо было налажено дело по изготовлению веялок и сортировок. Благодаря высокому уровню в 1890-х годах паровозостроения и изготовления паровых двигателей и котлов в России на русский заводах появилось отечественное оборудование для про-

изводства сельскохозяйственных локомотивов и керосиновых двигателей. В мукомольной отрасли также в пореформенное время стали происходить существенные изменения в области отечественного машиностроения. В начале 60-х годов начали создаваться фирмы, которые специализировались на строительстве мукомольных мельниц, в основе которых были самые современные автоматизированные технологии того времени. Среди этих фирм, которые производили 2-х и 3-х вальцовые мельницы, механические заводы выделялись: Товарищество Доброва и Набогольца в Москве и Нижнем Новгороде, Аккермана в С.Петербурге. Одним из передовых в мукомольной отрасли было Товарищество «Антон Эрлангер и К*» в Москве, созданное в 1860 г. из небольшого коммерческого предприятия.⁴ Построив первую в России мельницу вальцового размола в начале 80-х годов в г. Рыльске (Курской губ.) мельнично-строительное Товарищество А.Эрлангер и К* за сорок лет своего существования превратилось в крупнейшее машиностроительное предприятие, которое производило оборудование и механизмы для всех русских мельниц с размолом 15 000 пуд. в сутки в различных районах Империи: на Волге, в южных губерниях, в центральном районе и в Сибири.

По мере увеличения городского населения, реформ в конце 60-х - нач.70-х гг. армии и флота все острее становилась проблема сохранения продовольствия. То есть по существу требовалось развитие консервной промышленности всех видов пищевого продовольствия. Благодаря развитию военной интендантской службы, в России появились мясные и другие виды баночных консервов. В 1869 г. Военным ведомством, по инициативе Технического Комитета Главного Интендантского Управления было рассмотрено и изучены образцы жестяных мясных консервов американского и австралийского производства. В результате этого в 1870 г. мясоперерабатывающий завод съестных консервов Ф. Азибера в Петербурге /Старопетергофский пр. - 42, основан в 1862 г. / приступил к изготовлению для нужд армии мясных жестяных консервов, которые в 1873 г. были испытаны в Хивинскую военную экспедицию.⁵ С 1883 по 1887 г.г. на предприятии Ф. Азибера были изготовлены пробные партии 12-ти сортов пищевых консервов, которые прошли опытные испытания в войсках и научно-исследовательской лаборатории Императорской Военно-Медицинской Академии. С 1887 г. на основании

положительных опытов были выработаны 5 сортов войсковых консервов: жаренная говядина / баранина/, рагу, щи-каша, горох-мясо и растительные /гороховая похлебка/.⁶

Затем в Петербурге появился еще один завод Н.Л. Миллера, который специализировался только на мясных консервах. Позднее его владельцем стал промышленник Малышев. Цены на продукцию этого завода удерживались весьма высокие, так как для этого предприятия и завода Ф. Азибера в это время не было достаточной конкуренции. Их развитие, модернизация и т.д. в основном завесили от госзаказа. В 1904-05 г.г. на частных консервных заводах С.- Петербурга, Одессы, Риги и Митавы, работающих на Военное ведомство, выпускалось до 250 тыс. консервных банок в день, что составляло 75 млн. банок в год.⁷

Промышленная переработка отходов в мясоперерабатывающей отрасли развивалась по мере сырьевой необходимости для других народнохозяйственных отраслей. Одновременно с развитием убойного дела в России появились ряд мелких салотопенных предприятий, занимавшихся выработкой из получаемого от боен жирсырья «кишечного» сала и технических жиров для производства мыла, свечей и смазочных материалов. В связи с необходимостью поиска новых видов удобрений в зерновой отрасли в мясоперерабатывающей промышленности стало развиваться направление переработки костей. Первый завод для промышленной переработки костей был введен в эксплуатацию в Петербурге в 1873 г. К 1913 году в России насчитывалось уже 70 костеперерабатывающих заводов, в том числе 20 крупных, схожих с предприятиями фабричного типа. Все эти заводы обрабатывали около 130 тыс. тонн костей и давали 10 тыс.⁸ тонн клея в год, а также большое количество костяной дробы и порошка для увеличения производства яиц. Таким образом, к началу XX в. в России уже практически был сформирована и работала как самостоятельная отрасль по переработки отходов от мясной промышленности.

Переработка отходов от производства растительного масла - жмыхов в отдельное направление коснулось и масложитной отрасли. В Европе одними из первых оценили все достоинства жмыхов англичане, которые стали скупать жмыхи везде, где только было возможно. В России процесс применения жмыхов в качестве кормов и удобрения растянулся на долгие десятилетия второй половины XVIII - первой половины XIX вв. В первое время с отходами масложитной

производства просто не знали, что делать и они шли на отопление. И только в конце XIX в. в период начавшихся неурожаев, многие хозяйства стали использовать этот ценный продукт. В России все масложитные заводы в конце XIX - нач. XX в.в. в зависимости от той цели, для которой предназначался получаемый жмых, можно было разделить на три группы⁹ :

1) Заводы коммерческие, вырабатывавшие масло из семян, у которых весь жмых предназначался для вывоза за границу.

2) Заводы полукommerческие, которые отправляли часть жмыхов за границу, а часть оставляли для местного потребления его, как кормового средства в своем районе или в той сельскохозяйственной экономии, при которой существовал завод;

3) Заводы сельскохозяйственные, которые предназначались главным образом для получения жмыха, полностью остающихся для нужд местного сельского хозяйства.

Как правило основная доля получаемых в России жмыхов вывозилась за границу. В 1878 г. экспорт жмыхов в Англию - основной рынок русских жмыхов достигал 928 000 пуд, т.е. почти 2/3 всего количества вывозимых из страны жмыхов.¹⁰ До 1888 г. Великобритания закупала около 50% всего вывоза жмыхов из России. В Германию вывозилось меньше 30% и около 20% шло в Данию.¹¹ С 1888 г. вывоз жмыхов Германии быстро стал возрастать и в среднем к концу 90-х гг. составил около 40 % общего вывоза.¹² В тоже время в Великобританию вывозилось уже 20%, почти такое же как в Данию, до 11% брала на себя Франция.¹³ Остальное количество жмыхов поступало в Бельгию, Голландию, Швецию и другие страны.

Известный немецкий профессор Э.Вольф, который в 1852-53 г.г. изучая влияние рапсовых жмыхов на молочную производительность коров, говорил, что изучение этой проблемы есть «...вопрос, решение которого для Германии имеет не малое национально-экономическое значение, так как до сих пор находится великая страна, где это кормовое средство, сильное по своему достоинству для производства молока, мяса и особенно удобрения, кажется, не вполне ценится и потому уступает за сравнительно дешевую цену иностранцам».¹⁴ Это высказывание подтверждает и тот факт, что даже такое государство как Турция, где сельское хозяйство в 1875 г. намного уступало русскому, закупало в России до 10 000 пуд жмыхов.¹⁵ Не

говоря уже о европейских странах, где мясо-молочное направление в сельском хозяйстве было доминирующим. А вот что по поводу вывоза русских жмыхов за границу писал Д.И. Менделеев: «Они (жмыхи - авт. Р.С.А.) представляют товар, который весьма важно было бы сохранить внутри страны не только как сильное питательное средство, особенно для молочного и откармливаемого скота, но и как средство, прямо увеличивающее плодородие почв»¹⁶. То есть как видим выделившаяся в маслобойной промышленности в конце XIX в. производство жмыхов по существу не вошло в иные сельскохозяйственные и перерабатывающие отрасли России как отдельное сырьевое направление, а стало экспортным придатком для мясо-молочных отраслей многих европейских стран.

Взаимодействие производственных сил в агропромышленных отраслях как мы уже выяснили осуществлялось на стыке использования в производстве многих видов готового пищевого продовольствия или сырья. Это касается и остатков переработки различного рода сырья на винокурных заводах так называемой «барды» - прекрасного кормового средства для животноводства. Недаром, как уже отмечалось, винокурные производства в помещичьих имениях XIX в. специалисты называли центрами отраслевого пересечения, взаимодействия интересов различных производств: земледельческого, зернового, картофельного, плодово-ягодного, винокурного, скотоводства, птицеводства, рыбноводства. То же касалось и применения в начале XX в. так называемого кормового сахара в животноводстве. Этот кормовой сахар изобретенный польским инженером-технологом состоял из утфеля, смешанного с отрубями, овсяной дробинкой, ячменной или иным зерновым кормом.¹⁷ Также значение производства поваренной соли для развития многих пищевых и перерабатывающих отраслей еще с древних времен, а тем более в XIX в. до возникновения холодильной промышленности, как самостоятельной отрасли, было достаточно велико. Прежде всего, это объясняется консервирующими, противоразлагающими свойствами соли для переработки многих видов животного и растительного сырья. Например, за пятилетие с 1874 по 1879 г.г. в России производилось 1 285 966 пуд. соленой рыбы, для которой в средних расчетах /не более 1 1/2 фунта соли на пуд. / расходовалось в год около 48 223 пуд. соли¹⁸. Что же касается засолки мяса и сала, то на эти

нужды уходило 675 000 пуд. соли при производстве солонины и сала в год до 18 000 000 пуд. Специалисты подсчитали, что для соленья икры, рыбы, мяса и сала в среднем ежегодно в России расходовалось около 750 000 пуд соли¹⁹. Надо заметить, что эти данные приходятся на период, когда в империи действовала акцизная система на производство соли. После ее отмены в 1881 г. расход соли несколько уменьшился, т.к. сократилось производство корчемной / вне акцизной, дешевой / соли²⁰. Однако роль соли для других пищевых отраслей от этого не уменьшилась. Так как вообще добываемой соли с каждым десятилетием увеличивалось. А значит, увеличивался ее расход. Огромную роль поваренная соль играла в развитии отечественного скотоводства. Многие аграрии и пищевики подсчитали, что в 70-80-е г.г. XIX в. на нужды содержания домашних сельскохозяйственных животных в России тратилось более 1 млн. соли.²¹

Примерно также можно описать значение картофельно-паточной отрасли и ее продукции для развития кондитерской и хлебопекарной промышленности. Или допустим влияние виноделия на виноградарство и садоводство. Или скажем рыбной промышленности и отходов ее деятельности на земледельческие процессы. Подобных примеров в агропромышленных производственных цепочках можно выявить достаточное количество. Важно понять, что в пореформенное время, особенно в период капитализации производства и технологического прогресса в 90-е гг. XIX в - нач. XX вв. эти «цепочки» взаимодействия стали основополагающими кровеносными сосудами, которые влияли на развитие всего агропромышленного организма Российской империи.

Таким образом мы выявили, что взаимодействие производительных сил в агропромышленных отраслях основывалось на нескольких принципах:

- 1) взаимодействие сословных производителей сельскохозяйственного сырья и переработчиков на профессиональной основе;
- 2) взаимодействие структурных и институциональных формирований во внутриотраслевых связях;
- 3) взаимодействие межотраслевых связей на всех уровнях производства и торговли;
- 4) взаимодействие «на стыках» использования различного рода сырья и готовых видов пищевого продовольствия.

Литература

1. Гомилевский В. Соль. Исследование русского богатства солью и употребление этого вещества при различных видах скотоводства, земледелия, в лесном хозяйстве, в пищу людей, промышленности и другом. СПб., 1881. С. 148.

2. Девель Д. Технология пищевых продуктов. Мясо. Руководство для слушателей интендантского курса командиров отдельных частей и дежурных офицеров. СПб. 1905. С.88.

3. Доклад инженера-технолога Н.П. Мельникова в Одесском Отделении Императорского Технического Общества. // Из «Записок Од. Отд. Рус. Технич. Общества за 1897». С.31

4. Мельников Н. Масло – экстракционное производство. СПб., 1877. С.54-55.

5. Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследования о развитии промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. С.326-327

6. Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губ. на 1902 год. Симбирск. 1902. С.326.

7. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук (ПЭРСХ). Т.8. СПб.1903. С.960.

8. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. С. 127

9. Фалеев Г.А. и др. Мясная и птицеобработывающая промышленность за 40 лет Советской власти. М., 1957. С.9.

10. Россия. Энциклопедический словарь, начатый проф. И.Е. Андреевским, продолжается под редакцию К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф.Ф. Петрушевского (репринт.-изд.). Л., 1991. С.283.

11. РГИА.Ф.398. Оп.69. Д.236476. Л.1-2об.

12. Будрин П.В. Выжимки из семян. СПб, 1882. С. 3-4.

13. ЗПСЗ. Т. 1. №154. 12 мая. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1881 г. 26 июня, ст. 404). О неотчуждении в частную собственность казенных соляных источников.

Ссылки:

1 Россия. Энциклопедический словарь, начатый проф. И.Е. Андреевским, продолжается под редакцию

К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф.Ф. Петрушевского (репринт.изд.). Л., 1991. С.283.

2 Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук (

ПЭРСХ). Т.8.

СПб.1903. С.960.

3 Там же.

4 Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губ. на 1902 год. Симбирск. 1902. С.326.

5 Девель Д. Технология пищевых продуктов. Мясо. Руководство для слушателей интендантского курса

командиров отдельных частей и дежурных офицеров. СПб.1905. С.88.; Доклад инженера-технолога

Н.П. Мельникова в Одесском Отделении Императорского Технического Общества. // Из «Записок Од.

Отд. Рус. Технич. Общества за 1897». С.31

6 Там же.

7 Там же. С.95-96.

8 Фалеев Г.А. и др. Мясная и птицеобработывающая промышленность за 40 лет Советской власти.

М., 1957. С.9.

9 Мельников Н. Масло – экстракционное производство. СПб., 1877. С.54-55.

10 Будрин П.В. Выжимки из семян. СПб, 1882. С. 3-4.

11 Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. С. 127

12 Там же.

13 Там же.

14 Будрин П.В. Указ. Соч. С.3-4.

15 Там же. С.4.

16 Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследования о развитии промышленности России в связи с её

общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. С.326-327 (сноска).

17 РГИА.Ф.398. Оп.69. Д.236476. Л.1-2об.

18 Гомилевский В. Соль. Исследование русского богатства солью и употребление этого вещества при

различных видах скотоводства, земледелия, в лесном хозяйстве, в пищу людей, промышленности и другом. СПб., 1881. С. 148.

19 Там же.

20 ЗПСЗ. Т. 1. №154. 12 мая. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак.

1881 г. 26 июня, ст. 404). О неотчуждении в частную собственность казенных соляных источников.

21 Гомилевский В. Указ. соч. С. 148.

Аутентичный фильм как средство формирования социокультурной компетенции у девушек и юношей–студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку

Седова Е.А., Соловьева О.Б.

В данной статье рассматривается серия коммуникативных упражнений с аутентичными видеоматериалами, учитывающих гендерную специфику интересов студентов технического вуза, способствующих формированию у них социокультурной компетенции, и стимулирующих их интерес к изучению иностранного языка. Ключевые слова: обучение иностранному языку, социокультурная компетенция, аутентичный фильм, аутентичные видеоматериалы, гендерная специфика интересов, коммуникативные упражнения

An authentic film as a means of forming a sociocultural of male and female technical higher educational establishment students in the process of learning a foreign language.

Sedova E.A., Solovyova O.B.

In this article the series of communicative exercises with authentic video materials is analyzed. These exercises consider the gender specificity of technical higher educational establishment students' interests and are aimed at forming their sociocultural competence and stimulating their interest towards learning a foreign language.

Key words: learning a foreign language, sociocultural competence, an authentic film, authentic video materials, interests gender specificity, communicative exercises.

В образовательном пространстве вуза одной из важнейших целей обучающих и воспитательных воздействий является актуализация познавательных мотивов обучения и формирование позитивного отношения к предмету «иностранному языку».

К большому сожалению, в ряде случаев, в процессе обучения иностранному языку в неязыковом (техническом) вузе происходит снижение интереса к изучению данной дисциплины [1,7,8]. Возможно, это связано с тем, что учебные программы по иностранному языку в неязыковых вузах нацелены на формирование грамматической компетенции, а также навыков чтения, перевода и передачи содержания профориентированных текстов. Однако, конечной целью обучения иностранному языку в неязыковом (в частности, техническом) вузе является не накопление определенного количества грамматических правил и лексики, а формирование развитой языковой личности, обладающей когнитивной ментальностью, владеющей культурными нормами и ориентирами [8].

На пути решения этой важной задачи большое значение имеет формирование коммуникативной компетенции, посредством которой реализуются не только образовательная, но также и воспитательная и развивающая цели обучения иностранному языку [4].

В данной связи чрезвычайно важным является формирование у студентов социокультурной компетенции, которая являясь важной составляющей коммуникативной компетенции, включает в себя следующие компоненты: социолингвистический, лингвострановедческий, со-

циолингвистический, социально-психологический, культурологический. В данной связи подразумеваются лексические единицы с национально-культурной семантикой и умение применять их в ситуациях межкультурного общения, языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, владение социо- и культурно обусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре, а также социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон [4].

Формирование у студентов неязыкового (технического) вуза социокультурной компетенции, в отличие от компетенции лингвострановедческой, предполагает не только овладение сведениями о стране изучаемого языка, о ее географическом положении, государственном устройстве, достопримечательностях, национальных особенностях быта и культуры. Социокультурное развитие студентов способствует формированию аналитического подхода к изучению зарубежной культуры, развитию у студентов языковой культуры описания реалий страны изучаемого языка, эмоционально-оценочного отношения к стране изучаемого языка.

С нашей точки зрения, для формирования у студентов технического вуза социокультурной компетенции необходимо учитывать личностно-ориентированный подход [8] и, наряду с этим, гендерную специфику студенческих интересов. Т.В. Овчинникова, Н.А. Смирнова, О.А. Жбиковская, являясь сторонниками гендерного подхода к обучению иностранному языку, отмечают, что для девушек и юношей характерны различия в мотивации учебной деятельности и отношении к предмету «иностраный язык», имеются отличия и в восприятии учебного материала [2,5,6]. Поэтому, в данной связи мы считаем целесообразным учет гендерной специфики интересов студентов при построении обучающих программ по иностранному языку в техническом вузе, что в конечном итоге, должно способствовать стимулированию интереса студентов к изучению иностранного языка.

Одним из важнейших средств, существенно повышающих интерес студентов, в частности технического вуза, к изучению иностранному языку, а также способствующих эффективности обучения иностранному языку, является

аутентичный фильм. В педагогической литературе, посвященной методике преподавания иностранных языков, выделены важные функции аутентичного учебного фильма:

1. информационная. Видеоматериалы, отображая реальную действительность, являются важным источником информации о стране изучаемого языка и оказывают на студентов эмоциональное, интеллектуальное и воспитательное воздействие

2. мотивационная. Развивается, с одной стороны, самомотивация (работа с видеоматериалами всегда является привлекательной для обучающихся), а также мотивация учебной деятельности в целом, что способствует стимулированию у студентов интереса к изучению иностранного языка

3. моделирующая. Аутентичные видеоматериалы, имитируя естественную языковую среду, позволяют моделировать различные ситуации и максимально приблизить их к условиям естественного общения.

4. иллюстративная. Студентам показываются иллюстрации достопримечательностей страны изучаемого языка, что способствует их приобщению к культуре этой страны. Просматривая аутентичные материалы, важно использовать субтитры, которые являются источником аутентичных образцов речи.

5. развивающая. Аутентичные видеоматериалы способствуют развитию психических процессов памяти, внимания, мышления, а также важных видов речевой деятельности аудирования, чтения (при использовании субтитров), говорения.

6. воспитательная, реализующая принцип изучения иностранного языка через культуру [3,10].

С целью формирования у девушек и юношей-студентов технического вуза (Волжской государственной академии водного транспорта) социокультурной компетенции на одном из занятий был предложен ряд коммуникативных гендерно-ориентированных упражнений, направленных на работу с аутентичным фильмом. Девушкам и юношам просматривали документальный фильм Юджина Шеферда «Лондон» (Eugene Shepherd "London").

После просмотра фильма девушкам и юношам были предложены картинки с изображением достопримечательностей Лондона: Сохо

(Soho), Тауэр (Tower), Гринвич (Greenwich), Трафальгарская Площадь (Trafalgar Square), Гайд Парк (Hyde Park), Парламент (Parliament), Пикадилли (Picadilly), Тауэр Бридж (Tower Bridge), Ковент Гарден (Covent Garden), Британский Музей (The British Museum), Китайский Квартал (Chinatown), Музей Мадам Тюссо (Madam Tussaud's Museum), Музей Шерлока Холмса (Sherlock Holmes's Museum).

Девушки и юноши должны были объединиться в две команды: команда девушек и команда юношей, соответственно, и угадать, какое известное место Лондона изображено на картинке. Далее, выбиралась команда, угадавшая достопримечательности первой.

Затем, команда девушек и команда юношей должны были выбрать 3 места, понравившиеся им больше всего и 3 места, которые им не понравились. Им нужно было обменяться мнениями и обсудить достоинства и недостатки того или иного интересного места Лондона. Наряду с этим, им был предложен вопрос для обсуждения: Какие бы эмоции Вы испытали, если бы оказались в том или иной месте Лондона? Ниже, в помощь студентам, прилагались существительные, обозначающие эмоции: радость (joy), энтузиазм (enthusiasm), восторг (delight), восхищение (admiration), страсть (passion), интерес (interest), внимание (attention), любопытство (curiosity), любознательность (inquisitiveness), удовлетворение (satisfaction), спокойствие (calmness), раздражительность (contemplation), гнев (anger), агрессия (aggression), беспокойство (anxiety), напряжение (tension), страх (fear), стресс (stress), разочарование (disappointment).

После этого, девушкам и юношам предлагалось выполнить следующее задание:

Представьте, что Вы являетесь жителями Лондона. Вы получили по электронной почте два письма: одно от Марты, девушки из Германии, другое от Свена, молодого человека из Швеции. Они растеряны и чувствуют себя чужаками в Лондоне. Вы собираетесь написать им два ответных письма, в которых Вы даете им совет, какие интересные места посетить, учитывая их психологические особенности.

Далее, девушки и юноши должны были устно ответить на следующие вопросы: если бы вы оказались на месте Марты или Свена, какие бы интересные места Вы бы выбрали: экстремаль-

ные и привлекательные для молодежи или тихие спокойные? Вы смелы и бесстрашны как Свен, или же робки и застенчивы как Марта?

По итогам обсуждения указанных вопросов были выбраны девушки и юноши, имеющие много общего со Свеном или Мартой.

На другое занятие был запланирован просмотр документального фильма про Нью Йорк («Большое яблоко») режиссера Юджина Шеферда.

По окончании просмотра девушка и юношам были предложены картинки с видами Нью Йорка: Бродвей (Broadway), Арлингтон (Arlington), Уолл Стрит (Wall Street), Пятая Авеню (the Fifth Avenue), Статуя Свободы (the Statue of Liberty), Рокфеллер Центр (Rockefeller Centre), Центральный Парк (Central Park), Бруклинский Мост (Brooklyn Bridge), Музей Метрополитэн (the Metropolitan Museum), Эмпайр Стэйт Билдинг (Empire State Building).

Девушки и юноши выполняли задание, аналогичное заданию по фильму о Лондоне. Они объединялись в команды (девушек и юношей) и угадывали достопримечательности Нью-Йорка, после чего была выделена лидирующая команда.

Затем, девушки и юноши должны были отгадать небольшую загадку, какой всемирно известный исторический памятник имеет женский облик, но в котором может быть обнаружено множество мужских черт (Статуя Свободы).

Девушки и юноши характеризовали памятник, используя прилагательные полезные прилагательные, представленные ниже: величественный (powerful, magnificent), горделивый (majestic), твердый (firm), бесстрашный (fearless), спокойный (calm), яркий (bright), независимый (independent), самодостаточный (selfsufficient), красивый (beautiful), чудесный (wonderful), нежный (tender), внимательный (careful)ё понимающий (understanding), вдохновляющий (inspiring), энергичный (energetic), ободряющий (cheerful), радостный (joyful), дружелюбный (friendly), умиротворяющий (conciliative).

Затем, данные черты были подразделены девушками и юношами на женские и мужские или одновременно мужские и женские.

Юношам был задан вопрос: Справедливо ли то, что памятник имеет женский облик? Девушки отвечали на вопрос: Испытываете ли вы

гордость от того, что памятник имеет такое воплощение?

В результате работы с данными аутентичными фильмами мы пришли к выводу о том, что использование видеоматериалов на занятиях по иностранному языку, способствуют обучению различным видам речевой деятельности (аудированию, чтению, говорению, письму), в результате чего достигается коммуникативная цель обучения.

Наряду с этим, важной задачей коммуникативных упражнений с учебными фильмами в процессе развития у девушек и юношей социокультурной компетенции является формирование умений анализировать собственные положительные и отрицательные эмоции, становясь при этом частью иноязычной культуры.

Литература

1. Емельянова Н.А. Формирование оптимальной мотивации овладения иностранным языком студентами неязыкового ВУЗа /Н.А. Емельянова: дис...канд. психол. наук. - Нижний Новгород. - 1997
2. Жбиковская О.А. Гендерный подход при обучении иностранному языку / Жбиковская О.А.// Социально-культурные проблемы развития промышленности, транспорта и услуг: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участ. Омский гос. университет путей сообщения. - Омск, 2006. - с. 74-78
3. Жоглина Г.Г. Развитие умений коммуникативной компетенции на основе использования аутентичных видеодокументов (французский язык, языковой вуз): Дис... канд. пед. наук/ Г.Г. Жоглина. - Пятигорск, 1998.
4. Компанцева Е.В. Содержательно-методологический аспект социокультурной компетенции в профессиональной подготовке студентов лингвистических специальностей: дисс. ... канд. пед. наук. - Ставрополь, 2006
5. Овчинникова Т.Е. Гендерный подход в обучении студентов университета иностранному языку /Т.Е. Овчинникова: дис. .... канд. пед. наук. – Оренбург. - 2007. - 209 с.
6. Смирнова Н.А. Реализация гендерного подхода на уроках иностранного языка с использованием интерактивных методов обучения [Электронный ресурс] /Н.А. Смирнова// Режим доступа: <http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2007s1>
7. Шубин С.В. Мотивация овладения иностранным языком в условиях билингвального обучения в ВУЗе/ С.В. Шубин: дис. .... канд. пед. наук. - Великий Новгород. - 2000.
8. Юсеф Е.К. Личностные ориентации обучения как условие развития компеентности студентов технического университета (на материале иностранного языка) / Е.К. Юсеф: автореф. .... дис. канд. пед. наук.- Ростов – на - Дону.
9. Stempleski Susan, Tomalin Barry. Video in action. Recipes for using video in language teaching University Press, Cambridge, 1993.

Понятие синтаксической конденсации в научном стиле русского языка в зеркале китайского

Син Юйсы

В статье анализируется синтаксическая конденсация с помощью предложных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» в научном стиле русского языка в сопоставлении с китайским. Данное исследование представляет взгляд носителя изолирующего языка на определенные языковые явления в научном стиле русского языка.

Ключевые слова: синтаксическая конденсация, функциональная стилистика, научный стиль, русский язык, китайский язык.

Xing Yusi

The notion of syntactic condensation in the scientific style of the Russian language in the mirror Chinese

The article analyzes the syntactic condensation using prepositional combinations such as the type of «verbal noun + preposition» in scientific style of Russian language in comparison with the Chinese. This study represents the view of the insulating medium of language to certain linguistic phenomena in the scientific style of the Russian language.

Key words: syntax condensation, functional style, scientific style, Russian language, Chinese language.

Научный стиль речи является одним из функциональных стилей литературного языка, имеющих социально-научную и образовательную направленность. Он представляет собой неотъемлемую часть современной коммуникации.

Упрощение синтаксических структур научного текста осуществляется с помощью синтаксической конденсации, что позволяет сделать коммуникацию наиболее успешной. Синтаксическая конденсация является результатом трансформации сложноподчиненного предложения в простое и может выражать различные смысловые отношения.

Несмотря на то что понятие синтаксической конденсации за последние двадцать лет уже было рассмотрено с теоретической точки зрения, практическое применение полученных результатов еще не столь распространено. Упражнения на трансформацию сложноподчиненного предложения в простое и наоборот давно используют в рамках практических занятий по РКИ, поэтому необходимо сформировать устойчивый навык синтаксической конденсации с помощью предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» у иностранных учащихся, изучающих научный стиль русского языка.

Мы считаем, что синтаксическая конденсация является важнейшим этапом развития не только научного стиля речи, но и научного мышления в целом. Конденсированное предложение гораздо экономнее использует языковые средства, отдавая предпочтение четкой передаче научного факта. Навык использования предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» при оформлении простого предложения, а также трансформация сложноподчиненного предложения с временными, условными, причинно-следственными, целевыми и уступительными смысловыми

отношениями очень важен для китайских учащихся, изучающих русский язык.

В методике преподавания РКИ одним из аспектов является сопоставление родного языка учащегося с изучаемым. Согласимся с А.А. Леонтьевым и А.С. Маркосян, что в процессе изучения языков учащиеся часто находят схожие языковые средства, точнее, «независимо от структурных и иных особенностей конкретного языка – любое описание языка, предназначенное для целей обучения ему, должно иметь некоторые общие характеристики» [1, 4]. На наш взгляд, сходство языков помогает иностранным студентам и аспирантам быстрее усвоить язык, а отличие дает возможность выявить уникальные характеристики родного языка. С этой целью сопоставим синтаксическую конденсацию с помощью предложно-падежного сочетания типа «предлог + отглагольное существительное» в научном стиле русского языка в зеркале китайского.

В научном стиле китайского языка также существует языковое явление «конденсация». Однако трансформация предложений со смысловыми отношениями распространена меньше, чем в русском языке, и встречается только в оформлении временных, причинно-следственных и целевых отношений, формируясь при помощи сочетания предложного дополнения с отглагольным существительным. Китайские лексемы обычно имеют несколько грамматических функций (цзяньлэйцы) одновременно. В зависимости от позиции в предложении функция лексемы может измениться. Поэтому некоторые языковые средства, выражающие смысловые отношения в простом предложении, допустимо использовать и в сложноподчиненном предложении. Приведем пример слова Вэйлэ:

1) Вэйлэ синьсин кэци дэ фачжань, кэсюэцзямэнь цзиньсинлэ буседэ нули.

– Ученые прилагают огромные усилия для развития новых технологий.

Нужно обратить внимание на то, что данное предложение является простым в китайском языке. Структурно предложение построено по схеме: обстоятельство – подлежащее – предикат – определение + дополнение.

Вэйлэ синьсин кэци дэ фачжань (для развития новых технологий) – сочетание предложного дополнения Вэйлэ с отглагольным существительным Фачжань (развитие) выполняет функцию обстоятельства, выражает целевые

отношения. Для соотнесения этой единицы с конкретным членом предложения рассмотрим ее как единое целое.

Вэйлэ (для) – предлог. В китайском языке данная лексема может быть рассмотрена как предлог, так и союз. В данном предложении Вэйлэ является предлогом.

Синьсин кэци дэ фачжань (развитие новых технологий) – при анализе данного словосочетания отметим, что слово Фачжань как компонент предложного дополнения является отглагольным существительным. Аспектная частица Дэ соединяет словосочетание Синьсин кэци и слово Фачжань.

J— запятая активно используется при членении китайского предложения в той ситуации, когда необходимо уточнить обстоятельство, показать цель того или иного действия. Отметим, что в китайском языке запятая используется и в простом предложении.

Кэсюэцзямэнь (ученые) – подлежащее;

Цзиньсинлэ (прилагать) – предикат;

Буседэ нули (огромные усилия) – определение + дополнение.

Итак, в данном простом предложении используется предложное дополнение «вэйлэ...» (для), выражающее целевые отношения.

Простое предложение с использованием предложного дополнения может быть трансформировано в сложноподчиненное. Анализируем следующий пример:

2) Вэйлэ фачжань синьсин кэци, кэсюэцзямэнь цзиньсинлэ буседэ нули.

– Ученые прилагают огромные усилия, чтобы развивать новые технологии.

Полученное предложение является сложноподчиненным и выражает целевые отношения с помощью союза «вэйлэ» (чтобы; для того чтобы). Его синтаксическая структура: предикат – дополнение, подлежащее – предикат – дополнение.

Вэйлэ фачжань синьсин кэци (чтобы развивать новые технологии) – придаточная часть предложения, выражает условные отношения;

Вэйлэ (чтобы/для того что/для того чтобы) – союз. Слова Вэйлэ (для/чтобы/для того что/для того чтобы) в китайском языке может быть рассмотрена, как союз и как предлог. В данном предложении Вэйлэ является союзом.

Примеры 1 и 2 демонстрируют подвижный характер частеречного деления в китайском языке.

ке, точнее, многофункциональность лексемы. Так, слово Вэйлэ может выполнять функцию предлога и союза, использоваться в простом и сложном предложении.

Данная неустойчивость выражена также в следующих примерах:

3) Цзай ваньчэн шиянь хоу, кэсюэцзя чээнлилэ далянь дэ яньцзю чжэнго.

— После того как провели эксперимент, ученые собрали много результатов исследования.

Данное предложение является сложноподчиненным, выражает временные отношения. Его синтаксическая структура: предикат + дополнение, подлежащее + определение + дополнение.

Цзай ваньчэн шиянь хоу (после того как провели эксперимент) — придаточная часть.

Цзай...хоу (после) — предлог, который в китайском языке является расчлененным отыменным и не может быть союзом. Данный предлог используется и с глаголом. При переводе данной придаточной части на русский язык получаем: после того как.

Ваньчэн Шиянь (проведение эксперимента) — в данном случае слово Ваньчэн (проведение) стоит перед существительным Шиянь (эксперимент) и является глаголом. Существительное Шиянь (эксперимент) выступает в роли дополнения.

J— маркер синтаксического членения, уточняет время действия.

Кэсюэ цзишу (наука и техника) — подлежащее;

Цзыдаолэ (играют) — предикат;

Гэминсиндэ цзоюн (революционную роль)

— определение + дополнение.

4) Цзай шиянь ваньчэн хоу, кэсюэцзя чээнлилэ далянь дэ яньцзю чжэнго.

— После проведения эксперимента ученые получили результаты исследования.

Данное предложение является простым, выражает временные отношения. Его синтаксическая структура: обстоятельство — подлежащее — предикат — определение + дополнение.

Цзай шиянь ваньчэн хоу (после проведения эксперимента) — сочетание предложного дополнения «цзай...хоу» с отглагольным существительным Ваньчэн выполняет функцию обстоятельства. При анализе данного сочетания разделим его на две части:

Цзай...хоу (после) — предлог, который в китайском языке является расчлененным отыменным.

Шиянь ваньчэн, проведение эксперимента — в данном случае слово Ваньчэн (проведение) стоит после существительного Шиянь и является отглагольным существительным. Существительное Шиянь (эксперимент) является определением, отвечая на вопрос «проведение чего?».

Примеры 3 и 4 показывают важность порядка слов в китайском языке. Частеречная принадлежность слова может изменяться под влиянием его позиции в предложении. В примере 3 лексема Ваньчэн стоит перед существительным, поэтому будет переводиться на русский с помощью глагола «совершить». В примере 4 Ваньчэн, находясь после существительного, также является существительным.

Кроме того, несмотря на наличие в научном стиле китайского языка явления синтаксической конденсации для выражения временных, причинно-следственных и целевых отношений, при переводе предложений с синтаксической конденсацией с русского языка на китайский часто встречаются не простые предложения, а сложноподчиненные. В связи с характеристиками частей речи и порядком слов, предложение не может быть простым, например, некоторые отглагольные существительные русского языка в китайском языке выражаются только глаголами. Приведем примеры:

5) При нагревании аморфного углерода на воздухе он энергично взаимодействует с кислородом.

— Цзай удинсинтань цзай кунцич жун цзяжэ ши, ю янци хуэй фашэн цзюле фаин.

В данном примере предложно-падежное сочетание типа «при + предл.п.» для выражения условных отношений можно заменить на «цзай...ши». Китайское предложение является сложноподчиненным. Слово Цзяжэ (в переводе на русский язык — нагревать, нагревание) в данном контексте не может быть переведено как существительное.

6) В целях подготовки к проведению контрольного чтения рекомендуются следующие упражнения.

— Вэйлэ чжунбэй со яо ваньчжэн дэ сэши, цзяньи ися сити.

Предложно-падежное сочетание типа «в целях + род.п.» для выражения целевых отношений заменяется в китайском языке конструкцией «вэйлэ...». Данное китайское предложение — сложноподчиненное. Слово Чжунбэй (в пере-

воде на русский язык – подготовить, подготовка) в данном контексте не может быть переведено как существительное.

На наш взгляд, в китайском языке синтаксическая конденсация в научных текстах наиболее ярко выражена в сложноподчиненных предложениях. Она является субъективным языковым явлением, т.е. на теоретическом уровне она существует, а на практическом уровне выражена не так ярко, как в русском языке.

Нужно отметить, что в методике преподавания РКИ в китайской аудитории при обучении синтаксической конденсации с помощью предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» главной задачей является быстрое и эффективное овладение навыком трансформации сложноподчиненного предложения в простое. Перевод предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» на китайский язык помогает учащимся усвоить их значения и понять разницу в построении синтаксических структур.

Отметим также, что китайцы, изучающие русский язык, при выполнении упражнения на трансформацию предложений часто испытывают затруднения. Это связано как с уровнем владения научным стилем речи, так и с непониманием специфики синтаксиса двух языков. Из-за серьезных отличий синтаксического строя русского языка по сравнению с китайским в ряде случаев некоторые простые предложения будут переведены на китайский язык как сложные. Кроме того, в зависимости от семантической нагруженности частей речи при переводе предложно-падежных сочетаний могут быть использованы не только предлоги, но и другие языковые средства.

По мнению Л.В. Щербы, уделявшего большое внимание методике преподавания языка, в том числе и иностранного, у учащихся представление о грамматических и лексических его правилах создается постепенно [2], в связи с чем для поэтапного освоения этих правил необходимы специальные упражнения, после выполнения которых преподаватель объясняет ошибки, а изучающий запоминает, как правильно использовать конкретные языковые единицы.

Приступая к обучению иностранных учащихся научному стилю речи необходимо: 1) учиты-

вать, что уровень владения русским языком должен быть не ниже базового; 2) создать комплекс упражнений для формирования и совершенствования необходимых грамматических навыков; 3) уточнить базовые лингвистические понятия родного языка с тем, чтобы обеспечить его адекватное сопоставление с русским.

Следует отметить, что носитель языка может не знать лингвистические характеристики родного языка, поэтому в преподавании РКИ целесообразно исходить из отсутствия у иностранных учащихся специальных лингвистических знаний в области как изучаемого, так и родного языков.

Для анализа частотных ошибок, которые делают китайские студенты и аспиранты в процессе усвоения принципов трансформации сложноподчиненного предложения с помощью предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное», нами был разработан опросник.

Он состоит из заданий, предполагающих трансформацию различных сложных предложений. Заполнить опросник мы предложили учащимся в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова китайским студентам и аспирантам различных специальностей (30 испытуемых). Целью нашего эксперимента было выявление типичных ошибок, возникающих при синтаксической конденсации. С помощью результатов данного эксперимента преподаватель РКИ сможет разработать основной блок упражнений, направленных на устранение наиболее типичных ошибок, а также понять их первопричину.

Проведенный нами эксперимент показывает, что к наиболее распространенным ошибкам китайских учащихся относятся 1) ошибки в словообразовании, в частности, при образовании отглагольного существительного; 2) ошибки в выборе предлогов; 3) ошибки в расположении компонентов словосочетания в получившемся предложении; 4) неверное употребление падежа.

Кроме того, следует отметить определенные трудности на уровне понимания самого задания, а также функций некоторых слов, которые, на наш взгляд, и вызвали появление системных ошибок на языковом уровне. Среди подобных затруднений, большая часть которых вызвана отсутствием навыка выполнения подоб-

ных упражнений в процессе изучения русского языка в Китае, выделим следующие: 1) неверное толкование или невозможность толкования терминов, использованных в тексте; 2) отсутствие четкого понимания структурных особенностей простого и сложного предложений, которое влечет за собой неверное выполнение задания; 3) непонимание функциональных различий между предлогом и союзом, закономерностей их распределения между различными типами предложений.

На основе анализа опросника и выделения наиболее распространенных ошибок мы предлагаем следующие методические рекомендации, которые помогут при изучении процесса трансформации сложноподчиненного предложения в простое:

1) объяснение студентам и аспирантам таких базовых лингвистических понятий, как морфемы, аффиксы, части речи, члены предложения, типы предложения и смысловые отношения между ними, предложно-падежные сочетания и их структура в русском языке;

2) выполнение подготовительных заданий, заключающихся в сопоставлении лингвистических терминов русского языка с соответствующими китайскими терминами;

3) выявление сходства, различий и несопадений в определениях некоторых терминов в русском и китайском языках путем сопоставления конструкций;

4) обеспечение постепенного и поэтапного введения лингвистического материала от знания суффиксов, определения частей речи, объяснения типов предложений к осознанию понятия смысловых отношений;

5) объяснение важности научного стиля речи, краткая характеристика его стилевых и грамматических особенностей с целью понимания студентами и аспирантами важности изучения данного стиля и необходимости использования предложно-падежных сочетаний типа «предлог + отглагольное существительное» в научных текстах данного стиля;

6) при затруднении в понимании терминов или способов трансформации предложений проведение систематической работы по сопоставлению русского языка с родным языком для полного освоения предложенного материала.

По мнению О.Г. Щитовой, «при наличии сопоставительного описания, выявляющего

сходства и различия в структурно-синтаксических и коммуникативно-синтаксических системах этих языков, и только на основе такого описания можно заниматься конкретным выяснением того, какие нормы изучаемого языка под влиянием каких именно норм родного языка нарушаются в каждом конкретном случае» [3, 95-98]. Для обучения умению построения простых предложений с различными смысловыми отношениями в текстах научного стиля предлагаем результаты нашего исследования.

Знакомство китайских студентов и аспирантов с названными выше сочетаниями, анализ их структуры и значения путем сопоставления языковых средств двух языков помогут научиться видеть различные смысловые отношения в научном стиле, строить простые предложения, характерные для данного стиля речи, освоить принцип трансформации сложноподчиненного предложения в простое.

Таким образом, результаты нашего исследования помогут китайским студентам и аспирантам путем сопоставления языковых средств двух языков научиться видеть различные смысловые отношения в научном стиле, а также освоить принцип трансформации сложноподчиненного предложения в простое. Русский и китайский языки значительно отличаются друг от друга, поэтому понимание сходства и различия синтаксиса языков, языковых средств для выражения смысловых отношений в научном стиле является базовым этапом обучения русскому или китайскому языкам.

Литература

1. Леонтьев, А. А.; Маркосян, А. С. Описание языков стран СНГ и Балтии и республик в составе Российской Федерации для целей обучения: методические рекомендации / А. А. Леонтьев, А. С. Маркосян. — М.: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2002. — 70 с.;
2. Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе: общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. / Л. В. Щерба. 2-е изд., — М.: Аркти, 2003. — 192 с.;
3. Щитова, О. Г. Методика изучения интерферентных явлений на занятиях русского языка и иностранного / О. Г. Щитова // Образование в Сибири. — Томск. — 1996. — №1, — С.95-98.

Оппозиция «свой–чужой» в американском тексте русской литературы

Ситникова Ю.В.

В статье автор показывает, что противопоставление «свой–чужой», в различных интерпретациях пронизывающее все русское национальное мироощущение, является одним из главных концептов Американского текста русской литературы и предстает в анализируемом сверхтексте с традиционной для отечественной культуры стороны.

Ключевые слова: сверхтекст, концепт, русский, свой, чужой.

Sitnikova Y.V.

The opposition «friend-or-foe» in American text of Russian literature

In the article the author shows that the juxtaposition of «friend or foe», in various interpretations permeates every Russian national attitude, JW is one of the main concepts of the American text of Russian literature and appears in the analyzed sverhexte with traditional domestic cultry side.

Key words: smartext, concept, russian, friend, foe.

Современная лингвистика антропоцентризма, в которой языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением и практической деятельностью человека – носителя языка, сосредоточивает внимание исследователей языка на изучении текста в различных аспектах. «Важными составляющими каждой культуры являются системные единства текстов, прежде всего художественных, в основе которых лежит устойчивый мифологический код, существующий в художественном сознании авторов, в многочисленных вариациях проявляющийся в их произведениях и способный быть реконструированным в процессе их научного исследования» [1, с. 295-302].

Наряду с наиболее изученными Петербургским и Московским текстами в пределах русской литературы представляется возможным выделить Американский текст, началом формирования которого можно считать середину XVIII века. Как отмечает О.С. Шурупова, «сверхтекст – культурно-языковое явление, представляющее собой сложную семиотическую систему, и, несомненно, концептосфера любого сверхтекста будет отличаться сложностью, многослойностью. Неизбежным в процессе ее исследования будет обращение к анализу не только ядерного и околядерных концептов, но и ряда концептов периферийной зоны» [2, с. 15]. Рассмотрим концепт «свой–чужой», пронизывающий все русское национальное мироощущение и являющийся одним из главных концептов Американского текста русской литературы.

Деление окружающего мира на две части – «свой» и «чужой», противопоставление которых может по-разному интерпретироваться, является одним из фундаментальных семиотических принципов. Большая работа по изучению предыстории оппозиции «свои – чужие» проделана отечественными исследователями В.В.

Колесовым, Ю.С. Степановым, а также французским лингвистом и историком протокультуры Эмилем Бенвенистом. Главное положение, установленное исследователем на материале анализа индоевропейских слов и изложенное в очерке «Свободный человек», заключается в том, что понятие «свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» — «чужим, врагам, рабам». Таким образом, понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны. Это прямо отражается и в связи соответствующих корней в русском языке [3, с. 212-219].

Концепт «свой — чужой» пронизывает все русское национальное мироощущение и занимает важное место в семантическом пространстве Американского текста русской литературы.

Герои Американского текста русской литературы, приезжая в чужую для них Америку, очень остро ощущают чуждость окружающих людей. Так, герой рассказа В.Г. Короленко «Без языка» Матвей Лозинский оказывается в Америке и не понимает, что за люди его окружают:

...по ней (по комнате) двигались люди, только что вернувшиеся целой гурьбой... Странные люди, чужие люди, люди непонятные и незнакомые, люди неизвестного звания, люди с такими лицами, по которым нельзя было определить, добрые они или злые, нравятся ли они человеку или не нравятся... Они нахлынули в комнату, точно толпа странных привидений, которые человеку видятся порой только во сне, — и тихо, без шума занимали свои места. И Матвей долго еще не мог сообразить — кто это, откуда, что здесь делают и что он сам делает среди них...

А потом вспомнил: да ведь это американцы. Те, что летают по воздуху, что смеются в церквях, что женятся у раввинов на еврейках, что выбирают себе веру, кто как захочет... Те, что берут себе всего человека, и тогда у него тоже меняется вера... (Короленко. Без языка).

Лексема «чужой» вступает в контекстуальные синонимические отношения со следующими словами и оборотами: странный, непонятный, незнакомый, неизвестного звания, странные привидения, американцы. Свообразными вариантами оппозиции «свой — чужой» являются

противопоставления «добрый — злой», «нравится — не нравится».

Лексема «свой» как часть оппозиции «свой — чужой» получает репрезентацию в словах родной, помню, знаю, друг, близкий, мой:

Стоит ли ехать в Америку, точнее, в Соединённые Штаты Америки? Зачем мне это?

У меня же есть на Земле то, что даёт мне хоть какое-то ощущение того, что я про жизнь что-то понимаю и знаю, и даже иногда даёт ощущение смысла этой жизни. Что это? А это то, что я на Земле чувствую своим. Это мой Родной город, который я хорошо помню и знаю, это город, в котором я живу сейчас и по которому всегда могу мысленно пролететь или проехать, в котором я знаю почти все улицы и переулки, это мои друзья, которые здесь живут, это мои самые близкие и родные, это их имена и лица, это воробы на улице под моим окном, это всё, что мною пережито, и это.

Это ещё Америка, которая со мной давно. Но только со мной давно именно моя Америка. Та, которая могла появиться и сложиться именно здесь, со мной, в прожитом и проживаемом мною времени.

Это Америка моя! И нужна ли мне другая, то есть настоящая, я не знаю. Правда, не знаю.

Вот только я думаю, что, если или лучше сказать когда, я всё-таки в настоящую Америку попаду и она попытается разрушить мою... Я буду бороться! Я буду свою защищать (Гришковец. А....а);

Немного устал... Не привык... И в Америке дурак дураком... ну ее к черту! Вернусь в Россию, окончу курс и буду земским врачом... Буду по крайней мере мужиков лечить... Помогу им, сколько можно... Все-таки буду знать, для чего я живу на свете... И со своими!.. (Станюкович. Похождения одного матроса);

А уж про себя-то сказать... — не глядела бы ни на что. К чужому-то свое не прирастает. На солнышко гляжу, — и солнышко-то не наше словно, и погода не наша, и... Ворона наемни, гляжу, на суку сидит, каркает... — совсем, будто, наша ворона, тульская!.. Поглядела, — не та ворона, не наша... у нас в платочке (Шмелев. Няня из Москвы).

Категориальная семантика чуждости реализуется в следующих семах: боязнь, страх, чужбина, одинокий, чужеродный, другой, непривычный, иной, далекий, грустный, потеря, смятение. Примечательно, что герои Американско-

го текста не могут точно определить, что мешает им посетить неизведанную Америку и жить там в гармонии с окружающим миром. Америка – чужая страна – вызывает страх разрушения чего-то устоявшегося, созданного в течение долгого времени:

– Мы ... пребываем в шоковом состоянии: что делать? Куда деваться? Мы оказались в чужой стране, без близких, без «языка» и, самое главное, без денег (Артюшатский. Чтобы быть с Америкой на «ты»: США глазами тверского писателя);

Что уж теперь, честь-честью... Свалят куда-нибудь, и лежи с чужими, никто и не придет. И земля тут словно какая-то ненастоящая, не наша. Ни вербочки не видать, ни березки... и цветочки не наши, и травка на нашу не похожа, и снежком не укроет на зиму, а все грязь... и не поает, бугорочков-могилочек не покажет... Господи-господи!... И везде народ, родное все, барыня... и на пьяненьких не обижаться, весне-то рады. А тут... что уж и говорить. В церкви вон читают, придет день Страшного Суда, все воскреснем... – и очутишься бог знать с кем, не в своей стае-то. Там, барыня, неизвестно, как очутишься, а думается так, по-живому... (Шмелев. Няня из Москвы).

Тоска, которая охватывает героев Американского текста русской литературы, представляет собой «тяжелое гнетущее чувство, душевную тревогу» [4, с. 289]. Состояние тоски может выражать не только непосредственно существительное тоска, но и образованные от него существительное тоскливость и слово категории состояния тоскливо. Тосковать – значит «испытывать тоску» или «испытывать непреодолимую потребность в чем-либо» [4, с. 289].

В составляющих Американского сверхтекста можно выделить и такую репрезентацию оппозиции «свой – чужой», как «явь – сказка». То, что русский человек наблюдает в Америке, кажется ему сказкой, чем-то нереальным, покрытым облаком сна. Только на Родине он ощущает себя в реальной действительности:

В стране зеленых пальм, где осень – только сон,
Бред перелетных птиц и перелетных граждан,
Где чудится домам одноэтажным,
Что каждый в мире счастлив и влюблен –

Живем отнюдь не сказочные мы,
Угрюмо чужеродные, другие.
Болезненно лелеем ностальгию,
Досадуем на то, что нет зимы,

Со смутным ожиданием вины
Мы ждем того, чего мы ждать не вправе –
Когда же сказка чуждой стороны
Вновь обернется нам знакомой явью... (Генчикмахер. Здравствуй, Америка!)

Когда герой Американского текста встречается на чужбине своего соотечественника или сам возвращается на Родину, он испытывает неопытный восторг, ему очень приятно слышать прелесть русской речи, ощущать себя в «своем» мире:

Да как же не горевать-то, барыня... собака – и та к дому привыкает, на чужом месте скучит, а человеку...? Перво пришибло словно, а как очухалась, сразу и поняла, – не видать мне родной земли! А вот... Старичок повар в мешочках стал разбираться. В дыре-то у нас темно, он и шарит-елозит, охает. – «Что вы, – говорю, – батюшка, ай чего потеряли?» А он – «слава те, Господи, как же я напугался!» – и показывает кожаный кошель. Подумала – золото-серебро, пожалуй. А это земляца, с собой везет! – «Помру на чужой стороне, меня и посыпят родной земляцей, а своей будто и схоронюсь». Как сказал про земляцу, так меня в сердце вот... – не видать мне родимой нашей! Гляжу на Катичку – платочек она кусает. Да нет, барыня... сердцем чую, – не достучит. Строгие капли пью. Доктор в Америке мне: «тихо, – говорит, – стучится» (Шмелев. Няня из Москвы);

Я вернулся. Как чудесно
Слышать вновь родную речь!
Вместо «монингов» безличных
Снова «здравствуй» слышу я –
Бесконечно, безгранично
Буду здравствовать, друзья! (Артюшатский. Чтобы быть с Америкой на «ты»: США глазами тверского писателя).

Ю.Н. Караулов отмечает, что «любовь к языку – это одно из проявлений любви к родине, которая всегда с нами, всегда в нас, но ощущаем мы которую, только расставаясь с ней на какое-то время. Amor linguae сохраняется на всю жизнь, и приходилось не раз слышать от людей, со времени их юности живущих на чужбине, признания о том, что, заслышав родную русскую речь, они готовы были расплакаться. Недаром существует такая теория, что на ритм и звучание родной речи человек настраивается, находясь еще под сердцем матери» [5, с. 260].

Таким образом, противопоставление «свой – чужие» в различных интерпретациях пронизывает все русское национальное мироощущение и является одним из главных концептов русской языковой картины мира – «ментально-лингвального образования, информации об окружающей действительности, запечатленной в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующей средствами языка» [6, с. 196]. Герой анализируемого сверхтекста, приезжая в чуждую для него Америку, всегда испытывает тоску по родной земле, по «своему» миру и испытывает неопишуемый восторг, когда возвращается на Родину, чем подтверждается тот факт, что в Американском тексте русской литературы оппозиция «свой – чужой» предстает с традиционной для отечественной культуры стороны.

Литература

1. Шурупова О.С. Особенности методологии исследования городского сверхтекста // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. С. 295-302.
2. Шурупова О.С. Столичные сверхтексты: монография / О.С. Шурупова. – М., 2013.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / Э. Бенвенист. – М., 1995. С. 212-219.
4. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1984. С. 289.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 2003. С. 260.
6. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 196-206.

Развитие профессиональной культуры преподавателей отечественной высшей школы в социально-историческом контексте

Сковородкина И.З., Антонова Е.В.

Развитие профессиональной культуры преподавателей неразрывно связано с развитием отечественной высшей школы, которая отражая те или иные социальные процессы, происходящие в обществах конкретных исторических периодов, обуславливала содержательную составляющую научно-педагогической деятельности преподавателей, отмечая качество подготовки и различия в подходах к системе обучения и воспитания студентов.

Ключевые слова: развитие профессиональной культуры преподавателей, профессионально-важные качества личности, университеты, социально-исторический контекст, образовательная политика государства.

The development of the professional culture of teachers national high school in the socio-historical context
Skovorodkina I.Z., Antonova E.V.

The development of the professional culture of teachers inextricably linked to the development of the national higher school, which reflect different social processes taking place in the societies of historical periods, determined the content of scientific and pedagogical activity of teachers, noting the quality of training and the differences in the approaches to the system of training and education of students.

Key words: development of the professional culture of teachers, professionally important qualities of personality, universities, socio-historical context, the educational policy of the state.

Развитие профессиональной культуры преподавателей высшей школы невозможно рассматривать вне социально-исторического контекста, обусловленного уровнем развития общества в тот или иной период, достижениями различных наук, конкретным вкладом видных преподавателей-ученых в развитие теории и практики высшего образования.

В различные исторические времена профессиональную культуру преподавателей характеризовали общие и особенные черты профессионально-важных качеств личности, объясняющие различия в подходах к системе обучения и воспитания студентов, содержании учебной, научно-педагогической деятельности.

Становление основ профессиональной культуры преподавателей вузов современные исследователи связывают с просветительскими реформами XVIII века, когда роль образования в социализации личности человека становилась особенно очевидной. В этот период в общественном сознании людей укреплялось понимание необходимости создания в стране большого количества общеобразовательных и профессиональных учреждений, деятельность которых отражала государственную образовательную политику того времени. В периоды правления Петра I и Екатерины II были открыты Академия наук, Петербургская учительская семинария, женские светские учебные заведения, гимназия для подготовки в России научных кадров. [4]

История развития отечественной высшей школы и, одной из важных её составляющих, профессиональной культуры преподавателей, неразрывно связана с именем М.В. Ломоносова, по инициативе и концепции которого в 1755 году был создан Московский университет, и который, по мнению ученого, «должен был представлять высочайший образец преподавания основ наук». [3]

С первых лет своего существования Московский университет стал подлинным светочем

знания, крупнейшим центром образования в стране. При нем открыты первая типография и книжная лавка, что положило начало отечественному книгоизданию, образованы первые научные общества испытателей природы, истории и древностей российских, любителей российской словесности, которые способствовали распространению передовых идей.

На протяжении всей своей истории университет был тесно связан с демократическим, освободительным и революционным движением, с формированием русской передовой общественно-политической мысли. Высокий уровень профессорского состава университета способствовал распространению научных знаний по всей стране и созданию таких крупных центров отечественной культуры как Казанская гимназия, в последствие – Казанский университет, Петербургская Академия художеств, Харьковский университет и др. [4]

Под влиянием идей просветителей Западной Европы Д.Дидро, Дж.Локка, Ж.Ж.Руссо, Екатерина II пришла к мысли о том, что обществу нужен человек, который сочетал бы образованность с высоким уровнем профессиональной подготовки, который способствовал бы формированию «новой породы людей». Эти идеи получили отражение в программном документе «Наказ императрицы Екатерины II», в котором были определены важнейшие направления государственной образовательной политики второй половины XVIII – начала XIX вв. [1, с. 88]

Перед системой образования того времени стояли задачи распространения научных знаний, развития гуманистических традиций, распространения идеи светского образования, стремления обосновать необходимость изменения общества путем просвещения народа, что безусловно, требовало от преподавателя университета соответствующих подходов к научно-методическому обеспечению образовательного процесса и уровню профессиональной подготовки.

Социальные изменения, происходящие в российском обществе в конце XVIII века, не могли не отразиться на деятельности Московского университета, в устав которого, с одобрения императрицы, были в 1804 году внесены изменения, касающиеся предоставления вузу значительной автономии. На совет университета стали возлагаться некоторые методические вопросы, связанные с усовершенствованием преподавания наук в университете, что свидетельству-

ет о высокой степени доверия власти к осуществлению образовательной деятельности преподавателей, направленной на подготовку высококвалифицированных кадров для государственного аппарата, интеллектуальной и государственной элиты. Это требовало от преподавателя постоянного личностного совершенствования и профессионального роста.

В первой трети XIX столетия влияние университетов широко распространилось в обществе: на преподавателей возлагалась ответственность выступать цензорами всей издаваемой в стране университетской печатной продукции, и визитаторами, в обязанности которых входило осуществление систематической ревизии всех учебных заведений на территории вверенных им округов.

Следует отметить, что на развитие педагогической мысли в России первой трети XIX повлияли идеи В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.П.Огарева, Н.А.Добролюбова, Н.В.Станкевича и др., которые подчеркивали важность таких профессиональных черт преподавателей как талант, терпение, уважение и любовь к обучающимся. Ученые выделяли психологическую и лекторскую подготовку преподавателей вузов, их высокие нравственные качества, авторитет среди коллег и студентов.

Особое внимание проблемам развития высшей школы уделял К.Д.Ушинский. Рассуждая о сущности и природе процесса обучения, развития познавательной активности студентов, основоположник российской научной педагогики особое место отводил в этом процессе личности преподавателя, уровню его профессиональной культуры.

Известный врач и просветитель Н.И. Пирогов в своей статье «Вопросы жизни», подчеркивая необходимость опоры системы образования на научную базу, принципы гуманизма и демократизма, утверждал, что «об атмосфере, которая царит в университете, можно судить о духе всего общества». Он считал принципиальным вопросом о неразрывном единстве научной и педагогической деятельности преподавателя высшей школы как основы его профессиональной культуры и об особой роли профессорско-преподавательского состава вузов в развитии научного и общественного прогресса. [2, с. 136]

Изменения общественной жизни страны второй половины XIX века, связанные с отменой крепостного права, ростом промышленности, торговли, сельского хозяйства, реформированием

сферы управления, судебной системы и армии, и, как следствие, развитием капиталистических и новых социальных отношений, создали определенные условия для формирования предпосылок III технологического уклада и новых подходов к образовательной политике государства.

В этот период потребовалось совершенствование и расширение университетского образования, заключающееся как во включении в процесс обучения различных групп населения, так и усложнения его содержания. Появление новых форм организации практических, лабораторных и семинарских занятий со студентами, разработка новых курсов, методик проведения занятий потребовали от преподавателей высшей школы значительной перестройки. В этот период система университетского образования в стране претерпевала существенные изменения, связанные с увеличением количества преподавателей, снижением престижа вузовского образования, уходом профессоров, и как следствие, снижением теоретической и методической подготовки преподавателей.

Выдающиеся педагоги Л.Н.Толстой, Д.И.Писарев, П.Д.Юркевич уделяли особое внимание совершенствованию научно-методической подготовки преподавателей высшей школы и повышению их профессиональных качеств. Историк, профессор Московского университета В.О.Ключевский высоко оценивая роль преподавания, рассматривал педагогическую деятельность как процесс, направленный на образование и самообразование личности, как студента, так и преподавателя высшей школы.

Политические изменения, произошедшие в обществе в связи с убийством в 1881 году Александра II, не могли не отразиться на системе университетского образования. Хотя университеты и сохранили за собой право оставаться центрами передового научного знания и духовной жизни России, правительство все же усилило контроль их деятельности и лишило их части автономии.

Усиление надзора со стороны власти, ограничивающее свободу педагогического и научного творчества, формирующее состав ученых и преподавателей в вузе, неблагоприятный морально-психологический климат в самих педагогических коллективах вузов, связанный с угонничеством, подхалимством, подтолкнули многих известных передовых преподавателей, недовольных изменениями, покинуть Россию и преподавать в зарубежных вузах.

В этот период яркими представителями университетов являются выдающиеся русские мыслители конца XIX - начала XX века В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Е.Н. и С.Н. Трубецкие, С.Н. Булгаков и др. Они высоко оценивали педагогическую деятельность преподавателей, отмечали необходимость их постоянного самосовершенствования в научных и методических аспектах. Под влиянием педагогических идей П.Ф. Каптерева, Д.И. Менделеева, Л.И. Петражицкого и др. в университетах страны формируется новое поколение преподавателей, стремящихся в процессе занятий со студентами передавать им свои знания и опыт, вовлекать их в научно-исследовательскую деятельность, тем самым развивая их и свою профессиональную культуру.

Подъем революционного движения в России в начале XX века особым образом сказался на профессиональной деятельности преподавателей: протестные настроения вузовской общественности, аресты революционно настроенных преподавателей и студентов повлекли заметные изменения в научной среде.

Рассматривая профессиональную культуру преподавателей в социально-историческом контексте, можно отметить, что в разные времена в российской высшей школе создавались различные условия для развития профессиональной культуры преподавателей, что объясняло подходы к системе обучения и воспитания студентов, к содержанию, методам, формам научно-педагогической деятельности.

Развитие всей системы высшего образования в дореволюционной России проходило неравномерно и противоречиво: с одной стороны периоды свободного развития вузов и предоставляемая автономия сменялись периодами жесткой регламентации и административного подчинения, с другой - развитие высшей школы происходило в соответствии с объективными общественными процессами.

Литература

1. Наказ Екатерины II // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907. Т. 35. — С. 77
2. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. — М., 1985. — С. 329.
3. <http://window.edu.ru/resource/446/56446/files/aist03.pdf>
4. <http://www.mmforce.net/msu/story/story/1547/>

Обзор современного рекламного рынка: роль медиапланирования

Старикова Ю.А.

В статье исследуются основные, по мнению автора, направления развития современного российского медиарынка. Выделены основные три этапа в истории отечественного современного медиарынка: дефолт 1998 г., отставка президента Б. Ельцина, мировой экономический кризис 2009 г. Автор делает акцент на основном вопросе о сохранении национальных особенностей медиарынка, выработки национальных медиастратегий в эпоху глобализации.

Ключевые слова: медиапланирование, медиаэкономика, мультинациональные компании, медиарынок, медиастратегия.

Review of the modern advertizing market: media planning role

Starikova Yu.A

In article the main are investigated, according to the author, the direction of development of the modern Russian media market. The main three stages in the history of the domestic modern media market are allocated: default of 1998, resignation of the president B. Yeltsin, world economic crisis of 2009. The author places emphasis on the main question of preservation of national features of the media market, elaboration of national media strategy during a globalization era

Keywords: media planning, media economy, multinational companies, media market, media strategy.

Аналитика российского рынка Медиа свидетельствует об изменениях на медиарынке и соответственно в стратегиях медиапланирования с 2004 по 2009 гг. Когда на российском рынке форвардами стали мультинациональные компании, и мировые транснациональные корпорации завоевали и поделили между собой национальный рынок и потребителя, оставив позади отечественные компании, которые пытаются сражаться с «монстрами рынка» своими «проверенными» способами, в России произошли серьезные изменения.

Для медиаэкономики России, - этот процесс неоднозначный. С одной стороны, есть риск, что мультинациональный характер рекламных кампаний стирает границы национальных брендов и разоряет отечественных производителей, и приводит к перестройке медиаэкономики. Российский рекламодатель начинают заимствовать маркетинговые инструменты, медиа-инструменты и медиастратегии у западных торговых конкурентов и все стратегии становятся похожими друг на друга. Такая тенденция может привести к тому, что глобальный кризис медиаэкономики мира не минуем экономикой нашей страны.

Но, с другой стороны, для России борьба за сохранение национальных особенностей имеет положительный эффект – появляется конкуренция, которая даёт толчок к действию и созданию отличных от других рекламных и PR-кампаний. Обновляется рынок, молодые специалисты вынуждены придумывать неординарные решения, в результате чего расцветает деятельность отечественных компаний. На ускорение процесса глобализации и входа в общее информационное пространство влияет повсеместное распространение интернета в России.

«Технологические преобразования самым тесным образом связаны с институциональ-

ми трансформациями. Причем речь идет о трансформации медиа как некой институционально организованной «привилегированной площадки» для получения доступа к информации об окружающем мире и о трансформации рекламы как экономического и культурного (создающего образы и смыслы) института».

Используя эти социологические постулаты для анализа медиа и рекламы, нетрудно выделить основные тенденции этих институциональных преобразования, которые связаны, прежде всего, с превращением адресата информации в активного субъекта коммуникации. Теперь адресат сам выбирает, что ему нужно, а что нет, и не только отсеивает информацию, но и создает её и с помощью Интернета доносить её до практически неограниченного круга людей.

В 2012 году рекламисты будут праздновать 20 лет – российскому рекламному рынку. В связи с этим эксперты рекламного рынка выбрали главные события двадцатилетия. В опросе Интернет-ресурса «Состав.ру» Sostav.ru приняли участие более 100 экспертов. Полученные результаты показали, что именно общеполитические и экономические события заняли три верхних строчки шорт-листа важнейших событий на рекламном рынке.

Первое место занял дефолт 1998 года (94 балла). Важнейшим событием, повлиявшим на развитие рекламной индустрии, экспертный совет назвал экономический кризис 1998 года. Рухнувший под тяжестью огромного внешнего долга, ГКО, низкой ликвидности и прочих негативных факторов колосс на глиняных ногах, которым на тот момент являлась российская экономика, погреб под своими обломками огромное количество финансовых институтов и подорвал доверие иностранных инвесторов. Однако наши эксперты отмечают, что положительная роль кризиса в итоге перевесила негатив: дефолт способствовал оздоровлению российской экономики.

И действительно, девальвация рубля привела к значительному усилению внутреннего производства и экспорта российских товаров, что дало возможность отечественным компаниям развивать собственное производство, создавать сильнейшие бренды и выводить их на рынок. Дефолт стал мощным толчком в развитии отечественной экономики, что помогло встать на ноги и рекламной индустрии.

Второе место: Отставка Бориса Ельцина (31 декабря 1999 года). (89 баллов). С именем первого президента России связано многое, а для людей бизнеса особенно: без выбранного им курса развития не было бы свободного рынка, международной экономической интеграции, не было бы всего того, что сформировало почву для развития многих отраслей российской экономики, в том числе и рекламы.

С другой стороны, именно с появлением Бориса Ельцина связывают развитие политического PR - всем памятна кампания по референдуму 1993 года (знаменитая формула «Да-Да, Нет-Да»), выборы 1996 года («Голосуй или проиграешь!», танцы на сцене с певцом Осиным, игра на ложках), рассвет «грязных» политтехнологий в СМИ в конце 90-х. И даже его уход в отставку под Новый год на стыке двух веков называют блестящей продуманной PR-акцией.

Третье место: Всемирный экономический кризис 2009 года. Третьим по значению эксперты назвали мировой финансовый кризис, поразивший в конце первого десятилетия двадцать первого века практически все экономики мира (и развитие, и не очень). Негативное влияние финансового коллапса и последовавшей за ним рецессии мир ощущает и спустя два года после его начала. Вслед за крахом налаженной кредитной системы последовало катастрофическое повсеместное снижение объемов производства, и, что особенно неприятно для России, снижение цен на энергоносители.

Для российской экономики (и рекламный рынок тут не стал исключением) кризис обернулся жесточайшим падением спроса, финансовым голоданием, массовыми увольнениями сотрудников, для многих компаний - банкротством. Очень многие игроки российского рекламного рынка оказались на грани вымирания, однако и в этом есть позитив, считают наши эксперты - выжили сильнейшие, что позволило рынку оздоровиться.

Все эти процессы, свидетельствующие о процессе глобализации не могли не сказаться на медиа-рынке. Приведу результаты исследования рынка рекламы в России, которые представило в 2008 г. агентство «Дискавери Рисёрч Групп» DISCOVERY Research Group.

Из общих результатов можно понять – тенденцию перестройки на медиарынке (распределение рекламного бюджета по медиа) на мо-

мент 2008 года. Если на заре зарождения рекламного рынка главным медиа для рекламодателей было телевидение, затем в равной пропорции средства распределяли на радио и в прессу, в то время, как на наружную рекламу и интернет – вложения осуществлялись по остаточному принципу. То к 2011 году мы пришли к перестройке рынка: появлению большого разнообразия форматов, рекламных носителей, и к отходу от типичной схемы.

По оценкам «Дискавери Рисёрч Групп» DISCOVERY Research Group, общий объем затрат рекламодателей на продвижение товаров и услуг в 2007 году составил \$13,62 млрд. или 322,8 млрд. рублей. Большая часть расходов рекламодателей по-прежнему приходится на телевидение, но исключительно благодаря национальным особенностям – главенству эфирного ТВ и минимальному присутствию кабельного и спутникового ТВ. На телевизионную рекламу в 2007 году было затрачено \$4,5 млрд. На рекламу в прессе было затрачено \$2,25 млрд. На наружную рекламу пришлось порядка \$1,65 млрд., на радио – \$450 млн. По оценке профильных экспертов, объем рынка рекламы на транспортной инфраструктуре (вокзалы, аэропорты, метро) в 2007 году достиг примерно \$120 млн., из них около \$100 млн. пришлось на московский метрополитен. На рекламу в Интернете в целом в 2007 году было затрачено порядка \$370 млн., из которых \$225 млн., по оценкам агентства «Ай Контекст» I Context, пришлось на контекстную рекламу.

По оценкам «Видео Интернешнл», российский рекламный рынок, последние три года с 2004 по 2007 гг. демонстрировавший в среднем 25-процентный ежегодный прирост, к 2009 году замедлит свое развитие вырос – всего на 20%.

Но кризис не сильно сказался в целом на медиа-экономике, хотя прогнозы в 2008 году были самыми пессимистическими. С 2004 года по 2009 гг. рекламный рынок демонстрирует снижение доли общих затрат на наружную рекламу и рекламу на радио, при этом незначительно увеличились доли расходов в прессе, но значительно увеличилась доля затрат в Интернете. Телевидение продолжает лидировать, занимая порядка половины объемов рынка рекламы, но прогнозы для ТВ – неутешительные.

Исследования рынка рекламы в России свидетельствуют о том, что ротации на рынке про-

исходят слабо. Рынок становится более монополизированным. Прогнозы, которые составляли аналитики на счет изменений и динамики рынка, сбываются. В области прикладных коммуникаций, таких, как, например, паблик рилейшнз, реклама, специалист по медиа-планированию пытается внести изменение при построении модели коммуникации, чтобы перевести своего адресата на новый/иной тип поведения в эпоху глобализации. Больше внимание уделяют такому средству связи, как Интернет и мультимедийные инструменты.

1. Основные определения и классификация

В первую очередь необходимо разобраться в том, что есть медиапланирование.

Первое понятие, которое следует расшифровать – понятие «медиа». Почему мы применяем понятие «медиа», а не общепринятое – «средства массовой коммуникации/информации»? Традиционные понятия, которые скрываются за аббревиатурами СМИ или СМК, на наш взгляд, не отражают в полной мере те изменения, которые происходят сегодня в коммуникационных технологиях и несут в себе смысловые элементы прошлой эпохи. Кажется, что «медиа» и производные от этого понятия образования – а их огромное множество – не столь идеологически «нагружены», и позволяют более точно «препарировать» реальность. «Медиа» в самом общем смысле являет собой нечто, изменяющее коммуникацию. В таком понимании «медиа» – это все то, что помогает индивидам доносить свои мысли и чувства до других людей, если это не происходит путем непосредственного общения.

Развитие современных коммуникационных технологий позволяет утверждать, что медиа «расширяют исторические возможности коммуникации человека, меняя форму взаимоотношений во всех социальных институтах (государстве, семье, образовании и т.д.), включая рекламу».

Отношения между медиа и рекламой носят взаимозависимый характер. Рекламные сообщения являются элементом информационного и эмоционального содержания современных медиа, а бюджеты, которые тратят рекламодатели на медиа, составляют основную часть их доходов. То есть рекламная составляющая играет роль одного из факторов преобразования современных медиа. Вместе с тем, реклама настолько инкорпорируется в медиа, зависима от

медиа, что разговор о медиатизации как факторе трансформации рекламы можно вести в ключе преобразования самих медиа под влиянием процесса глобализации.

Выделим четыре уровня функционирования современных медиа в качестве:

- 1) технологии,
- 2) социального института,
- 3) способа организации содержания сообщения,
- 4) пространства для реализации адресата.

Границы между этими уровнями носят весьма условный характер. И все эти уровни сводятся к социальным последствиям технологической революции конца XX начала XXI века.

Следующее понятие - важное для нас.

Медиапланирование - это процесс управления, создания и поддержания стратегического соответствия между целями фирмы, ее потенциальными возможностями в своем сегменте, PR-бюджетом и возможностями СМИ и других носителей (т.е. медиа). Планирование опирается на программное заявление о миссии PR-кампании, изложение целей и задач, с учетом хозяйственного портфеля и стратегию роста фирмы, предприятия.

Медиапланирование глобально включает в себя два основных этапа:

- 1) Проведение аналитики рынка,
- 2) Стратегическое и тактическое медиапланирование.

Структура, при которой работает весь цикл модели массовой коммуникации при стратегическом медиапланировании:

- Разработка креативной стратегии;
- Построение маркетинговой стратегии анализа и оценки эффективности кампании (необходимость при постановке определенной задачи);
- Проведение социологического анализа - выбор целевой аудитории;
- Аналитика рынка СМИ и других медианосителей (иначе медиарынка);
- Создание стратегия медиа-планирования;
- Выбор баинговой стратегии;
- Проведение посткампейн-анализа или работа над ошибками.

Стратегия медиапланирования начинается после подробной аналитики, которая включает:

- Определение приоритетных категорий СМИ;

- Определение оптимальных значений показателей эффективности (TRP, Coverage, Frequency, бюджет рекламной кампании и т.д.);

- Определение периода для планирования и обозначение основных этапов рекламной кампании во времени;

- Распределение бюджета по медиа.

Итак, если выразиться упрощенно медиапланирование - это выбор оптимальных каналов размещения рекламы, проводимый с целью достижения максимальной эффективности рекламной кампании. Грамотное медиапланирование позволит приступить к точному тактическому этапу планирования и распределения рекламного бюджета.

Успех любой рекламной компании состоит в четком расчете и точно поставленных целях, а также удачной модели, выбранной на основе прогнозных данных, соответствующих поставленным целям. Но в медиапланировании, как инструменте построения рекламной и PR-кампаний, необходимо помнить, что любая рекламная и PR-кампания ставит основную цель - доставить информацию до адресата, и не гарантирует на 100% получение финансовой прибыли, или тем более сверхприбыли, хотя и то и другое возможно.

2. Аналитика рынка

В настоящее время существует несколько организаций предоставляющих данные специальных исследований и специальное программное обеспечение для расчета основных показателей медиаплана. Эти структуры отслеживают рекламные трансляции и публикации в СМИ и медиа, фиксируют их и обрабатывают с помощью довольно сложных компьютерных программ, используя современные статистические методы. Реклама в этих исследованиях дифференцируется по группам товаров, брендам, рекламодателям, программам, времени показа, длительности кампаний и т.д.

В результате этих масштабных исследований определяются все показатели, необходимые для оптимального планирования рекламной кампании. Рекламные компании подписываются на пакет, куда входит программное обеспечение и постоянно обновляемые данные исследований, позволяющий решать практически любую задачу по составлению медиа-плана.

Таким образом, сегодня составители рекламных кампаний получают весьма авторитет-

ные источники информации, позволяющие не умозрительно, а достаточно точно и обоснованно планировать рекламные кампании.

Практика показывает, что качественное медиапланирование позволяет сэкономить в среднем 30% рекламного бюджета (или соответственно увеличить показатели эффективности рекламной кампании - степень известности марки и лояльности ей, и, в конечном счете, - рост объема продаж).

Основные недостатки планирования на основе прогнозных данных: высокая вероятность ошибки при измерении узкой целевой аудитории; вопрос соответствия выборки социологических компаний, предоставляющих данные специальных исследований и специальное программное обеспечение для расчета основных показателей медиа-плана, в принципе соответствует социально-демографическим характеристикам населения в целом. Отсутствие индивидуального подхода недостаточность исследовательской базы.

3. Схема работы

Медиапланирование подразумевает определенную схему, и не возможно без определенного ряда выполненных условий:

I. Определение проблемы.

II. Определение целей, анализ и постановка задач планирования.

III. Цена вопроса.

IV. Возможности коммуникации.

V. Оценка результатов.

Взгляд на предмет может меняться в зависимости от того, что тот или иной специалист ставит во главу угла. То есть, что есть ценность. Для коммуникации, ядром процесса является информация. От этого построения зависит схема построения. Для некоторых специалистов такой ценностью может служить цифры дохода, которую мы получаем от любой проведенной медиа-кампании. Но, как правило, такой подход возможен и не всегда гарантирует успех. Но специалисты, аналитики-практики, каждый год выдумывают новые подходы, в условиях нестабильной рыночной экономики, и стремятся изобрести инструмент, который бы обеспечил прогнозирование на все 100%.

И в результате, применения только второго подхода, медиапланирование рискует стать всего лишь частью экономической модели, подбываясь к бизнес-планированию. И тогда может

стать прагматичным инструментом, в коммуникационной PR- и/или рекламной стратегии.

Для формирования этой области знания необходимо учитывать ее эклектичность и свойство объединять сразу несколько дисциплин: маркетинг (тенденции на рынке товаров и услуг), менеджмент, особенности национального медиарынка, качество СМИ, государственную политику, изменения в законодательстве.

4. Каковы цели медиа-планирования

- Создание имиджа бренда, торговой марки;

- Изменение имиджа, если компания вышла на новый сегмент рынка;

- Адаптация, в случае, если иностранный торговая марка приходит на отечественный рынок;

- Сообщение неизвестной информации о компании и получение поддержки для дальнейшего развития отношений с аудиторией;

- Увеличить знания марки, если бренд стремится завоевать большую долю рынка в своем сегменте;

- Сообщить аудитории о выходе на рынок нового продукта уже известной марки;

- Восстановить доверие общественности после неэффективной кампании;

- Перепозиционировать товар, продукт, услугу на другую аудиторию;

- Увеличить продажи и другие.

Но без первичной аналитики, поставить задачи практически невозможно. И вслед за этим следует этап анализа, которые нередко корректирует цели компании и обозначает слабые сильные стороны уже озвученных задач.

Первичный анализ складывается из разных видов исследовательских подходов, наиболее удобный и менее трудозатратный на первом этапе:

- ситуационный анализ;

- количественные исследования;

- контент-анализ;

- качественные исследования.

Если подводить промежуточные итоги, то можно смело говорить о том, что базовые принципы медиапланирования мало, чем отличаются от принципов планирования с любой другой приставкой. Все то же определение целей и задач, средств по их эффективному достижению и система показателей оценки. Но приставка «медиа», конечно же, привносит в процесс пла-

нирования свою специфику. Медиапланирование является составной частью планирования маркетинговых коммуникаций компании и определяется ими.

Каким образом это происходит? Есть определенная маркетинговая задача - увеличение продаж, выражаемое в изменении доли рынка, объемов продаваемой продукции или абсолютных значений оборота.

Рекламные задачи могут определяться количественно: через анализ соответствия динамики продаж и динамики осведомленности о марке по всем маркам товарной категории. Для этого используются данные собственных исследований, но чаще - стандартных потребительских исследований, таких как «М Индекс (TNS Гэллуп Медиа)» M'Index (TNS Gallup Media) или «Р-ТДжиАй (Комкон)» R-TGI (COMCON).

После определения рекламных задач начинается зона ответственности стратегического медиапланирования. Его задача - ответить на вопрос о наиболее эффективном способе использования средств массовой коммуникации по увеличению информированности адресата. Для этого все доступные средства коммуникации оцениваются на соответствие целям и задачам рекламной кампании, ее целевой аудитории, а также рыночной и конкурентной ситуации, в которой предстоит продвижение марки.

Из средств коммуникации, прошедших эту оценку, формируется так называемый медиамикс, то есть комбинация средств коммуникации, которые будут использоваться для донесения рекламного сообщения до аудитории потребителей. При создании медиамикса используется несколько подходов. Например, можно подобрать комбинацию медиа-носителей, которая исходит из модели медиа-потребления целевой аудитории в течение суток, и позволяет воздействовать на нее в течение всего дня. То есть утром сообщения будут выходить в тех медиа, к которым потребитель обычно обращается по утрам (радио, ТВ), днем - в тех средствах коммуникации, которые используются потребителем днем (радио, интернет) и т.п.

Второй подход предполагает, что элементы микса должны взаимно компенсировать недостатки друг друга. Например, телевидение, как средство коммуникации, обладает массой достоинств: высокий потенциал технического охвата аудитории, высокая скорость накопле-

ния аудитории, низкая относительная стоимость контакта с аудиторией и многими другими. Но наряду с этими очевидными достоинствами у телевидения есть такие недостатки, как, например, высокая абсолютная стоимость размещения и низкая способность эффективно охватывать узкие целевые аудитории. Первый недостаток может быть компенсирован, например, использованием радио, а второй - прессы.

Основное преимущество использования медиамикса - он позволяет увеличить отдачу на единицу рекламных вложений. По некоторым оценкам при одном и том же бюджете размещения эффективность рекламного воздействия двух средств коммуникации превышает эффективность использования одного средства коммуникации примерно на 25%. Соответствующая эффективность трех средств коммуникации по сравнению с одним увеличивается примерно на треть.

На выработку схемы может влиять бюджет, этап вывода марки, особенности коммуникации, сезонность товара и прочие моменты.

В своей книге «Реклама и продвижение товаров» Росситер и Перси выделяют восемь «чистых» схем распределения рекламного давления. К сожалению, формат статьи не позволяет рассмотреть применение этих схем подробно. Более того, в реальной жизни они встречаются в различных комбинациях, что дополнительно усложняет задачу их подробного рассмотрения.

Медиапланирование на основе охвата подчинено:

- различным задачам (вывод марки, перезапуск марки, поддержка марки);
- имеет особенности при применении к разным сегментам рынка (сезонные товары, товары длительного пользования, товары повседневного спроса, товары краткосрочного спроса, товары с циклом принятия решения о покупке более одного месяца и менее одного месяца и т.п.);
- различным особенностям коммуникации;
- различным условиям потребительского рынка.

После определения используемых медиа и их комбинации в рамках стратегического медиапланирования, определяются медиазадачи для тактического планирования, куда входит оптимизация бюджета. На этапе тактического медиапланирования, выбираются конкретные носи-

тели и подготавливается медиаплан, понимаемый как график выходов в конкретном медиа-носителе.

В этом смысле медиаплан представляет собой таблицу, где в строках указаны используемые носители, в столбцах даты, а на пересечении строк и столбцов указаны форматы сообщений. В последних столбцах указываются средние стоимости размещения, скидки, суммарные значения по количеству и объему выходов, суммы к оплате.

5. Социологические данные для медиапланирования

Медиапланирование оперирует большим количеством информации. Все процедуры медиапланирования стандартизированы и опираются на данные, собираемые определенным образом и содержащие определенный набор показателей. Выделим проекты исследовательских компаний «ТНС Гэллуп Медиа» TNS Gallup Media и «Комкон» COMCON, а также «Эспар-аналитик» Espar-analytic (предоставляет мониторинг наружной рекламы на основе использования геоинформационных технологий).

«ТНС Гэллуп Медиа» TNS Gallup Media предлагает данные измерений аудиторий телевидения (исследование «ТВ Индекс» TV'Index), радио (исследование «Радио Индекс» Radio Index) и прессы («Национал Ридершип Сёрвей» National Readership Survey), Интернета («Веб Индекс» Web Index), словом, весь медиа-мониторинг, и

другие мультимедийные проекты. Компания «КОМКОН» COMCON предлагает данные по анализу по медиа: ТВ, Радио и Прессы, получаемые в рамках потребительской панели «Р-ТДжиАй» R-TGI.

При планировании, эффективно комбинировать данные всех возможных исследовательских компаний. Это позволяет получить более-менее объективную картину по России и отдельным макрорегионам и ряду крупнейших городов. Используя результаты этих исследований, можно получить стандартный набор показателей, с помощью которых выбираются носители и оптимизируется размещение в них.

Литература

1. Коломиец В.П. Медиатизация рекламы. // Российский рекламный ежегодник-2009 - М., 2010 С.12
2. Интернет-ресурс о маркетинге, рекламе и PR «Состав.ру» : <http://www.sostav.ru>
3. Агентство DISCOVERY RESEARCH GROUP было создано в сентябре 2005 г. по инициативе нескольких групп специалистов, работавших на протяжении долгого времени в известных исследовательских и консалтинговых компаниях России, а также агентствах в области бизнес-PR. Агентство DISCOVERY Research Group// <http://www.drgroup.ru/ob-agentstve.html>
4. Коломиец В.П. Медиатизация рекламы. / Российский рекламный ежегодник-2009, - М., 2010 С.8

Симбиоз славяно–тюркских народов, как основа реализации Евразийского проекта

Сыздыкова Ж.С.

В статье рассматриваются процессы взаимодействия славянского и тюркского этносов на Евразийском континенте. Утверждается, что именно симбиоз славянских и тюркских народов является основой реализации современной евразийской идеи.

Ключевые слова: Евразийский проект, евразийство, Россия, Казахстан, Центральная Азия, концепция, симбиоз, этнос, славяне, тюрки.

Symbiosis Slavo-Turkic peoples, as a basis for the implementation of the Eurasian project
Syzdykova Zh.S.

The article discusses the proximity of the Slavic and Turkic ethnic groups in the Eurasian continent. It is argued that it is a symbiosis of Slavic and Turkic peoples is the basis for the implementation of modern Eurasian idea.

Keywords: Eurasian project, Eurasian, Russia, Kazakhstan, Central Asia the concept of symbiosis, ethnicity, Slavs, Turks.

Изучая Россию, прежде всего, необходимо обратить на нее внимание, как геополитическую величину: не только во времени, но и в пространстве. Именно в указании на необходимость и важность учета геополитических условий России как исторически сложившейся евразийской державы состояла особенность евразийской идеологии. Это позволило евразийцам создать свою историософскую концепцию, стремящуюся отразить и сложность, и своеобразие русской национально-государственной проблемы. Широко представленная в трудах Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого и развитая позже Г. В. Вернадским, эта концепция, несомненно, открывала большие возможности для научного осмысления национального культурно-исторического процесса.

В основе этой концепции лежала получившая ныне признание в современной западной философии и социологии культуры теория множественности и разнокачественности человеческих культур. В ряду ее создателей были русский естествоиспытатель и философ Н. Я. Данилевский, немецкий философ и историк Освальд Шпенглер, крупнейший представитель философии культуры Арнольд Тойнби, П. А. Сорокин и др. Всех их объединяло критическое отношение к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса, убеждение в многообразии форм социальной организации человечества.

Мысль о безусловной множественности, уникальности жизненного пути цивилизаций с самого начала была одной из основных и в раннем евразийстве. Вслед за Данилевским и Шпенглером, которых евразийские идеологи справедливо считали своими духовными предшественниками и учителями, они настойчиво воз-

ражали против сведения богатства явлений человеческой истории к господству одного культурно-исторического типа, подчеркивали опасность денационализации культуры.

Европоцентристский подход в изучении исторического процесса в России объясняет недостаточное внимание к изучению восточных компонентов государственного строительства. А. Тойнби отмечал, что российский цивилизационный тип оформился в ответ на давление кочевнической степи [1].

Славяне участвовали не только в походах тюркоязычных болгар и варяжской Руси: согласно византийским источникам, с момента появления славян на дунайской границе империи в VI в. они действовали совместно с кочевниками.

Славяне и степные номады, по преимуществу тюрки, были «обречены» на соседство и взаимодействие самим ходом истории. Их появление во всемирной истории, точнее – вторжение в нее, было практически одновременным, произошло в эпоху Великого переселения народов, в V-VI вв. н.э. Начиная с XIII в. Русское государство демонстрирует специфику своего цивилизационного статуса. Своеобразие общественного развития выразилось в усилении противоречий между обществом и природой. Если на Востоке климатические условия способствовали экстенсивному развитию хозяйства, то на Руси было все иначе. Однако положение компенсировалось большой территориальной протяженностью и непрерывным расширением среды обитания. Специфика Руси проявляется и в характере иерархической системы феодальной зависимости. Происходит унификация всех отношений: исчезли все промежуточные звенья, которые дробили и ограничивали prerogatives верховной власти. Исчез и территориальный партикуляризм, то есть стремление отдельных частей государства к возможно большей независимости от центра [2].

Общим для кочевников и славян воплощением мировой цивилизации и объектом воцеления была Римская империя и ее наследница Византия: прорвав границы империи, те и другие попали на страницы средневековых хроник. Не только богатства, накопленные в империи (в «евразийской» перспективе – также в Китае, Иране и Халифате), но и блага цивилизации – римской (христианской), иранской, арабо-мусульманской, – были даны славянам и тюркам

как бы в готовом виде. Это обусловило сложение общих черт в системе культурных ценностей и даже, как писал в 1925 г. Н.С. Трубецкой, в «подсознательной философской системе» (что ныне принято называть словом «ментальность»).

Евразийцы уделили большое внимание переосмыслению роли Востока, [2] а также специфику взаимоотношений русского государства с представителями восточного типа цивилизаций.

Если ориентализм ранних евразийцев фокусировался на тюрко-монгольском мире, на номадизме как олицетворении движения и обновления, то современным российским евразийцам больше импонирует современный мир тюркских и монгольских народов, как российских, так и центральноазиатских.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялись не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий сохранения гражданского мира и политической стабильности на Евразийском континенте. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию.

Основываясь на исторических фактах можно сделать несколько предположений о национальном, языковом характере этих модулей, базовых элементов Евразийского Союза. Потенциальной движущей силой евразийского объединения являются интеграционистски ориентированные элиты славянских и тюркских стран СНГ. В первую очередь – России и Казахстана.

Россия исторически сопряжена с тюркскими народами в трёх геополитических измерениях: а) тюркские народы составляют вторую по численности группу населения Российской Федерации и являются «титულными нациями» многих субъектов Федерации; б) пять бывших республик СССР (до того - владений Российской империи) с тюркским населением - Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан - ныне являются членами СНГ, «ближайшим зарубежьем» Российской Федерации; в) - Россия соседствует с Турцией (бывшей Османской империей). Это соседство, в течение многих столетий носившее характер военно-поли-

тического соперничества, сначала на территориях Приазовья, Украины и Молдавии, а затем на Кавказе, в Придунавье и на Балканах, имеет самые многообразные последствия и отголоски не только в исторической памяти и политической реальности, но и в современной жизни обеих стран.

Итак, на этнографической карте Евразии четко прослеживается соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов прежде всего славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства современной России и ее политику в отношении крупнейших тюркских государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

Евразийцы критиковали предшествующую историографическую традицию, они указывали, что по удельному весу монгольское влияние на Руси было более значимым, чем византийское. Настаивали на том, что нельзя считать это влияние сплошь деструктивным: благодаря ему у нас появилось фискальная система и ямская служба, перепись населения и южнорусское хлебопашество, валенки и пельмени и даже ... колокола и кофе [3]. К монголам восходят особенности русского костюма и русского военного искусства, но главное то, что именно благодаря монголам прекратились княжеские междоусобицы и были созданы предпосылки для формирования централизованного государства. Русь усвоила «технику монгольской государственности» (термин Н.С. Трубецкого). С точки зрения евразийской теории, золотым веком русской истории было Московское царство. Однако евразийцы в отличие от славянофилов видели в этом периоде не столько максимальное проявление славянского духа, сколько идеальный русско-татарский симбиоз: по словам Н.С. Трубецкого, произошло «перенесение ханской ставки в Москву». Именно за умаление «туранских» начал русской жизни осуждали евразийцы Петра Великого с его реформами.

Итак, концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравствен-

ности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) на развитие русского национального менталитета и государственности, и, вместе с тем, указывали – «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а – русские»[4].

Политическое и культурное развитие евразийских народов, в первую очередь славянских и тюркских, сроднившихся в течение веков совместного проживания, при всех противоречиях в их непростых взаимоотношениях, обеспечивало им существование в рамках единого евразийского государства. Поэтому «национальным субстратом «Российского государства» может быть только вся совокупность народов, населяющих государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация»[5].

Новое евразийство предполагает существование между «Западом» и «Востоком» третьего континента – Евразийского. Имеется в виду органичное единство культур, рожденных в этой зоне встречи и синтеза русского и тюрко-мусульманского миров, олицетворением которых в Евразии, в первую очередь, является Россия, а также Казахстан и в определенной степени другие тюркские страны Центрально-Азиатского региона.

Среди наиболее ярких представителей евразийства в Советском Союзе можно выделить прежде всего Л.Н. Гумилева [6] (1912?1992 гг.). Идеи евразийства, практически забытые ко второй половине XX в., были во многом воскрешены историком и географом Л.Н. Гумилевым и получили широкое распространение к началу XXI в. [7].

Большой вклад в становление и развитие идеи евразийства внес выдающийся поэт, пуб-

лицист и общественный деятель Олжас Сулейменов. В середине 1970-х годов вышла в свет его книга «Аз и Я»[8]. В ней автор поднял ряд «евразийских» вопросов, связанных со значимостью тюркского влияния на русскую культуру, историю, язык. Одной из центральных тем, которая была поднята в поэзии О. Сулейменова, является общность тюрко-славянского этно-исторического пространства, единство культурно-эстетических систем Степи и Руси и в целом огромного субконтинента Евразии. В академической среде «Аз и Я» вызвала огромный резонанс, появились отрицательные отзывы и обвинения в инакомыслии[9]. Книга была запрещена и изъята по указанию цензурного ведомства из библиотек и продажи не только в Казахстане, но и по всему Союзу. И только в августе 1989 г. имя и все творчество О. Сулейменова были реабилитированы. Важно отметить, что его взгляды оказали определенное влияние на формирование евразийского мировоззрения Н.А. Назарбаева, который отмечает: «Не скрою, во многом, именно творчество О. Сулейменова подвигло меня на изучение и развитие идей евразийства...»[10].

В тексте «Слова о полку Игореве» Олжас Сулейменов выделяет два рода или два способа использования тюркских слов: прямые тюркизмы, русское словообразование от тюркизма или скрытые тюркизмы. По его мнению, целый ряд обозначений наиболее общих понятий военного дела получен от древнетюркских языков. Такие как — «воин», «боярин», «полк», «труд», (в значении «война»), «охота», «облава», «чугун», «железо», «булат», «алебарда», «топор», «молот», «сулица», «рать», «хоругвь», «сабля», «кметь», «колчан», «тьма» (10 тысячное войско), «ура», «айда»[11].

Для новых российских евразийцев существуют, прежде всего, две великие религии, два универсализма, способные объединить Евразию и дать ей идеологическое обоснование — русский православный и тюрко-мусульманский. Именно так: будущая идеология евразийского государства не может ограничиваться православием, она должна соединить православие и ислам. Тюрко-мусульманская версия евразийства фокусируется на тюркских мусульманских народах. По мнению выразителей этого течения (в основном представляющих гуманитарную интеллигенцию тюркских народов РФ), Россия

может быть евразийской державой лишь при условии признания и должной оценки тюркского мусульманского мира в себе самой.

Тюрко-мусульманское евразийство вполне лояльно по отношению к целостности России как государства и не выступает как сепаратизм. В его трактовке тюркские народы евразийского пространства получают достойное место в прошлом и будущем России, поскольку в Российской империи и СССР в Азии проявилась русско-тюркская природа России. Евразийцы призывают российские тюркские мусульманские народы осознавать свою идентичность, но в рамках союза с Россией.

Таким образом, Евразию можно представить, как продукт непрерывного диалога между славянскими и тюркскими народами. А значит между православием и исламом. При этом, по мнению современных российских евразийцев, религия должна быть секуляризована и служить залогом истинности идеологии евразийского государства.

Евразийцы высоко оценивают роль ислама, видя в нем гарант социальной стабильности. В международном плане, по их мнению, Россия должна сблизиться с мусульманскими странами, в частности с Турцией, наследницей евразийской Османской империи.

Евразийство демонстрирует потребность в обобщающих и объясняющих идеях, в легитимации империй в свое время обьивших два континента, к числу прямых наследников которых принадлежит современная Россия. Данная концепция евразийства созидательна и основывается на культурном и экономическом сотрудничестве, без противопоставления народов и религий, без разделения их на «свои» и «чужие». Она призвана обеспечивать каждому субъекту системы евразийского взаимодействия мирное независимое развитие, рост благосостояния и, в конечном итоге, приобщение к вершинам мировой цивилизации. Относительно России и стран тюркского мира, русского и тюркского этносов, их сближение в экономике, политике, культуре, духовной жизни и даже интеграция вытекают из общей истории этих стран и народов.

Таким образом, евразийство показывает, в какой степени тема Востока была и остается

основополагающей для российского сознания XIX–XXI вв. Современное евразийство возвращается к истокам — к исканиям ранних евразийцев. Вероятно, ему предстоит новое толкование и распространение среди тюркских и монгольских элит России и стран Центральной Азии, возможно Турции, а обращение к евразийству и собственная его интерпретация лидером Казахстана Н.А. Назарбаевым, наглядное подтверждение сказанному [12].

Н.А. Назарбаев в проекте «О формировании Евразийского союза государств» (1994 г.) по существу инициировал новый этап в развитии евразийства как интеллектуальной концепции, как политического мировоззрения и интеграционной практики [13].

Создание Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕАЭП) стали важнейшими этапами интеграционного проекта, которые привели к созданию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), начиная с 1 января 2015 г.

Создание Евразийского союза, эффективная интеграция, пишет В.В. Путин, «это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI-го века», «войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [14].

Проект ЕАЭС стал значимой вехой для всего постсоветского пространства. Но в то же время данный проект не попытка реставрации Советского Союза, а новая интеграция, которая строится на новой ценностной, политической и экономической основе, соответствующее велеению времени.

Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость глобального развития.

Возможны разработки и запуск программ в сфере энергетики, транспорта, высоких технологий, социального развития. Имеются большие перспективы у гуманитарного сотрудничества в науке, культуре, образовании, у взаимо-

действия в сфере регулирования рынков труда, создания цивилизованной среды для трудовой миграции.

В сложившихся условиях необходимо использовать весь накопленный опыт взаимодействия различных народов и этносов на евразийском пространстве. В частности, и то, что досталось и от СССР — это и инфраструктура, и сложившаяся производственная специализация, и общее языковое, научно-культурное пространство. Совместно использовать этот ресурс для развития — в наших общих интересах.

ЕАЭС является открытым проектом и об этом свидетельствуют вступления в союз Армении и Киргизии, что отвечает долгосрочным государствам этих государств.

Таким образом, ЕАЭС — это интеграционный проект вводящий сотрудничество государств, входящих в него на новый качественный уровень и открывающий новые перспективы для экономического развития, что позволит достойно вписаться в глобальную мировую экономику.

По словам В.В. Путина: «... создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [14].

Россия как ядро Евразии должна осознавать главный стержень своей истории, а именно тюрко-славянский симбиоз. Причем под «осознанием», надо понимать не только политическую составляющую, но и научный аспект. Олжас Сулейменов предложил создать дисциплину тюркославистика для более глубокого изучения славянских и тюркских языков. «Тюркские и славянские словари и грамматика, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга — пишет он — должна появиться новая дисциплина тюркославистика, которая может устранить противоречия раздельного изучения. И главным ее итогом может стать усовершенствование общего языкознания на достижения которого, как на фундамент опираются общественные науки» [15].

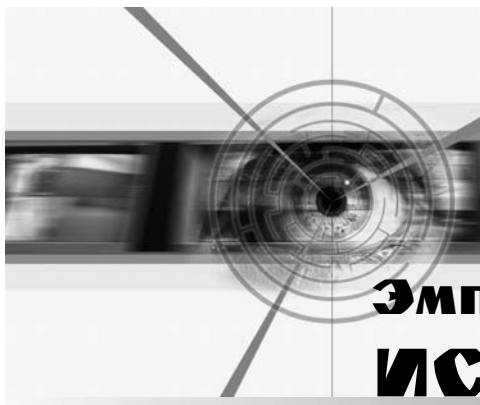
Таким образом, будущее Евразийского проекта в долгосрочной перспективе будет зависеть не только от тех концепций и доктрин, на

базе которых возник проект, но и то того насколько тесно складывается взаимоотношения государства Центральной Евразии, то есть России и Казахстана, России и всех стран Центральной Азии в целом. Вклад научного сообщества может оказаться весьма и весьма полезным.

Литература

1. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С.140
2. Восток понимается, не как единое, а совокупность государств, объединенных общими цивилизационными признаками.
3. Сыздыкова Ж.С. К вопросу о роли Востока в политической истории Руси. // Дешти-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. - М. 2003 С.26.
4. Евразийство. Опыт систематического изложения... http://www.nnre/istorija/continent_evrazija/p3.php/C.374.
5. Трубецкой Н.С. Общероссийский национализм. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, с.95; Савицкий П.Н. Миграция культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921, с.4-7; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927, ч.1, с.8. И.Р. (Трубецкой Н.С.). Наследие Чингиз-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока). Вестник Московского университета, серия 9 - филология, №4, 1991, с.35.
6. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989; Он же. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990; Он же. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; Он же. «Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи». М., 1994.
7. Мы родом из леса и степи, из великой Империи Чингизидов. Новые исследования Тувы, № 4, 2011/
8. Из истории евразийской геополитической модели // Мат. науч. конф. межд. Бекмахановских чтений «Отечественная и Всемирная история в XXI веке: единство и своеобразие научных парадигм». – Алматы, 2007. – С.78-81.
9. Некоторые аспекты евразийской исторической концепции // Докл. Национальной Академии Наук Республики Казахстан. – Алматы, 2007, №5. – С. 119-125.
10. К некоторым вопросам проблематики трудов евразийцев // Мат. межд. науч.-практ. конф. «М.Ауезов – гений нового времени». – Шымкент: ЮКГУ, 2007. – с.55-57.
11. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, Жалын., 1989. с.510
12. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994-1997. М., 1997.
13. Н.А. Назарбаев в проекте «О формировании Евразийского союза государств» (1994 г.)
14. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии-будущее, которое рождается сегодня. // Известия 3 октября 2011 г.
15. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркского языка и письменностей. Алматы. Атамұра. 2002. С.319.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Менеджмент и здоровье педагогов ДОО: существует ли взаимосвязь?

Воденицкая Ж.В., Гычев А.В., Грицкевич Н.К.

В статье рассматривается менеджмент в системе управления дошкольной образовательной организацией и здоровье педагогов детского сада, определяющие их взаимосвязи. Дается характеристика основным социально-психологическим характеристикам коллектива ДОО.

Ключевые слова: руководство детского сада, здоровье педагогов ДОО, факторы проявления синдрома «эмоционального выгорания», социально-психологическая самооценка коллектива.

Management and health of teachers of DОО: whether there is an interrelation?

Vodenskaya Z.V., Gichev A.V., Grickevich N.K.

The article discusses Management in preschool educational organizations and health educators kindergarten, defining their relationship. The characteristic of the main socio-psychological characteristics of the collective OED. The results of the survey to identify stress in kindergarten teachers; empirical research on the socio-psychological self-assessment team (SPSK) and the level of burnout in teachers OED. The results of the study can not only identify the relationship management of preschool teachers and health, but also to provide them with timely psychological support aimed at smoothing the violations. Key words: manual of the kindergarten, health educators of the kindergarten, factors manifestations of the syndrome of emotional burnout, a socio-psychological self-assessment team.

Согласно А.К. Марковой, профессионально компетентен «такой труд педагога, в котором на достаточно высоком уровне осуществляется педагогическая деятельность, педагогическое общение, реализуется личность педагога, в котором достигаются хорошие результаты в обучаемости и воспитанности детей» [1].

Современная система образования предъявляет значительные требования ко всем аспектам деятельности педагога: педагогическим знаниям, умениям и навыкам, способам педагогической деятельности и, конечно же, к здоровью педагога. Повышаются требования со стороны общества к личности педагога, его роли в воспитательном процессе. От воспитателя детского сада требуется, во-первых, владение педагогической техникой (речью, выразительными средствами общения, педагогическим тактом); во-вторых, владение проектировочными умениями, творческим отношением к работе т.д. [2].

Психология коллектива очень сильно влияет на поведение людей в группе. От того как члены коллектива проявляют себя в труде, общении и познании, складывается характер межличностных отношений в коллективе, формируются групповые интересы, нормы поведения, создается общественное мнение о коллективе (дружный, инициативный, сплоченный и т.п.). Основными социально-психологическими характеристиками коллектива можно считать его информированность, дисциплинированность, активность, организованность и сплоченность [3].

Отсутствие единых требований со стороны администрации, сложные взаимоотношения между коллегами, внешнее сдерживание эмоций при-

водит к повышению эмоционального напряжения, что негативно сказывается на здоровье. Следы нервных стрессовых переживаний педагога проявляются в негативном отношении к работе, постоянной усталости, рассеянности, снижении результатов труда, неудовлетворенностью профессиональной деятельностью, что ведет к увеличению нервно-психического напряжения личности. В результате возникают невротические расстройства, психосоматические заболевания. Все эти факторы могут привести к синдрому «эмоционального выгорания». Эмоциональное выгорание характеризуется нарастающей степенью выраженности его проявлений [4].

Данный синдром возникает под влиянием множества внешних и внутренних стресс-факторов на профессиональное общение и проявляется как «приглушение» эмоций, исчезновение остроты чувств и переживаний. В результате - увеличение числа конфликтов с партнерами по общению, утрата веры в собственные силы и др. [5]

Изучению проблематике здоровьесбережения педагогов уделяется пристальное внимание. Профессиональная психологическая помощь воспитателям по поддержанию и улучшению их эмоционального и физического самочувствия занимает важное место в укреплении психического здоровья педагогов, способствует профилактике синдрома «Профессионального выгорания» и укреплению психофизического здоровья и душевному исцелению, приемам и способам саморегуляции. Данный факт обуславливает актуальность нашего исследования.

Исследование проводилось с целью изучения взаимосвязи менеджмента ДОУ и здоровья педагогов ДОУ. Объект исследования: психоэмоциональное здоровье педагогов детского сада. Предмет исследования: менеджмент ДОУ как фактор, влияющий на здоровье педагогов ДОУ.

Исследование проводилось на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 56 «Теремок» пгт. Краснобродский Кемеровской области. Педагогический коллектив женский, возраст от 28 лет до 54 лет. Почти 60% педагогов имеют стаж свыше 20 лет. Выборка составила - 33 педагога.

Для достижения цели, нами была составлена анкета на выявление напряжения, состоящая из четырех блоков:

1 блок - взаимоотношения педагогов с администрацией,

2 блок - взаимоотношения педагогов с родителями,

3 блок - взаимоотношения педагогов с коллегами

4 блок - взаимоотношения педагогов воспитанниками.

Были проведены методики:

1. Методика О. Немова «Социально-психологическая самооценка коллектива (СПСК)» [6]. Показателями данной методики являются: стремление к сохранению целостности группы, сплоченность (единство отношений), контактность (личные взаимоотношения), открытость, организованность, информированность, ответственность.

2. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В.Бойко [7]. Методика позволяет выделить следующие три фазы развития стресса: «напряжение», «резистенция», «истощение».

В результате анкетирования у воспитателей не выявлены трудности и напряжение во взаимоотношениях с воспитанниками и их родителями. Педагогам нравится их работа (100%), не испытывают трудностей в работе с воспитанниками и их родителями (91%). Педагоги детского сада удовлетворены отношением родителей к требованиям, предъявляемым детским садом к воспитанникам (84,8%) и делятся своими переживаниями о детях с их родителями (87,9%). Но выявлены трудности и напряжение во взаимоотношениях педагогов с коллегами и руководством. Воспитатели недостаточно удовлетворены взаимоотношением коллег по работе 60,6% (20чел). Они считают, что состояние психологического климата в коллективе могло бы быть лучше 72,7% (24 чел), что отсутствуют единые требования к каждому педагогу 66,6% (22чел) и неадекватная оплата труда 75,8% (25чел). 36,4% (12чел) педагогов детского сада не удовлетворены отношениями с руководством. Воспитатели считают, что руководство ДОУ не прислушивается к замечаниям 60,6% (20чел), а работа каждого сотрудника в ДОУ оценивается не объективно 63,6% (21чел). 66,6% (22чел) педагогов не находятся в конфликте с кем-либо из руководства.

Анализ результатов исследования методики О. Немова «Социально-психологическая самооценка коллектива (СПСК)» [8] показал:

1. Коллективизм: высокий уровень - 25,7%, средний - 74,3%, т.е. группа стремится сообща решать все вопросы, сохраняя и укрепляя группу как целое, препятствуя ее разрушению, низкий - 0%.

2. Сплоченность - высокий уровень - 8,6%, средний - 91,4%, что говорит о единстве мнений членов группы по самым важным для нее вопросам, а также единстве действий в самых существенных жизненных ситуациях, низкий - 0%.

3. Контактность: высокий уровень - 25,7%, средний - 74,3%, что говорит о взаимной общительности, личных, эмоционально-непосредственных отношениях между членами группы, низкий - 0%.

4. Открытость: высокий уровень - 37,1%, средний - 62,9%, свидетельствует о положительном отношении членов группы к другим группам или к новым участникам своей группы, низкий - 0%.

5. Организованность: высокий уровень - 28,6%, средний - 71,4%, что свидетельствует о способности к быстрому созданию и изменению организационной структуры деловых взаимоотношений, необходимых для эффективной групповой работы, низкий - 0.

6. Информированность: высокий уровень - 48,6%, средний - 51,4%, что говорит о доступности всем членам группы наиболее важной информации о состоянии дел в ней и о каждом члене группы, низкий - 0%.

7. Ответственность: высокий уровень - 45,7%, средний - 54,3%, это означает, что отношения членов группы к совместной работе положительные, положительная оценка целей и задач, которые стоят перед группой, низкий - 0%.

По результатам диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В.Бойко) в коллективе доминируют фаза резистенции: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (35% испытуемых), расширение сферы экономии эмоций и редуцирование профессиональных обязанностей (по 30%); фаза истощения: эмоциональный дефицит (30%), психосоматические и психовегетативные нарушения (25%). По результатам исследования выявлена сформировавшаяся фаза резистенции (35% испытуемых). Фазы напряжения и истощения находятся в стадии формирования (соответственно 35% и 40%).

Полученные данные исследования были подвергнуты статистической обработке [9] с использованием корреляционного анализа и выявлена взаимосвязь.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что существует умеренная взаимосвязь между неудовлетворенностью собой и коллективизмом, сплоченностью, контактностью, открытостью ($r=0,35\pm 0,05$), между эмоциональным дефицитом и социальным-психологическим климатом коллектива (коллективизм, сплоченность, контактность, открытость, информированность: $r=0,35\pm 0,06$). Это характеризуется выраженностью стремления быть в центре внимания и добиваться своих целей.

Также по результатам корреляционного анализа было выявлено, что существует умеренная взаимосвязь неудовлетворенности собой и взаимодействия руководства детского сада ($r=0,31$), чувства принадлежности к коллективу и «загнанности в клетку» ($r=-0,31$). Это говорит о эмоционально-непосредственных отношениях между членами группы. Воспитатели имеют обостренное чувство справедливости. Прослеживается умеренная взаимосвязь мониторинга внутренних факторов и редуцирования профессиональных обязанностей, экономии эмоций, психосоматических нарушений ($r=0,38\pm 0,02$), состояния психологического климата коллектива и эмоционально-нравственного дефицита ($r=-0,36$). Это проявляется либо в тенденции к негативному оцениванию себя, своих профессиональных достижений и успехов, негативизме относительно служебных достоинств и возможностей, либо в редуцировании собственного достоинства, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим.

Таким образом, наше исследование позволяет не только выявить взаимосвязь менеджмента ДОУ и здоровья педагогов, но и оказать им своевременную психологическую поддержку, направленную на сглаживание выявленных нарушений. Знание закономерностей сохранения и укрепления психологического здоровья в педагогической деятельности, умение управлять собственными негативными эмоциями и состояниями, а также овладение приемами и способами психической саморегуляции являются важными компонентами успеха педагога. А ведь от того, с каким здоровьем, настроением, с каки-

ми эмоциями входит воспитатель в группу, зависит успешность, здоровье и настроение воспитанников. Успех деятельности современной образовательной организации определяется сплоченностью персонала, надежностью, доверительными, гармоничными и взаимовыгодными отношениями между руководством и сотрудниками. Создание благоприятной психоэмоциональной обстановки в коллективе является залогом успешного воспитательно-образовательного процесса и успеха деятельности образовательной организации в целом.

Литература

1. Маркова А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. - М.: Просвещение, 1993.
2. Захарова Е. А. Требования к профессиональному развитию педагогов в условиях последиplomного образования / Е. А. Захарова // Молодой ученый. — 2011. — №3. Т.2. — С. 115-117.
3. Платонов К. К., Казаков В. Г. Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии. Социально-психологический климат коллектива / Под ред. Е. В. Шороховой и О. И. Зотовой. - М.: 1979.
4. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. — СПб.: Питер, 1999.
5. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова. — СПб.: Питер, 2005. — 336с.
6. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: Кн. 3. Психодиагностика. — 4-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 640с.
7. Методика диагностики эмоционального выгорания (В.В.Бойко) // URL: <http://psylist.net/praktikum/19.htm> (дата обращения: 14.12.2012г.)
8. Воденицкая Ж. В. Взаимосвязь акцентуаций характера и психологического климата коллектива педагогов ДОУ // Педагогика и психология: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибирская Академия Консультантов, 2012. - С. 62 – 66.
9. Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов - 4-е издание испр. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2006 г.

Установка на просоциальное поведение как содержание нравственного воспитания

Иванов П. А.

Описаны особенности и структуры установки на просоциальное поведение, методика диагностики установок на просоциальное поведение младших подростков.

Ключевые слова: просоциальное поведение, альтруизм, установки, цели воспитания.

Attitude on prosocial behavior as the content moral education.

Ivanov P.A

The article considers the appropriateness and relevance of the consideration of social attitudes to pedagogical goal setting. The comparative analysis of systems with traditional notions of national pedagogy. Learn about the features and structure of the attitude on Pro-social behavior. Describes the developed methodology diagnostics attitudes on Pro-social behavior of teenagers. The methodology developed by the method of factor analysis, experimentally and statistically tested for reliability and validity.

Keywords: prosocial behavior, altruism, attitude, the purpose of education.

Отечественная педагогика традиционно уделяла большое внимание вопросам воспитания гармоничной, нравственной, всесторонне развитой личности. Ключевыми понятиями воспитательных систем становились: мировоззрение, система отношений, характер, нравственные идеалы. Перед педагогами стояла очевидная цель: воспитать внутренний мир человека, и этот внутренний мир сам найдёт выражение во внешней жизни, в повседневной активности воспитанного человека. Изменения, происходящие в современном обществе, существенно влияют на этот процесс, представляя новые проблемы перед педагогической мыслью. Бурное техническое развитие в области информационных технологий: виртуальная реальность, интернет общение, возросшая доступность развлекательных инструментов, - меняют образ жизни и мышления новых поколений. Они оказываются оторваны от реальных дел, труда, поступков. Шумная компания весёлых ребят исчезла с улиц и из досуговых центров, вместо неё появилась группа детей, сидящих в разных квартирах и соединённых посредством нескольких проводов.

Сегодня в жизни детей и подростков реальные действия и поступки, заменяются и вытесняются разнообразными проявлениями виртуальной реальности. Мысли, представления, отношения, существуют в виртуальной реальности, остаются не реализованными в повседневной жизни. Как отмечает Гордон, молодые люди, даже с устоявшимся позитивным мировоззрением, оказываются не способны реализовать это мировоззрение в конкретных поступках и действиях [5, 77]. Латентная эпидемия инфантилизма и социального аутизма уже сегодня разрослась до колоссальных масштабов, изредка давая о себе знать, например, по статистике без-

работицы среди молодёжи. Ребёнок с прекрасным мировоззрением, системой ценностей, высокими идеалами — с большой вероятностью окажется не способен реализовать их в повседневной жизни. Становится очевидна потребность педагогической науки в становлении воспитательных систем, ориентированных не просто на формирование позитивных психических конструктов, но и на практическую реализацию позитивных свойств и качеств личности в повседневной жизни.

Для педагогического целеполагания, выстраивания педагогических систем, всё большее значение обретают побудители человеческого поведения, среди которых выделяются: влечения, установки, желания, интересы, склонности, идеалы и мировоззрение. Психика человека, представляет собой целостное образование, поэтому влияя на формирование одного из побудителей поведения, мы тем или иным образом затрагиваем и остальные. Однако для педагогического планирования и конструирования необходимо выделение приоритетов, в соответствии с чем существуют разные методики и программы для каждой основной воспитательной цели. Рассмотрим каждый из побудителей и оценим его ценность для решения изложенных проблем.

Первейший побудитель, *влечение* — первичное эмоциональное проявление потребности человека в чем-либо, побуждение, еще не опосредованное сознательным целеполаганием. В отечественной психологии влечение рассматривается как этап формирования мотива поведения, т.е. выступает как переходящее явление: представленная в нем потребность либо угасает, либо осознается как конкретное желание. У человека с развитым сознанием влечения как мотивы поведения не играют ведущей роли, а выступают в виде «строительного материала» для осознанных побуждений. Влечения в воспитании представляются материалом для самоосмысления, тренировки воли и т.п.. Воспитание влечений не представляется самоценной воспитательной целью.

Вторая форма мотивационного состояния — *желание* — основано на осознанной по содержанию потребности (влечению), которая еще не выступает в качестве сильной побуждающей к действию. Имея побуждающую силу, желание обостряет осознание цели будущего действия и

построение его плана. При невозможности удовлетворить желание возникает состояние фрустрации, которое сопровождается разочарованием, тревогой, раздражением, отчаянием и др. Педагог традиционно борется с деструктивными желаниями и влечениями воспитанников, и поощряет конструктивные. Возникновение желаний обусловлено потребностями. В педагогике воспитание желаний оформлено в первую очередь как воспитание привычек, привычного поведения, направленного на удовлетворение потребностей. Это практически ценный раздел науки о воспитании, однако то место, которое желания и привычки занимают в психике человека, обуславливает возможность конфликта сознания и привычек, и смены последних. Проще говоря, привычки имеют свойство меняться в течение жизни, поэтому их формирование представляется важной, но не главной задачей.

Интерес — форма проявления познавательной потребности, выражающаяся избирательным отношением личности к объекту в силу его жизненного значения и эмоциональной привлекательности. Способствуя ориентировке, ознакомлению с чем-то новым, более полному и глубокому отражению действительности, интересы обеспечивают направленность личности на осознание целей деятельности. Рассматривая интерес как элемент воспитания, необходимо отметить, что ситуация интереса изначально отводит личности пассивную роль. Сам факт появления интереса обуславливает направления деятельности, но не обуславливает факт её осуществления или не осуществления. Оценка интересов, в конечном счете, определяется их содержательностью и значимостью для личности. Если интерес направлен на нечто полезное, выражается в действии и обуславливает формирование позитивных привычек, то этот интерес является позитивным. Однако в данной схеме остаётся открытым вопрос — выразится ли интерес в действиях, поведении.

Склонность — избирательная направленность субъекта на определенную деятельность. В ее основе лежит глубокая и устойчивая потребность в этой деятельности, стремление в ней совершенствоваться. Склонности обычно являются предпосылкой развития соответствующих способностей, хотя возможны случаи несовпадения склонностей и способностей. Склонности, являясь лишь предпосылкой к деятельности, так же

могут остаться нереализованными. Очевидной задачей педагога является выявление склонностей и помощь воспитаннику в их осуществлении. Однако в такой системе формирование воспитанника сильно зависит от участия и воли другого лица, что является весьма существенным фактором, особенно если учесть, что многие склонности проявляются лишь в зрелом возрасте, а некоторые – лежат за пределами компетентности педагогов. То есть возникает риск неосуществления склонностей, проявленных после окончания школы. Возможно, именно эта логика заставляет ряд стран вводить в школы подробный предмет полового воспитания, включая эту сферу в область компетентности образовательных учреждений. Если же мы стремимся к формированию вполне самостоятельной личности, необходим иной подход, ставящий в центр более универсальные побудители поведения.

Идеал – важная цель личных стремлений человека, своеобразный пример, эмоционально окрашенный эталон действия. *Мировоззрение* представляет собой систему взглядов, убеждений и идеалов. Мировоззрение служит высшим регулятором поведения личности, определяя не только общую направленность личности, но и ее целеустремленность. Идеалы и мировоззрение формируются у человека на основе его интересов и склонностей. Эти психические конструкции, несомненно, крайне значимы для формирования личности и всего её дальнейшего жизненного пути. Только на основе идеалов и мировоззрения возможно построение перспективных воспитательных систем, когда педагогической задачей является достижение нравственных высот, а не исправление нравственных «падений» разного масштаба. Однако между мировоззрением, идеалами с одной стороны, и повседневным поведением с другой стороны, лежит цепь из многих компонентов, и «сбой» любого из них помешает реализоваться ожидаемому поведению.

На мой взгляд, оптимальным понятием для построения эффективных воспитательных программ является установка. *Установка* – неосознаваемое личностью состояние предрасположенности к определенному поведению или деятельности. Установка чаще всего складывается в результате неоднократного повторения ситуаций, в которых человек реагировал определенным образом.

Понятие об установке как психологическом феномене имеет разное содержание в традициях отечественной и зарубежной психологии. В первой половине 20 века советский исследователь Д. Н. Узнадзе [1, 13] открыл ряд иллюзий восприятия, интерпретация которых привела к разработке теории установки, как целостного состояния организма, основанного на опыте поведения и определяющего новые поведенческие акты. Примерно в то же время американские психологи исследовали социальные установки, как готовность (позднее – склонность, предрасположенность) проявлять определенное социальное поведение. Социальные установки в англоязычной литературе именуется *attitude*, калька с этого слова пришла и в отечественный научный лексикон.

Разница этих двух понятий хорошо видна в «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности» [2, 165], в которой выделены четыре уровня психологических конструктов, каждый из которых отвечает за определенный уровень организации поведения: элементарные фиксированные установки (регулируют поведенческие акты), социальные фиксированные установки (регулируют поступок личности в привычной ситуации), базовые социальные установки (подобны аттитюдам, но выражают отношения не столько к отдельному социальному объекту сколько к каким-то более значимым социальным областям – регулирует систему поступков, поведение), ценностные ориентации личности (регулируют целостность поведения, деятельность). Важным является и то, что установка по Узнадзе принадлежит, главным образом, сфере бессознательного, тогда как социальные установки кроме бессознательного, охватывают и когнитивную сферу личности.

Таким образом, говоря о поведенческих установках, мы рассматриваем вопрос о предрасположенности индивида проявить определенное поведение, в том числе его эмоциональное восприятие, осмысление, владение нужными навыками поведения, имеющийся опыт именно такого или подобного поведения. Наличие развитой установки на определенное поведение не гарантирует соответствующих поступков, но значительно повышает вероятность их осуществления. В отличие от таких побудителей поведения, как мировоззрение и идеалы, установка тесно связана с поведением (хотя поведение

не гарантировано наличием установок). С другой стороны, в отличие от влечений, желаний, склонностей, установка глубже охватывает когнитивную сферу психики, отвечая и за неосознанное, и за осознанное поведение. Эти черты позволяют рассматривать понятие «социальная установка» в числе ключевых для современной педагогики.

Исходя из особенностей современных детей и подростков, появляется необходимость воспитания поведения через формирование поведенческих установок. Теперь необходимо понять, какое именно поведение должно формироваться в воспитательной системе. Дело в том, что основной упор в педагогике делается на коррекцию сформировавшегося асоциального поведения. Поведение учащихся, не имеющих поведенческих отклонений, часто остаётся без внимания педагогов. Ребёнок не получает влияния для развития к определённом намеченному уровню, образу идеального выпускника образовательного учреждения. Зачастую образцом поведения становится ребёнок - тихоня, который не умеет помогать, проявлять инициативу, зато и бед для педагогов он не устраивает. Таким образом, принцип перспективности воспитательных систем не соблюдается, складывается ситуация «латания дыр», план работы определяется не целями, а данной ситуацией. В поиске решения сложившейся ситуации следует опираться на термин просоциальное поведение.

Термин просоциальное поведение начал формироваться в США в 70 годы XX века. Изначально просоциальное поведение понималось как противоположность к асоциальному поведению. Однако позже термин получил развитие, и использовался для описания таких явлений как помощь, поддержка и других форм конструктивного взаимодействия человека с другим человеком, группой лиц или обществом в целом. В настоящее время просоциальное поведение определяется как поведение, характеризующееся альтруистической направленностью. При этом следует отличать направленность поведения от мотивации. Например, молодой человек может перевести пожилого человека через дорогу, чтобы произвести впечатление на девушку. В этой ситуации проявляется альтруистическая направленность поступка при эгоистической мотивации. Выделяют (Prosocial Behavior By Roberta L. Knickerbocker [http://](http://www.learningtogive.org/papers/paper52.html)

www.learningtogive.org/papers/paper52.html) несколько подвидов просоциального поведения:

Альтруистическое поведение (Altruistic) – бескорыстное инициативное поведение, направленное на принесение блага стороннему лицу.

Поведение отклика (Compliant) – поведение, инициатором которого является объект оказания помощи.

Эмпатийное (Emotional) – поведение, проявляемое в ситуации потенциально несущей негативные эмоциональные переживания (чувства вины за неоказанную помощь, угрызания совести и пр.), и служащее средством избавления от них. Проявляется в стрессовых ситуациях.

Анонимное (Anonymous) – поведение, в котором личность субъекта остаётся неизвестна другим. Анонимность для людей определённого типа может являться фактором, обусловившим поведение, которое бы не состоялось в аналогичной, но неанонимной ситуации.

Публичное (Public) – поведение, осуществляемое в присутствии сторонних наблюдателей. Публичность, подобно анонимности, способна активировать поведение индивида.

Поведенческий акт может соответствовать нескольким указанным подвидам, например, вышеприведённый пример с молодым человеком, помогающим старику, сочетает поведение отклика и публичное поведение. В свою очередь, установка на проявление просоциального поведения может существенно отличаться в зависимости от объекта проявления этого поведения. Для оценки сформированности установки на просоциальное поведение у отдельного учащегося или группы, учащихся следует произвести измерение как по отдельным подвидам поведения (альтруистическому, поведению отклика, аффективное, анонимное, публичное), так и по субъектам взаимодействия, которые будут отличаться для разных возрастных групп. Например, для младших подростков мы выделяем следующие значимые социальные группы: родители, сверстники, учителя, незнакомые люди. Дети младшего возраста, в большинстве своём, не имеют большого опыта общения с незнакомыми людьми в силу очевидных причин, и эта группа людей не может рассматриваться как объект просоциального поведения.

Поскольку просоциальное поведение трактуется как поведение, ориентированное на бла-

го общества и помощь другим, то подобная модель предполагает положительное отношение к людям и признание личности другого, что отражается в способностях к эмпатии, сотрудничестве и взаимопомощи, умении разрешать конфликтные и трудные ситуации. В свою очередь, отношение к другим определяется отношением личности к себе [3, 713]. Кроме того, позитивные и согласованные представления о себе связаны со способностями к солидарности, сочувствию и в целом с гуманистическим отношением к миру. Просоциальное поведение обусловлено ценностями личности. Иными словами, жизненные ценности, представляя собой систему внутренних стандартов, отношений к действительности, направляют и побуждают личность к реализации соответствующих стратегий взаимодействия с миром, а также определяют цели и смысл жизни. Просоциальное поведение связано и с уровнем самоактуализации, так как мотивы и стратегии само реализующейся личности отличаются социальной значимостью и проявляются в служении общечеловеческим ценностям. Таким образом, позитивная оценка личностью себя и своих возможностей, способность выстраивать отношения взаимопомощи и соучастия с другими людьми, гуманистическая направленность интересов, ценностей и идеалов, а также способность личности реализовывать себя на пользу обществу представляют собой целостную модель просоциального поведения.

Стоит упомянуть о социальных навыках, формирование которых так же иногда рассматриваются в качестве основной воспитательной категории. В данном случае воспитуемые получают некий поведенческий «инструмент», безотносительно к целям и мотивации к его применению. Например, в программе американских педагогов «Skillstreaming» [4] разработаны методики формирования навыков просоциального поведения для детей разных возрастов. Однако, рассматривая данные методики подробнее, я склонен считать, что многие из них формируют не просто навык, но и социальную установку, данный навык включающую.

В силу малого использования педагогами представлений об установке, не разработаны и соответствующие диагностические инструменты. Поэтому в ходе диссертационного исследования, посвящённого формированию установок

на просоциальное поведение у младших подростков, я разработал методику диагностики, ядром которой является опросник, соответствующий критериям надёжности и валидности.

В соответствии с требованиями психометрики, процедура разработки данной методики включала ряд основных этапов и проводилась на выборке в 60 человек: 28 мальчиков и 32 девочки в возрасте 10-12 лет – учащихся 5 и 6 классов ГБОУ СОШ №905 города Москвы.

На первом этапе был разработан первоначальный вариант методики, включающий 80 утверждений. При этом мы исходили из понимания установки на просоциальное поведение как психического конструкта, зависящего с одной стороны, от объекта поведения (для младших подростков в качестве значимых социальных объектов были определены родители, сверстники, учителя, незнакомые люди). С другой стороны, каждый просоциальный поступок осуществляется в зависимости от ситуации, при этом выделяют следующие виды ситуации: альтруистическую, отклика, эмпатийную, публичную, анонимную. Таким образом, комбинируя объекты и ситуации поведения, мы сформировали 20 групп вопросов, по 4 на каждую группу. Первоначальный вариант опросника был подвергнут факторному анализу (вариант вращения) в соответствии с психометрическими требованиями.

Факторный анализ выявил ряд факторов, не соответствовавших принятым изначально параметрам (социальным объектам или ситуации). Семантический анализ выявленных факторов позволил определить, что они соответствуют трём компонентам социальных установок: когнитивному, эмоциональному и деятельностному [8, 423].

После этого из списка были отобраны 30 вопросов, факторная нагрузка для которых не менее 0.60, по 10 вопросов для каждого фактора (компонента социальной установки. Таким образом, методика направлена на измерение 4 показателей: уровень просоциальной установки как целого, и уровни трёх компонентов просоциальной установки в отдельности. По завершении данного этапа был разработан окончательный вариант методики, который подвергся дальнейшему статистическому анализу. Таким образом, подросток оценивает свою склонность осуществить просоциальное поведение, пози-

тивно воспринять своё или чужое просоциальное поведение, а также знание о том, какие поступки являются просоциальными.

Так, на этапе проверки методики на надежность последняя определялась через меру согласованности результатов (т.е. их однородность), а также через их устойчивость. Значение показателя надежности [7, 142], вычисленное по формуле Спирмена-Брауна (т.е. между половинными выборками) - 0.69. Таким образом, проверка методики на однородность дает вполне приемлемые результаты. Оценка надежности по устойчивости результатов проводилась путем повторного тестирования. Интервал между испытаниями составил две недели. Коэффициент корреляции результатов первого и второго тестирования оказался равен 0.83. Значения «пороговых» коэффициентов надежности, принимаемых в психодиагностике за нормативные, должны быть, как известно, не ниже 0.60. Следовательно, можно заключить, что степень надежности разработанной методики, которая отражает точность и устойчивость ее результатов, соответствовала психодиагностическим требованиям. Ошибка измерения составила $S_m=4.2$, что является допустимым значением.

Ключевую роль в создании любой психодиагностической методики играет этап её верификации по параметру валидности. Проверка разработанной методики в соответствии с данным параметром осуществлялась по наиболее часто используемому, конструктивному виду валидности. В качестве меры конструктивной валидности нами была использована связь результатов методики с результатами другой методики - определения «уровня эмпатийных тенденций» (И. М. Юсупов) [6]. При этом исходным явилось предположение, согласно которому подростки с высоким уровнем эмпатийных тенденций должны характеризоваться большим уровнем установки на просоциальное поведение. В результате обнаружено, что коэффициент корреляции эмпатийных тенденций с результатами методики диагностики просоциальных установок равен 0.58, что значительно на $\alpha = 0.99$.

Дополнительным свидетельством конструктивной валидности являются данные корреляционного анализа результатов методики диагностики просоциальных установок в сравнении с экспертным мнением. В качестве экспертного мнения были использованы различные данные.

Во-первых, в роли экспертов выступили учителя, которым было предложено оценить готовность подростков оказать помощь, по 100-балльной шкале. Была получена корреляция 0.49 (значимо на $\alpha = 0.95$). Во-вторых, в роли экспертов выступили родители каждого подростка, которым было предложено оценить готовность их ребёнка оказать помощь, по 100-балльной шкале. Была получена корреляция 0.66 (значимо на $\alpha = 0.99$). В третьих, экспертами выступили сами подростки. Склонность каждого подростка оказывать помощь оценивали по 100 балльной шкале его одноклассники. Среднее арифметическое всех оценок каждого ученика сравнивалось с результатами диагностики просоциальных установок. При этом выявлена значимая корреляция 0.60 ($\alpha = 0.95$).

Иначе говоря, значимыми являются связь просоциальных установок именно с теми личностными качествами, которые являются хотя и косвенными, но важными их проявлениями: эмпатийными тенденциями и готовностью оказать помощь.

Завершающим этапом разработки методики явилась нормализация результатов. Процентное соотношение подростков мужского и женского пола в выборке было близким друг к другу; возраст варьировал в диапазоне от 10 до 12 лет. В качестве стандартной была взята стеновая шкала [1, 73] перевода «сырых» тестовых баллов в нормализованные показатели. Поскольку спецификой младшего подросткового возраста является завышение результатов в подобных тестированиях, последние стеновые называются выше нормальности.

При интерпретации результатов целесообразно исходить из дифференциации индивидов на три основные категории. Результаты методики, равные 1 - 2 стенам, соответствуют низкому уровню просоциальных установок. Результат, равный 3-5 стенам, соответствует среднему уровню просоциальных установок. Результат, равный 6 - 7 стенам соответствует высокому уровню просоциальных установок. Результат в 8 стенов, скорее всего, является завышенным и не должен рассматриваться как объективный.

На основе охарактеризованной методики нами было проведено специальное исследование. Его результаты свидетельствуют о возможности влиять на формирование просоциальных

установок в младшем подростковом возрасте. Сама методика показала свою пригодность для оценки эффективности воспитательных систем и выявления некоторых закономерностей просоциальной установки младших подростков.

Выводы: Сравнительный анализ воспитательных целей показывает, что многие из них теряют свою актуальность. При этом для построения воспитательных программ перспективным представляется использование понятия о просоциальной установке. Именно социальная установка обуславливает предрасположенность личности к осуществлению определённой деятельности, что критически важно в контексте социальной значимости воспитания. Ориентация воспитания на формирование установки не противоречит воспитанию мировоззрения, отношений, идеалов, привычек, а взаимно дополняет их. Формируемые установки должны быть направлены на осуществление просоциального поведения, которое представляется наиболее социально значимым. Таким образом, формирование установки на просоциальное поведение у учащихся общеобразовательных школ - это актуальное понятие современной педагогики. Для диагностики просоциальных установок младших подростков предлагается валидный и надёжный опросник, составленный на основе факторного анализа.

Литература

1. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. 1966.
2. Ядов Б. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности (1975)
3. Brief Arthur P. and Motowidlo Stephan J. (1986). Prosocial organizational behaviors. // The Academy of management Review 2011 №4: 710–725.
4. Goldstein Arnold P., McGinnis Ellen Skillstreaming the Adolescent. Research Press, 1997. 338с.
5. Ronald Grey Gordon Personality, Routledge, 1977. 408с.
6. Ашихмина О. А. Вачков И. В. Эмоциональная устойчивость психологов системы образования. М.: Эконинформ, 2013. 186 с. (73 – стрены)
7. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2007 – 392 с. 355 студент
8. Eagly, A., & Chaiken, S. Attitude Strength // Attitude strength, attitude structure and resistance to change. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1995 pp. 413–432.

Взаимосвязь жизнестойкости и социальной адаптации механизмами психологической защиты и копинг-стратегий у старшеклассников с задержкой психического развития и у старшеклассников с нормальным ходом психического развития

Кравчик К.Б.

В данной статье рассматривается тема жизнестойкости у старшеклассников с задержкой психического развития и у старшеклассников с нормальным ходом психического развития в её связи с социальной адаптацией и механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями.

Ключевые слова: жизнестойкость, социальная адаптация, механизм психологической защиты

The relationship of resilience and social adaptation, psychological defense mechanisms and coping strategies among high school students with mental retardation and students with normal psychic development course

Kravchik K.B.

In this article we consider the subject of hardiness among high school students with mental retardation and high school students with normal mental development in its relation with social adaptation, mechanism of psychological defenses and coping-strategy.

Keywords: vitality, social adaptation, psychological defense mechanism

По праву можно сказать, что современный человек живет в условиях экстремальных и практически под постоянно действующим стрессом. В современном мире нарастает ощущение отсутствия собственной безопасности и защищенности. В большей части это способствует тому, что люди видят все больше и больше угрозы для жизни и стало, как само собой разумеющееся сознание, что мир опасный и большая вероятность, что случится какая беда, катастрофа. СМИ, как главный манипулятор сознания подогревают ситуацию, уже никто не удивляется в сводках новостей экстремизму, насилию, убийствам, грабёжам и т.д.

В связи с этим, актуальным является изучении проблемы действия человека в тех или иных жизненных ситуациях. В современном обществе люди все больше и больше понимают, что ответственность за поведения в своей жизни, несет сам человек. Человеку необходимо адаптироваться к современному напряженному ритму жизни, чтобы он мог успешно справляться со своими проблемами. Исходя из этого, необходимо изучать явление жизнестойкости, которое предложил С.Мадди, понимая его как совокупность установок и умений позволяющая превращать происходящие социальные изменения в окружающем мире в возможности человека. В отечественной психологической науке проблемы жизнестойкости, совладающего поведения, преодоления трудных ситуаций разрабатываются такими учеными, как Ф.Е. Василюк, К. М. Муздыбаев, В. Лебедев, М.М. Решетников, Крюкова Т.Л.

Однако можно обратить внимание, что данная проблематика изучается в основном на выборке людей без отклонений.

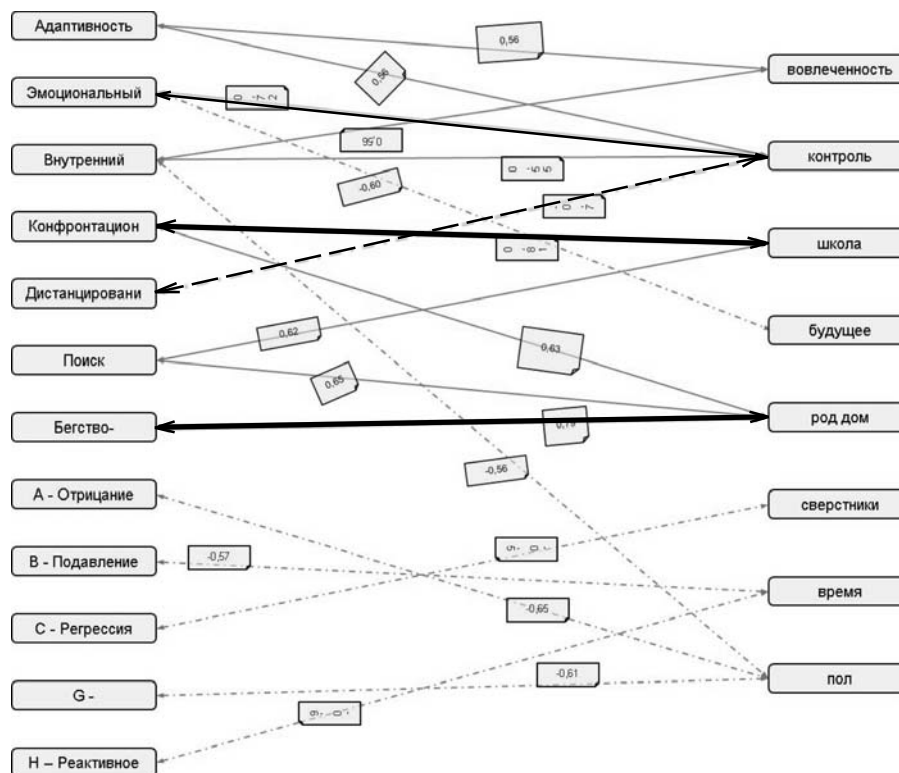

Рис. 1. Изучение взаимосвязей между параметрами социальной адаптации, жизнестойкости у старшеклассников с нормальным ходом развития, воспитывающимися в семье

Серая линия – связь на уровне $p=0,05$; **Жирная черная линия** – связь на уровне $p=0,001$
Черная линия – связь на уровне $p=0,01$

Именно в этом и заключается уникальность нашего исследования. Впервые в истории коррекционной психологии исследовался феномен жизнестойкости не только на выборке старшеклассников без психических отклонений, но и у старших подростков с задержкой психического развития, которые воспитываются в семье.

Цель исследования: Изучить взаимосвязь между параметрами жизнестойкости, социальной адаптации, совладающего поведения и переживанием трудных ситуаций у старшеклассников с нормальным ходом психического развития и старшеклассников с задержкой психического развития.

Гипотеза

1. В структуре жизнестойкости старшеклассников с нормальным ходом психического развития, воспитывающихся в семье преобладают положительные взаимосвязи между адаптаци-

ей и компонентами жизнестойкости: контролем и вовлеченностью;

2. У старшеклассников с задержкой психического развития, воспитывающихся в семье параметры жизнестойкости отрицательно связаны с механизмами психологической защиты и копинг стратегиями

Процедура проведения

Подготовка и проведение эксперимента проходили с января 2013 года по сентябрь 2014 года. На начальном этапе мы выбирали необходимые методики для изучения жизнестойкости. Нами были подобраны следующие стандартизированные методики:

1. Тест жизнестойкости (Леонтьев Д.А. Рассказова Е.И., 2006)
2. Шкала социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда (адаптация Т.В. Снегиревой) (Снегирева, 1978),

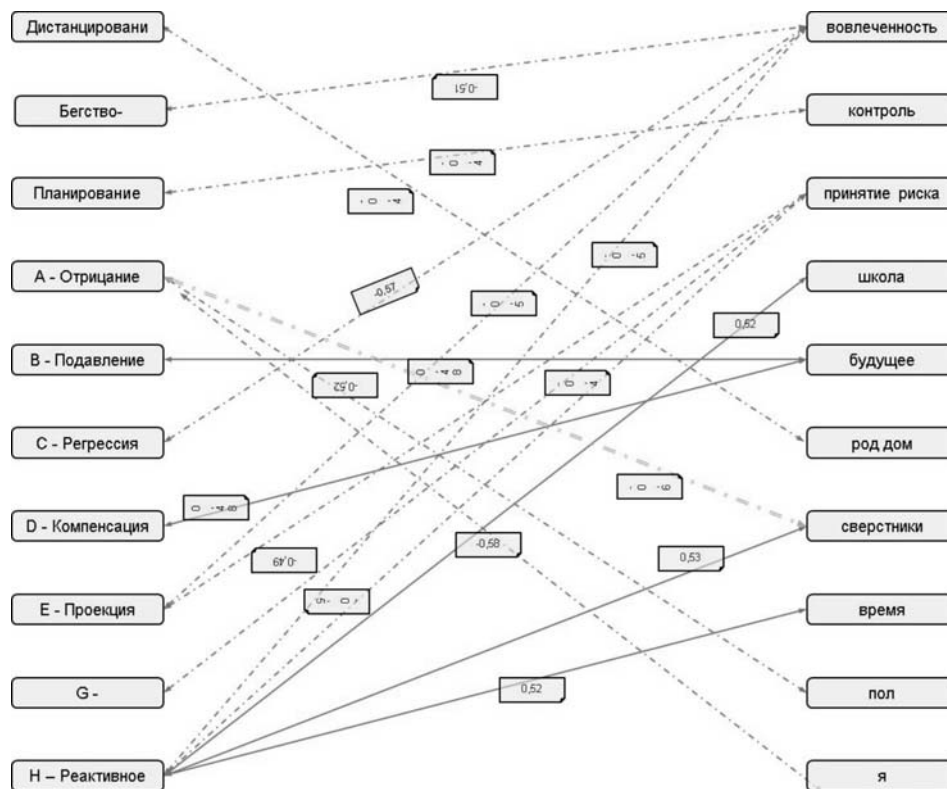

Рис.2 Изучение взаимосвязей между параметрами механизмов психологической защиты и жизнестойкости старшекласников с задержкой психического развития, воспитывающиеся в семье

3. Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса (В адаптации Крюковой и соавт., 2007)

4. Методика «Индекс жизненного стиля» (Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б., 2005)

5. Проблемная анкета» Seiffge-Krenke (В адаптации, Регуш)

Нами было использованы количественные методы обработки данных.

Основной этап исследования заключался в проведении тестирования с использованием стандартизированных методик и разделении на группы

Исследование проводилось на 4 выборках

1. старшекласники, с нормальным ходом развития, у которых есть семья

2. старшекласники, с нормальным ходом развития, у которых нет семьи

3. Старшекласники с ЗПР, которые живут в семье

4. Старшекласники с ЗПР, которые живут в интернате. Возраст участников выборки составлял 15-16 лет

Выбор методик исследования связан с природой исследуемых объектов, а также с обозначенными проблемами и целями исследования, конкретно поставленных задач в нем. и математической обработке данных.

Методы математической обработки экспериментальных данных.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась в соответствии с целями и гипотезами данной работы, в частности для изучения зависимостей между параметрами социальной адаптацией, жизнестойкостью, механизмами психологической защиты и копинг-стратегиям, применялся корреляционный анализ Спирмена

Обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью программы Statsoft Statistica 10

Результаты исследования

Изучение взаимосвязей между параметрами социальной адаптации, жизнестойкости у старшеклассников с нормальным ходом развития, воспитывающимися в семье (рис. 1) показало, что параметр вовлеченность положительно коррелирует с адаптивностью ($r = 0,56$), иными словами, чем больше у человека выражена вовлеченность, тем больше Адаптивность, контроль положительно коррелирует с адаптивностью ($r = 0,56$), таким образом мы можем заключить, чем больше контроль, тем больше адаптивность, контроль положительно коррелирует с эмоциональным комфортом ($r = 0,72$), то есть, чем больше контроль, тем больше ощущение эмоционального комфорта.

Изучение взаимосвязей между параметрами механизмов психологической защиты и жизнестойкости у старшеклассников с задержкой психического развития, воспитывающиеся в семье (рис. 2) показало, что принятие риска отрицательно коррелируется с механизмами психологической защиты проекция ($r=-0,49$), реактивное образование ($r=-0,5$) и интеллектуализация ($r=-0,4$). Вовлеченность отрицательно коррелирует с регрессией ($r=-0,57$), проекцией ($r=-0,5$) и реактивным образованием ($r=-0,5$).

Выводы

Анализируя полученные корреляционные зависимости, мы можем сказать, что поставленные в исследовании гипотезы были подтверждены. У юношей старшего подросткового возраста с нормальным ходом развития такие параметры жизнестойкости, как вовлеченность, контроль положительно коррелирует с параметрами социальной адаптации, а именно с адаптивностью, эмоциональным комфортом и внутреннем контролем таким образом можно заключить, что чем больше человек вовлечен в свою жизнь и борется за получение нужного результата, тем более этот человек адаптивен и в эмоциональном плане, он испытывает комфорт. Интересно отметить, что у этой выборки испытуемых такие сфера проблемных переживаний, как сверстники, противоположный пол и время отрицательно коррелирует с механизмами психологической защиты.

Изучение взаимосвязей между параметрами жизнестойкости, социальной адаптации,

копинг-стратегиями и проблемными переживаниями у выборки старшеклассников с задержкой психического развития, но получающие семейное воспитание показало, что у них все 3 параметра жизнестойкости отрицательно коррелируют с копинг-стратегиями и практически со всеми механизмами психологической защиты. Такое наблюдение позволяет сделать вывод о том, что представители данной выборки чем больше проявляют все компоненты жизнестойкости, а именно вовлечены в свою деятельность, стараются повлиять на результат происходящего и максимально стараются пополнять свои знания и опыт, тем меньше они прибегают к защитному поведению. В контексте таких результатов трудно говорить о том, что у юношей с задержкой психического развития как-то нарушена жизнестойкость.

Литература

1. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. - Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. - СПб.: Издательство: СПбНИПНИ им. В.М.Бехтерева, 2005. - 50 с.
2. Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В. Опросник способностей совладания (адаптация методики WCQ) / Журнал практического психолога. - М.: 2007. № 3. - С. 93-112.
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. - М.: Смысл, 2006.
4. Наследов А.Д. —математические методы в моделировании психологических исследований
5. Уаш проблемный подросток. Под ред Л.А. Реруш СПб.: Союз, 1999. - 144 с
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. - С. 193-197
7. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. New York: McGraw-Hill, 1966.
8. Maddi, Salvatore R., and Khoshaba, Deborah M. (1994). Hardiness and Mental Health. Journal of Personality Assessment, 1994 Oct, v63 (n2):265-274.

Социальная идентичность населения полиэтнического региона

Муха В.Н., Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л.

На основе эмпирических данных, полученных посредством социологического опроса, проводится анализ системы идентификации населения Краснодарского края. Определено место гражданской, этнической, религиозной, региональной и цивилизационной идентичности в иерархии идентичности жителей края; осуществлен анализ субъективной значимости различных типов идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, коллективная идентичность, иерархия идентичностей, полиэтничный регион

Social identity population multiethnic region

Muha V.N., Melsitov V.V., Sergienko N.L.

Muha V.N., Melsitov V.V., Sergienko N.L.

Based on empirical data obtained through the sociological poll, the analysis of the identification system of the Krasnodar region. The place of civil, ethnic, religious, regional and civilization identity in the hierarchy of the identity of residents of the region, carried out the analysis of subjective importance of the various types of identity.

Key words: social identity, collective identity, hierarchy of identities, multiethnic region.

Государства на постсоветском пространстве находятся в состоянии системной трансформации, стоят перед выбором своего пути и места в мировом сообществе. Общественные изменения формируют специфические адаптационные реакции, изменяя сознание и поведение людей, сопровождаются появлением новых и модификацией старых идентичностей. Изменения в социальной идентичности и ее составляющих, с одной стороны, обусловлены экономическими, политическими и культурными переменами, с другой – сама социальная идентичность выступает важным ресурсом и фактом социальных изменений. Социальные, экономические, политические, культурные условия в России и ее регионах обуславливают процесс становления новых форм социальной идентичности, активно влияют на динамику и механизмы ее функционирования.

Исследование феномена социальной идентичности оказывается на пересечении сразу нескольких ключевых для современной социальной теории дискуссий: полемики о критериях, механизмах конструирования и стабилизации социальной идентичности; дискуссии об этносах и нациях, о роли государственного суверенитета и особенностях трансформации национального государства в современном мире, проблемы персонального измерения социальной идентичности, дискуссии о соотношении локального и глобального в современном общественном развитии. Таким образом, исследование процессов социальной идентификации в современном российском обществе является актуальным и востребованным как в теоретическом, так и практическом уровнях.

Категория «идентичность», несмотря на многообразие теоретических и эмпирических исследований, до сих пор является одной из самых сложных и теоретически многозначных. В зависимости от того, в какой области человеческого знания используется термин «идентич-

ность», он приобретает свое значение и смысл. Р. Брубейкер и Ф. Купер подчеркивают важность различения двух разных ипостасей концепта «идентичность» – как категории практики и как категории научного анализа². Если воспринимать «идентичность» в качестве практической категории, то ситуации, в которых она употребляется, реально наблюдаемые феномены (например, риторика политических деятелей, программы политических партий, образы СМИ), становятся вполне доступными и легитимными для научного исследования. Совсем другое дело, когда сама «идентичность» становится центральной категорией научного анализа. В этом случае практическая категория, продукт социальных отношений, превращается в вещь, т.е. реифицируется³. Но отказ от рассмотрения идентичности как аналитической категории – не решение проблемы. По мнению З. Баумана идентичность «становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни ... впечатляющее возрастание интереса к обсуждению идентичности может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления»⁴. Таким образом, использование данной категории требует особого внимания.

В рамках социологического подхода идентичность рассматривается как социальный феномен, на который воздействуют различные социальные институты, и который поддается непосредственному эмпирическому исследованию. В западной социологии можно выделить две основные традиции исследования идентичности: макросоциологическую и микросоциологическую. Макросоциологическая традиция (структурно-функционалистский подход) делает акцент на структурных механизмах личностной идентификации, обусловленности социальной идентичности личности объективными рамками социокультурного развития. В микросоциологической традиции (феноменологическое направление) социальные идентичности описываются как идентичности социальных деятелей, формирующиеся в комплексе отношений между партнерами в одной системе деятельности в русле собственной динамики этой системы⁵.

В отечественной науке представления о социальной идентичности развивались в контексте психологии, социологии, философии, по-

литологии, и к настоящему времени сложились общие и особенные традиции исследования проблемы идентичности как психологического и социокультурного феномена. Их суть заключается в том, что идентичность имеет структурное строение, основными параметрами которого являются целевой, содержательный и оценочный. Идентичность понимается как трансформирующаяся структура, она развивается на протяжении всей жизни, проходит через преодоление кризисов, может быть «позитивной» или «негативной».

Ученые едины во мнении, что идентичность социальна по происхождению, так как формируется в результате взаимодействия с людьми и усвоения каждым выработанного в процессе коммуникации языка, а изменения идентичности обусловлены социальными изменениями. Первым шагом для того, чтобы личность смогла ощущать себя представителем группы, является процедура идентификации, то есть определение критериев и границ общности, определение места «Я» в социуме. В общем смысле идентификация рассматривается как процесс становления представлений социальной группы и индивида о себе и свое месте в мире.

Главным итогом этапа накопления российской социально-гуманитарной наукой знаний об идентичности является понимание того, что весь комплекс проблем, связанных с этим сложным явлением, не могут решить отдельно ни психология, характеризуя его как личностную идентичность, ни социология, представляя его как идентичность социальную, ни другие науки. Основными тенденциями изучения феномена социальной идентичности становится осознание ее полипарадигмального статуса, объединение усилий представителей разных областей знания, интеграция отечественных исследований с достижениями мировой науки⁶.

Социальная идентичность связана с фактом осознания принадлежности человека к определенной общности, что предполагает рассмотрение себя в качестве представителя определенной группы. В данном аспекте открывается внешняя, коллективная составляющая социальной идентичности, в контексте которой человек воспринимает себя как члена группы, одного из наших, такого же, как и все.

Уточним несколько моментов относительно коллективной идентичности. По мнению В.Л. Абушенко⁷, когда речь идет о коллективной

идентичности, подразумеваются два ее компонента: 1) осознание индивидами своей принадлежности к какому-либо сообществу, имеющее для этих индивидов значимость и позволяющее им обозначать свою субъектность; 2) наборы и диапазон фиксированных в социокультурных практиках признаков (характеристик) надындивидуальных (воображаемых) общностей, наделяемых (в той или иной мере реифицируемыми) чертами коллективного субъекта. Самокатегоризация индивида всегда коррелирует с категоризацией, исходящей от социальной группы или иного сообщества. Коллективная идентичность запускает механизмы надындивидуальной интеграции и одновременно обособления на основе операций, проводимых прежде всего в символическом (следовательно, и смысловом) универсуме.

В современном обществе коллективные идентичности формируются не столько стихийно, сколько целенаправленно конструируются различными группами интеллектуальной и политической элиты с помощью соответствующих институтов, современных информационных технологий и средств коммуникации. Вместе с тем формирование коллективных идентичностей происходит не только под влиянием деятельности корпораций, государства и элит, и той политики идентичности, которую они проводят, но и в результате стихийных изменений в массовом сознании, реагирующем на социально-экономические и культурные сдвиги. Более того, стремительные социокультурные изменения в качестве ответной реакции на них активизируют такие «традиционные» формы коллективной самоидентификации, как религиозная, национальная и цивилизационная. Поэтому, согласно А. Тлеуж, конструирование коллективной идентичности следует рассматривать и как «результат смыслотворческой, идеологической и пропагандистской деятельности элит, и как стихийный процесс изменения стереотипов массового сознания под влиянием политико-институциональных сдвигов, социально-экономической и культурной динамики современного мира»⁸.

Коллективная идентичность является родовым, обобщающим понятием. В то же время в сознании каждого человека коллективная идентичность взаимодействует с индивидуальной (личностной) идентичностью, в связи с чем следует говорить о диалектической взаимосвязи

индивидуальной и коллективной идентичности. Эта диалектика проявляется в том, что самосознание личности и само ее тождество невозможно без взгляда на себя со стороны, без соотнесения себя с другими, с той или иной общностью.

Идентичность можно представить как многоуровневую структуру. Идея многоуровневой идентичности основывается на концепции «идентификационной матрицы» С. Московичи, согласно которой идентичность человека представляет целый набор различных отождествлений. Распределением информации в матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей, и это определяет соответствующий угол зрения на мир. Другим ориентиром будет признание множественной идентичности как признака широты круга социальных принадлежностей индивида, разнообразия структуры его жизнедеятельности⁹. Идентификационная матрица социальна по своей природе, ее конфигурация и содержание зависят от особенностей социума. Ее основу закладывают ценности, смыслы и ориентиры, которые образуют групповые (семейные, профессиональные, поколенческие и пр.), физические (внешность, пол, возраст), политические (гражданские, национальные, классовые), пространственно-территориальные, социокультурные (язык, религия) и другие идентичности. Матрица характеризует самоидентификацию индивида и включает индивидуальные и коллективные идентификации. Использование матрицы идентичности в качестве аналитической категории позволяет представить сложносоставную структуру индивидуальной (личностной) и коллективной идентичности.

Для анализа социальной идентичности населения полиэтничного региона были привлечены социологическая схема формирования идентичности индивида, описанная З. Бауманом, и типология идентичности, предложенная З.А. Жаде. Так с точки зрения З. Баумана, на основании эмпатийной близости и интенсивности контактов формируются первичные группы, которые обеспечивают психологическую безопасность и комфорт и воспринимаются как изначально и объективно заданные (примордиальные). К таким группам можно отнести семью, близкий круг общения. В свою очередь, отдаленность людей и редкость (или отсут-

стве) контактов дает основание для определения других типов групп – «Они» и «Чужие». Не контактные и большие по численности группы представляют собой воображаемые сообщества, вторичные группы. К ним относятся такие группы, как класс, поколение, этническая общность, гражданственность¹⁰. Типология многоуровневой идентичности, предложенная З.А. Жаде¹¹, включает следующие уровни идентичности: этническая, региональная, национальная, геополитическая и цивилизационная. Обозначенные уровни тесно взаимосвязаны и представляют собой иерархически структурированную, и в то же время сложно организованную систему.

Применительно к целям нашего исследования, считаем необходимым помимо указанных уровней идентичности обратить внимание на религиозную, конфессиональную идентичность. Необходимость анализа данного вида идентичности обусловлена тем, что с одной стороны, функция традиционной константы в иерархии идентичностей принадлежит религии, с другой, в условия полиэтничного и поликонфессионального региона актуализация данного вида идентичности может выступать как консолидирующим, так и конфликтным фактором.

Исследование феномена социальной идентичности осуществлялось на материалах полиэтничного региона – Краснодарского края. В июле – сентябре 2013 году было проведено анкетирование населения края. Выборка составила 1200 человек в возрасте старше 18 лет (квотная выборка по признакам пола, возраста, уровня образования, этническому составу и соотношению городского и сельского населения).

По данным на 1 января 2010 года, население Краснодарского края составляет 5,16 млн. человек (3,6% населения России)¹². Население края сохраняет многонациональный состав: преобладают русские – 88,3%, 21 этнос образует общности численностью свыше 3 тысяч человек каждая. Эти группы отличаются сплоченностью, сложившейся структурой внутренних связей. Полиэтническая региональная общность на территории Краснодарского края складывалась из автохтонного адыгского населения и одновременных волн миграционных перемещений казачества, массы так называемого иногороднего населения – выходцев из русского и украинского этносов. Кубань стала местом исторического проживания и этнической коренизации для таких этносов как армяне, греки, нем-

цы, молдаване, эстонцы и др. В условиях интенсивных межэтнических взаимодействий на протяжении двух столетий была сформирована особая этнокультурная среда, характеризующаяся довольно высоким потенциалом толерантности между представителями различных этносов.

Одной из отличительных черт социальной идентичности в полиэтничном, поликультурном социуме является ее многоуровневый, многослойный характер. Данное явление объясняется наличием целого ряда объектов идентификации, которые в различных социальных контекстах, могут как совпадать, так и конкурировать. Рассмотрим систему основных идентификаций населения края.

Иерархия идентичностей. Каждый индивид выступает как носитель набора социальных идентичностей (этнической, гражданской, конфессиональной и т.п.). Потенциально у каждого есть огромное количество идентификационных возможностей. Часть из них наиболее значима для личности, соответственно можно говорить о своего рода иерархии идентичностей, и данная иерархия может меняться под воздействием как различных внешних факторов, так и в зависимости от доступных индивиду коллективных принадлежностей.

Для эмпирического изучения структуры социальной идентичности и определения иерархии ее уровней в опросный лист включались вопросы относительно «я-идентификации» для выявления структуры личностной самоидентификации (вопрос «В какой степени Вы осознаете себя... Я – ..»), «мы-идентификации» для определения включенности индивидов в определенный тип общностей (вопрос «В какой степени Вы ощущаете единство со следующими группами людей? О каких группах можете сказать «Это Мы»), а также определение субъективной значимости различных типов идентичности («Насколько значимо для Вас...»).

Результаты исследования «я-идентификаций» населения Краснодарского края показывают, что в целом по выборке доминирует гендерная идентичность (93,4%), семейная (88,2%) затем идет гражданская идентичность (79,1%), региональная и локальная (Я – житель своего села/города/станции) идентичности стоят рядом (78,3% и 78% соответственно), этническая идентичность не находится на первом месте, но не менее актуальная для 72,1% опрошенных. Ме-

нее всего выражена идентификация с жителями СНГ и европейцами (29,9% и 20% соответственно не создают себя в этом качестве).

Вопрос о распространенности тех или иных коллективных идентичностей среди представителей разных возрастных групп представляется чрезвычайно интересным, поскольку возраст человека маркирует определенные условия его социализации, происходящей на фоне комплексных экономических, социально-политических, культурных процессов в обществе: каждому этапу исторического развития, каждому возрасту общества и возрасту человека в этом обществе присущая своя «мозаика идентичностей». Анализ эмпирических данных в разных возрастных группах позволил выявить следующие тенденции: гражданская идентичность наиболее выражена в когорте 18-29 лет (79,6%). В группе от 60 лет и старше преобладают гражданская (92,2%) и локальная идентичности (87,6%). Этническая идентичность более актуализирована в группе 45-59 лет (76,2%). В группе 30-34 лет доминируют религиозная (60,4%), и локальная (80,7%) идентичности. Региональная идентичность ярко выражена практически во всех возрастных группах (больше 80%).

Структура «мы-идентификации» несколько отличается от «я-идентификаций». Мы-идентификации одновременно сопряжены как с широкими «воображаемыми общностями», так и с реальными группами повседневного общения. Большинство респондентов ощущает единство прежде всего с гражданами России (63,4%), на втором месте находится единство с этническим сообществом (57,9%), затем следует общность с людьми своего поколения (54,7%) и на четвертом месте находится общность с локальным сообществом (44,7%). Показателен и тот факт, что практически каждый третий житель края (39,7%) не чувствует единства с жителями Северного Кавказа, тогда как макроуровень региональной идентичности (житель Юга России) выражен у 36,5% опрошенных.

Если обратиться к оценкам значимости для респондентов разных типов идентичности, то здесь лидирующие позиции занимают гражданская (65,9%) и этническая (65,7%) принадлежности, то есть этнический и общегражданский наднациональный компоненты в одинаковой степени актуальны.

Таким образом, проведенный эмпирический анализ иерархии идентичности жителей Крас-

нодарского края показал, что, несмотря на сохраняющийся высокий уровень интенсивности примордиальных групп, все большее место в структуре идентичности жителей края занимают конструируемые сообщества (государство и региональное сообщество). Проведенный анализ основных трендов коллективных идентификаций в возрастной перспективе показал, что, несмотря на существование определенных возрастных различий в иерархии идентичностей, структура идентификационных предпочтений населения края приблизительно одинакова среди всех возрастных групп. Преобладают в идентификационной матрице государственно-гражданская и национально-этническая идентичности.

Этническая идентичность. Анализ структуры социальной идентичности жителей края показал, что этническая идентичность является одной из значимых. Включенность в этничность – показатель субъективной значимости этнической идентичности. Данные опроса показали высокую степень актуализированности этнической идентичности: так 60,8% опрошенных никогда не забывают о своей национальности, помимо этого более половины респондентов склонно считать, что современному человеку обязательно нужно чувствовать себя частью группы (65,6%). Актуализированная этническая идентичность проявляется в солидарности с представителями своей этнической группы и такая ситуация достаточно противоречива: с одной стороны может способствовать росту интолерантных межэтнических установок, но с другой может быть использована для национально-гражданской консолидации 13.

В опросник были включены вопросы для определения величины социальной дистанции между представителями разных этносов. Так величина социальной дистанции с представителями других национальностей в целом, согласно распределению ответов респондентов, невелика – большинство респондентов (50,5%) согласны видеть представителей других национальностей в качестве друзей, 46,6% - в качестве коллег, 46,1% - в качестве жителей города и др. Самый нечасто встречающийся ответ респондентов (21,1%) – «предпочел бы не видеть их в моей стране».

В целом, можно говорить об актуализированности этнической идентичности населения края, но без установок на изоляционизм, что не

в последнюю очередь обусловлено полиэтничностью самого региона.

Гражданская идентичность. Как показало исследование, в иерархии идентичностей жителей края гражданская идентичность занимает лидирующее место: так осознание себя как гражданина России ярко выражено у 79,1% населения, при этом 63,4% жителей края отметили наличие у себя чувства единства с жителями РФ, так же большинство опрошенных признают сам факт гражданства значимым для себя (88,6%).

Данный вид идентичности проявляется в том числе и в представлениях жителей о гражданстве, его обязанностях перед Родиной. Гражданином России жители Краснодарского края считают в первую очередь тех, кто готов защищать Россию (63,5%), кто любит Россию (43,1%), около четверти опрошенных отметили, что считают россиянином тех, кто имеет российское гражданство (27,1%), кто уважает российский политический строй и законы (25,7%), кто родился в России (24,9%). В то же время такие факторы, как православная вера и владение русским языком являются наименее значимыми критериями признания человека гражданином России.

Среди ассоциаций с понятием «гражданство» 52,9% жителей края назвали принадлежность государству. Остальные варианты назывались значительно реже – так, 11,1% респондентов ассоциируют гражданство с конституционными правами, 10,6% – с долгом или обязанностью, 10% – с национальным достоинством. Ассоциацию между понятием гражданства и защищенностью чувствуют 8% населения, с патриотизмом связывают это понятие 7% респондентов.

Среди наиболее значимых гражданских качеств можно выделить соблюдение законодательства (93,6%), патриотизм (90,3%), знание истории страны (92,5%). Следует отметить, что активное участие в общественной и политической жизни при этом не рассматривается жителями региона как важный фактор для гражданина России – четверть отвечающих отметили это качество как абсолютно неважное. Также необходимо отметить, что, несмотря на осознание себя гражданами страны и признание любви к Родине, лишь 11,4% респондентов отметили долг перед Родиной одной из приоритетных целей своей жизни, отдав предпочтение семье, карьере и личным интересам.

Одной из составных частей гражданской идентичности является гордость за свою страну и народ. На вопрос, какими сторонами жизни России гордятся жители Краснодарского края, большая часть опрошенных ответили, что гордятся историей России (88,9%), достижениями в области литературы и искусства (88,2%), спортивными успехами (81,6%), научно-техническими разработками (78,6%) и 72,5% опрошенных испытывают гордость вооруженными силами страны. В наименьшей степени респонденты испытывают гордость в отношении системы социальной защиты населения (40,8% отметили, что совсем не гордятся этим аспектом жизни страны), равноправием всех групп населения (32,7%), экономическим развитием России (24,5%) и политическим влиянием России на международной арене (13,7%).

Таким образом, можно констатировать, что лидирующую роль в иерархии идентичностей жителей Краснодарского края занимает гражданская идентичность. При этом в составе гражданской идентичности на первый план выходят такие гражданские качества, как патриотизм, уважение и знание исторического прошлого страны и поддержание государственного порядка, тогда как активное участие в общественной и политической жизни при этом не рассматривается жителями региона как важный аспект гражданственности.

Региональная идентичность. Региональная идентичность является ярко выраженной в иерархии идентичностей жителей Краснодарского края. Территориальная идентичность, являющаяся частным случаем региональной идентичности, также осознается большей частью населения, при этом существуют значительные отличия в уровне актуализации региональной идентичности среди городских и сельских жителей. Так, 70,2% городского населения осознает себя в первую очередь именно частью территориального сообщества, тогда как среди жителей сельских поселений уровень такого осознания значительно ниже – 51,3%. Не осознают свою причастность к территориальному сообществу 43,7% сельского и 24,9% городского населения. Чувство единения с жителями Краснодарского края в той или иной степени ощущают 84,1% опрошенных. Также следует отметить, что степень ощущения единства с жителями макро-региона Юг России выражена у 36,5% опрошенных.

Одним из факторов региональной идентичности является ощущение своей общности как особенной, отличающейся от других. В наибольшей степени, по мнению опрошенных, жители Краснодарского края отличаются от жителей других регионов особенностями языка, «говором» – 56,6%. Среди других особенностей жителей региона респонденты указывали на специфику образа жизни (49,9%), традиции (48,7%), менталитет (43,4%).

Феномен региональной идентичности тесно связан с понятием малой Родины. 71,2% опрошенных отметили, что существует место, которое они могут назвать своей малой Родиной. При этом 44,8% респондентов считают ею населенный пункт, в котором родились, 26,4% – населенный пункт, в котором прошло их детство, 18,1% – населенный пункт, в котором они проживают сейчас.

В целом, можно отметить о сформированности и достаточно высокой актуализированности в сознании населения края региональной идентичности (житель Кубани). С одной стороны, региональная идентичность близко и реально воспринимается, легко конструируется. С другой стороны, значительный вклад в ее оформление вносят краевые власти, и местные СМИ, формируя и транслируя идеологему «мы – кубанцы».

Религиозная идентичность. Религиозная идентичность – это категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе¹⁴. Анализируя проблему религиозной идентичности, необходимо отметить сложность и многоуровневость данного феномена, в силу чего выделяют индивидуальный и групповой тип религиозной идентичности.

Данные исследования показывают, что 87,1% опрошенных отнесли себя к верующим в той или иной степени, 9,8% определили себя как «скорее неверующими» и 3,1% указали, что однозначно не являются верующими. Большая часть респондентов (81,8%) идентифицируют себя с православием, что в значительной степени обусловлено православно-ориентированным мировоззрением российского общества. Данный показатель вполне соотносится с официальной статистикой, согласно которой самой много-

численной конфессией края является православие. На втором месте – ислам – 2,9% опрошенных отнесли себя к этой конфессии и 2,5% исповедуют протестантизм, приверженцы всех остальных конфессий, вместе взятые, составляют 2%, не отнесли себя ни к какой конфессии 11% респондентов.

Основным критерием, позволяющим респондентам ощущать связь со своей конфессией выступает «склад бытия и собственные убеждения» – 45,1%, далее следуют национальность и происхождение – 31,5%, родственные (семейные) традиции – 21,4%.

Значимость религии в повседневной жизни для жителей Краснодарского края, согласно исследованию, выглядит следующим образом: половина жителей считают религию не самым главным, но не менее значимым – 51,8% опрошенных, 21,4% считают ее только одной из важных составляющих в своей повседневной жизни, а для 8,9% религия определяет всю жизнь в быту и на работе. Таким образом, 82,1% опрошенных признали, что религия имеет значение в их жизни и лишь 17,5% отметили, что религия не имеет никакого значения. Анализ данных показал преобладание женщин в составе религиозной части опрошенных и, наоборот, мужчин в составе нерелигиозной части. Это объясняется и психологическими особенностями, и большей консервативностью женщин. Рациональность же в повседневной жизни больше свойственна мужчинам.

Таким образом, восприятие религии происходит в двух основных аспектах: во-первых, как идентификационной характеристики, критерия соотнесения себя с определенной устойчивой культурной традицией, и, во-вторых, как способа персонального бытия, когда большую значимость приобретает вера. Но, одновременно, неоднозначность сложившейся ситуации заключается в том, что с одной стороны, происходит увеличение приверженцев традиционных российских конфессий, а с другой, – важность церковной жизни не является приоритетной, доминирующими остаются светские ориентиры. Все это является частью общей тенденции вытеснения традиционной религиозности индивидуальной, наблюдаемой в современном мире. В индивидуальной религиозности вырабатывается иное отношение к религии как таковой и к религиозным традициям, в частности. У нее много разновидностей, но общим является то,

что свой внутренний запрос и собственное мнение превыше всяких предписаний.

Исполнение религиозных практик является одним из показателей включенности индивида в религию, позволяет оценить характер религиозности. Так согласно полученным данным 79,9% опрошенных посещают православный храм, мусульманскую мечеть – 2%, протестантскую церковь – 2%. При этом 14,4% посещают церковь только своей веры, а 2,2% посещают церкви разных направлений. Большая часть верующих посещают храмы от случая к случаю – 48,9%, по религиозным праздникам это делают 22,2%, один-два раза в месяц – 8,4%, каждую неделю храм посещают 3,9% и несколько раз в неделю – 2,7% опрошенных. Что касается молитвы, то большинство верующих молятся от случая к случаю – 33,2%, либо только в критических ситуациях – 21,2%, ежедневно молятся 15,8% опрошенных, а 15,2% респондентов никогда не молятся. Таким образом, большинство верующих оставляют на свое усмотрение вопрос о посещении храма и совершения молитв и придерживаются самых общих требований своей религии, что свидетельствует о тенденции формирования и распространения индивидуальной религиозности.

Проблема толерантности и безопасности всегда являлась актуальной, но наибольшую остроту она приобретает именно в таких полиэтничных и поликонфессиональных регионах. Здесь проблема восприятия «другого» как «чужого» становится особенно рельефной. Эту мысль подтверждают многие социальные явления, процессы и проявления нетерпимости, носящие религиозный характер или религиозную окраску как за рубежом, так и в нашей стране. Как показывают результаты опроса, 44,5% опрошенных обеспокоены ростом численности представителей разных религий в России. Главными причинами такой обеспокоенности назвали следующие: представители других религий придерживаются норм поведения, которые респонденты не могут одобрить (27,9%); представители других религий вытесняют представителей традиционных религий (22,4%); представители других религий поддерживают только своих, игнорируя чужих (21,3%). Не вызывает обеспокоенности рост разнообразных религий в России у 43,1% опрошенных, а 12,4% затруднились ответить.

Также респондентам задавался вопрос о принятии представителей другой религии в сво-

ей жизни. Опрос показал, что большинство опрошенных вполне толерантны по отношению к представителям других религий: так только 15,1% предпочли бы вообще не видеть представителей другой религии в своей стране. Но тем не менее большинство не готовы видеть представителей других религий в качестве своих близких родственников (45,2% респондентов не согласны на это), гораздо охотнее жители Краснодарского края готовы взаимодействовать с представителями других религий в качестве жителей их города, поселка, деревни (41,6%) или гражданина страны (39,4%), или коллег по работе (42%).

Таким образом, религиозную идентичность жителей Краснодарского края можно охарактеризовать как комбинированную: в ней тесно переплелись вера и элементы светской культуры, а Краснодарский край религиозном отношении можно назвать и моноконфессиональным и многоконфессиональным одновременно, о чем свидетельствует многообразие различных религиозных течений и направлений отмеченных в крае, с одной стороны, и значительным преобладанием православных верующих, с другой стороны.

Цивилизационная идентичность. Цивилизационная идентичность включает в себя представление человека о своей принадлежности к той или иной культурно-цивилизационной общности, те ценности и поведенческие модели, которые формируются на основании отождествления себя с определенным выбором, а также с соответствующими социальными институтами и отношениями. Важным представляется исследование воздействия процессов самоидентификации на восприятие российским массовым сознанием места и роли России в мире, на отношение к странам Запада, западным институтам и ценностям. Анализ ориентаций и представлений населения может помочь в прогнозировании поведения больших социальных групп современного российского общества, а также в определении перспектив развития ситуации в России.

По данным опроса большинство (33%) респондентов считают, что ориентирами для россиян должна быть свои традиционно национальные русские ценности и стандарты, 28% опрошенных отметили российские ценности, 10% – советские; в то же время для 20% опрошенных западные ценности оказались предпочтительнее.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос о различии культур и ценностей европейцев и россиян. Позицию «различаются значительно» отметили 59% опрошенных, «различаются незначительно» – 21%, «не различаются» лишь 2,5%, затруднились с ответом – 30% респондентов. Ощущают и отождествляют себя с европейцами 37% респондентов, не относят 33%, затруднились с ответом – 30% опрошенных. Полагают, что Россия часть Запада и соответственно с государствами Западной Европы и США необходимо налаживать более тесные отношения и сотрудничество 58% респондентов. Для сравнения – страны Азии (Китай, Япония и др.) в этом отношении интересны лишь для 22% опрошенных. Вместе с тем, среди государств, чей опыт следует использовать в процессе реформирования российского общества страны Западной Европы и США занимают второстепенное значение, эту позицию отметили лишь 22% респондентов, страны Азии – 11%. Половина опрошенных полагают, что у России собственный путь, традиции и огромный исторический опыт и нет необходимости следовать чужим образцам.

Таким образом, некогда популярная позиция, согласно которой Россия часть Запада, с которым необходимо налаживать тесные отношения и сотрудничество продолжает сохраняться на высоком уровне (58%). Более того, многие опрошенные (37%) ощущают себя европейцами, хотя в большинстве своем (59%) признают наличие значительных различий в культурных и ценностных установках свойственных европейской и российской традициям. Вместе с тем, для большинства россиян западный вариант общественного устройства не является универсальным и пригодным для условий России. По-видимому, не слишком удачный опыт внедрения западных институтов и западных ценности в России в постсоветский период заставили большинство россиян усомниться в том, что такое взаимодействие полезно для российского общества и государства. Поэтому западный опыт развития, – не соответствует представлениям большинства российского общества о цивилизационной природе России, о ее стратегических ориентирах. Представления о собственном пути, основанном на традициях и историческом опыте развития, доминируют в случае бинарной оппозиции, когда перед опрошенными ставятся дилемма «западный», или свой «особый» путь развития.

Вместе с тем, результаты опроса показывают отсутствие изоляционистских настроений. Можно заключить, что позиция большинства опрошенных, состоит не в изолированности от стран Запада и Востока, а в возможности заимствования зарубежного опыта с учетом исторических традиций и реалий России.

Анализ данных анкетного опроса позволил выявить следующие особенности многоуровневой социальной идентичности населения края.

Во-первых, несмотря на сохраняющийся высокий уровень интенсивности примордиальных групп в когнитивной и эмоциональной измерениях идентичности, все большее место в структуре социальной идентичности населения региона занимают конструируемые сообщества (государство и региональные сообщества); региональная и этническая идентичность не противопоставляются общероссийской государственно-гражданской общности, а основным интегратором общероссийской идентичности выступает государство.

Во-вторых, анализ основных трендов коллективных идентификаций в возрастной перспективе показал, что, несмотря на существование определенных возрастных различий в иерархии идентичностей, структура идентификационных предпочтений населения края приблизительно одинакова среди всех возрастных групп. Преобладают в идентификационной матрице государственно-гражданская и национально-этническая «идентичности».

В-третьих, региональная идентичность является ярко выраженной в иерархии идентичностей жителей края; территориальная идентичность, являющаяся частным случаем региональной идентичности, также осознается большей частью населения, при этом существуют значительные отличия в уровне актуализации региональной идентичности среди городских и сельских жителей.

В четвертых, несмотря на специфику региона и высокую степень актуализации региональной идентичности, лидирующую роль в иерархии идентичностей жителей Краснодарского края занимает гражданская идентичность. При этом в составе гражданской идентичности на первый план выходят такие гражданские качества, как патриотизм, уважение и знание исторического прошлого страны и поддержание государственного порядка.

В-пятых, религиозную идентичность жителей Краснодарского края можно охарактеризо-

вать как комбинированную: в ней тесно переплелись вера и элементы светской культуры.

В-шестых, относительно цивилизационной идентичности большинство опрошенных полагают, что у России собственный путь, традиции и огромный исторический опыт и нет необходимости следовать чужим образцам.

Проведенное социологическое исследование показало, что для формирования и развития позитивной социальной идентичности в условиях полиэтничного региона, необходимо учитывать специфические качества, характеризующие такой регион: многонациональность, поликонфессиональность и культурное разнообразие населения.

Ссылки:

- 1 Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 годы», номер соглашения 14.В37.21.0982. («Социальная идентичность в массовых представлениях и общественном дискурсе в условиях полиэтничного региона») и проекта «Идентификационные риски в полиэтничном пространстве региона», поддержанного грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)
- 2 Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *AbImperio*. 2002. №3. С. 61–94.
- 3 Миненков Г. Я. Идентичность как предмет политического анализа // *Политическая идентичность и политика идентичности*. Т1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2012. С. 17
- 4 Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176 – 177
- 5 Лескова И. В. Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества. Автореф. дисс. ... докт. социол. наук, М. 2008. С. 16
- 6 Жаде З. А. Идентичность как междисциплинарная проблема современной науки // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №8. С. 409.
- 7 Абушенко В. Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // *Вопросы социальной теории*. 2010. Том IV. С. 142.
- 8 Тлеуж А. Х. Конструирование российской коллективной идентичности: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 11.
- 9 Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 115.
- 10 Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова; Ин-т «Открытое общество». М., 1996.
- 11 Жаде З. А. Российская идентичность как многоуровневая структура. 07.07.2008. Электронный ресурс]. [Сайт кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России]. URL: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm>. (дата обращения 10.09.2013).
- ¹² Население. 01.09.2013. [Электронный ресурс]. [Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю (Краснодарстат)]. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 10.09.2013)
- 13 Рыжова С. В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 3.
- 14 Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006. С. 683.

Социальное неравенство и стратегии выживания одиноких матерей в современной экономике¹

Семина М.В.

В статье рассматриваются исторические и современные проблемы одиноких матерей в российском обществе. Автор отмечает, что в СССР наблюдалось негативное отношение к разведенным женщинам. В постсоветском обществе категория одиноких женщин сохраняется, но их социальное положение и стратегии выживания сильно варьируются. По данным исследования, большинство одиноких матерей на ухудшение экономического положения отреагировали уменьшением потребления.

Ключевые слова: одинокие матери, социальное неравенство, стратегия выживания, неформальные механизмы защиты своих прав, политики ожидания лучших времен, диверсификация положения одиноких матерей.

Social inequality and survival strategies of single mothers in the modern economy
Semin M.V.

The article examines the historical and contemporary problems of single mothers in the Russian society. The author notes that in the USSR there was a negative attitude to divorced women. In the post-Soviet society category of single women is still present, but their social status and survival strategies vary greatly. According to the study, the majority of single mothers in the deteriorating economic situation have reacted decrease consumption.

Key words: single mothers, social inequality, survival strategy, informal mechanisms to protect their rights, policy of waiting for better times, the diversification of the situation of single mothers.

Введение

В наше трудное время нелегко вырастить ребенка в полной семье, потому что родители сталкиваются с целым комплексом проблем - начиная от финансовых и кончая психологическими. Даже в семье, где двое родителей работают, существуют определенные финансовые трудности, связанные с воспитанием ребенка. Можно предположить, насколько сложнее растить ребенка, когда финансовое бремя ложится только на одного человека. И еще сложнее представить, как выживает такая семья когда нет никакой поддержки родственников. На кого надеются такие семьи, где все бремя по воспитанию ребенка ложится на мать? С какими проблемами такие семьи сталкиваются? Как их решают? Есть ли какие-то специфические привилегии, которые затрагивают эту категорию женщин, или, наоборот, эта категория сталкивается с наибольшим ущемлением своих прав? Каково отношение к одиноким и разведенным матерям в обществе? И вообще как они выживают? На эти и другие вопросы я постараюсь ответить на страницах этой книги.

Одинокие женщины, которые растят детей одни, - это, к сожалению, черта нашего времени. Число женщин, вынужденных растить детей в одиночку, увеличивается во всем мире. Во всех странах оно значительно превосходит число одиноких отцов. Подходы к одиноким матерям в различных странах не одинаковы. В некоторых их рассматривают только как женщин, растящих детей. В других странах, и Россия в таком подходе не является исключением, одинокие матери не могут себе позволить быть просто матерью и сидеть дома, поэтому наряду с тем, что они являются матерями, они к тому же еще и работницы. В некоторых странах система социального обеспечения работает настолько хорошо, что одинокие матери могут прожить на государственное пособие. В таких странах, как Россия, одинокая мать, чтобы прокормить себя и ребенка, должна работать. Анализ литерату-

ры, посвященной одиноким матерям, показывает, что в основном она посвящена проблемам национальной политики в различных странах и стратегиям социальной поддержки этой категории граждан. Вместе с тем, как справедливо указывается в книге «Одинокие матери в международном контексте», «существует предположение, что если стимулы социальной политики меняются, одинокие матери будут отвечать на это приемлемыми и одинаковыми путями. Например, есть предположение, что, если уровень социального пособия одиноким матерям будет снижен, то они немедленно пойдут искать работу... При таком упрощенном понимании существует тенденция игнорировать социальные процессы на локальных рынках труда и окрестностях, а также приуменьшать возможности действий одиноких матерей, хотя и внутри ограничений, обусловленных стратификацией обществ по различным признакам, в том числе и по полу»². Необходимо отметить, что конкретных исследований, проведенных на уровне неформальных процессов, о субъективном восприятии матерями своего положения и описания конкретных акций, которые они предпринимают для того, чтобы выжить, во всем мире было проведено не много, не говоря уж о России. В России направление качественных исследований только начинает развиваться, и тем более радостно, что такие проекты, как этот, поддерживаются международными организациями. В предлагаемой книге делается попытка показать конкретные ситуации, с которыми одинокие женщины сталкиваются на своих локальных рынках труда, как они с ними справляются, будучи одинокими матерями и одновременно теми, чьи права постоянно нарушаются; и какие стратегии они предпринимают для того, чтобы преодолеть все препятствия и выжить.

Положение одинокой матери в Советском Союзе

Говоря о положении одиноких матерей, необходимо небольшой экскурс в историю, для того чтобы проследить, какова была политика государства по отношению к семье и к одиноким матерям. Как справедливо отмечает Лapidус, «эволюция советской политики в отношении семьи была отмечена напряженностью между двумя конфликтующими приоритетами. С одной стороны, женская независимость и равенство подчеркивались в качестве нормы в совет-

ском законодательстве. С другой стороны, постоянные усилия государства по стабилизации и усилению семьи как фундаментального социального института приходили в противоречие с этими нормами»³. В первые годы советского режима это расхождение было совсем небольшим, поскольку провозглашались лозунги либерализации и свободы семейных отношений. Подчеркивалась свобода от женитьбы и разводов. Некоторые функции семьи, в том числе и воспитание детей, мыслились скорее как функции всего общества, а не просто отдельной семьи. Вместе с тем к 30-м годам возникло понимание, что слишком большая свобода, данная женщинам, не соотносится с большевистскими приоритетами по воспроизводству и воспитанию молодого поколения, поэтому советское руководство стало проявлять повсеместную «озабоченность» вопросами семьи и брака, и всеми путями пыталось вмешаться в семейную политику. Начиная с 1930-х годов разворачивается интенсификация требований по отношению к семье, и в особенности к ее репродуктивной функции. Однако усиливая роль семьи в государстве, и подчеркивая значимость стабильной семьи, тем не менее предпринимаются законодательные акты, явно противоречащие заявленным целям. Так, новое семейное законодательство, введенное в 50-х годах, откровенно открыло дорогу к двойному стандарту в советских семьях. «Отцовство не рассматривалось более как биологический факт, а только как юридическое обязательство, связанное с официальной женитьбой. В то время как материнство, по контрасту, было связано напрямую с социальными последствиями, вне зависимости от того, были ли отношения зарегистрированы или нет, поскольку женщины несли всю ответственность за незаконно рожденного ребенка. И в этом смысле влияние женской биологической сущности на судьбу было усилено советским законом»⁴. Таким образом, семейная реформа, ограничивающая свободу жениться, разводиться и вообще свободу иметь или не иметь ребенка, ставя своей целью защитить стабильность семьи, привела к совершенно противоположным результатам: ужесточение разводов привело к возросшему числу неофициально разрушенных семей и созданию новых «гражданских браков». Принятое законодательство освободило мужчин от ответственности за какие-либо последствия незарегистрированных

отношений, в то время как одинокие матери ощутили на себе весь груз социальных последствий, связанных с воспитанием детей, рожденных вне брака. А жертвами сталинской семейной политики стали именно дети – они первыми ощутили на себе экономическую и социальную дискриминацию, будучи «без вины виноватыми». Поскольку в сводах семейных законов 1930-х годов существовали ограничения на свободу женитьбы и разводов, то очевидно были нарушены права детей в зависимости от их официальной регистрации и закреплялись неравные, в сущности, права отцов и матерей. Сторонники реформ требовали изменения семейной политики, и в новом семейном законодательстве 1965 года процедура разводов была упрощена. Отношение к незаконнорожденным младенцам так или иначе изменилось, поскольку матери теперь разрешалось вписывать любое мужское имя в метрику новорожденного, и, таким образом, упразднялось совершенно дискриминационное правило, действующее до этого, – прочерк на месте фамилии отца. Вместе с тем в законе не признавалось равенство незарегистрированных и зарегистрированными браков.

Положение одинокой матери в последующие годы в России также нельзя назвать безоблачным, поскольку давало себя знать оставшееся от прошлого ханжеское отношение людей.

Однако одинокие матери испытывали на себе не только психологическое давление Советское государство воплощало на деле модель «двойного кормильца», когда оба супруга вынуждены были работать, чтобы прокормить семью: даже в полной семье заработка одного из супругов, как правило, не хватало. Можно представить, как трудно было воспитывать ребенка имея в распоряжении заработок только одного кормильца – матери. И хотя государство все-таки брало на себя заботу о матерях-одиночках, которым не на кого было опереться, нельзя сказать, что это пособие покрывало заработок отсутствующего отца⁵. Как правило, государственное пособие было значительно ниже потенциального заработка отсутствующего отца и составляло к концу 1980-х годов около 20 руб. (Если учесть, что у большинства населения зарплата не превышала 120 - 150 руб., то детское пособие составляло 6-7-ю часть заработной платы. Это было приблизительно столько же, сколько люди платили за квартиру и коммунальные услуги.) Семьи в СССР, где ребенок

воспитывался с одним из родителей, были не так уж редки. Конечно, необходимо учитывать, что основу таких семей составляли женщины с детьми.

В общем, никаких значительных привилегий государство не могло обеспечить одиноким матерям, однако кое-какие льготы были, и в основном они соблюдались. Одной из очень важных, на наш взгляд, привилегией для одиноких матерей была статья в российском законе о труде, запрещающая увольнять одиноких матерей с производства до достижения ребенком 14 лет. При неисполнении этой статьи любая одинокая мать могла оспорить решение руководства предприятия, и немедленно это решение утрачивало силу. Кроме того, существовали квоты на предприятиях и в органах, ответственных за распределение жилой площади, для одиноких матерей. Таким образом, часть одиноких матерей могли получать жилье, комнаты и квартиры, быстрее чем семейные пары, хотя ради справедливости надо отметить, что эти льготы не всегда безукоснительно соблюдались. Тем не менее, профсоюзные организации на предприятиях в советские времена нередко предлагали льготные путевки в пионерские лагеря и санатории одиноким матерям, учитывая их тяжелое материальное положение. Кроме того, на наш взгляд, наиболее существенным завоеванием «советского периода» были бесплатные ясли и детские сады, бесплатное обучение в школе и, для наименее обеспеченных, куда входили одинокие матери, бесплатные детские обеды в школе. Конечно, всем женщинам-матерям без исключения выплачивалось пособие по временной нетрудоспособности, если заболел ребенок до 14 лет.

Однако на этом плюсы одиночества заканчивались, поскольку существовали и минусы. Как справедливо отмечено Т. Морозовой в статье «Одна в поле воин», «во времена социализма быть матерью-одиночкой считалось неприличным»⁶. Вместе с тем в прессе мать, воспитывающая ребенка одна, поощрялась: стране нужны были рабочие руки, и женщины растили детей не для себя - для государства. В печати создавался имидж беспроблемной жизни одинокой матери, а в некоторых публикациях, вместо того чтобы вскрывать истинные причины одиночества в обществе, старались переложить вину на саму женщину: дескать, очень требовательно она подходит к современным мужчинам. Кроме того,

Таблица 1

Дети, родившиеся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке (в % от общего числа рождений)⁹

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Рос. Федерация	14,6	16,0	17,1	18,2	19,6	21,1	23,0	23,5

подчеркивалось, что у нее и так много служебных обязанностей. Стране нужны были женщины-работницы.

Говоря об общественном признании женщин, растивших детей в одиночку, и отношении к ним, необходимо отметить, что в обществе оно, как уже отмечалось выше, было негативным. По отношению к матерям одиночкам было распространено расхожее выражение «мать-однаночка». И в общественном сознании они стояли в самом низу общественной пирамиды. Считалось, что в том, что они растят ребенка «во грехе», они виноваты сами, а у некоторой части общества даже существовало завистливое отношение к тому, что они получают государственные привилегии «абсолютно незаслуженно».

В то же время, даже несмотря на возрастающее количество браков в 70-е годы, процент женщин, родивших ребенка вне брака, был также достаточно высок, и он автоматически возрастал в отношении женщин более старшего возраста⁷. Тем не менее не очень доброжелательное отношение к семьям, в которых в силу каких-либо причин ребенок воспитывался одним из родителей, приводило к тому, что одиноким женщинам очень часто приходилось доказывать свою состоятельность, а некоторые из них, удрученные своим низким статусом, обращались в прессу, призывая к одобрению и повышению статуса одинокой матери в обществе.

Негативное отношение в обществе было распространено и к разведенным женщинам. Разводы в общественном мнении не поощрялись. Разведенные матери, как правило, не получали никакой дополнительной помощи от государства. В основном они надеялись на свои силы и на алименты от бывших мужей. Алименты в социалистические времена хотя и были не очень существенными (поскольку заработок у основной категории населения был невысок, а они составляли 25% на одного ребенка), зато выплачивались централизованно через бухгалтерию предприятия и все-таки являлись каким-то подспорьем в семье.

Начиная с 1970 годов проблема разводов

стала одной из серьезных проблем, затрагивающих советское общество. Упрощение процедуры развода повлекло за собой резкое увеличение их количества. И несмотря на то, что в республиках данные разводов заметно отличались, практически во всех городах уровень разводов был очень высоким. Рекордным был уровень разводов в Москве и в Ленинграде в 1973 году, где количество зарегистрированных разводов на тысячу человек было 5,1 и 5,5 соответственно⁸. В социологической литературе тех лет не так много объяснений основных причин разводов, хотя западные аналитики считают, что наиболее важной причиной распада семей был алкоголизм мужчин. Однако, как правило, истинные причины вуалировались в судах, и существовало казенное клише, выраженное во фразе «не сошлись характерами», которая, в сущности, скрывала целый веер реальных причин - от пьянства до сексуальной дисгармонии.

Таким образом, процент женщин, которые одни воспитывали детей, в России в силу разных причин до эпохи перемен был достаточно высоким, их положение в глазах общества низким, а семья фактически была на грани выживания, поскольку средств было намного меньше, чем в полной семье.

Рассмотрим теперь каково было положение одиноких матерей в период перестройки и в так называемые «лихие 90-е».

Положение одиноких матерей в период перестройки

Из данных табл. 1 видно, что количество детей, рожденных от женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, растет год от года. Данные же 1997 года показывают, что практически каждый пятый ребенок в Российской Федерации рождается в незарегистрированном браке.

Из данных табл. 2 видно, что процент разведенных женщин колеблется от 10% в 25–29-летнем возрасте, до 14% в возрасте 40–49 лет, хотя из таблицы и не видно наличия и количества детей, находящихся на иждивении.

Таблица 2

Брачное состояние населения отдельных возрастных групп. Данные микропереписи населения 1994 г.¹⁰

Брачное состояние	16-19 лет		20 –24 года		25-29 лет	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Никогда не состояли в браке	85	97	37	60	14	24
Состоят в браке	14	3	57	38	75	71
Вдовье	0,0	0,0	0,0	0,0	1	0,0
Разведенные, разошедшиеся	1	0,0	6	2	10	5
Всего в %	100	100	100	100	100	100
Тыс. чел.	216	183	261	247	237	234
Брачное состояние	30-34 лет		35–39 лет		40-49 лет	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Никогда не состояли в браке	8	13	5	8	5	6
Состоят в браке	80	81	80	84	75	85
Вдовье	1	0,0	3	1	8	1
Разведенные, разошедшиеся	11	6	12	7	14	8
Всего в %	100	100	100	100	100	100
Тыс. чел.	299	290	315	297	503	460
Брачное состояние	50- 59 лет		60–69 лет		70 лет и более	
	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Никогда не состояли в браке	4	3	6	2	8	2
Состоят в браке	66	86	50	86	18	73
Вдовье	17	4	35	8	69	23
Разведенные, разошедшиеся	13	7	9	4	5	2
Всего в %	100	100	100	100	100	100
Тыс. чел.	468	376	465	298	372	118

Таблица 3

Сравнительные данные по уровню разводов в мире¹¹

Страна	Год	Уровень разводов На 1000 чел.
Япония	1997	1,78
США	1995	4,44
Германия	1995	2,07
Франция	1996	1,90
Италия	1994	0,48
Великобритания	1994	2,97
Швеция	1996	2,40
Россия	1996	4,47

Согласно различным источникам, к середине 1990-х годов уровень разводов в России стал одним из самых высоких в мире.

Из данных табл. 3 видно, что уровень разводов в России - один из самых высоких в мире, наряду с США.

Одинокие матери и общественное мнение в 1990-е годы

Исследование, проведенное О. Здравомысловой в 1992-1994 годах, показало, что общественное мнение по-прежнему было репрессивно по отношению к незамужним женщинам и склонно поддерживать исключительно «нор-

мальный», семейный образ жизни¹². Семья с одним из родителей по-прежнему не считалась нормальной в этот период в российском обществе¹³. Практически 100% респондентов «очень позитивно» относятся к зарегистрированному браку, а треть замужних женщин и 23,6% незамужних «очень негативно» настроены по отношению к сожительству. При этом 33,3% замужних и 21,8% незамужних женщин «негативно» воспринимали образ жизни тех, кто воспитывал ребенка без мужа. Почти треть замужних женщин не считали, что незамужние матери должны иметь преимущества перед остальными кандидатами в ситуации, когда рабочих мест

недостаточно. По признанию четвертой части всех незамужних женщин, они подвергались осуждению со стороны окружающих.

По мнению О. Здравомысловой, семейно ориентированные незамужние женщины-матери пребывали в глубокой депрессии. Именно к ним главным образом относится вывод, сделанный в результате проведенного летом 1992 года в ряде крупных городов европейской России исследования семей с одним родителем. На вопрос, как семья предполагает решать свои материальные проблемы в сложившихся условиях, более половины женщин из таких семей, ответили, что «единственный выход для них - эконо- номить на всем».

В исследовании, которое было проведено автором в 1998 – 1999 годах наметились первые ростки перемен по отношению к одиноким матерям. В целом, мы наблюдали 3 позиции:

Первую категорию составляли люди, кото- рые по-прежнему негативно относились оди- нокому материнству.

Вторая категория людей перешла от нега- тивного восприятия одиноких матерей к более терпимому. Видимо, тот факт, что в нашей жиз- ни стало достаточно много одиноких матерей, заставил их пересмотреть свои позиции.

Третья категория относилась к одиноким ма- терям с симпатией и всячески их поддерживала.

Социальное неравенство и типология одиноких матерей

Наше исследование в целом показало: сам факт, что женщина является одинокой или раз- веденной матерью, не должен рассматриваться в изоляции, поскольку он очень часто взаимо- связан с другими факторами, такими, как ее со- циальное положение, возраст, национальность, наличие родственной поддержки, наличие ра- боты, и, наконец, во многом взаимосвязан с тем, где она живет. Поскольку очень часто личные стратегии женщин бывают ограничены локаль- ными возможностями. Если мы рассмотрим положение с нарушениями одиноких матерей в более широком контексте, то можем отметить, что опыт женщин, чьи права нарушаются в Ка- луге, совершенно отличен от опыта тех жен- щин, чьи права нарушаются в Москве. Потому что все-таки более реально найти работу в Мос- кве, чем в маленьком провинциальном городе, как, например, Калуга, где большинство заво-

дов были военными, а в период перестройки просто закрылись или влачат жалкое существо- вание. Потому что пособия по безработице за- держиваются в некоторых районах по 18 меся- цев, в то время как в Москве выдаются вовремя. И, конечно, положение безработной одинокой матери, приехавшей из Казахстана, будет на- много сложнее по сравнению с положением одинокой матери, имеющей работу, родствен- ников и живущей в Москве. Именно поэтому здесь уместно отметить, что одна и та же оди- нокая мать может быть дважды и трижды диск- риминирована по разным признакам - в зависи- мости от того, где она живет, какой она нацио- нальности, какое у нее образование, есть ли у нее социальные связи и т.п.

Таким образом, одной из важных находок исследования является заключение о том, что несмотря на то, что одинокие матери - это наи- более ущемленная категория населения в Рос- сии, тем не менее их положение всегда нужно рассматривать в более широком контексте, и только сопоставление различных социальных факторов может помочь нам понять реальное положение женщины, сущность ее дискримина- ции и то, как она пытается преодолеть ее и как отвечает на социальные изменения. Более того, развитие специальных программ помощи оди- ноким матерям должно происходить не обобщенно, для всех одиноких матерей, а только принимая во внимание их социальное положе- ние, число детей, наличие родственной поддер- жки, место в социальной системе определенно- го города, финансовую позицию и т.д.

Приступая к изучению нарушений прав оди- ноких матерей, я исходила из желания задоку- ментировать нарушения их прав и пролить ка- чественный свет на то, каким образом наруша- ются их права, в каких сферах. В условиях от- сутствия статистических данных на этот пред- мет, на мой взгляд, именно этнографическое изучения нарушений их прав помогло бы не- много приоткрыть неизвестные нам факты.

Ниже представлены данные, свидетельства моих респондентов о нарушении их прав в раз- личных сферах. По этическим соображениям фамилии отсутствуют, поскольку респонденты, давая столь доверительную информацию, не были уверены, что за этим не последует ника- ких репрессий.

Дальше постараюсь объяснить, как одино- кие матери справляются с обстоятельствами и

каким образом их преодолевают. Один из важных исследовательских вопросов, которые мы имели в виду при изучении положения одиноких матерей, - какие стратегии применяют одинокие матери, для того чтобы поддержать материально свои семьи в условиях социальной трансформации? В нашем исследовании мы выделили иерархию одиноких матерей, и стратегия выживания и уровень возможностей, конечно, у представителей разного уровня были разными. Поскольку достаточно трудно обобщать всех одиноких матерей - как бы то ни было, но все-таки структура домохозяйства была разной, количество детей было также разным, - поэтому были разные иерархии респондентов.

В нашем исследовании мы пришли к выводу, что существует достаточно сильная дифференциация в уровне жизни среди обследованных нами одиноких матерей. Одинокая мать, которая имеет статус гражданина России, живет в Москве, имеет стабильную работу, имеет квартиру, и в это же время имеет поддержку родственников существенным образом отличается от одинокой матери, которая не имеет никакого официального статуса гражданина России, имеет внешность «другой русской» (внешность отличная от титульной нации), не имеет работы, не имеет никаких социальных связей, не имеет жилья, и у нее нет никаких шансов получить работу в силу отсутствия социальной поддержки и нежелания местного населения «делиться своими рабочими местами с мигрантами». Лейтмотив «они (мигранты) забирают у нас наши рабочие места» звучал очень сильно в период нашего исследования в 90-е годы». Не этот ли лейтмотив мы стали слышать еще чаще сегодня.

Жизнь конкретных одиноких матерей зависит от многих факторов. Наше исследование показало, что одинокая мать - это слишком обобщенное понятие, на самом деле существует целая иерархия одиноких матерей, некоторые из которых находятся наверху так называемой социальной лестницы (их, кстати, в нашем исследовании было совсем немного), другие же, и таких к сожалению, большинство, находятся внизу.

Таким образом, говоря о некоей концепции «одинокой матери» нужно отметить, что не существует некоего единого образа «одинокой матери». В 90-е годы прошлого века мы выяснили, что существует достаточно сильное раз-

личия в социальном положении одиноких матерей, и от этого положения зависят их стратегии выживания.

Нарисуем иерархию одиноких матерей из нашего исследования от лучшего социального положения к худшему:

1. Одинокая мать, гражданка России, имеющая высшее образование, квартиру, высокооплачиваемую работу, родственников и социальные сети в г. Москва, Люберцы, Домодедово
2. Одинокая мать, гражданка России имеющая квартиру, родственников, социальное окружение в г. г. Москва, Люберцы, Домодедово
3. Одинокая мать, гражданка России, имеющая квартиру, низкооплачиваемую работу в г. Калуге, поддержку родственников
4. Одинокая мать, гражданка России, не имеющая работы, не имеющая жилья, не имеющая поддержки родственников, проживающая в общежитии г. Калуги
5. Одинокая мать, не имеющая гражданства России, не имеющая работы, не имеющая жилья, не имеющая родственников или знакомых, выглядящая как «другая русская», надеющаяся только на своего сына, которому 12 лет, и который на момент исследования кормил маму тем, что ходил за грибами и тем самым обеспечивал минимальную пищу им обоим.

Стратегии выживания одиноких матерей

Когда одиноким матерям были заданы различные вопросы об их жизни, практически все они отвечали, что у них отсутствует определенная стратегия на какой-то - даже небольшой - временной период. Среди социологов, особенно среди тех, кто занимается стратегиями выживания определенных категорий населения или домохозяйств, сейчас существуют достаточно полярные точки зрения на то, есть ли вообще у россиян стратегия или ее нет. Основной спор разгорается именно потому, что каждый исследователь вкладывает свой смысл в понятие «стратегия» и именно поэтому одни считают, что она существует, другие - что нет.

На наш взгляд, сам термин «стратегия» предполагает некоторый отрезок времени, на который необходимо спланировать свою жизнь. И если подразумевать под термином «стратегия» долгий период, например полгода, год или даже два, то в наше нестабильное время иметь какую-либо заранее приготовленную стратегию невозможно. Однако в то же время нельзя отрицать,

что, например, любое домохозяйство планирует определенное количество денег истратить на питание, заплатить за квартиру, люди стараются подсчитать, как они израсходуют имеющуюся у них сумму денег хотя бы на месяц вперед, это своего рода стратегия, только краткосрочная. Возможно, это даже не стратегия, а тактика поведения в непредсказуемых условиях. В общем, не столько важно то, как назвать это явление, сколько то, что у людей все-таки существуют определенные мысли по поводу того, как они проживут ближайший месяц. Вместе с тем наиболее часто встречающийся житейский подход, обнаружившийся у одиноких матерей, - это когда нет никакой стратегии, а есть только адаптивная подстройка под обстоятельства. Можно ли это назвать своеобразной стратегией или нет - этот вопрос на сегодняшний момент является дискуссионным. А мы же обратимся к результатам самого исследования. Итак, практически все женщины отвечали приблизительно следующее: «День прошел, и слава Богу». Таким образом, большинство респондентов думают не о долгосрочных перспективах, а о дне насущном. В этом мы и увидели определенный жизненный подход: решение проблем в порядке их поступления. С помощью такого подхода женщины пытались преодолеть проблемы, связанные с постоянной нестабильностью и кризисом.

Большинство одиноких матерей в той или иной мере признались, что на ухудшение своего положения отреагировали уменьшением потребления. Практически все они отметили, что стали меньше есть, ассортимент продуктов значительно уменьшился. Респонденты практически прекратили покупать себе одежду и обувь, свели до минимума походы в гости и сами перестали принимать гостей. Вот, например, выдержка из интервью с одной одинокой матерью:

Что мы делали в отсутствии денег? Сокращали расходы на питание, в гости совсем не ходим. Развлекаемся с трудом. Урезаем расходы на покупку вещей. В долги, правда, не влезаем. К помощи родственников (других, кроме родителей) не прибегаю.

Надежда на родителей. Для тех одиноких матерей, у которых в семье были родственники, на которых можно было положиться, стратегией выживания и стала именно опора на родственников.

Один из наиболее распространенных подходов стал так называемый «пассивный подход»,

состоящий из политики ожидания лучших времен. Многие опрошенные матери, не получающие заработную плату на своих предприятиях по 6-8 месяцев, не получающие пособия на детей, тем не менее не предпринимали никаких действенных попыток как-то изменить ситуацию. Такая позиция ожидания изменения своего положения, например в сфере занятости, где нарушались их права, как правило, компенсировалась достаточно активной позицией вне сферы занятости: одинокие матери старались искать разные формы дополнительной неформальной занятости, при наличии огорода выращивать на нем овощи и фрукты.

Одинокие матери использовали любые неформальные механизмы для защиты своих прав. Вера в эффективность неформальных методов достаточно глубоко укоренилась в умах одиноких матерей. В результате, как показало исследование, даже в тех случаях, когда закон был полностью на стороне одиноких матерей, они предпочитали не подавать в суд, пытались решить вопрос с помощью неформальных механизмов. В некоторых случаях договоренности на неформальной основе действительно помогали людям, хоть и с большим опозданием, получить причитающиеся деньги. Во всяком случае, вера части респондентов в то, что с помощью неформальных методов можно быстрее добиться своих законных требований, приводила к тому, что они использовали возможности гибких неформальных договоренностей в качестве одной из жизненных стратегий. Казалось бы, все мы давно поняли, что законы у нас не работают. Наше исследование показало, что вследствие низкой правовой культуры, а также низкой эффективности судебной системы России обращение к легальным органам для защиты своих прав не стало нормой поведения одиноких матерей.

Вместе с тем позициям одиноких матерей было присуще одно противоречие. С одной стороны, они говорили, что надеются только на себя, с другой стороны, надеялись на то, что кто-то придет и даст им работу, объединит их. Это привносит уж слишком большой элемент пассивности в их жизнь.

Социальное неравенство среди одиноких матерей и возможности адресной помощи

Результаты нашего исследования показали,

что группа одиноких матерей не является монолитной, она, как и все наше общество, подвержена определенной структуре, и внутри нее есть свое деление на работающих и безработных, на тех, кто живет без поддержки родственников, и тех, кто живет с родителями, на тех, кто быстрее и активнее адаптировался к современным социальным и экономическим изменениям, и тех, кто растерялся перед лицом свалившихся трудностей. И именно эта диверсификация положения одиноких матерей еще раз говорит о том, что не должно быть усредненного подхода к обезличенной одинокой матери - необходимо разработать систему более адресной помощи для наиболее нуждающихся одиноких матерей. Исследование показало, что уровень правовой культуры среди одиноких матерей практически равен нулю. Даже в тех случаях, когда закон был на их стороне, они порой не знали, какие конкретные шаги предпринять для того, чтобы защитить свои права. Поэтому, на наш взгляд, необходимо организовать специальные программы по правовому ликбезу среди такой группы, как одинокие матери.

Усиление социального неравенства в российском обществе и положение одиноких матерей

Предварительные данные по современному положению одиноких матерей в России показывают, что с одной стороны, процент женщин, воспитывающих детей в одиночку растет. По данным исследований, если одиноких матерей было около 10-12% в 2002 году, то к 2010 году этот показатель уже был около 18% в, т.е. за два десятилетия мы видим практически двукратный рост одинокого материнства. С другой стороны, так же как и во всем обществе увеличился разрыв между теми, кто имеет высокий уровень зарплат, и теми, кто живет в абсолютной нищете. За годы, прошедшие с момента последнего исследования автора, «бедные стали беднее, а богатые богаче». Это не могло не затронуть слой одиноких матерей. Среди одиноких матерей социальная дифференциация также чувствуется достаточно сильно. Есть одинокие матери, которые имеют высшее образование, работают в высокодоходных отраслях экономики и могут себе позволить иметь отпуск 3 раза в год, летать за границу на отдых, иметь горничных и нянь для своих детей. В то же время существует достаточно большое ко-

личество одиноких матерей, которые работают на низкооплачиваемых работах, и их заработка едва хватает для того, чтобы обеспечить минимум пропитания для семьи. Дети таких одиноких матерей лишены многих благ: их матери не могут позволить им поехать вместе со всеми в театр, у них порой нет средств на покупку учебников или на оплату дополнительных занятий с учителем. Все это толкает их в «социальное гетто» из которого они сами не могут вырваться. В. Ильин¹⁵ в своей книге о социальном неравенстве писал о депривации таких слоев населения, и о том, что у них развивается «субкультура слоя», когда наступает полная апатия и выпрыгнуть из этого слоя, перейти рубеж, возможно только с помощью специальных социальных программ. Именно поэтому, усилия социологов сегодня должны быть сосредоточены на поиске эффективных механизмов перевода депривированных слоев населения, находящихся за гранью бедности, в слой удовлетворенных жизнью горожан, использующих все возможности современного города. Социологи, социальные работники должны изучать те программы адресной помощи, которые уже показали свою эффективность в мире, делать все для того, чтобы эти имеющие позитивный эффект программы распространять и популяризировать.

Ссылки:

1 Данные статьи базируются на 2 проектах: исследовании одиноких матерей. Первый проект: был осуществлен в 1998 – 1999 гг. в рамках исследования на тему: «Экономические и социальные права одиноких матерей в переходной экономике», осуществленного при финансовой поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров, Грант № 98-52242 КР (Исследование полностью базировалось на качественной методологии. Автором были проведены глубинные интервью с 64 одинокими матерями, у которых были различные образовательные, демографические и социальные характеристики. Женщины проживали на момент исследования в 4-х российских городах – Москве, Калуге, г. Домодедово и г. Люберцы. Однако в фокус исследования попали не только жители России, но и женщины-мигранты, поскольку поиск осуществлялся как методом снежного кома, и с помощью центров социальной защиты, так и через центры занятости населения, в которых на тот момент регистрировались прибывающие мигран-

ты. В исследовании предполагалось проведение 2 интервью с каждой одинокой матерью: первичного, и по истечении определенного срока, чтобы выявить положительную или отрицательную динамику в положении одинокой матери. В ходе исследования были также собраны дневники, заполненные самими одинокими матерями, в которых описывались стратегии выживания описанные самими респондентками). Второй проект начался в сентябре 2013 года. За прошедшие 15 лет, по мнению автора, положение одиноких матерей изменилось, и автор в настоящее время проводит качественное исследование с одинокими матерями, пытаясь выявить изменения в положении одиноких матерей и в их стратегиях выживания 15 лет спустя. Поскольку дети в семьях из предыдущего исследования уже выросли, а фокус исследования касается стратегий выживания, в современном исследовании формируется новая выборка одиноких матерей с различными социальными характеристиками. Проект в самом начале.

2 Single mothers in an International context: Mothers or workers. Ed. By S. Dunkan and Rosalind Edwards, London: UCL Press, 1997. P. 1-2.

3 Lapidus G.W. Women in Soviet Society, Berkley- London: University of California press, 1988. С. 236.

4 Там же. С. 237.

5 А. Пергамент. «Развитие советского законодательства о браке и семье»// Советское государство и право, № 9, 1975 г. С. 47-51. Прочитано: Lapidus, 1988. P. 239

6 Т. Морозова «Одна в поле воин»././ Калуга вечерняя, 15 - 21 августа 1998 года, N 33. С. 7.

7 Статистические данные по незаконнорожденным детям в 50-70-е гг. труднодоступны, тем не менее какая-то статистика появлялась в печати. В. Урланис в Литературной газете (Февраль, 7, 1970) показывает, что количество детей, рожденных вне брака, в 1969 г. в Саратове составляло 8,7% от всех новорожденных. Половина из них были зарегистрированы только по материнскому имени. М. Тольц называет следующее количество матерей, не зарегистриро-

вавших свой брак: 22,8 из ста человек в 1950-м и 11,7 из ста человек в 1964-м в Новосибирске, и 15 из ста в 1959-м и 12,1 из 100 в 1968-м в Перми. («Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе» в книге «Демографический анализ рождаемости», Москва, 1974 г. С. 45-56.) Прочитано в: Lapidus G.W. Women in Soviet Society, Berkley-London: University of California press, 1988.

8 Население СССР: статистический сборник. М., 1975. С. 150-165.

9 Семья в России. Госкомстат России. М. 1996. Для 1996 и 1997 гг. приведены предварительные оценки по: «Россия. 1997.» М. 1998. С. 46. Прочитано в: Луныкова Л.Г. «Материнские семьи: соблюдение прав и гарантий»// Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т. 1. М.: МФФ 1998, С. 263.

10 Женщины и мужчины России. Официальное издание. М. 1998. С. 24.

11 Источники: Vital statistic of Japan, The Statistic and information Department, Minister's Secretariat/ Ministry of Health and Welfare, (Feb, 5, 1999), Demographic Yearbook 1996 Edition, United Nations Secretariat. Department for Economic and Social Information and Policy Analysis. Statistical division room. (1998). Прочитано в: Vital statistics: <http://jin.jcic.or.jp/stat/stats/02VT33.html>, Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. Москва: Госкомстат, 1994, С. 97

12 О. Здравомыслова «Две карьеры российских женщин» Статья представлена в интернете, в журнале «Женщина плюс», по адресу: <http://www.owl.ru>.

13 Примечательно, что само понятие «неполная семья» достаточно дискриминационно, однако оно было закреплено в государственной статистике Советского Союза и остается в качестве показателя по сей день.

14 Одинокое материнство в России. Демоскоп Weekly № 553-554, 1 – 19 мая 2013. <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/tema04.php>

15 Ильин В.И. Социальное неравенство. – М., 2000. – 280 с.

Мотивация: этапы профессионального обучения

Хомутинникова Л.В.

В статье представлена работа по формированию и/или коррективке личностного, профессионального выборов в ходе профессиональной идентификации обучающихся колледжа, реализуемой рядом мотивационных механизмов на этапах, условно называемых: фоновый этап, креативность, горизонты профессии. Ключевые слова: гуманистическая парадигма, мотивация, успешное обучение, путь к себе, вовлекающая среда, разнообразие мотивов, социальное взаимодействие.

The motivation: stages of professional education.
Homutinnikova L.V.

The article present work on the formation and/or correction of personal and professional selection process professional identification implemented by a number of motivational mechanisms in stages conventionally called: background, creativity, the horizons of the profession.

Key words: humanistic paradigm, motivation, involving environment, the diversity of motives, social interaction.

Гуманистическая парадигма образования, предполагающая успешное обучение, основана не на принуждении, а внутренней мотивации. С пониманием и принятием данной концепции весь обозначенный гуманистический и мотивационно-ценностный аспекты практической работы мы разбиваем на три основных этапа, условно называемых нами: фоновый, креативность, горизонты профессии. Границы между ними без жёсткой фиксации, подвижны, взаимопроницаемы и прозрачны. Каждый этап имеет свои особенности. Рассмотрим их вкратце:

Первый - фоновый, по нашему мнению, представляющий путь к себе. В самой мотивации мы видим целью возвращение студента к самому себе через построение «нового отношения к ... себе» [4]. Неслучайно формирование у воспитанника системы отношений считал А.С. Макаренко воспитанием. Оно же и в воспитании потребности в самоизменении, личностном росте, становящимися компонентами и задачами воспитания. Это «переход от одного уровня функционирования ... к другому» [1], индивида и индивидуальности к личности. Формируя фон – психологический климат, подталкиваем студентов к лидерству.

В своих наблюдениях мы отмечаем такие превалирующие настроения в подростковой среде, особенно среди первокурсников: в большинстве своём они «выброшены» из школы, из жизни, многие депривированы в своих потребностях. Именно поэтому данный этап, являющийся определяющим в деятельности, направленным «в определённую сторону, к определённой цели, в чьих-то интересах» [8], считаем радикальным по своей ориентации. Его гуманистическая составляющая в изменении отношения к ним и со стороны взрослых: это состояние уже передано первокурсниками так: «Нам здесь дают шанс, здесь другое отношение, чем в школе». Суть и задача работы педагогов на

данном этапе – выяснить отношение подростков к самим себе, их взглядов на себя, ситуацию, в которой они находятся. Формировать среду, показав свою надежду и заботу, – это тщательно выведенная задача педагогического коллектива. Подростки должны это сразу почувствовать; взрастить в них зёрна человеческого отношения к самим себе через самоуважение и самооценку; добиваться обретения ими положительного опыта взаимоотношений с внешней средой через формирование положительных эмоций – это звенья единого процесса взаимодействия. Известно, что эмоция в этом возрасте – уже социально окрашенное чувство, обязательный элемент любой деятельности, формируемой в ней, и формирующей её.

Этот период формирования личностной идентичности – основной, из множества современных идентичностей, – является фундаментом в построении профессиональной идентичности обучающихся. Дело в том, что приходят они из разных школ. Встаёт задача, в рамках системного подхода, эмоционального и социального погружения их в новую среду. Первый этап начинается с фона профессии, создаваемого опосредованно, мотивационной средой. Мотивационная среда, как «совокупность условий» [4] – «стимул» и источник развития личности. Данный период мы связываем с пробуждением познавательной мотивации, но она ещё не явно выражена. В нём переход от потребностей «во внешних впечатлениях», – для чего и создаём фон, как среду, как окружающие условия [5], – к потребностям в «активной познавательной деятельности» [2]. Активизируют познавательную деятельность целый ряд моментов, направленных на выделение в «собственные мотивы».

Известно, в колледже, в процессе деятельности, происходит вторичная социализация и идентификация. Отметим, как один из важных моментов, – становление группы, формирующей ощущение успеха и «связанное признание», т.е. внешнюю оценку, что подводит обучающихся к осознанию собственных действий; вне социального контекста существование каждого бесмысленно и весьма проблематично.

Вхождение студентов в условную группу по признаку «профессия» и реальную, существующую, в рамках образовательного процесса, характеризуется связанностью их между собой объективными взаимоотношениями. Такой ре-

альной группой может стать коллектив, поскольку склонность к группированию, подражательным действиям в психофизических особенностях подросткового возраста.

Проведённые нами методом ранжирования исследования в области ценностного мира студентов колледжа выявили преимущественное совпадение по секторам, как наиболее предпочтительным в личностном выборе, – «Ценности общественного признания» и «Моя система нравственных ориентиров». Среди приоритетных позиций данных секторов – «уважение ближнего круга» и «хорошие друзья». Их выбрали 43 из 46 человек, и соответственно – 44 из 46. Указанный выбор мы связываем с терминами «общность», «группа», «коллектив», как особо значимыми для данной возрастной категории. Важно простимулировать эти объединительные процессы.

Для начала, ставя цель – образование сплочённой группы, вычленим ведущих лидеров, создаём актив, способный «вытянуть» группу в целом на новые, коллективистские позиции. Феномен группы – следовать за лидером – известен. Изменение героев под воздействием коллектива нам иллюстрируют классика – «Педагогическая поэма» А.С.Макаренко и традиции общественной практики. Создавая фон, мы подталкиваем к лидерству актив. Лидерское ядро формируем для внутреннего его влияния: оно всегда сильнее, чем внешнее.

В межличностном общении определяем список важных качеств, обеспечивающих его эффективность: эмпатия – умение видеть мир глазами других; перцепция – умение оказывать благотворное влияние на других; доброжелательность, непосредственная, т.е. честная демонстрация своего отношения; сочувствие. Когда делаем акцент на формирование указанных индивидуальных качеств, требуем, но обязательно в связке (перцепции), чтобы свои знания студенты распространяли и на весь коллектив, общество. Коллективизм, как «товарищеское сотрудничество и взаимопомощь» по мнению А.И.Кочетова, придаёт личности общественное значение.

Традиция российской педагогики (А.С.Макаренко, И.П.Иванов, Н.К.Крупская, С.Т.Шацкий, В.Н.Мясищев, Л.И.Маленкова и др.), делающая ставку на создание и укрепление коллектива, актуальна, важна и на сегодняшний день, как

парадигма выживания и духовности. Это её скрепы, поскольку коллективизм имеет историческую основу, уходящую корнями к общинному укладу, соборности.

Вывод. Активизация мотивационной составляющей, синергетически реализуемая комплексом важных моментов в профессиональной идентификации обучающихся колледжа должна утвердиться, как тенденция современного образования. Она предполагает преемственность традиции сохранения и поддержания принципов формирования коллектива, поскольку он – базис нашей жизни, более того «тесные связи с коллективом развивают единство с общественными требованиями» [7]. Человек как открытая система не может не взаимодействовать. Но оно осуществляется в социуме. Отсюда следует, что достижение личного успеха, личностного роста возможно и имеет смысл только на фоне роста коллектива.

В мотивации группы, как в мотивации личности, необходимо использовать особенности психологии тинейджеров. Одна из них наиболее важных, – склонность к созданию идеала, от мечты до целей. В нём, «... как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию. Идеал, первоначально как внешнее требование или правило, в процессе развития становится внутренним требованием» [7].

Заметим, учитывая многоаспектность феноменов «подростковый возраст» и «юность», отсутствие единого понимания и трактовки в их интерпретации, понятие «тинейджер» – в переводе с англ. – человек в возрасте от 13 до 19 лет, – как наиболее приближенное к возрастным границам нашего контингента обучающихся, берём за основу в нашем исследовании.

Второй этап – креативность, или путь на профессию, к профессии; это и лидерство. Здесь работает принцип агональности – состоятельности. Поддерживая лидерство в профессии, делаем акцент на: профессиональный кругозор, задатки, креативность в первую очередь группы ведущих в профессии. Этот период связываем с понятием профессиональная ориентация: пытаемся заинтересовать. Перевод латинского слова «интерес», означающий приблизительно «быть при этом» [3], интерпретируем в нашем контексте, – при профессии. При возрастании интереса к делу, человек становится всё ближе к нему, ориентируется на него. В от-

личие от первого этапа, создающего просто среду, вовлекающую, здесь приближаем, побуждая не только к интересу, вызываемому привлекательностью объектов, фактов и т.д. Идёт усложнение мотивации, в процессе которой профессионально «затачиваем», даём профессиональную ориентацию, рассматриваемую поэтапно: не только как формирование мотивации через формирование интереса к профессии, но и формирование выгоды. Профессиональная ориентация предполагает переход в профессиональную направленность, определяемую целями и ведущими мотивами деятельности. От новых установок, ценностных ориентаций, в сумме составляющих цель (или аккумулирующихся в цель) – усложнение, ведущее к профессионализации. Стремление «к» профессии это уже мотивация достижения успеха, обеспечивающая в дальнейшем социальный статус, «более зрелый» [2], «освобождающий от постоянного внешнего контроля и позволяющий подростку самостоятельно решать свои проблемы» [2].

Данный уровень – для средних, старших курсов. Здесь «Наряду с познавательными мотивами широко используются, стимулируются, «раскручиваются» внутренние, социально нравственные и эстетические мотивы совершенствования личности. Деятельность ... организуется как удовлетворение не только познавательной потребности, но и целого ряда других потребностей саморазвития личности» [6], происходит формирование новых качеств. Это переход в качество накопленного опыта, синтезированного в умениях, навыках, знаниях. В указанный период развивается способность к саморазвитию – самоорганизация, активизируется познавательная мотивация, направленная на креативность.

Третий этап – путь в (по) профессию (и) – это горизонты её. Здесь более глубокие процессы, а именно: укоренение в профессии через эмоциональную составляющую – чувство принадлежности к ней – чувство профессиональной идентичности; социальную составляющую – ощущение созидательной деятельности во благо общества, смысла и значимости себя в профессии. Чувство идентичности – чувство принадлежности к общности – социологи связывают с понятием «мы», формируемым на основе базовых начал: интересы, ценности, потребности мотивы, установки. Здесь уже кол-

лектив единомышленников. Под общностью в нашем контексте мы понимаем «учебную группу».

Организация образовательного процесса, учитывающая современные требования, немаловажна без учёта образовательных потребностей, индивидуально-психических особенностей, социального статуса, мотивации к учебной деятельности. Совпадение познавательной мотивации, её общность, как и психологическая совместимость, - критерии формируемой группы студентов, направляемой на производственную практику.

Путь в профессии предусматривает не только ориентацию в условиях рынка труда, подготовку к участию в производственной практике, но и тренинги с моделированием производственных процессов, отношений, к примеру, таких, как в ходе воссоздания технологической ситуации «Типовые дома», с целью лучше понять и закрепить принцип поточного метода, применяемого при строительстве панельных зданий. Чтобы начать типовое строительство, надо запустить поточный метод. Такая деловая игра, по мнению студентов, - «познавательная» и «реалистичная», - одновременно и возможность имитации социального взаимодействия в ходе профессионального «самопостроения», создаваемая подобной формой совместной деятельности.

Итак, фон, креативность, укоренение мы считаем механизмами мотивации и должны в ходе исследования проверить, как они работают.

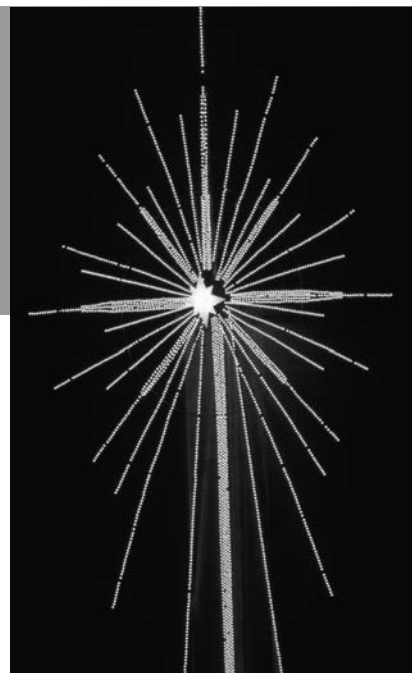
Литература

1. Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности. Психология личности. Т.2. Хрестоматия/- редак.-сост. Д.Я. Райгородский/- Самара. Издательский Дом «Бахрах-М», 2008 -с. 336.
2. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе (I). Психология личности. Т.2. Хрестоматия. /- редак.-сост. Д.Я. Райгородский/. - Самара. Издательский Дом «Бахрах-М», 2008 - с. 98-99, 130.
3. Зигерт В., Ланг Л.. Руководить без конфликтов: Сокр. пер. с нем. / Науч. ред. и авт. предисл. А.Л. Журавлёв. - М.: Экономика, 1990, с.167, 232.
4. Игры для интенсивного обучения. / Под ред. В.В. Петрусинского. М.: Прометей, 1991, с. 232.
5. Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов./Сост. С.М. Локшина. - 8-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз.. 1985. -с. 276, 278
6. Маралов В. Г. Основы самопознания и саморазвития: Учебное пособие для студ. Сред. Пед. Учеб. Заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2002 - с.109-112.
7. Мясищев. В. Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии / Психология личности. Т. 2. Хрестоматия /- редак.-сост. Д.Я. Райгородский/. - Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2008 -с. 206-225.
8. Ожегов В.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 2003. -с.294.

Культура и религия

Влияние воззрений Василия Великого на формирование нравственного аспекта идеи божьей защиты в религиозном сознании и общественной мысли Руси второй половины XIV – начала XV веков

Давыдов А.Ю.

Обращение к творениям византийских мыслителей имело внутренние причины, где основными проблемами были вопросы нравственности и укрепления духовности. В статье рассматриваются воззрения византийского церковного деятеля и богослова IV века Василия Великого, определяющие нравственную ориентацию идеи божьей защиты, и отражение взглядов Василия Великого в произведениях древнерусских авторов. Ключевые слова: Религиозно-общественное сознание, личностное начало, идея божьей защиты, Василий Великий, молитва, Православие, нравственный аспект.

Basil the Great views' influence on the formation of moral aspect of the idea of God's protection in the religious consciousness and social thought of Russia of the second half XIV – early XV centuries
Davydov AYu.

Formation and development of religious consciousness and social thought of Russia of the second half of XIV – early XV centuries was conditioned by the entry into Russian culture numerous translations of the classics of patristic literature. An appeal to the creations of Byzantine thinkers had internal causes, where the main problems were the issues of morality and strengthening of spirituality. The article considers the views of the Byzantine church leader and theologian of the IV century Basil the Great, defining the moral orientation of the idea of God's protection and Basil the Great views' reflection in the works of ancient Russian authors.

Keywords: Religious and social consciousness, personal principle, the idea of God's protection, Basil the Great, Orthodoxy, a prayer, moral aspect.

В период второй половины XIV – начала XV веков развитие русской религиозной и общественной мысли обусловлено ключевыми фактами истории и духовной жизни Руси. Немалая роль здесь отводится вхождению в культуру Руси из Византии через южнославянское посредство многочисленных переводов классиков святоотеческой письменности, знакомство с которыми в значительной степени расширяло круг интересов русских людей и существенно влияло на развитие религиозной и общественной мысли Руси.

Второе византийское влияние, результатом которого был рост личностного начала в духовной культуре Руси второй половины XIV – начала XV вв. «имело свои внутренние причины, отвечало потребностям развития русской культуры» [4, с.39]. Все духовные силы Руси были подчинены решению практических задач создания единого государства.

В сложный период борьбы с иноземным игмом и утверждения политического статуса Москвы, как объединяющего центра, идея Божьей защиты становится одной из ведущих тем древнерусских летописцев и книжников.

Немаловажный вклад в формирование личностного начала в религиозно - общественной мысли Руси XIV–XV вв. внесли переводы творений византийского церковного деятеля, философа и богослова - архиепископа Кесарии Каппадокийской Василия Великого (330-379) [2, с. 38-43], известные на Руси уже с первых веков по принятии христианства, но приобретшие особенную актуальность именно в этот период.

Для исторической науки актуальным является

всесторонний анализ развития религиозно - общественного сознания. Исследование воззрений Василия Великого позволяет выявить источники, определившие нравственную направленность идеи божьей защиты в религиозном — общественном сознании Руси второй половины XIV — начала XV веков и во многом определившие основные направления развития русской духовной культуры в последующие исторические этапы.

Как отмечает известный ученый патролог, проф. Н.И. Сагарда, с первых дней своей христианской жизни русское религиозно-общественное сознание «черпало основы своего нравственно-духовного устроения — в значительной мере — из глубокого и здорового источника святоотеческой письменности» [13].

Воззрения Василия Великого служили ценным источником правильного понимания и усвоения подлинно христианского смысла жизни уже с первых веков по принятии христианства, о чем свидетельствуют «Изборники» 1073г. и 1076 г. Святослава, «Поучения» Владимира Мономаха, «Поучения» Феодосия Печерского, «Слова» Серапиона Владимирского, проповеди Авраамия Смоленского.

Большая часть творений Василия Великого была переведена на славянский язык к XIV в. Живой интерес и быстрое усвоение «византийской книжности» свидетельствовали о высоком культурном уровне Древней Руси [1, с. 24]. Многие государственные и духовные деятели, просветители и писатели рассматриваемого периода изучали греческий язык с целью чтения в оригинале произведений византийских авторов. Переводами с греческого занимались митрополит Алексей [4, с. 22], просветитель зырян Стефан Пермский, Пахомий Логофет, митрополит Киприан., игумен Симоновский Феодор (племянник Сергия Радонежского). Знакомство с греческим языком обнаруживается и в произведениях Епифания Премудрого.

В XIV — XV вв. к наставлениям Василия Великого обращались авторы исторических повестей и сказаний, Епифаний Премудрый [3, с. 257], основатель крупнейшего духовного и книжного центра Кирилл Белозерский, митрополит Киприан, митрополит Фотий. [11, с. 125-145].

Необходимо отметить, что самому Василию Великому пришлось жить в трудные и беспокойные годы. Как отмечает доктор церковной истории, проф. А.И. Сидоров, ситуация в Церкви во все время архиерейского служения св. Василия была угрожающей, особенно для христианского Востока, где православные выдерживали постоянный натиск арианствующих, которых активно поддер-

живала светская власть [22, с.33]. Письма Василия, адресованные западным христианам, свидетельствуют о печальном положении Православия на греческом Востоке [18, 19]. Главной заботой святителя на протяжении всей его жизни было сохранение православной веры, и бороться ему приходилось не только словом, но и делом. Именно активная деятельность отличала его других византийских мыслителей, многие из которых считали себя исключительно «философами», как, например, друг Василия Великого - Григорий Богослов [5, с. 51]. Лишь немного Василий писал «без внешних практических поводов и целей» [27, с. 63].

В религиозном сознании русских людей божье покровительство было неразделимо связано с иконой и молитвой. В XIV—XV вв. - в период «культурного возрождения в церковных рамках, православного возрождения» икона и молитва становятся «живой клеткой культурной ткани» [9, с. 120].

«Молитва, — пишет Василий Великий, — есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу». Святитель обращает особое внимание на то, что необходимо не только «в звуках заключать молитву, а поставлять более силу молитвы в душевном произволении и в добродетельных делах, непрерывно продолжаемых целую жизнь» [15, с. 903, 904]. Тот, кто не сделал ничего доброго, не может «оправдаться продолжительностью молитвы, ибо молитвенные слова не просто полезны, но когда произносятся с усердным расположением» [14, с. 646].

Эти мысли Василия Великого оказались весьма созвучны русскому мировосприятию и нашли свое отражение в «Посланиях» Кирилла Белозерского, в «Повести о Темир Асаке», в «Слове» о житии Дмитрия Донского [25, с.211, 225], в «Повести о Благовещенской церкви» [6, с.463]. Молитвенное обращение к Богу о защите во время татарских набегов и помощи «в общих напастех» по мнению древнерусских книжников, должно подтверждаться стремлением «хранить святые заповеди, уклоняясь от всякого пути, ведущего в пагубу» и «со многот твердостью хранить себя в добрых делах» [26, с.429].

Общая молитва — это согласие и единство всех молящихся. «Сама молитва, когда нет согласия в молящихся, бывает гораздо бессильнее самой себя», — пишет Василий Великий [20, с.599]. Так, во время угрозы Тимура (Темир Асак) в 1395 г. молитвенное единение всей Руси перед иконой Владимирской Божией Матери, искреннее религиозное переживание, единый эмоциональный порыв всего русского народа явились гарантом единства всей Руси — един-

ства духовного и политического.

В «Повести о Темир Асаке» молитвы о защите Русской земли были не только «в звуках», а в едином «душевном произволении и усердном расположении». Согласно «Повести», московский князь Василий Дмитриевич послал весть своему духовному отцу, митрополиту киевскому и всея Руси Киприану, чтобы тот велел народу «поститься и молиться, с усердием и со слезами к Богу взывать». Сам митрополит Киприан «...во все дни и часы из церкви не выходил, вознося молитвы Богу за князя и за народ». Во время перенесения иконы Владимирской Богоматери из Владимира в Москву «весь город вышел навстречу... — все в слезах, от мала и до велика, ... все с молитвой и плачем..., все молились святой Богородице, восклицая и говоря: «О всесвятая владычица Богородица! Избавь нас и город наш Москву от нашествия поганого Темира Аксака-царя, и все города христианские и страну нашу защити, и князя и людей от всякого зла оборони...» [7, с. 235, 237].

После Куликовской битвы Русь еще неоднократно подвергалась набегам врагов. Тохтамыш, например, разорил и сжег Москву уже через два года после Куликовской битвы. Русь несла большие потери, а враг, видя, что теряет источник наживы, все более ожесточался. Весть о приходе Тимура — нового жестокого и сильного противника пришла в то время, когда Русь была практически обескровлена постоянными набегам врагов. Однако весь русский народ поднялся на решительный бой, объединился общей молитвой.

Наставления Василия Великого привлекали внимание русских людей не только «богатством своего вероучительного содержания», но и «жизненно-практической стороной», доступной не только для образованных, но и для простых верующих. Все самые важные вопросы христианского учения и жизни рассматривались св. Василием «по требованиям обстоятельств своего времени».

В письме к брату Григория Богослова — Кесарию, чудом спасшегося от смерти во время страшного землетрясения, произошедшего 10 октября 368 г. и разрушившего Никею, Василий Великий подчеркивает, что только делом можно «прославить то человеколюбие, которое извели мы на опыте». Надо быть «разумными домостроителями жизни своей, для которой сберегла нас Божья благодать». Необходимо не только помнить, но и выполнять все «обещания касательно будущего», данные во время опасности — «...и не словом только, ...а на самом деле быть такими». Святитель поясняет, что лучше всего это

будет достигнуто, «...если вознамеримся всегда иметь ту же мысль, какую имели мы во время опасности» [17, с. 489]. Особенно отчетливо эти мысли Василия Великого отражены в летописном «Сказании о нашествии Едигея», включенном в Симеоновскую летопись. Автор «Сказания», выдающийся книжник и политик, подчеркивает, что обещания «отказаться от многих дурных греховных обычаев» во имя спасения во время бедствий и военных угроз нужно помнить и подтверждать делами, поскольку, «забывшись, вновь от правды отходим, оказываемся под властью наших прегрешений» [24, с. 245]. Кирилл Белозерский, напоминая о защите Москвы иконой Владимирской Богоматери во время угрозы Тимура, наставляет всех «видевших Божью к нам милость... помянуть бы свои грехи... и просить у Бога милости и у Пречистой Его Матери помощи на благие дела» [26, с. 433, 435].

Для каждого русского человека защита родной земли «от иноплеменных враг» являлась защитой самого Православия. Не случайно «безбожный» Мамай в сознании русских людей ассоциировался с Юлианом Отступником — последним римским языческим императором Флавием Клавдием Юлианом (331-363), известным своими жестокими гонениями на христиан.

Примечательно, что Юлиан и Василий обучались в одно время и у одних наставников в Афинах, где оба проявили свои необычайные таланты и способности к усвоению многих наук [22, с. 17]. Однако, Юлиан вошел в историю, как ярый ненавистник христианства, целью которого было восстановление язычества и возрождение всего, основанного на нем уклада религиозной, политической и культурной жизни. А Василий прославился своим «непреклонным стоянием за истину Православия». В письме, написанном во время правления Юлиана, Василий Великий подчеркивает, что «истина нимало не терпит ущерба от предательства влествующих» [16, с. 477].

Неустранимость Василия Великого в его борьбе за сохранение православной веры [22, с. 31-32] сочеталась с твердой христианской позицией разрешать сложные ситуации мирным путем. «Решился я для мира не избегать какого бы то ни было труда, не оказываться говорить и делать что-либо унижительного, не брать в расчет дальности пути, не бояться каких-либо других беспокойств...», — пишет св. Василий [20, с. 600]. «Ничто не свойственно так христианину, как быть миротворцем» [21, с. 619]. Такая позиция была понятна и очень близка древнерусским книжникам. Академик Б.А. Рыбаков,

отмечая высокий патриотизм древнерусской литературы, подчеркивает отсутствие «и следа проповеди агрессивных действий» [12, с. 14].

В «Сказании о Мамаевом побоище» митрополит Киприан, узнав, что «Мамай движется на Русь, неумолимую в себе ярость распалая», советуется Дмитрию Донскому поступить так, как поступил Василий Великий, «когда злой отступник Юлиан, идя на персов, захотел разорить его город Кесарию» - сделать все возможное, чтобы избежать кровопролития. Если «и после того не смиряется», то «Господь усмирит» врагов - защитит землю Русскую, потому что «Господь дерзким противится, а смиренным благодать дает» [23, с. 147].

Необходимо отметить, что митрополита Киприана в действительности в 1380 году в Москве еще не было, т.к. у него были сложные отношения с московским князем Дмитрием, о чем свидетельствует послание самого Киприана Сергию Радонежскому и Феодору [8, с. 412-424]. Исторические анахронизмы в сказании были допущены в соответствии с публицистической направленностью произведения. Для феодального периода объединение княжеской и духовной власти было типичным – все действия, санкционированные и одобренные митрополитом вся Русь, приобретали общерусское значение, осенялись особой значимостью и величием [23, с. 538-539].

Обращение древнерусских авторов к творениям византийских мыслителей имело свои внутренние причины, диктовалось жизненными потребностями, где особое значение имели вопросы нравственности и укрепление духовности. Важным моментом являлось то, что на Руси не только существовала общественная потребность в том, что Византия могла ей дать, но и общественная среда, готовая и способная послужить проводником этого влияния [10, с.3].

Рост личностного начала в культуре Руси 14-15 вв., «апелляция к личности каждого человека» способствовали культурному и политическому подъему, росту духовных потребностей, необходимых для успешной борьбы с внешними врагами и государственного строительства.

Твердая христианская позиция Василия Великого, его постоянная забота о сохранении чистоты Православного учения и мира в своем отечестве была близка русским людям, никогда не смиравшимся с «владычеством беззаконных татар». Воззрения Василия Великого – «учителя нравственности и благочестия», оказали большое влияние на формирование ярко-выраженного нравственного аспекта идеи божьего покро-

вительства в религиозно - общественной мысли Руси 14-15 вв. и способствовали не только правильному пониманию, усвоению и, что наиболее важно - осуществлению в жизни требований христианкой морали и нравственности.

Литература

1. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М.: Наука, 1966. 514 с. Цит. по : Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М.: Мысль, 1995. С. 9
2. Давыдов А.Ю. Влияние Василия Великого на рост личностного начала в духовной культуре Руси XIV века – первой половины XV века. // История и археология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2014 г.). Пермь: Зебра, 2014. 90 с.
3. Житие Сергия Радонежского. Подг. текста и ком. Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
4. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 171 с.
5. Митрополит Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1998. 507 с. 1990. См: Сидоров А.И. Святитель Василий Великий. Жизнь, церковное служение и творения. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т.3. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовзвонница, 2008. Т.1. С. 20
6. Повесть о Благовещенской церкви. Подг. текста, пер. и ком. Л. А. Дмитриева. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
7. Повесть о Темир Асаке. Подг. текста, пер. и ком. В. В. Колесова. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
8. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору. Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.
9. Прохоров Г.М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. // ТОДРЛ. АН СССР. ИРЛИ. Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1972. Т. 27: История жанров в русской литературе X– XVII вв. 467 с.
10. Прохоров Г.М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы. // ТОДРЛ. АН СССР. ИРЛИ.

Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания. 413 с.

11. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV веков. //АН СССР. ИРЛИ. Л.: Наука, 1987. 293 с.

12. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: изд-во Московского ун-та, 1984. 241 с. Цит. по: Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М.: Мысль, 1995. С. 7

13. Сагарда Н. И. Значение святоотеческих творений в Православной церкви. // Вера и жизнь христианская по учению святых отцов и учителей Церкви. Сост. проф. Сагарда Н. И. М.: «Паломник», 1996: [Электронный ресурс]. URL: http://halkidon2006.orthodoxy.ru/Bogoslovie_10/01047_Nikolay_Sagarda.htm (дата обращения 25.02.2015)

14. Святитель Василий Великий. Толкование на пророка Исайю. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 3. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. 1135 с.

15. Святитель Василий Великий. Беседа 5 «На память мученицы Иулиты и окончание сказанного в предыдущей беседе «О благодарении». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 3. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. 1135 с.

16. Святитель Василий Великий. Письмо 17 «К Оригену». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

17. Святитель Василий Великий. Письмо 26 «К Кесарию, брату Григория Богослова». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

18. Святитель Василий Великий. Письмо 90 «К святейшим братьям и епископам на Западе». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

19. Святитель Василий Великий. Письмо 92 «К итальяским и галльским епископам». // Полное со-

брание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

20. Святитель Василий Великий. Письмо 97 «К советодательному собранию в Тиане». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

21. Святитель Василий Великий. Письмо 114 «К Кириаку, живущему в Тарсе». // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 4. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. Т. 2. 1230 с.

22. Сидоров А. И. Святитель Василий Великий. Жизнь, церковное служение и творения. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 3. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. 1135 с.

23. Сказание о Мамаевом побоище. Подг. текста В. П. Бударагина и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, ком. Л. А. Дмитриева. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.

24. Сказание о нашествии Едигея. Подг. текста, пер. и ком. Н. Ф. Дробленковой. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.

25. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. Подг. текста, пер. и ком. М. А. Салминой. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.

26. Три послания и духовная грамота Кирилла Белозерского. Подг. текста, пер. и ком. Г. М. Прохорова. // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с.

27. Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. 227 с. Цит. по: Сидоров А. И. Святитель Василий Великий. Жизнь, церковное служение и творения. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 3. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. Т. 1. С. 41

Учение о Нетварных Божественных Энергиях в контексте Православного Богословия

Иеромонах Иоанн (Булыко И.П.)

Учение о Нетварных Божественных Энергиях является ключевым для Православного Богословия, которое различает в Боге Божественную Сущность, Три Лица и Нетварные Божественные Энергии. В данной статье показывается связь учения о Нетварных Божественных Энергиях со всем вероучением Православной Церкви.

Ключевые слова: Бог, Сущность, Энергия, человек, мир

The doctrine of the Increated God's Energies in context Orthodox Church

Hieromonk John (Bulyko I.P.)

The doctrine of the Increated God's Energies is the main in the Theology of the Orthodox Church. The connection of this term with all the doctrine Orthodox is showed in this article.

Key words: God, Essence, Energy, man, world

Учение о Божественных Энергиях принадлежит многим смежным областям в богословии. Божественные Энергии являются основанием творения. Они присутствуют в образе Божиим в человеке. Они делают возможным Откровение Бога. Они объясняют образ единения двух природ во Христе. Они объясняют два образа присутствия Святого Духа: до и после Пятидесятницы. Они объясняют обожение и жизнь в благодати. Они проясняют учение о таинствах, и особенно о евхаристии.

1. Святая Троица. Отец есть единственная ипостась Божественная, которая абсолютно не имеет источника происхождения, поскольку Он есть начало Божества. Различие Божественных Лиц в Святой Троице означает то, что монархия Отца совершается двояким образом: Отец есть единственное начало по происхождению для Сына и Святого Духа, которые получают от Него свое существование, но именно с Отцом и Святым духом Он образует единое творческое начало. Иными словами говоря, Бог есть Отец в двойном значении: Он Отец в связи с Сыном и Святым Духом, которые происходят от Него. Но также называют всю Троицу Отцом творения и Отцом тех, кто возрождается через благодать. Отец творит через Сына во святом Духе.

«Сказать, что все действия происходят от Божественной сущности, значит отказаться от различия между сущностью и энергией или Божественной волей» [4, 78]. Это сделало бы Сына и Святого Духа творениями. Святой Григорий отстаивает ту позицию, что Сын и Святой Дух происходят от Божественной сущности, действия происходят из воли и Божественных энергий, которые общи всем Трем Лицам Святой Троицы. Энергии находят сами свое происхождение в единой Триипостасной природе.

«Энергия окружает Божественную сущность. Энергия неотделима от Божественной сущности»

ти. Она такая же нетварная, как и сущность, ее источник. Энергия обща Трем Божественным Лицам. Их перехорезис гарантирует то, что одна и та же энергия действует начиная с Отца, проявляясь посредством Сына во Святом Духе. Такое общение в действии объясняет то, что когда Святой Дух обитает в сердцах верующих, именно весь Бог, Отец, сын и Святой Дух, присутствуют в них и обновляют их. Святой Дух есть ипостась по преимуществу, выражающая Божественную энергию. Святой Григорий называет Святого Духа энергией и благодатью, общей Трем Божественным Лицам»[6, 235].

Можно истолковать то, что нетварная энергия есть Сам Бог, так, что Он может сообщаться творениям. Сущность абсолютно непостижима. Энергия дает истинное личное общение с Богом. Этот союз не поглащает творения, он не есть смешение Божественной и человеческой природы. Нетварная энергия понимается не как нечто среднее между человеческим и Божественным, но как Божественный полюс обожения. Паламизм сохраняет через равновесие реальность Божественного общения, начиная с Боговоплощения, не впадая в пантеизм.

Для трех Лиц Святой Троицы общей является не только единая Божественная Сущность, но также Божественные Энергии, которые окружают Сущность. «Каждое из трех Божественных Лиц не только полностью владеет единой Божественной Сущностью, но также владеет полнотой Божественных Энергий, которые проистекают из Божественной Сущности, не будучи самой Божественной Сущностью. И Сущность, и Энергии являются единой Божественной реальностью»[5, 56].

Божественные Энергии, превечно присутствуя в Боге, не являются акцидентальными существами. Энергии также не есть ипостасные Существа.

Каждое из Лиц Святой Троицы владеет теми же Энергиями: Отец владеет Энергиями как источник и начало, Он превечно сообщает единую Божественную реальность (сущность и Энергии) Сыну и Святому Духу. Сын владеет той же реальностью путем рождения от Отца. Святой Дух также владеет той же реальностью путем исхождения от Отца. В Троице Энергии берут свое начало в Отце, они обитают в Сыне, и они сияют во Святом Духе. В порядке творения и восстановления мира Энергии используются в

том же порядке: творческие и восстановительные Энергии Бога берут свое начало в Отце, они актуализируются через Сына и совершаются во Святом Духе.

Когда мы говорим: Бог, Святой Дух, Божество, мы не всегда имеем в виду одно и то же – Божественную сущность, одну из ипостасей Святой Троицы или Их общую Энергию. Это ясно показывает различие в Боге сущности, трех ипостасей и общей Божественной энергии. Эти три элемента, взятые вместе или изолированно, носят имя Божества. Палама говорит об энергии в единственном числе, но каждая из энергий (во множественном числе) Божиих, есть также Божество, как это можно видеть[1, 40].

Сущность Бога и Его энергия носят также имя Божества. Они имеют разное значение, но они являются нераздельно тем же единым Божеством. Три ипостаси не называются непосредственно Божеством. Это имя происходит от их сущности и от Их энергии. То, что объединяет ипостаси в одно Божество, это их энергия, которая как и сущность является общей для Них. Единство Божие основывается на двойном уровне: между сущностью и природой и его энергией, которые являются Божественными, между ипостасями есть связь, единое Божество. Божество означает, согласно святителю Григорию Паламе все, что есть Бог: Его сущность, энергии, ипостаси. Когда Палама пишет о Божестве, это не означает сущность.

Палама устанавливает: если сущность отличается от энергии трансцендентностью, то простота и единство свойственны всем Трем Божественным Лицам. Он показывает, что на этом уровне, согласно тому, что они нетварны и безтелесны, сущность и Божественные Энергии тождественны.

Святитель говорит о том, что три ипостаси имеют одну благодать, силу, и энергии. Эти энергии происходят от Трех Лиц, имея Сына, Святого Духа и Отца своим источником. Через них Бог обитает в нас, и мы входим в знание того, что есть Бог. Благодаря каждой из них Отец, Сын и Святой Дух нам дают бытие, жизнь и мудрость.

Ипостаси Отца, Сына и Святого Духа нераздельны, как нераздельны Божественная энергия от природы Трех Божественных Лиц. Если различные энергии общи Отцу, Сыну и Святому Духу, они характеризуют не отдельную ипос-

тась, но их единую природу. Понятие «омоусиос» есть основа этого убеждения. Три ипостаси имеют сущность и тождественную природу, энергии проистекают неразлучно от этой природы, которая Им обща.

Общность энергии оправдана союзом ипостасей, их взаимопроникновением в целом. Благодаря этому, то, что говорится об Отце, может быть сказано и о Сыне, и о Святом Духе. Все, что принадлежит Отцу, энергии и сущность, принадлежит Сыну и Святому Духу. Всякая энергия проистекает нераздельно от всей Святой Троицы. Каждая ипостась и каждая энергии есть Божество.

Различия в Боге не есть разделение, как разделяют реальность тварную и телесную. Если энергия позволяет тем, кто ее принимает быть причастными Богу, то это потому, что она неотделима от своего Божественного источника.

«Бог, — пишет св. Григорий Палама, — есть Сам в Себе, причем три Божественных Ипостаси естественно, целостно, присносущно и неисходно, но вместе с тем несмесно и неслиянно взаимно держатся и друг в друге вмещаются так, что и энергия у Них одна» [1, 45]. «Ввиду того, — пишет он в другом месте, — что Отец и Сын и Дух Святой суть друг в друге неслиянно и несмесно, знаем мы, что у Них в точности едино движение и энергия. Жизнь и сила, которую Отец имеет в Себе, не есть нечто другое, чем у Сына, так что Он [Сын] имеет ту же с Ним [Отцом] жизнь и силу; так же и Дух Божий» [1, 76]. И это единство действия Св. Троицы не есть (как это бывает в мире тварном) только единство по подобию, но тождество в полном смысле этого слова. «У трех Божественных Ипостасей энергия едина не как подобная, как у нас, но воистину едина и числом» [1, 79].

Когда одна из ипостасей соединяется с нашим человеческим естеством (душой и телом), человеческая природа получает полноту Божественных энергий. Тот, кто участвует в одной или нескольких Божественных энергиях, участвует в жизни Трех Божественных Лиц. Они имеют каждый Свою собственную роль. Роль Слова состоит в том, чтобы быть Источником, который обоживает. Роль Духа проявлять Их и сообщать Их тем, кто этого достоин. Причастность прежде всего принадлежит Святому Духу. Можно сказать, что те, кто причастен одному или нескольким из Них, те причастны полноте Бо-

жества, т. е. Трем Божественным Ипостасям.

Для того, чтобы быть причастным всецело Святому Духу, достаточно быть причастным одному или нескольким из Его даров. Святой Дух неразделим. Что означает всему Святому Духу? Очевидно, не всему Богу в смысле Трех ипостасей, и ни всему Богу в смысле полноты Его энергий. Святой Дух весь всецело присутствует в каждой своей энергии.

Выражение «быть причастным всему Богу» может пониматься двояко. Весь Бог есть синоним всего Святого духа. Он настаивает на реальности дара Святого духа. Те, кто получают Его, причастны Божеству Святого Духа. Второй уровень состоит в том, что достаточно дара единой энергии для того, чтобы быть причастным всей Святой Троице. Только Христос во время своей земной жизни был причастен полноте энергий, через ипостасный союз.

Нетварная энергия обща Трем Лицам Святой Троицы, но она принадлежит каждой из этих Личностей частным и личным образом. Согласно Паламе, Божественные Энергии исходят от Отца, через Сцна во Святом Духе. Палама как представитель восточной традиции, различает сущность и энергию в каждой ипостаси. Тайна единства Отца, сына и Святого Духа, их единсуция и их общности энергии выражается через перихорезис.

Есть собственное дело Святого духа. Благодать, сила и энергия относятся к Святому духу. Святой Дух есть ипостась, которая сообщает Божественную жизнь. Святой Дух есть принцип сообщения этой жизни вне Бога, в области икономии. Его роль заключается в том, чтобы проявить Божественные энергии и обожить ими крещаемых. Благодать Святого Духа, этот обоживающий дар абсолютно неотделим от своего источника. Святой дух сообщает лично свою собственную жизнь. Ипостась Святого духа мистически присутствует (в синергии с Отцом и Сыном) в проявлении и даре Его собственной энергии.

Божественная энергия не есть необходимая эманация. Святой дух нуждается в разумной природе для проявления своей энергии. Как минимум, Ему нужна вера и любовь. Это свободное сотрудничество крещаемого, участвующего в деле своего обожения. Палама защищает абсолютную необходимость благодати. Ни в коем случае обожение не может быть естествен-

ным плодом человеческой добродетели. Паламитское учение о Нетварных Энергиях естественным образом объединяет богословские, аскетические и мистические темы.

2. Творение. В восточном богословии не существует трудности при объяснении творения как свободного действия Божественной воли. Учение о Божественных Энергиях позволяет объяснить, как возможно для Бога творить, не сообщая Своей сущности.

Основание творения — не сущность, но воля и Божественные Энергии. Воля Божия, отличная от сущности, граничит с Божественными Энергиями. Именно воля, или воление, Бога отлично от сущности и есть часть того, что после сущности, т. е. область Божественных Энергий, что объясняет творение без эманации Божественной сущности. Для личного Бога Троицы свойственно творить свободно, согласно Его решению, которое принимается волей. Творение призвано к существованию волением Божиим посредством творческой Божественной Энергии.

Творение, основанное на Божественном волении, отлично от сущности, не имеет ничего общего с платоническим или неоплатоническим происхождением мира. Творение не есть слабое отражение мира идей, или эманация Единого. Платоническое учение блаженного Августина об идеях в сущности Божией как экземплярная причина тварных существ представляет проблема того, как избежать введения или проекции тварного существа в Сущность Божию. Лучший подход предложен платоническим учением Иоанна Скотта Эриугены, который отталкивается от платоновского мира идей, это учение помещает эти тварные и нетварные идеи вне Божественной Сущности. Трудно увидеть, как это учение избегает неоплатонической эманации. Эти идеи, даже если они тварны, они принадлежат сущности Божией. Иоанн Скотт Эреугена был неспособен сделать различие между нетварной Сущностью и Нетварными Энергиями в Боге, обе из них являются частями единой Божественной реальности.

Творение динамично. Оно призвано стать Богоподобным. Оно призвано соединиться с Богом, обожиться. Бог, будучи в вечном покое, привлекает к себе все, что существует в мире, видимое и невидимое. Творение имеет свою цель вне себя, т. е. в Боге. Бог помещает свою

любовь, любящую энергию в творение, так что творение может пребывать в состоянии постоянного движения по направлению к Нему.

«Божественные Энергии, присутствуя в творении, сохраняют бытие творения и направляют его к достижению цели, обожению. В богословии Восточных Отцов нет такого понятия как независимая природа. Природа всегда зависит от сверх-природы, от Бога. Божественная благодать необходима для того, чтобы природа продолжала быть подлинной. Она движется к неаутентичному существованию. Единое аутентичное существование для природы — быть зависимой от Божественных Энергий» [3, 68]. Именно от этих Энергий творение имеет и свое бытие, и свое благодать, единое ее вечное бытие в общении с вечным Богом.

3. Антропология. Человек имеет особое место в творении — в творении, которое движется к Богу. Это движение и этот динамизм обращены особым образом к человеку, ибо он есть образ Божий, призванный достигнуть Богоподобия. Образ Божий — это то, что отличает человека от животного, именно Божественная жизнь присутствует в человеке, именно любовь Божия, одна из Божественных Энергий сообщается человеку для того, чтобы хранить его в постоянном общении с Богом.

«Человек достигает своей судьбы быть личностью, по образу Своего Первообраза, если он возрастает в любви, которая вложена в него Богом. Человек достигает Богоподобия и становится личностью только тогда, когда он имеет отношения с Богом и с другими человеческими личностями в любви. Иначе человек не является образом Божиим, он не Богоподобен, он не истинная личность, он не человек: он становится менее человеческим» [3, 69].

Грех — когда человек игнорирует Божественную любовь в себе, игнорирует образ Божий. «Он разделяет человеческую природу, становится индивидуумом, не истинной человеческой личностью. Это потемнение образа Божия в человеке» [3, 77]. Спасение состоит в том, чтобы приобрести Божественную любовь и быть восстановленным как образ Божий, как истинная человеческая личность.

4. Откровение. Учение о Божественных Энергиях делает возможным Богопознание. Главный вопрос, который ставится: что может в Боге познать тварный дух? Ответ на данный вопрос

имеет первостепенное значение. Он проводит линию разделения между западным и восточным богословием. Греческие Отцы различали в Боге сущность и силы (энергии). Это различие восходит к античной философии. Уже Плотин, после Аристотеля утвердил непознаваемость всякой сущности, поскольку, будучи простой, без акциденций и неделимой, она не может быть охвачена мыслью, множественной и ограниченной. Как тогда познать Божественную сущность, охватить Бесконечного конечным духом? Не только сущность, неопишима через определение, но сама сила, которая отлична от сущности, такова, что она не экстерииорируется.

Бог остается трансцендентным, сокрытым в своей сущности. Но Он присутствует в мире своими Энергиями. Он открывает нам то, что мы можем познать о Нем: силу, любовь, мудрость, святость. (Рим. 1, 18–20). Но есть более непосредственный путь, в котором Бог говорит человеку и открывает Себя и Свои цели ему: человек должен быть Богоспособным на основе образа Божия, который Творец и Украситель Слово запечатлел в нем. (Ин. 1, 3; 9–13), человек отвечает на действия Святого Духа в нем. Мудрость Божия открывается в нем во Святом Духе, эта мудрость, будучи ничем иным, как сокрытой тайной Божией: Христос, в котором сокрыты сокровища мудрости и знания Божия (Кол. 2, 2–3). Это Откровение в Ветхом Завете действовало через откровение тварного Логоса и энергии совершенствующего Духа. В Новом Завете Логос становится воипостасной истиной Божией, а Дух становится Духом этой Истины. Опыт этой Истины возможен только посредством веры, будучи сам другой благодатью (энергией) Божией. Согласно отцу Георгию Флоровскому, «в опыте веры мир открывает себя по-другому, чем в опыте естественного человека. Откровение не есть только Откровение о Боге, но и Откровение о мире. Ибо полнота Откровения заключена в образе Богочеловека, т. е. в факте невыразимого единства Бога и человека, Божественного и человеческого, Творца и творения, в неделимом вечном единстве. Именно Халкидонский догмат о единстве Бога и человека является истиной, кульминационной точкой Откровения, и опыта веры и христианского мировоззрения» [2, 33].

Откровение есть общение с Богом, причастность Божественной жизни, и опыт присутствия

Бога среди людей (Эммануил). Эта причастность была бы невозможна, если бы Бог не мог делиться Своей жизнью с нами – и делая это, не сообщал своей сущности. Эта жизнь, жизнь с избытком есть Нетварные Божественные Энергии.

5. Христология. Сын Божий пришел для того, чтобы мы имели жизнь, и имели с избытком. Он стал тем, чем являемся мы для того, чтобы мы стали тем, чем является Он; Он стал человеком для того, чтобы мы стали богами по благодати.

Обожение есть преобразование, трансформация человеческой природы посредством присутствия Божественной. Это реальность, которая присутствует в человечестве Христа с момента Его зачатия. «Человечество Христа, будучи проникнуто Божеством, т. е. будучи пропитано Божественными Энергиями таким же образом, как железо закаляется огнем, становится Богоподобным, т. е. Божественными Энергиями подобным» [3, 92]. Преобразование Господне на горе Фавор объясняется богословской традицией Востока как проявление этих Энергий. Человечество Христа становится прозрачным, так что лучи Божественной славы всегда присутствуют в человечестве Иисуса, они проявляются через человечество. Эту самую славу видели апостолы в течение явлений Господа после Его славного воскресения из мертвых. Это преобразование, которое с самого начала есть восстановление образа Божия в человечестве Иисуса, т. е. восстановление Любви в человечестве, распространяется от Христа всем христианам, от Единого Помазанного всем помазанным. Человеческая природа Иисуса, будучи воспринятой в ипостась Логоса, обоживается через те Божественные Энергии, которые присутствуют в Божестве, и которые проистекают из Божественной Сущности. В то же время на основании перихорезиса лиц на уровне Святой Троицы Святой Дух становится Помазанием плоти Иисуса; ибо именно через Святого Духа – и в синергии со Святым Духом – все сотворено Словом и совершенствуется в Святом Духе. Человечество Христа в этом плане не является исключением.

6. Пневматология. Святые отцы капподокийцы доказывали, что наше освящение есть обожение. Святой Дух, который совершает наше освящение, есть Бог.

Бог создал Адама непорочным. Помимо души, Он вдунул в него благодать Божественного Духа, который сохранял его в новизне и возделывал для него Божественное подобие. Но через непослушание Адам потерял этот дар. Патриархи, которые появляются в родословной Иисуса были также лишены Святого Духа.

Григорий Палама утверждает, что не сущность, не ипостась Святого Духа посылается, дается, получается, но Его благодать и Его энергия. Нужно отличать сообщаемую Божественную Энергию от Божественной природы. Божественная природа не исходит от Святого Духа. Существует определенное отличие этой сообщаемой Божественной энергии от Самого Святого Духа.

«Святой Дух имеет, как Отец и Сын, собственную и личную связь с энергией, которая Им обща. Выражение энергии Святого Духа вполне законно. Она указывает на ту особую роль, которую играет Святой Дух в проявлении и даре Божественной энергии. Святой Дух почивает на тех, кто Его получает. Это объясняется единством Святого Духа, его связью с собственными энергиями. Святой дух дарует и даруется, Он присутствует в даре, который производится из Него Самого, Он сообщает свою собственную жизнь, Божественную жизнь, общую Трем Божественным Лицам» [3, 93].

То, что Святой Дух есть благодать, означает, что благодать нетварна, Она как таковая, принадлежит Святому Духу. Нетварный дар неотделим от Божественной природы. Святой Дух в нас как дар. Этот дар такого же достоинства, что и тот, кто его дает. Не только тот, кто дарует Божественную благодать, есть Святой Дух, но также благодать даруемая есть Святой Дух.

Святитель Григорий Палама хочет избежать подозрений в дитеизме. Он показывает, что единый Бог есть одновременно непостижимый, будучи постижимым благодаря обоживающему дару, который исходит от Него. Хотя этот дар внутренне присущ тому, кто Его дарует, Он абсолютно неотделим от Него и так же, как и Он, нетварен. Различие в Боге Его энергий и сущности не разделяет Его.

Тот, кто реально пребывает в нас как дар и тот же самый Дух, есть тот, кто дарует и тот, кто даруется одновременно. Сказать о том, что дар тварный, значит умалить самого Святого Духа до уровня творения или разделить один и тот же Святой Дух на тварный и нетварный.

Ипостась, или сущность Святого Духа и Его энергия, могут быть только единым Святым Духом. Этот нераздельный характер сообщаемой благодати указывает на то, что личность Святого Духа присутствует в даре, который Она дает из Себя. Святой Василий Великий говорит, что Святой Дух есть источник Божественных даров. То, что исходит от Бога, воипостасно, то, что исходит из Него, есть Его энергия.

«Святой Дух относится к Божественным Энергиям путем исхождения от Отца и относится к тварному миру и человеку как совершенствующая причина, Его Домостроительство состоит в совершенствовании образа Божия в человеке. Этот образ, запечатленный в человеке творческим Логосом, согласно Первообразу личности Отца, должен возрастать в любви и становиться более Богоподобным через любовь. Возрастать в Богоподобии было задачей первого человека. Этот человек имел энергии Святого духа в своем распоряжении. В восстановленном порядке творения через искупление и обожение во Христе, Святой Дух все еще является совершенствующей причиной. Восстановленный образ Христа становится доступным нам через Духа Божия. Святой Дух приходит завершить план Божественного Домостроительства. Он посылается Отцом и Сыном, но Он приходит по Своей воле и от имени Своего авторитета. Он обращает обоживающие и спасающие Энергии Божии, которые сделались доступными в человеческой природе Христа — к каждой личности индивидуально» [3, 94].

Эти спасительные и обоживающие Нетварные Божественные Энергии в богословской терминологии называются благодатью, свободным даром. Это Дар Божественной жизни свободно даруемый человеку Духом Божиим. Ибо Святой Дух есть воистину источник освящения.

Сакраментальная жизнь Церкви — это средство, через которое эта новая жизнь во Христе, спасительная и обоживающая Божественная Энергия, дается человеку. Крещение водой и Духом составляет вход новизны жизни во Христе, которая также называется Царством Божиим. Это жизнь причастности смерти и воскресению Господа через новую Пасху (Крещение); это харизматическая и пентикостальная жизнь через новую Пятидесятницу (миропомазание, печать дара Духа Святого). Любовь Божия, вышедший дар Святого Духа, опять изливается в наши сердца.

Иисус, Богочеловек, соединяется с нами не просто символически, нравственным или воображаемым образом, но реально, онтологически, и экзистенциально в таинстве евхаристии. Те же Божественные Энергии, созерцаемые учениками Христа на горе Фавор, виденные в прославленном воскресшем человечестве Иисуса и сопровождающие это человечество одесную Бога и Отца — эти самые энергии присутствуют в евхаристических дарах, которые предлагаются на Престоле. Святая евхаристия есть таинство общения Иисуса с прославленным человечеством делающееся лекарством нетления для тех, кто достойно приобщается ему. Оно становится питанием новой жизни во Христе, наполняющей христианина энергией Христа.

7. Обожение. Дар Святого Духа, залог будущих даров, есть личная встреча со Святым Духом, которая обогащает нас жизнью Христа. Приобщение этой жизни — обоживающим Божественным Энергиям — через личную встречу с Духом Божиим, называется обожением. Святой Дух делает нас причастниками жизни Божией. Онтологическое отождествление с Божественной жизнью приносит не столько психологическое, сколько экзистенциальное отождествление с Богом: между Божественным и человеческим посредником существует общая действительность; Святой Дух вопиет в сердцах наших: Авва, Отче.

Обожение есть жизнь в общении с Богом, когда Он дает ее нам при личной встрече со всеми тремя Лицами Всесвятой Троицы. Отец Конто говорит: «В то время как сверх-Бог, по выражению Дионисия, остается для Паламы полностью трансцендентным, но обетование Христа, выраженное в Ин. 14, 23, должно быть понято

как истинное обитание, посредством общения в меру, несообщимого Бога через Его Богодейственные Энергии, т. е. обоживающую благодать. Подобным образом и обетование второго Петра должно пониматься как мистическая встреча, которую предполагает объяснить богословие Паламы в целом: в своих нетварных Энергиях Божественная природа, не теряя и не растворяя своей Божественности, и человеческая природа, не изменяя своей тварности, сходятся вместе в единстве благодати. По выражению святого Максима Исповедника, которое является ключевым в структуре мысли Паламы, «всем, чем является Бог, сохраняя идентичность своей сущности, мы становимся, когда обоживаемся посредством благодати» [3,57].

Литература

1. Григорий Палама, св. Триады. В защиту священнобезмолвствующих 3, 5, 8. М.: Философское наследие, 1999.
2. Флоровский Г., прот. Паламитский синтез и святоотеческая традиция, Богословские сочинения. М.: Свято-Владимирское Братство, 1997.
3. Agiorgousis M. Christian Existentialism of Greek Fathers: Person, Essence and Energies in God. Oxford: Oxford University Press, 1999.
4. Hussy E. M. The structure of the Person-Energy in the Theology of Gregory Palamas, Saint Vladimir's Quarterly. N.Y. № 7, 1997.
5. Milkov K. The Contribution of the Writings of Gregory Palamas to the Definition and Development of the Theosis as a Doctrine in the Eastern Orthodox Church. Massachusetts: Fortress, 1998.
6. Neufeld G. W. Becoming Divine: Authentic Human Being. N.Y.: Saskatchewan, 1999.

Японская Православная Церковь в XX веке: институционализация и правовой статус

Бирюкова К.В., Ершов В.Ф.

Статья посвящена организационно-правовым и политическим аспектам истории Японской Православной церкви в XX веке. Автор показывает, что Японская Православная церковь к 1917 г. сложилась как японское национальное конфессиональное сообщество, в то же время, сохраняющее каноническое и духовное единство с Русской Православной Церковью. В 1930 – 1960-е гг. значительная часть японского православного духовенства и верующих находилась под влиянием Русской Зарубежной церкви. Однако период раскола завершился воссоединением Японской Православной церкви с Московской Патриархией и одновременно получением автономного статуса, что в наибольшей степени соответствует национально-культурной специфике японского православия.

Ключевые слова: Япония, Японская Православная Церковь, Русская Православная церковь, российское зарубежье.

Japanese Orthodox Church in the XX century: institutionalization and legal status
Biryukova K.V., Yershov V.F.

Article is devoted to organizational and legal and political aspects of history of Japanese Orthodox church in the XX century. The author shows that the Japanese Orthodox church by 1917 developed as the Japanese national confessional community, at the same time, keeping initial and spiritual unity with Russian Orthodox Church. In 1930 – the 1960th the essential part of Japanese orthodox clergy and believers was under the influence of the Russian church Abroad. However, the period of split came to the end with reunion of Japanese Orthodox church with the Moscow Patriarchy and at the same time obtaining the autonomous status that most corresponds to national and cultural specifics of Japanese Orthodoxy.

Keywords: Japan, Japanese Orthodox Church, Russian Orthodox Church, Russia abroad.

Актуальность исследования определяется существенным значением миссионерской и дипломатической деятельности Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где на рубеже XX – XXI веков возрастает влияние Православия и непосредственно Русской Православной Церкви в религиозном, общественно-культурном и интеллектуальном пространстве. Значительным событием в жизни современного Православия стал визит в Японию Святейшего Патриарха Всея Руси Кирилла в сентябре 2012 г. Выступая перед собравшимися в Воскресенском храме г. Хакодате (старейшем православном храме Японии) Патриарх Кирилл отметил, что миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая Японского «помогает нам понять, при каких условиях люди другой культуры, нации, других обычаев принимают веру, которую исповедует православный человек. Это происходит, когда проповедник отождествляет себя с народом, к которому обращает свое слово, говорит с ним на том же языке, разделяет культуру, которая становится и его культурой, и это самое главное условие – когда проповедник любит народ, к которому обращается» [3].

В настоящее время Японская Православная Церковь Христова (Автономная Православная Церковь Японии) входит в состав Московского Патриархата и насчитывает более 45 тысяч человек. В 2005 г. в Токио, рядом с кафедральным собором Воскресения Христова (Николай-до) по благословению митрополита Токийского и всей Японии Даниила (Нусиро) был основан первый монастырь Японской Автономной Православной Церкви, освященный во имя святого равноапостольного Николая Японского, настоятелем которого в настоящее время является иеромонах Троице-Сергиевой лавры Герасим (Шевцов). При соборе Воскресения Христова в Токио действует православная семинария, существуют также православное сестричество и Общество православной молодежи, издается

православный журнал «Сейкё Дзихо» на японском языке.

Проповедь Евангелия и Слова Божия в Японии была начата в XIX веке равноапостольным Николаем (Касаткиным), создателем и первоиерархом японской Православной Церкви, выдающимся русским христианским миссионером и подвижником, причисленным ныне к лику святых.

Японская Православная Церковь – явление уникальное. Возможности обретения ею автономии были заложены архиепископом Николаем (Касаткиным), его стремлением не «русифицировать» японцев, а утвердить христианство на японской национальной почве. Утверждение христианских ценностей в Стране Восходящего Солнца происходило в рамках древней и самобытной японской цивилизации, обладавшей ярко выраженной национальной спецификой и духовными традициями. Следствием революционных событий в России стала волна российской эмиграции, дошедшая и до Японии. Однако, по утверждению Н.А. Сухановой, «столкновение с русскими единоверцами способствовало более глубокому осознанию национальной специфики японского православия, отделению его от русского. В городах, где образовались крупные колонии эмигрантов, – Иокогама, Кобэ, Нагасаки – существовали и отдельные русские приходы. Контакты с местными японскими верующими были минимальны» [5, с. 274]. В то же время, несмотря на то, что японское православное сообщество, в отличие от российских эмигрантов, не было непосредственно вовлечено в политический в своей основе Карловацкий раскол, духовенство Японской Православной церкви должно было сделать выбор своего дальнейшего канонического пути.

С 1912 г. Японскую Православную Церковь возглавлял епископ (с 1921 г. – архиепископ, с 1931 – митрополит) Сергей (Тихомиров). Из-за революционных событий в России он не имел возможности принять участие в Поместном Соборе 1917-1918 г., т.к. были затруднены контакты с Московской Патриархией. Тем не менее, владыка Сергей (Тихомиров) был одним из немногих зарубежных архиереев, поддержавших «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского) [6, с. 45], что обусловило ее обособленность от сообщества российских эмигрантов в Японии, большинство которых в этот период являлось сторонниками Русской Зарубежной церкви (РПЦЗ). Данное обстоятельство явилось дополнительным аргументом в пользу идеи церковно-правового оформления самостоятельности Японской Православной церкви.

В 1927 г. в докладе Местоблюстителю Патриаршего Престола владыка Сергей пишет, что «Японская Православная Церковь будет весьма духовно утешена, если Московская Патриархия, зная уже ее фактическую самостоятельность во внутренних делах, так или иначе подтвердит эту самостоятельность и особым дарственным актом» [6, с. 45]. Руководство РПЦ, признавая такую самостоятельность, отвечающей положению Японской Церкви и вполне ею заслуженной, ответило, однако, в письме от 4 января 1928 г., что лишь Поместный Собор или Патриарх могут дать автономию.

Несмотря на обособленность Японской Православной церкви от мира российского зарубежья, в 1930 – 1960-е гг. шла острая борьба за ее каноническую принадлежность и имущество между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. В 1931 г. Заграничный Синод указал «Прервать молитвенное общение с митрополитом Сергием Японским, как признающим митрополита Сергия Московского» [5, с. 275]. В последующие несколько десятилетий мир японского православия испытывал постоянное давление как со стороны властей Японии, требовавших от религиозных организаций политической лояльности и жестко контролировавших их деятельность, так и со стороны РПЦЗ, прежде всего, Американской митрополии, стремившейся вовлечь епископат Японской Православной церкви в орбиту своего влияния.

В 1939 г. в Японии был принят закон, по которому возглавлять религиозные организации имели право только урожденные японцы, и митрополит Сергей был вынужден уйти на покой, передав управление делами Церкви Арсению (Хэйкити) Ивасава. Летом 1944 г. митрополит Сергей получил советское гражданство. Митрополит Алексей I (Симанский) приглашает его на Архиерейский Собор в Москву, сообщает о назначенном на январь 1945 г. Поместном Соборе. Владыка хотел ехать, но расстроенное здоровье и позиция японских властей воспрепятствовали. В мае 1945 г. митрополит Сергей (Тихомиров) был арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР, спустя 40 дней его выпустили, но здоровье его было окончательно подорвано, и 10 августа 1945 г. он скончался в бедной обстановке на окраине Токио.

Еще в 1941 г. на Всеяпонском православном соборе было принято решение о поставлении епископа, избраны несколько кандидатов, но в процесс вмешались представители японс-

кого Верховного командования. Выяснилось, что ни один из кандидатов не сочувствовал японской программе на Дальнем Востоке, и потому не устраивал правительство. Тогда инициатор, о. Йошида, предложил кандидатуру 70-летнего протоиерея Иоанна (Оно) (Киити Ямадзаки), и по прошению о. Йошиды и двоих мирян он был направлен в Харбин и пострижен в монахи с именем Николай (его жена также приняла постриг), и возведен в сан епископа Японского и Токийского. Чин хиротонии совершали архиереи РПЦЗ, порвавшие связь с Московским Патриархатом в ходе «карловацкого раскола». По утверждению ряда исследователей, новый епископ не пользовался уважением и не был допущен верующими в собор. Большинство православных японцев предлагало возвести в епископы протоиерея Якова (Тоохея). Японские власти вмешались и постановили признать епископа Николая, и одновременно возвести в епископы о. Якова, с тем, чтобы они управляли Японской Церковью поочередно, через год. Поскольку это несовместимо с каноническими нормами православия, о. Яков не был хиротонисан [8, с.235].

27 марта 1946 г. японская Консistorия составила прошение Патриарху Алексию I о воссоединении с Матерью-Церковью и о направлении в Японию представителя от московской Патриархии. Епископа Николая (Оно) известили об этом в последний момент, рассчитывая, что он откажется подписывать прошение и это станет поводом к его отстранению. Но владыка документ подписал, и в ответной телеграмме Патриарх Алексей заверяет, что пожелание о воссоединении с любовью принято. Распоряжением Патриарха от 3 апреля 1946 г. Японская Церковь была воссоединена с Матерью-Русской Церковью [2, с.212]. Это означало возобновление канонического общения Японской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

После американской оккупации группа православных японцев обратилась в религиозный отдел гражданской секции информации и воспитания американской ставки. Они заявили, что выборы владыки Николая (Оно) не были желанием всех японских православных, что епископ сотрудничает с японской ставкой и просили удалить его. Расследование подтвердило обоснованность обвинений, и Николай (Оно) вынужден был сложить с себя полномочия.

Группа православных японцев во главе с протоиреем Арсением (Ивасавай) провела в апреле 1946 г. собор, на котором было решено

подчинить Японскую Церковь Американской митрополии, вышедшей из подчинения Московской Патриархии, во главе с митрополитом Феофилом (Пашковым). Этот Собор своим постановлением отправил на покой епископа Николая (Оно) (в апреле 1946) и передал православные кафедры и приходы страны под юрисдикцию Зарубежного Синода. Таким образом, в нарушение канонических правил было осуществлено отделение Японской Церкви от Матери-Церкви, продолжавшееся почти 25 лет. При этом были отчуждены владения Православной Духовной Миссии: Воскресенский кафедральный Собор, храмы и молитвенные дома в разных частях Японии, земельные участки, принадлежащие Миссии. Часть православных приходов, верующих и священнослужителей сохранили верность Московскому Патриархату; среди них был протоиерей Антоний Такай, возглавлявший приход в Токио [2, с.212-213].

Видимо, решения Собора были продиктованы нежеланием конфликта с американскими оккупационными властями. Резолюция собора не уточняет, к какой юрисдикции должен принадлежать этот американский епископ: на американской земле только часть приходов приняла юрисдикцию Московского Патриархата. Японская Консistorия обращается к митрополиту Вениамину (Федченкову) с просьбой пригласить епископа из своей епархии, владыка Вениамин списался по этому поводу с Москвой, и получил ответ, что планируется визит в Японию епископа из СССР. Но Московская Патриархия медлила. В это время состоявшийся в Нью-Йорке 31 октября – 1 ноября 1946 г. Малый Собор епископов Американской Митрополии по согласованию с военными властями США направляет в Японию епископа Питтсбургского и Западной Вирджинии Вениамина (Басальгу). Позиция же Японской Консistorии по этому вопросу была «кто скорее приедет – того и примут» [5, с.284-285]. Владыка Вениамин прибыл из США первым. Посланные в Японию от Московского Патриархата епископы Борис (Вик) и Сергей (Ларин) не получили виз. Американские власти, видимо, не пожелали впустить их в Японию, и они более месяца ожидали во Владивостоке виз, и вынуждены были вернуться ни с чем. Епископ Вениамин вскоре созывает Собор, который отменил решение о воссоединении с Московской Патриархией и взамен его постановил ввести Японскую Церковь под юрисдикцию Американской Митрополии. Несогласные в знак протеста покинули Собор. По ряду сви-

детельств, владыка Вениамин не пользовался популярностью среди японской паствы. Священник Иоанн Иосимура высказывает мнение, что деятельность епископа Вениамина «была не на пользу Японской Церкви»: разногласия в связи с переходом в Американскую Митрополию создавали неблагоприятную атмосферу в православном сообществе Японии; кроме того, возникла перспектива дальнейшего расхищения церковного имущества [7, с.26].

Послевоенная японская конституция 1947 г. признала свободу религии. Христианство получило право на существование наряду с другими традиционными религиями.

В 1954 г. епископ Николай (Оно) перешел к сторонникам епископа Феофила (Пашкова), мотивируя это необходимостью сохранения Воскресенского собора за неамериканской иерархией и духовного окормления прихожан собора; в 1956 г. он скончался. В августе 1957 г. протоиерей Михаил Зернов в составе делегации Советского Союза, направлявшейся в Японию на III Международную Конференцию за запрещение атомного и водородного оружия, посетил приходы в Японии, оставшиеся верными Московскому Патриархату. Результатом этого явилась организация в 1957 г. Благодичиния Русской Православной Церкви в Японии. Благодичинным был назначен протоиерей Антоний Такай, возведенный в сан протопресвитера.

В 1961 г. архиепископ Пермский и Соликамский Сергей (Ларин) совершает богослужения в храмах Благодичиния на правах правящего архиерея. Он также возглавляет церковные торжества по случаю 100-летия прибытия святителя Николая в Японию. Активно участвует в жизни Благодичиния священник Петр Саяма. В 1961 г. Петр Саяма воссоединился с Православной Церковью Московского Патриархата, и стал активным сотрудником Благодичиния.

Японские паломники посещали Советский Союз: в августе-сентябре 1962 года протопресвитер А. Такай и о. Петр Саяма совершили поездку в СССР. Отец Петр принял иноческий постриг в Троице-Сергиевой Лавре с именем Николая, которое было указано Святейшим Патриархом Алексием. На обратном пути в Японию паломники посетили Иерусалим и поклонились Святым местам. В 1962 г. епископу Дмитровскому Киприану (Зернову) Святейшим Патриархом и Синодом было поручено окормлять Японское благодичиние; в декабре 1963 г. епископ Киприан совершил поездку в Японию. В июле-августе 1964 г. епископ Воронежский и Липецкий

Владимир (Котляров), бывший на Конференции религиозных деятелей в защиту мира в Японии, посетил Никольский храм Благодичиния в Токио, где совершил богослужение.

Из пребывавшей в расколе части Японской Церкви к Благодичинию присоединялись клирики и миряне, искавшие общения с Матерью-Церковью. В 1966 г. был принят в патриаршую юрисдикцию протоиерей И. Иосимура, прослуживший к тому времени в Японии 50 лет.

В августе-сентябре 1966 г. иеромонах Николай (Саяма) второй раз посетил Россию и был возведен в сан архимандрита. В 1968 г. он вновь приезжает, чтобы принять участие в торжествах по поводу 50-летия восстановления Патриаршества в Русской Церкви, уже в сане епископа. 3 января 1966 года скончался благодичинный церковью Московского Патриархата в Японии протопресвитер Антоний Такай. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 сентября 1966 г. был утвержден в должности благодичинного иеромонах Николай (Саяма), с возведением его в сан архимандрита. 16 сентября 1967 г. окормление приходов Благодичиния было поручено епископу Зарайскому Ювеналию, заместителю председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, с освобождением архиепископа Киприана от должности управляющего приходами Благодичиния. В сентябре-октябре 1967 г. он предпринял поездку в Японию для детального ознакомления с жизнью Благодичиния.

7 октября 1967 г. святейший Синод РПЦ, заслушав доклад епископа Зарайского Ювеналия о его посещении Японии, и постановил упразднить Благодичиние и восстановить Миссию. Начальником Православной Духовной Миссии в Японии стал архимандрит Николай (Саяма), возведенный в сан епископа с именованьем Токийским и Японским. Владыка Ювеналий был освобожден от поручения по управлению приходами Благодичиния. 24 ноября 1968 г. состоялся Первый Собор клира и Мирян Православной Духовной Миссии в Японии. Собор принял Устав Миссии и призвал к возвращению отпавших от РПЦ в юрисдикцию Московского патриархата.

Часть верующих в Японии оставалась в ведении Американской Митрополии. После архиепископа Вениамина (Басалыги) ими управляли епископ Ириней (Бекиш) — 1953-1960 гг.; епископ Никон (Греве) — 1960-1962 гг. епископ Ситкинский и Аляскинский Амвросий (июнь-ноябрь 1962 г., управлял временно) и епископ Владимир (Нагосский) — с ноября 1962 г. 19

октября 1969 года в Воскресенском кафедральном соборе в Токио состоялась хиротония иеромонаха Феодосия (Нагасима) во епископа Киотского, которую совершили архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) и епископ Владимир (Нагосский).

15 апреля 1968 г. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I был удостоен награждения Патриаршим крестом митрофорный протоиерей Иоанн Иосимура, прослуживший Православной Церкви в Японии 50 лет. В связи с получением этой награды о. Иоанн написал письмо, изданное в «Журнале Московской Патриархии», в котором рассказывает об основных этапах истории Русской Духовной Миссии в Японии и о своем служении Японской Церкви [7, с.21-26].

5 августа 1969 г. Священный Синод Русской Православной Церкви, высказываясь по докладу митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима о перспективах улучшения и нормализации отношений между Московским Патриархатом и Североамериканской Митрополией, принял постановление о желательности для этого отказа Североамериканской Митрополии от ее неканонической юрисдикции над частью православной Церкви в Японии. 28 ноября 1969 г. в Токио состоялась вторая официальная встреча представителей Московского Патриархата с представителями Американской Митрополии по вопросу о возобновлении канонических отношений. Находясь в Японии, представители Московского Патриархата во главе с митрополитом Никодимом имели в период с 26 по 28 ноября того же года ряд встреч и с представителями Японской Православной Церкви во главе с епископом Владимиром также по вопросу восстановления канонических отношений.

Таким образом, после ряда переговоров было принято решение о прекращении юрисдикции Зарубежного Синода в Японии, как не имеющей канонических обоснований; было достигнуто соглашение о вхождении Японской Православной Церкви в состав Московского Патриархата на правах Автономной Церкви. Оно было одобрено Вторым Собором Православной Духовной Миссии в Японии (29 ноября 1969 г.) и Внеочередным Собором епископов, клира и мирян Японской Православной Церкви, находившейся под юрисдикцией Зарубежного Синода (Токио, 19 декабря 1969 г.). В апреле 1970 г. Святейший Синод РПЦ снял запрещения, наложенные в 1947 г. на епископов, покидавших юрисдикцию РПЦ [4, с.69]. «Священный Синод

постановил отменить прещение Церковной Власти РПЦ, тяготевшее над Преосвященным Владимиром и Преосвященным Феодосием в силу запрещения, наложенного Святейшим Патриархом и Священным Синодом 12 декабря 1947 года на главу Североамериканской Митрополии и сущих с ним архиереев, в юрисдикции которых находились и Преосвященный Владимир и Преосвященный Феодосий»[6, с.50].

10 апреля 1970 г. Святейший Синод РПЦ даровал Японской церкви автономию, провозгласив ее Японской Автономной Православной Церковью. В заседаниях Священного Синода 3 апреля 1970 года было рассмотрено письмо, поступившее 3 января 1970 года от указанного Собора Японской Православной Церкви на имя Святейшего Патриарха Алексия I, за подписями епископа Владимира, епископа Феодосия и председателя Консистории протоиерея В. Такеока, в котором от имени клира и паствы Православной Церкви в Японии на основании решения Собора содержалось обращение к Святейшему Патриарху Алексию и в его лице – к Церкви-Матери с выражением желания урегулировать отношения с Матерью-Церковью и с ходатайством о даровании автономии Православной Церкви в Японии [6, с.49].

В связи с дарованием автономии Японской Православной Церкви была упразднена Православная Духовная Миссия в Японии. Епископ Токийский и Японский Николай был освобожден от должности начальника Миссии и в соответствии с поданным им прошением оставлен в непосредственной юрисдикции Святейшего Патриарха и назначен настоятелем Патриаршего Подворья в Токио с титулом «Епископ Можайский». Было решено прекратить все судебные процессы с называвшейся ранее группой «Николай-до». Было решено «уведомить все братские Поместные Церкви об этом решении через послания Святейшего Патриарха Алексия I к их предстоятелям и просить их молитв о новой Святой Православной Автономной Церкви Японской», которая вошла в семью Православных Поместных Церквей в составе трех епархий: Токийской, Киотской и Сендайской. Первым предстоятелем Японской Церкви был избран в 1970 г. архиепископ Владимир (Загоскин) с титулом «Архиепископ Токийский и Митрополит всей Японии». В апреле 1970 г. в Москву приезжает с официальным визитом делегация Японской Церкви, которую возглавляет архиепископ Владимир (он был возведен в сан архиепископа в марте 1970 г. решением Собора

епископов Американской Митрополии). Владыку Владимира сопровождали епископ Киотский Феодосий, председатель Консистории протоиерей В. Такеока, протоиерей М. Хигучи, священник С. Онами и г-н Л. Мураи. 10 апреля 1970 г. Архиепископ Владимир был возведен в сан митрополита. 12 апреля 1970 г. в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе в Москве Митрополит Владимир литургисал с членами Священного Синода Русской Православной Церкви. В тот же день он был принят Святейшим Патриархом Алексием I в Троицком подворье в селе Лукино. Его Святейшество вручил Митрополиту Владимиру Патриарший и Синодальный Томос об автономии Православной Церкви в Японии, передал ему Святое миро и возложил на него вторую панягию.

19 марта 1972 г. на Соборе Японской Автономной Православной Церкви в связи с отъездом владыки Владимира в США, новым архиепископом Токийским и всея Японии был избран епископ Киотский Феодосий (в миру Синдзи Нагасима), возглавлявший Японскую Православную Церковь более четверти века. 4 марта 2000 г. на Чрезвычайном Поместном Соборе при участии представителей ОВЦС Московского патриархата новым предстоятелем был избран епископ Иокогамский Петр (Арихара). Однако в апреле он подал в отставку по состоянию здоровья.

6 мая 2000 г. Поместным Собором Японской Автономной Православной Церкви епископ Киотский Даниил (Нусиро) был избран предстоятелем Японской Церкви. Для возведения его в сан митрополита в Токио прибыла делегация Русской Православной Церкви. 14 мая 2000 г. в храме Воскресения Христова в Токио Патриархом Алексием II была совершена интронизация. «Вся историческая судьба Японской Православной Церкви неразрывно связана с Матерью — Русской Православной Церковью», — напомнил Патриарх Алексий I в своей речи на интронизации владыки Даниила [1, с.290]. «Мы верим, что традиции Православия и глубокая связь между нашими Церквями могут укрепить те основания, на которых будут создаваться отношения между нашими народами в грядущем тысячелетии», — сказал Святейший Алексий I прихожанам в Хакодате [1, с.288].

Статус автономной церкви является, условно говоря, «промежуточным»; он предполагает, что в важнейших вопросах автономная церковь зависима от Матери-Церкви, что гарантирует сохранение неповрежденной полноты православного учения и духовной жизни автономной церкви. Следующим шагом может быть обретение

статуса автокефалии, дающего высшую степень церковной независимости.

Дарование автономии Японской Православной Церкви свидетельствует о завершенности ее организационного и канонического становления, отражает определенную степень внутренней зрелости, которая была достигнута Японской Православной Церковью в рассматриваемый период, а также выявляет ее значение в системе РПЦ и в духовной жизни Японии и всего Дальневосточного региона.

Таким образом, история Японской Православной Церкви в XX веке, ее институционализация, обретение нового статуса и пастырское служение отразили широкий комплекс проблем, связанных с расширением канонической территории Православия в сложных геополитических условиях, в контексте национальной и ментальной специфики нехристианских цивилизаций, а также в ситуации раскола мира в эпоху «холодной войны» и в условиях становления информационного общества.

Воссоединение с Московской Патриархией и получение автономного статуса явились закономерным следствием социально-культурной и национальной специфики японского православия в XX веке.

Литература

1. Бесстремляная Г.Е. Японская Православная Церковь. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
2. Боголюбов А.М. Православная Церковь в послевоенной Японии // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С.211-214.
3. Патриарх Кирилл посетил Японию // Церковный вестник: Летопись Православия в XXI веке. 19 сентября 2012 г. Электронная публикация. Код доступа: http://e-vestnik.ru/reports/patriarh_kirill_yaponia/
4. Суханова Н.А. Цветущая ветка сакуры. История Православной Церкви в Японии. М., 2003.
5. Суханова Н.А. Японская православная церковь в 1917-1948 гг.: от Московской Патриархии к Американской митрополии // Япония: Ежегодник. М., 2006. С.272-288.
6. Тыщук Аркадий, протоиерей. Японская Автономная Православная Церковь. (Краткая историческая справка) // Журнал Московской Патриархии. — 1970. — №12. — С.43-51.
7. 60 лет в духовной миссии // Журнал Московской Патриархии. — 1968. — №12. — С.21-26.
8. Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в Японии в 1941-1946 гг. // Новая и новейшая история. — 2004. — № 5. — С.234-235.

Исаев А.А.

Вопросы социологии. СПб., 1906

От редакции: Мы начинаем публикацию книги известного отечественного социолога начала XX века А.А.Исаева «Вопросы социологии» (1906). Она не переиздавалась более 100 лет и практически не известна нынешнему поколению социологов.

Андрей Алексеевич Исаев (1851-1924) - выдающийся русский экономист, статистик и социолог. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, занимался в Лейпцигском университете под руководством Рощера и в Гейдельбергском – под руководством Книса. В 1875 г. он поступил на службу в Московское губернское земство, для исследования кустарных промыслов. Позже он занимался исследованием кустарной промышленности и артелей в Германии, Франции и Швейцарии. В 1879 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Промышленные товарищества во Франции и Германии» и в 1881 г. - докторскую диссертацию «Артели в России». С 1888 г. начал чтение лекций по политической экономии в Санкт-Петербургском университете.

В 1879-1888 гг. преподавал политэкономии и финансовое право в ярославском Демидовском лицее и в 1888-1898 гг. в Петербургском университете и Александровском лицее. В 1899 - 1904 гг. читал лекции в Париже и Брюсселе. В последующие годы преподавал в Петербургском университете. С 1889 г. А.Исаев - председатель отделения по кустарной и ремесленной промышленности при обществе для содействия русской промышленности и торговле. В 1890 г. по его инициативе было учреждено Общество для вспомоществования нуждающимся переселенцам, где он состоял товарищем председателя. После революции 1917 г. работал в Наркомфине.

Книга «Вопросы социологии» (СПб., 1906) содержит 5 очерков, посвященных воздействию техники и хозяйства, в том числе железных дорог, на различные стороны культуры, взаимовлиянию эгоизма, дружелюбия и классовых интересов, борьбе социальных групп в обществе, отношения между личностью и средой, о сходстве и различиях в развитии народов мира. В предисловии от редакции Вестника Знания говорится, что по цензурным соображениям толь-

ко сейчас, в 1906 г., удалось полностью опубликовать этот капитальный труд в России, ибо прежде он печатался лишь за границей. К сожалению, выходные данные иностранной версии «Вопросов социологии» не указывается, так же как и год издания.

К времени выхода «Вопросов социологии» А.Исаева экономический материализм и породивший его марксизм уже перестали быть в России последним словом науки. Кто-то им продолжал увлекаться и даже формировали на их основе теоретические программы политических партий (Ленин и Плеханов), но определенная часть русской интеллигенции ими пресытилась, разочаровалась и отошла в сторону. Тем не менее Исаев берется доказать верность основных положений экономического материализма в деле объяснения явлений культуры, в том числе тезиса о том, «способы производства и покоящиеся на них хозяйственные явления составляют основные факты общественной жизни»¹

Среди экономических факторов, повлиявших на мировую промышленность и торговлю, А.Исаев называет сооружение железных дорог. Хотя этот факт, признается он, подробно описан в литературе того времени, вне поля зрения оказалось воздействие железных дорог на государство. Железнодорожные компании быстро превратились в монополистов, их хозяева явились первым типом олигархов Нового времени, определявших интересы и судьбы миллионов людей. Если дороги находятся в собственности государства, то неограниченную власть над экономикой и жизнью общества получает правительство. Многомиллионный отряд железнодорожных служащих, полагает А.Исаев, пополняет ряды чиновничества, а «высшие железнодорожные служащие тесно сливаются с бюрократией», вместе они становятся силой, способной определять даже исход политической борьбы. Строительство железных дорог положительно влияет на развитие городов и военной мощи страны, передвижение больших масс людей и миграцию, образование, законодательство, науку, культуру, но негативно – на сохранение традиций и укрепление религиозных чувств.

Вслед за Ф.Энгельсом русский ученый утверждает, что разные сферы человеческой куль-

туры связаны с экономикой в неодинаковой мере – одни больше, другие меньше. Важна общеисторическая закономерность: чем менее развито народное хозяйство, примитивнее экономика, тем беднее и однообразнее духовная жизнь общества. Так, древневосточные царства, например персидское и монгольское, не оставили человечеству духовного наследия, поскольку не отличались развитой экономикой. Напротив, Древняя Греция имела и высокую культуру, и сильную экономику. После Александра Македонского хозяйственный быт Греции начал клониться к упадку, а вместе с ним деградировали науки и искусства.

Другая закономерность, открытая экономическим материализмом и подтверждаемая историческими фактами, заключается в том, полагает А.Исаев, что развитие экономики ведет к накоплению в обществе богатств, которые распределяются неравномерно. Высшие классы, освобожденные от физического труда, обладают и большими возможностями заниматься искусствами, и большим свободным временем для этого. Появление праздного класса, который сыграл позитивную роль, исторически и культурно обусловлено.

Можно вполне согласиться с двумя следующими положениями А.Исаева: 1) гении, вышедшие из среды бедных классов, смогли получить образование и развитие преимущественно благодаря филантропической помощи фондов, созданных теми же богатыми классами; 2) чтобы талантливые бедняки могли принимать участие в развитии культуры, необходимо, чтобы богатые классы приобрели вкус к духовной культуре, а это возможно только на достаточно высоком уровне развития экономической жизни общества.

Но не со всеми утверждениями А.Исаева можно согласиться. Следуя его логике, в слабо дифференцированном обществе (соответственно, слабо дифференцированной экономике) рождаются универсальные гении, создавшие творения во всех или многих областях искусства, как-то Аристотель или Леонардо да Винчи, специализированное хозяйство и развитая экономика дают гениев-специалистов. В таком случае чем дальше вглубь истории, тем больше универсалов-гениев, а Новое время порождает исключительно узких специалистов. Однако эмпирические факты не подтверждают подобной закономерности. Таланты, универсальные и специализированные, разбросаны по эпохам в некоем беспорядке, стохастически.

Слаборазвитая экономика порождает социально недифференцированное общество. В нем

мало профессий и специальностей, стало быть, мало социальных типажей для писателей и драматургов. Если бы Шекспир родился не в Англии, а в Московии эпохи Ивана Грозного, то из него, утверждает А.Исаев, «не вышло бы и четверти Шекспира»². В сонном московском царстве Шекспиру просто негде было бы наблюдать кипение страстей, борьбу общественных групп, кровавое столкновение интересов низов и верхов, групп, кланов и сословий.

Думается, и с этим утверждением можно поспорить. Опричнина Ивана Грозного дала такой накал страстей, вылила столько человеческой крови на историческую сцену, что их хватило бы ни на одну трагедию Шекспира. И дело здесь не в отсталости русской экономики и недифференцированности общественной жизни, а не развитости самого театра на Руси, которого в те времена попросту не существовало, в то время как в Англии театральные традиции, а с ними вместе вся театральная среда (сценаристы, артисты, костюмеры и т.д., наконец, публика) насчитывала уже не одно столетие.

Вместо понятия «культура» А.Исаев часто употребляет другое – «идеология». Современному читателю подобная замена может показаться неадекватной, поскольку второе понятие накрепко связано с политикой и борьбой политических партий. Но в те времена идеологию понимали гораздо шире, а именно как совокупность духовных и теоретических идей, отличную от чувственной составляющей культуры. В этом смысле надо понимать его классификацию идеологий, которые распадаются на те, что изучают а) человека и общество, б) природу. По сути речь идет не об идеологии в нашем понимании, а о науках.

Естественные науки в большей степени зависят от экономического строя страны, но вместе с тем они больше влияют на него, поскольку формируют средства производства и технологический базис. Последние развиваются неравномерно, так что одни отрасли уходят далеко вперед, а другие отстают. Соответственно работники, представляющие эти отрасли, скажем, угольщики, инженеры или краснодеревщики, собственники, крестьяне или кустари, имеют разные социальные и экономические интересы, по-разному они и ведут себя на общественной арене: одни заинтересованы в отжившем способе производства и всячески борются за его сохранение, другие, напротив, требуют кардинального обновления, организуя стачки и забастовки.

Из общественных наук теснее других с уровнем развития народного хозяйства связано пра-

во, которое создается господствующим классом и призвано оберегать его интересы, и политическая экономия, теоретически отражающая объективно существующие законы развития этого хозяйства. В доказательство А.Исаев приводит ряд весьма убедительных фактов из древней и современной истории. К примеру, А.Смит, родоначальник классической политэкономии, мог состояться как великий ученый только в Англии – самой передовой стране своего времени, где можно было воочию наблюдать становление раннего этапа капитализма. В отсталой Германии он появиться не мог. Зато здесь родился критик и ниспровергатель этого учения К.Маркс. Правда, кроме Германии он жил во Франции, где приобщился к идеям утопического социализма, и в Англии, передовой экономической страной которой он мог сравнить с аграрной немецкой экономикой, более наглядно выявить социально-экономические противоречия и наметить пути их преодоления. Согласно А.Исаеву, «Маркс мог дать нам *Капитал* только чрез познание наиболее развитых форм хозяйства и идей...»³. Сопоставляя между собой разные страны и общества, заключает А.Исаев, крупный мыслитель может отвлекаться от частных и выявить главное в социальной эволюции.

Гораздо хуже удалась А.Исаеву попытка вывести содержание философских систем той или иной эпохи непосредственно из социальных реалий жизни. Когда он говорит о том, что учение Гераклита (ок. 554–483 до н. э.) о тождестве противоположностей как движущей силе природы прямо отражало обострение классовой борьбы в ионической Греции 6 в. до н.э., а сам Гераклит своими идеями стремился теоретически защитить позиции свергнутой аристократии, ему верится с трудом. Классовая борьба происходила во все исторические эпохи, и выходцев из аристократии среди философов тоже хватало, тем не менее родоначальником материалистической диалектики почему-то именно Гераклит. Аристократизм Гераклита имел больше духовный, чем политический оттенок. Утверждение русского ученого о том, что хозяйственный быт Греции той поры не прямо, а опосредованно – через политическое положение аристократии – отразился в философских рассуждениях Гераклита предстает весьма прямолинейным.

Таковыми же примитивно материалистически надо признать суждения А.Исаева о проис-

хождении музыки и поэзии непосредственно из трудовой ритмики: «Ритм стихотворного искусства в своем зародыше очень напоминает звуки при работе: анапест и дактиль напоминают удары молотка о наковальню»⁴. Оказывается, и в живописи, например, фламандской и голландской, отражение «экономической и политической жизни так велико, что, зная состояние хозяйства и политики в данный период, можно сделать вывод о том, каково искусство этого периода»⁵. Убедительнее выглядят мысли А.Исаева о том, что живопись отражает не только свою эпоху, но и потребности того общественного класса, который выступает для нее социальным заказчиком. Так, сравнивая «пышные здоровые» и негой картины Рубенса и Рембрандта с революционными полотнами Давида, А.Исаев тут же дает социальный портрет сословий, интересы или потребности которых они отражали: изнеженное и праздное дворянство, поколениями приучавшее себя к наслаждению, с одной стороны, и упорным трудом увеличивающая свое благосостояние буржуазия, представитель среднего класса, среди ценностей которого мы видим гражданственность и патриотизм, – с другой.

Рассматривая Россию рубежа отмены крепостного права, А.Исаев затрагивает творчество Пушкина и Лермонтова, называя их сынами «серой, помещичьей России», хотя и гениальными, но по-мещански недалекими, ограниченными. Лермонтов у него «любил отчизну любовью заурядного, ленивого помещика», «не возвышается до понимания общественных противоречий даже в лучших своих созданиях», так и не сумев «освободиться из давления крепостной России», занять активную жизненную позицию, призывая к свержению существующего строя. Ничем не лучше Пушкин: представитель старого дворянства, он высмеивает и издевается в своих стихах на «новой знатью», в тайне завидуя ей. Претерпевая от последней «мелочные обиды», он не мог их вынести; ему не хватило «философского величия» возвыситься над принципами узко-сословной чести. И оба они отражают затхлую эпоху 1830-х годов, эпоху крепостничества и общественного застоя.

В этом номере мы размещаем Очерк первый из указанной книги. Нумерация ссылок в круглых скобках, с пропусками, дана по оригиналу.

Материал подготовил проф.
А.И.Кравченко

Исаев А.А.
Вопросы социологии. СПб.: Издание «Вестника Знания»
(В.В. Битнера), 1906.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. Техника и хозяйство в основе культуры.

I. Общее влияние техники и хозяйства на культуру. II. Влияние техники и хозяйства на право. III. Влияние техники и хозяйства на науку. IV. Отношение хозяйственного быта к искусству. V. Влияние железных дорог на культуру. VI. Русская литература под влиянием перемен в русском народном хозяйстве.

ОЧЕРК ВТОРОЙ. Эгоизм, дружелюбие, классовые интересы.

I. Воззрения Смита, Рошера, Кнуса, Кидда, Рескина, Толстого, Маркса на мотивы человеческой деятельности. II. Значение альтруизма. III. Влияние альтруизма на распределение богатств. IV. Влияние альтруизма на народное образование, уголовное право, положение женщин и незаконнорожденных. V. Распространенность слишком высокого мнения о влиянии альтруизма. VI. Классовое сознание.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ. Борьба общественных групп.

I. Многочисленность борющихся общественных групп. II. Группы имущего класса. III. Государство, как самостоятельная группа. IV.

Группы неимущего класса. V. Роды интересов, вызывающих классовую борьбу. Формы борьбы. VI. Причины, обострившие классовую борьбу за последнее время. VII. Вероятное будущее классовой борьбы.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ. Личность и среда.

I. Преклонение пред личностью. II. Влияние среды на личность. III. Влияние среды на зарождение и распространение христианства. IV. Влияние среды на учение Дарвина. V. Влияние среды на учение Маркса. VI. Влияние среды на коренные изменения в законодательстве. VII. Перемены в отношении между личностью и средой. VIII. Коренное преобразование общественного строя в направлении социализма не может быть совершено неограниченным монархом.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ. О сходствах и различиях в развитии народов.

I. Значение этого вопроса для русского общества. II. Сходства в развитии народов. III. Различия между народами. IV. Судьбы земельной общины у разных народов. V. Падение крепостного права у разных народов. VI. Характер пролетарского движения в разных странах Европы. VII. Общие выводы. VIII. Вероятное будущее.

Примечания.

Предисловие

Пять очерков, входящих в состав этой книги, образуют одно целое.

В первом очерке я исследовал влияние техники и хозяйства на другие стороны культуры. Изучение самолюбия, альтруизма и классового интереса, как важнейших сил, управляющих общежитием, составляет предмет второго очерка. Третий – посвящен изображению борьбы социальных групп. Члены социальных групп несходны между собой силами ума и воли. Возникает, поэтому, вопрос об исторической роли наиболее выдающихся людей; дабы ответить на него, нужно выяснить отношение между личностью и средой. Это сделано в четвертом очерке. В пятом, заключительном этюде рассматриваются национальные особенности, которыми отмечено развитие общественной жизни у разных народов.

А. А. Исаев.

Изменение цензурных условий дает нам возможность предложить вниманию читателей настоящий капитальный труд нашего сотрудника. До сих пор эта книга на русском языке могла быть печатается только за границей.

«Редакция Вестника Знания».

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ Техника и хозяйство в основе культуры

I.

Экономическому материализму часто делают упреки за то, что он старается привести в связь все явления общественной жизни со способами производства данного времени. По-видимому, не трудно забросать на этой почве материалистов вопросами, которые с первого взгляда будут производить впечатление, что материалист односторонен, узок даже... смешон, а его критик остроумен и широко образован. Оперы Россини, Мейербергера, Вагнера не сходны между собою; в какой же связи стоят они с промышленной жизнью нашего времени? Почему теперь, при новейших способах производства, посвящается много ученых сил не только естествознанию или науке о народном хозяйстве, но и богословию? Как объяснить условиями экономической жизни XV века то, что Коперник и его великое открытие падают именно на это столетие? и т. д., и т. д.

Способы производства и покоящиеся на них хозяйственные явления составляют основные

факты общественной жизни. Совокупность этих фактов поглощает наибольшую сумму человеческих сил; она служит определяющим условием для всех сторон культуры, но не определяет всего того, что входит в состав какой-либо идеологии. Во всех отделах культуры данной эпохи можно наметить составные части, прямо вытекающие из условий экономической жизни: это касается наиболее характерных особенностей данной идеологии, границ, за которые условия хозяйственного быта не позволяют ей выйти, крайних пределов времени, когда она может возникнуть, или не когда ее возникновение невозможно. Но в каждом отделе культуры можно найти такие составные части, которые не стоят в ближайшей связи с экономическим бытом, а должны быть объяснены законами мышления; согласно с этими законами, известная система идей наталкивает людей на определенные выводы. Энгельс, развивая мысль о том, насколько государство, публичное и гражданское право вырабатываются под влиянием экономической жизни, говорит: «Идеологии еще более высокого порядка, т. е. еще более отдаленные от материальной, экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с материальными условиями их существования становятся все более запутанной, все более затемненной посредствующими звеньями. Но эта связь существует. Как вся эпоха Возрождения, от половины пятнадцатого столетия, была, по существу, продуктом городской жизни, т. е. буржуазии, так и пробудившаяся от того времени философия; ее содержание было в существе своем только философским выражением мыслей, которые соответствовали переходу мелкого и среднего городского сословия в крупную буржуазию. Религия возникла в первобытное время из смутных и диких представлений людей о собственной и внешней природе. Каждая идеология, раз она существует, развивается, тесно примыкая к материалу для своего представления, дальше перерабатывает его; иначе она не была бы идеологией, т. е. работой над мыслями, как самостоятельными сущностями, независимо развивающимися и подчиненными собственным законам. У людей, в головах которых совершается этот процесс мысли, нет сознания, что материальные условия жизни людей в конечном итоге определяют этот процесс, иначе наступил бы конец самой идеологии». 1)

Поясняя этот отрывок, мы скажем, что многое в области идеологий очень отдалено от материальных условий существования людей; эти

условия могут быть связаны с такими составными частями идеологии только посредством ряда ступеней. Положениям экономического материализма нисколько не противоречит то, что одна группа идеологии развивается под влиянием идеологии другого порядка — право развивается под влиянием религиозных представлений и непосредственным влиянием политической жизни. Материализм настаивает только на том, что эти ближайшие факторы не образуют особого, самостоятельного мира, который был бы совершенно отрезан от мира материальных забот. Если мы, наблюдая перемены в мире идеологии, от факторов, которые относятся к области нравственности, религии, политики, взойдем к причинам, более отдаленным, то увидим, что они связаны с общественным хозяйством.

Материализм, взятый в целом, представляется философской системой, далеко не законченной; особенно же мало разработана область происхождения идеологий и их зависимость от хозяйства. Влияние хозяйства на многие отделы права подмечено уже давно. Связь же между экономической жизнью, с одной стороны, и наукой искусством, религией — с другой, весьма мало изучена, и не одному поколению ученых предстоит плодотворная работа на этой ниве.

Как ни трудно установить здесь общие положения, следует иметь в виду, что весь мир идеологий зависит от экономической жизни (и в конечном итоге от способов производства) в таких отношениях. Нужно довольно высокое состояние хозяйства, дабы идеологии достигли значительного развития. Обширные царства востока — древнее персидское, монгольское, с мало развитой хозяйственной жизнью, не оставили человечеству духовного наследия. Духовная жизнь древняя Рима в первые века его существования была бедна и однообразна, так как и народное хозяйство находилось на очень низкой ступени развития. Напротив, достояние, полученное нами от эллинского мира, очень богато. И главное, что создали греки, относится к периоду между VI и IV веками до Рождества Христова, т. е. ко времени, когда экономическая жизнь достигла высшего расцвета. Лучшие представители эллинской мысли и художественного творчества по происхождению и воспитанию принадлежали Афинам или другим, экономически наиболее развитым общинам. После Александра Македонского хозяйственный быт Греции клонится к упадку; а с тем вместе и то, что вырастает в мире греческих науки и искусства, бедно по сравнению с предыдущими столетиями.

Тоже можно сказать и о древнем Риме. За 2 столетия до Рождества Христова его экономический быт достигает высшего развития, которое длится еще 2 — 3 века по начале нашей эры. На это время и падает самое яркое выражение римской духовной жизни: именно в этот период жили лучшие римские поэты, философы, историки, правоведы, ораторы. Мусульманский мир достиг высокого творчества в области идеологии после того, как завоевания раздвинули его пределы в трех частях света, упрочили оседлый образ жизни и основали экономически цветущие царства в Азии, Испании. Величайшие итальянские поэты, художники и ученые жили в то время (XIII — XVI столетия), когда экономическая жизнь мелких итальянских государств была ключом. До XVI столетия Англия не дает нам имен, которые приобрели бы мировое значение. Первыми в ряду этих имен стоят Шекспир и Бэкон, а они жили в конце XVI столетия, когда Англия начала делать огромные успехи в колониальной политике, повлекшие за собой пышный расцвет всего народного хозяйства. Англия XVII столетия развертывает перед нами целую галерею портретов во всех областях научного творчества и в политике. Знакомясь с историей Англии, мы видим, что от конца XVI столетия ее экономическое развитие, иногда прерывавшееся, в общем быстро шло вперед. Можно было бы приобщить к сказанному и много других примеров. Связь между ростом хозяйства и успехами других сторон культуры так очевидна, что издавна историки, описывая царствование Гарун-аль-Рашида, Августа, Елизаветы Английской, говорят об успехах промышленности и торговли, о процветании наук и искусств. Конечно, старинные историки, подмечая эту связь, не выясняли ее характера, не восходили до истолкования категорий обоих рядов, как причин и следствий. Нетрудно понять, что хозяйственная жизнь, изменяясь, вырабатывает условия, которые и служат определяющими для мира идеологий. Это общее влияние может быть намечено такими чертами.

А) Хозяйственные успехи народа, всегда покоящиеся на усовершенствовании орудий и способов производства и обмена, ведут к росту богатства; оно накапливается в руках отдельных лиц и обуславливает общественную дифференциацию. В группах, наиболее обеспеченных и далеко стоящих от ручного труда, люди даровитые могут посвятить себя науке, искусству, политическому творчеству. Где общественный быт еще слабо дифференцирован, там творчество воплощается в лицах наиболее всесторон-

него развития — таком Аристотеле, Юлии Цезаре, Леонардо да-Винчи, причем один человек совершает великие дела во многих областях человеческой мысли, или в науке и искусстве, или же в науке и политике. Когда общественное расчленение и специализация занятий и знаний подвинулись так далеко вперед, как в наше время, то высшее творчество в мире идеологии ограничивается отдельными областями (при чем успехи, сделанные в них, конечно, влияют на успехи в других отраслях). Назовем Дарвина, Гельмгольца, Пастера, Рикардо, Маркса. Нашему положению не противоречит факт, что иногда люди, занимающие самые высокие места в науке и искусстве, принадлежат к бедным семьям. Их высокие дарования не заглохли при таких условиях потому, что были в их детстве, юности периоды, когда общественная или частная благотворительность позволила им освободиться от простейших работ и посвятить себя науке и искусству. И для того, чтобы даровитые члены неимущих классов могли принимать участие в развитии идеологии, необходимо, чтобы богатые классы получили вкус к духовной культуре. Древний перс или римлянин при царях не мог облегчить своему рабу дорогу в область науки или искусства потому, что и он сам, не достигнув значительного уровня экономической жизни, не имел вкуса к этим занятиям. А римский гражданин времен последней Пунической войны или Августа, приурочивал наиболее даровитых рабов к занятию наукой и искусством и облегчал вольноотпущенным дорогу в мир идей. То же можно сказать о меценатстве богатых людей или государства бедным людям в новейшее время.

Б) Развитие хозяйственной жизни обыкновенно связано с успехами дифференциации, которая открывает перед идеологом гораздо более широкое поле, чем однообразный быт простейших обществ. Разнообразие жизни не только увеличивает масштаб творчества, но направляет внимание мыслителя или художника на многие и разнородные явления, позволяет ему лучше изоцирнуть наблюдательность, облегчает познание человеческой души. Дарование Шекспира было бы велико всегда, под каким бы небом он ни родился. Но неблагоприятная внешняя обстановка могла бы повести к тому, что от его великой духовной силы человечеству осталось бы очень скудное наследие. Представим себе, что британский драматург, родился не в Англии, а в том же 1564 году в Москве, где тогда царствовал Иоанн Грозный, «друг и брат» Елизаветы, что он принадлежал к одной из англий-

ских семей, которые уже в то время въезжали в Россию по торговым делам, а иногда и окончательно поселялись в Московии. Можно поручиться, что из него не вышло бы и четверти Шекспира. Уже триста лет человечество наслаждается сокровищами, которые он даровал нам, и которые могли быть накоплены только в довольно развитом и расчлененном обществе. Король, вельможа, воин, законовед-крючкотворец, моряк, ремесленник, мелкий торговец, крупный коммерсант и банкир, женщины разных общественных слоев — вот богатство типов, которые создал Шекспир; они уже были даны Англией времен Елизаветы. Наблюдая их во всем их разнообразии, он имел гораздо более богатый материал для создания общих и вечных свойств человеческой души, чем мог бы располагать им в сонном московском царстве. И, наконец, его плодовитость могла иметь пищу только в обществе с довольно развитой экономической жизнью и вкусом к просвещению: его драмы ставились на сцене и обеспечивали ему доход и лавры артиста. Живи Шекспир в стране, где еще не было театра, его поэтическое творчество, если бы оно и дало произведения высокой цены, дало бы их в гораздо меньшем числе. Связь между разнообразием поэтического творчества и дифференциацией общественной жизни (и, в конце концов, успехами производства) может быть отлично прослежена на современном романе. Диккенс, Бальзак, Золя, Доде создали, под влиянием богато разветвленной английской и французской жизни, гораздо более обширную галерею портретов, чем Гоголь, Гончаров, Глеб Успенский. И это нужно приписать не меньшим дарованиям русских писателей, а меньшему разнообразию русской жизни по сравнению с жизнью Западной Европы.

В) Успехи экономической жизни ведут за собой успехи науки и искусства и потому, что высота технических знаний позволяет создать такие орудия и приспособления, которые необходимы для развития многих наук, а вкус к просвещению, изощренный ростом материального довольства, направляет успехи техники на служение научному знанию. Если бы механическое производство не поднялось на ту высокую ступень, какой оно достигло в настоящее время, то не могли бы быть изготовлены усовершенствованные телескопы и микроскопы, а без них не были бы возможны успехи астрономии и естественных наук. Наряду с развитием технологии необходимо также, чтобы у отдельных лиц окрепла вырастающая обыкновенно на почве материального благосостояния склонность де-

лать затраты на такие предметы и ставить их к услугам науки. Необходимо, чтобы и государство посвятило этой области известные заботы (а это возможно лишь под условием, что такие вкусы сложились в господствующих классах). Обсерватории, музеи, зоологические станции, бактериологические институты и служат учреждениями, которые в высокой степени облегчают развитие науки.

II.

Насколько же содержание идеологией определяется экономической жизнью? Мы вступаем здесь в область, где еще предстоит огромная критическая и созидательная работа и где нужно делать каждый шаг с величайшей осторожностью. Прежде всего, нам представляется необходимым напомнить, что весь мир идеологий распадается на два обширных отдела: а) те, которые имеют человека своим предметом, и б) те, которые посвящают себя внешней природе. В первых связь между содержанием идеологии и экономической жизнью непрерывна. Всегда можно свести содержание идеологии на условия хозяйственной жизни. И если эта связь не ясна, то лишь вследствие малого количества труда и внимания, которые были посвящены этой области. Во втором отделе эта связь носит гораздо более общий характер: можно установить ее на некоторых ступенях в развитии идеологии, но было бы крайне неблагоприятной задачей старание всегда уловить эту связь. К первому отделу относятся право, искусство, религия, а также все науки об обществе; ко второму – все отрасли знания о внешней природе, о человеке, как виде животных, и науки математические.

Идеологии второго отдела позволяют нам установить между ними и экономической жизнью всегда общую, а иногда и специальную связь. Сказанное выше объясняет, почему известная высота экономической жизни необходима для того, чтобы каждая наука – астрономия или бактериология, химия или политическая экономия – делала успехи. Но специальная связь обнаруживается всего ярче при зарождении известной отрасли знания. Астрономия развилась из астрологии, а геометрия является старейшей из математических наук. Почему? В древних Египте и Вавилоне жрецы наблюдали небесные светила и извлекали из них практические указания для хозяйственной жизни. Геометрия, как напоминает самое ее наименование, была первоначально на службе у практических задач, – измерения земли, для определения границ владения частных лиц, для установления поземельного

налога и проч. В дальнейшем развитии этих наук специальная связь между ними и экономической жизнью не может быть прослежена. Сложные алгебраические формулы, которые построены великими математиками, или положения, добытая астрономами, не могут быть объяснены состоянием хозяйства данной эпохи. В дальнейшем развитии этих наук к ним применимо положение Энгельса, которое приведено выше. Если зоолог или ботаник нашего времени посвящает всю жизнь работе над какими-либо видами животных или растений, дабы подкрепить закон, признаваемый естествознанием или, быть может, для того, чтобы опровергнуть его, то он зависит в своей работе от состояния, которого достигла данная отрасль науки, а в общих условиях труда, благоприятных или невыгодных, зависит от экономической жизни, как то отмечено выше.

Иное дело – отрасли знания, имеющие человека своим предметом, искусство, право и мораль. Изучая эти идеологии, можно установить их связь с состоянием хозяйства на каждой ступени их развития.

Состояние экономической жизни ни в одной стране, и ни в какой период не бывает однородным. Способы производства, которыми располагает данное общество, и, сообразно с ними, вся экономическая жизнь представляется в трояком виде: 1) Известная часть экономических отношений и способов производства, будучи для данного общества типической, господствует. 2) Наряду с господствующими формами сохранились старые, которые борются за существование и в зависимости от условий времени и места сохраняют позицию или же быстро оттесняются и переходят в господствующий тип. 3) Наконец, в этой среде обнаруживаются новые течения; они борются не только с отживающими формами, но и с теми, которые господствуют. Экономические интересы населения страны и разбиваются естественно по этим трем отделам.

Распространяя установленное положение на одну из стран Западной Европы (всего лучше на Англию, Бельгию, Германию, ибо в них хозяйственная жизнь достигла наиболее высокого развития), мы видим, что в основание главной массы экономических явлений могут быть положены такие технико-хозяйственные факты: А) Труд, облегчаемый разнообразными машинами и механическими приспособлениями. Б) Производство в крупных размерах и товарное. В) Сосредоточение орудий производства в руках меньшинства и обращение производителей (ра-

ботников) в класс неимущих. Г) Связь между частными хозяйствами на начале денежно-кредитного обмена. Если взять общественное хозяйство, напр., Англии, то большая часть экономических фактов может быть сведена к четырем отмеченным условиям, как к простейшим элементам. — Однако в каждой из названных стран, не исключая Англию, есть группы населения, которые образовали в прошедшем господствующий тип, и еще не доразвились до типа, ныне преобладающего. Есть и целые отрасли производства, и отдельные предприятия в других отраслях без приложения машин или с очень слабым их применением. Есть мелкие промышленные заведения, работающие по заказу. Есть крестьяне — собственники и кустари, владеющие орудиями труда. Есть местности страны, где кредитные отношения мало развиты, и связь между хозяйствами выражается исключительно в денежном обмене. Да и этот обмен незначителен, так как есть хозяйства, которые производят в своих недрах значительную часть того, что нужно для их обихода. Параллельно развивается и третья группа экономических фактов. Они связаны со всеми теми сторонами господствующего типа хозяйственных явлений, где завоевания технологии в большей или меньшей мере парализуются строем собственности и организацией производства, а потому и не могут доставлять обществу всех выгод; которые вытекают из их существа. Таким образом, особенности современного западно-европейского общества, отмеченные под пунктами А и Б; принимаются представителями третьего течения; но интересы этих групп населения нарушаются двумя другими особенностями (В и Г). Во имя изменений этих особенностей рабочие группируются в союзы и ведут борьбу с господствующими типами. Ближайшие цели этой борьбы состоят иногда в том, чтобы изменить к лучшему условия жизни при удержании ныне господствующего типа хозяйства; к этому направлены, например, все стачки для повышения заработной платы. Отдаленными же целями служат: сохранение и дальнейшее развитие машинного труда и производства в крупных размерах (А и Б); отмена частной собственности на землю и капитал (ибо только это может устранить сосредоточение орудий в немногих руках) и денежно-кредитного обмена вместе с товарным производством (В и Г). Все население страны и его экономические интересы могут быть разбиты по трем названным отделам. И идеологии, имеющие человека своим предметом, примыкают или исключительно или преимущественно к

одному из типов: преобладающему и господствующему, устаревшему и исчезающему, нарождающемуся, но еще малосильному, более или менее далекому от господства.

Распределяя идеологии по трем группам, мы видим, что право представляет некоторые особенности, вытекающие из его характера. Общественные науки или искусство данных времени и страны могут отвечать более или менее громко на все три группы хозяйственных явлений и интересов. Положительное право создает нормы, которые прямо охраняют интересы; так как оно вырабатывается классом, экономически господствующим, то подавляющей частью своих положений отвечает на хозяйственные факты и интересы первого разряда, т. е. господствующий тип, и в несравненно меньшей степени отвечает на запросы, которые исходят из областей второй и третьей.

Зависимость права от хозяйственной жизни наиболее очевидна. Какой отдел права мы бы ни взяли, мы можем свести его нормы на основные факты хозяйства. В финансовом праве, наука о котором часто рассматривается, как дополнение к политической экономии, эта связь совершенно ясна. Так, уменьшившееся значение государственных имуществ в ряду источников государственных доходов, отчуждение казенных имуществ, отмена большей части натуральных повинностей, преобладание налогов, развитие государственного кредита и прочее, могут быть с очень немногими посредствующими звеньями сведены на сознание государственной власти, что частные лица умеют лучше, нежели государство, пользоваться усовершенствованными способами производства, которыми располагает хозяйственная жизнь нашего времени, и что в расчеты государства входит сокращение собственного производства (казенного сельского хозяйства, казенных рудников, заводов), передача этих имуществ в частные руки и возвышение налогов. Перемены, обнаружившиеся в большинстве европейских государств за последние десятилетия, в смысле увеличения казенных имуществ государственными железными дорогами, должны быть объяснены тем, что наряду с единоличным частным хозяйством, развилось акционерное, по своей громоздкости весьма сходное с государственным хозяйством. Так как частная предприимчивость применялась к железнодорожному делу исключительно в акционерной форме, то и окрепло сознание, что государство может приобрести железные дороги всегда без убытка, а часто с выгодой, и управлять ими не менее успешно, чем управляют час-

тные общества. – Нечего и говорить, что обширный отдел права, образующий экономическое законодательство, может быть очень легко сведен на явления народного хозяйства.

Интересным примером объяснения того, как народное хозяйство влияет на право, является истолкование Родбертусом тех процессов, завершением которых было образование колоната в древнем Риме. Колоны, как и все другие рабы, были совершенно подчинены своему господину; но их положение потому было лучше, нежели других рабов, что они пользовались прочной оседлостью и не были отчуждаемы отдельно от участков земли, которые подлежали их обработке. Эта первая ступень в переходе от рабства к крепостному состоянию была вызвана изменениями земледельческой техники и переменами в сельском хозяйстве. В последнее столетие республики земельные владения римлян достигли огромных размеров. Обширность владений осталась и позднее выдающимся фактом в жизни Рима, но способы ведения хозяйства резко изменились: крупное хозяйство уступило мелкому. Первой причиной были перемены в способах производства посевов. Во время Плиния Старшего земля стала подготавливаться для посева более тщательно; вошла в употребление колесная мотыга. Земля должна была быть перед посевом настолько рыхлой, чтобы в ней вовсе не было крупных комьев. Такая работа требовала большого старания и тщательности. В обширных владениях, для которых, при таком способе возделывания земли, нужно было несколько сот рабочих, им приходилось идти из усадьбы до полей очень долго, тем более долго, что обыкновенно они шли туда скованными; работали они также в цепях. Полная невозможность интенсивного труда при подобных условиях и требовала, чтобы возделыватель земли был заинтересован в своей работе, а для этого было необходимо перейти к мелкому хозяйству.

Вторая причина была связана с переменами в запросе со стороны рынка; это совершилось в последнее время республики. Большой приток населения и накопление богатств в Италии и, особенно, в Риме изменили нравы; обнаружился напряженный запрос на продукты так называемой мелкой культуры. Разведение домашних птиц сделалось гораздо более выгодным, чем полеводство. В окрестностях Рима расстились обширные цветники роз, лилий и фиалок. Разнообразные овощи находили большой сбыт. Фруктовые сады были предметом большого внимания римлян; искусство улучшать сорта

плодовых деревьев сделало выдающиеся успехи. Многие пашни были обращены в искусственные луга, потому что потребность в свежем молоке и сене чрезвычайно увеличилась. Разведение маслин и виноградников распространялось все более и более. Развилась сельскохозяйственная литература. Словом, во многих местах Италии земледелие приняло характер садоводства. Эти условия делали невыгодным ведение обширного хозяйства из одного центра.

Сюда присоединилась и третья причина. Когда римские землевладельцы перестали сами заботиться о своем хозяйстве, то передали заведывание имениями управителям из рабов. Пока были живы управители, воспитанные сами владельцами, или ближайшие потомки этих управителей, проникнутые их началами, до тех пор можно было справиться и с новыми системами хозяйства; когда же вымерли эти поколения, то стала ощущаться трудность ведения такого хозяйства. Трудности усугублялись и увеличением издержек производства, вследствие вздорожания рабов. Завоевания все новых земель и большие массы военнопленных обеспечивали римлянам увеличение числа рабов и возможность покупать их недорого. Но к концу республики для завоеваний остался уже гораздо меньший простор, приобретение рабов за пределами Италии стало более затруднительно, и цена рабов повысилась. Пользоваться же малоуспешным трудом дорогих рабов для интенсивной культуры было убыточно. А так как класс свободных арендаторов еще не сложился, то римлянам, которые были всегда отличными счетоводами, оставалось одно: разбить латифундии на мелкие участки и приурочить к каждому участку известное число рабов, которые и были колонами; они пользовались большей свободой, чем рабы, направляемые для сельскохозяйственного труда из одного центра. Первоначально положение колона чисто фактически отличалось от положения других рабов; но постепенно в отношении к этой группе и тем рабам, которые выросли в поместьях и образовали их железный инвентарь (*adscriptitii*), произвол господ был смягчен; это послужило исходной точкой для образования класса крепостных 2).

Итак, побуждения, вследствие которых в жизни римских рабов совершились крупные перемены, вытекали не из распространения начал гуманности, а только из преобразования земледельческой техники и сельскохозяйственного рынка. Как просто, естественно, убедительно это объяснение сравнительно с тем, что мы находим в книге Данквардта, вышедшей лишь

четырьмя годами ранее и удостоенной хвалебного предисловия Рошера. В конце прошлого века, говорит Данквардт, вся европейская жизнь была скована монополиями. Но с начала нынешнего столетия стали изучать политическую экономию, и она постепенно убедила людей, что стеснение промышленной свободы, за исключением некоторых разве промыслов, есть большая несправедливость относительно устраненных и особенно относительно будущих поколений. Через такое стеснение множество граждан осуждается на бездействие и нищету, а бесчисленное множество людей, обозревши впервые жизнь, с грустью замечают, что для них нет больше места на великом поприще народной деятельности. С другой стороны, множество счастливых отдается лени 3). Читая такое объяснение причин, которые привели к отмене цехов, невольно делаешь вывод, что в половине 19 столетия законодатели были гораздо более гуманны, чем теперь: их беспокоила мысль, что могут быть на свете люди, не находящие работы, и богатые счастливы, которые проводят жизнь в праздности и неге. А законодатели нашего времени всеми силами поддерживают капиталистическое производство, хотя ему сопутствует огромная армия безработных, и оно позволяет роскошно лениться очень многим счастливым!

Посмотрим на отдел права, который, по видимому, далеко стоит от экономической жизни, — право народного просвещения.

До девятнадцатого века народное просвещение ограничивалось в Западной Европе состоятельными классами. Ему был совершенно чужд профессиональный характер. Это объясняется господствовавшими тогда способами производства. В одних отраслях, особенно сельском хозяйстве, они были настолько просты, что всякое систематическое обучение считалось излишним. В других — многих ремеслах, обучение было нужно, но ученичество под руководством мастера считалось наилучшей формой, в которой человек может получить профессиональное образование. Крайняя приниженность большинства не открывала простора для убеждения, что ему нужно общее образование. Высший и даже средний классы уже ощущали потребность в образовании, частью, общем — изучении древних языков с их литературами, истории — частью, специальном — изучении права и богословии, ибо только эти занятия высших классов требовали систематической подготовки. Для высших классов техническое образование не было нужно, так как они стояли вне круга

материального производства. Для средних классов (горожан и зажиточных поселян) оно не было нужно, так как способы производства были крайне просты и надзор за производительными процессами (со стороны людей достаточных классов, состоящих в этом процессе) не требовал систематической подготовки. Резкие изменения в технике повели с начала прошлого столетия к резким переменам и в политике народного просвещения. Стало упрочиваться сознание, что новые способы производства будут тем лучше использованы промышленностью и тем быстрее усовершенствованы, чем более будет уделено места техническому образованию на всех ступенях обучения, высшей, средней и низшей. Таким образом, все нормы народно-просветительной политики, поскольку они касаются технического образования, непосредственно обуславливаются способами производства. А возрастающее значение этих норм во всей области права, которая имеет своим предметом народное просвещение, явствует уже из того, что число технических училищ увеличивается непрерывно. В 1903 году в Германии было 468 гимназий с 2 древними языками и 265 реальных училищ разных категорий; к ним нужно приобщить 122 реальных гимназии (с одним латинским языком), которые образуют переходную ступень от классического образования к реальному и являются уступкой со стороны первого последнему. К реальным училищам нужно причислить средние школы по сельскому хозяйству и разным отраслям промышленности. На ряду с 21 университетом Германии (все они более или менее старинного происхождения) есть 9 высших технических училищ и 9 лесных академий; большая часть этих заведений возникли только в XIX столетии. Способы же производства, вызвав к жизни специальные технические заведения, повлияли и на общее образование всех степеней. Упрочение машин создало в промышленности аристократию, богатую, властную, прикосновенную ко всем уладам жизни, пользующуюся почетом. Государственная служба потеряла в глазах привилегированных классов значительную часть своей привлекательности потому, что перемены в промышленности выработали новые способы влиять на общественную жизнь (через биржу, синдикаты, печать); ранее такое влияние было возможно только через службу государству. Сознание, что, заняв выдающееся место в промышленности, человек устроит свою судьбу не хуже, а часто и лучше, чем на государственной службе, побуждает многих стремиться в технические и про-

фессиональные училища. Наплыв в них более велик, чем в университеты. Перемены в способах производства повлияли и на низшее общее образование; но здесь эта связь не так ясна. Начиная от древности и вплоть до нового времени общее образование было делом достаточных и лично свободных классов. За низшими порабощенными классами не признавалось права на образование уже потому, что не признавалось права личности. Народная школа, предназначенная для беднейших классов, могла развиться только после того, как они получили личную свободу и как начало являться хотя некоторое представление об их человеческом достоинстве и их праве на образование. А их личная свобода стала совершившимся фактом только после перемен в способах производства, которые сделали необходимой замену крепостного труда вольнонаемным.

Нетрудно заметить, что главные перемены, происходящие в положительном праве, направлены к охранению господствующего типа экономической жизни. Товарное производство требует возможно большего расширения рынка, — и значительная часть законодательной работы и расходов в главных странах Запада направлены на то, чтобы заключать торговые договоры с иностранными государствами и расширять колониальные владения. Капитал заинтересован в возможно более долгом рабочем дне: поэтому фабричное законодательство развивается медленно. Когда намечаются новые и благоприятные для рабочих перемены в фабричных законах, то стараются предварительно ответить на такой вопрос: не ослабит ли сокращение рабочего дня в туземной промышленности ее способности соперничать с иностранным производством на мировом рынке? Товарное производство, уже окрепшее в главных странах Европы, обладает достаточной силой, чтобы во многих случаях обойтись без государственной поддержки и развивать новое могущество из себя самого, посредством синдикатов. Оно особенно нуждается в том, чтобы государство предоставило ему свободу действий. И мы видим, что государство очень неторопливо обуздывает личную свободу, иначе говоря, произвол имущих классов в общественной жизни. Эта тенденция сказывается, напр., и в сфере народного просвещения. Расширение высших технических училищ, устройство в них новых кафедр, монументальных химических лабораторий или физических кабинетов делается гораздо легче, нежели умножение числа народных школ, увеличение жалованья народных учителей и пр.

Гораздо меньше делает государство для охранения тех фактов экономической жизни, которые соответствуют отсталым, но господствовавшим ранее формам хозяйства. Мелкая земельная собственность и ремесло могут извлекать выгоды из мер, которые, прежде всего, имеют в виду крупное производство. От времени до времени в литературе раздаются голоса о том, что полезно умножить класс крестьян-собственников, при посредстве крупной государственной кредитной операции. Конечно, государство нашло бы для этого средства; и мы видим, что оно находит их без затруднения, когда считает полезным провести эту меру из соображений политических (ими руководствуется прусское правительство при замене в Познани польского землевладения германским). Однако эти меры вовсе не популярны; они не принимаются из соображений об интересах отсталых общественных групп. Правда, государство или общины устраивают или способствуют устройению школ для главных отраслей ремесла, но в области низшего ремесленного образования делается несравненно меньше, чем для высшего или среднего технического.

Силы, действующие в государствах Запада, объясняют, почему мало развиты и медленно развиваются нормы права, благоприятные для третьего течения. Союзы рабочих, производительные артели, потребительные общества, много или мало отрицающие тип народного хозяйства, который теперь господствует, не находят со стороны государства никакой поддержки. Довольно, по-видимому, и того, что оно терпит их существование. Свобода собраний и сходок в Германии, напр., едва держится под напором враждебных ей сил, имеющих участие в законодательстве. Веским доказательством враждебности современного государства этим течениям служит отношение французского правительства к городскому управлению там, где оно состоит из рабочих. Социальная демократия одержала победу в городах Лилле и Рубэ на выборах 1890 года; в Рубэ мэр, его товарищ и советники городской управы (всего 36) были выбраны из рабочих. Служба по муниципалитету не связана с жалованьем; но обыкновенно правительство дает в распоряжение мэра значительные суммы на представительство. Члены городской управы Рубэ, не имея никаких средств, кроме заработной платы, решили оставить свои занятия на фабриках; дабы всецело посвятить городу свое время, они начали хлопотать о выдаче мэру 36.000 франков ежегодно на расходы по представительству. Они намере-

вались разделить эту сумму поровну, по 1.000 франков на душу. Правительство, обыкновенно исполняющее такие ходатайства, отказало. Когда в начале своей деятельности муниципалитет хотел усилить заботы о беднейших классах, напр., устроить общественные аптеки для удешевления лекарств, то полиция помешала им, ссылаясь на то, что содержание аптек городом не вошло в обычай.

III.

Раз столь очевидно влияние хозяйственной жизни на право, то нет надобности пояснять, что и наука права стоит в большой зависимости от экономики общества. То же скажем мы о науке народного хозяйства. Перемены в хозяйственных отношениях, обусловленные преобразованием способов производства, отражаются на политической экономии. Великие писатели дают теоретическое объяснение и обобщение новым фактам народного хозяйства, которые, постепенно возрастая, вырабатывают новый тип явлений, и настаивают на тех изменениях в положительном праве, которые облегчают развитие нового типа. А посредственные писатели прославляют старину и стараются воздвигать преграды, которые мешали бы окончательному торжеству слагающихся форм хозяйства. Можно проследить на Смита и Рикардо влияние, которое перемены в хозяйстве имели на политическую экономию. Во второй половине прошлого века буржуазное хозяйство боролось с ремесленным и крестьянским; дабы одержать победу, нужно было уничтожить путы, которые мешали свободному соперничеству. И, вот, А. Смит, а раньше его физиократы, являются не только теоретиками нового хозяйственного уклада, но и политиками. Они начертывают программу мероприятий, осуществление которых должно было облегчить буржуазному обществу победу. В конце 18 и в начале 19 столетия часть этого плана была осуществлена, и в Рикардо мы имеем экономиста-теоретика *par excellence*. За первую четверть XIX столетия противоречия буржуазного общества успели обостриться в такой мере, что ученики Смита и Рикардо служили науке лишь настолько, насколько разрабатывали частности, не выясненные главами школы. Выдвигая же, как политики, требования своих учителей о возможно большей свободе в хозяйстве и проповедуя гармонию интересов, они являлись выразителями пожеланий той общественной группы, которая уже приобрела господство. Социализм, достигнув в С. Симоне, Фурье и Оуэне заметного выражения, быстро

перерастает буржуазную экономию десятью головами; он всецело прикрепляется к новому течению, является его представителем. Первоначально социализм в неясных очертаниях предугадывает перемены, которые должны совершиться в хозяйственной жизни. Начиная же от Маркса, он становится на твердую почву; слагается научная система социализма. Дабы понять современные прогрессивные течения во всем их существе и наметить путь, по которому они будут развиваться, социализм должен был совершить над буржуазным общественным хозяйством ту работу, которая не была исполнена Смитом, Рикардо и их продолжателями: он должен был раскрыть противоречия внутри буржуазного общества, проникнуть в них глубже, подвергнуть испытанию теорию гармонии интересов и доказать ее ложность. Таким образом, Маркс является последним великим теоретиком буржуазного общественного хозяйства и первым великим систематическим, теоретиком буржуазного общественного хозяйства, которому принадлежит будущее. 4) Связь между явлениями народного хозяйства и политической экономии, влияние первых на последнюю так очевидны, что даже при беглом знакомстве с историей народного хозяйства Европы за 2 последних столетия можно объяснить происхождение отдельных частей *Богатства народов* и *Капитала*. Нелишне, однако, ответить на вопрос, нужно ли было обоим великим экономистам жить непременно в Англии, дабы создать эти научные системы. Такой вопрос представляется очень простым относительно Адама Смита. И происхождением, и всей жизнью он принадлежал Великобритании. Как человек высокого и разностороннего образования, он знал французскую литературу и находился под влиянием французской философской мысли; она оставила след в его мирозерцании. Однако только в Англии ему была обеспечена полнота наблюдений над народным хозяйством, и эта полнота позволила создать систему цельную и законченную, какую находим в книге о *Богатстве народов*. Так как Смит провел всю жизнь в Англии, то был постоянно у источника, откуда и мог черпать все новые и новые знания. Хозяйство Англии было высшим выражением экономической жизни того времени. Маркс родился и получил воспитание в стране отсталой Германии, где и прожил с небольшими перерывами до 30 лет; затем он жил во Франции, Бельгии и, наконец, совсем поселился в Лондоне. Мог ли бы *Калил* явиться во всем своем величии, если бы его творец жил в Германии и находился под влия-

нием наблюдений преимущественно германской и хозяйственной жизни? Полагаю, что нет, ибо вплоть до 70-х годов германская промышленность была отсталой; буржуазное общественное хозяйство еще не вылилось там в законченную форму, и противоречия, которые заключены в его недрах, не успели обнаружиться так резко, как во Франции и, особенно, в Англии. Маркс мог дать нам *Капитал* только чрез познание наиболее развитых форм хозяйства и идей, которые уже были вызваны этими формами. Можно вполне присоединиться к такой характеристике Зомбарта: «То, что облегчило Карлу Марксу занять первое место среди социальных философов XIX столетия и оказать на ряду с Гегелем и Дарвином всего большее влияние на идеи нового времени, было его знакомство с высшей формой истории философии его времени – Гегелем – и с высшей формой социальной жизни – с Западной Европой, т. е. Францией и, особенно, Англией, то, что он сумел собрать, словно в один фокус, все лучи, которые до него исходили от иноземных мыслителей, и то, что ему удалось – из его международной сферы жизни – отвлечься от всех случайностей национального развития и в частном позвать общее, образующее тип новейшей общественной жизни». 5) Но я хочу здесь же возразить Зомбарту, будто отличительной особенностью Маркса было необыкновенно тонкое понимание неблагоприятных влечений человека, дурных сторон человеческой природы. Нет, если бы это было так, то он оказался бы совсем невосприимчивым и близоруким там, где ему приходилось оценивать благородные побуждения людей. Однако мы не видим в трудах его такой односторонности: он одинаково глубоко проникал во все человеческие наклонности. Из-под его пера, говорят нам, выходят положения, которые убеждают, что себялюбие, даже в самых отталкивающих формах, является главной пружиной истории. Это верно; но нужно объяснить это не особенной изощренностью ума Маркса в наблюдении эгоизма людей, а только тем, что знание всех сторон общественной жизни в прошлом и настоящем обнаружило ему подавляющее влияние этого начала.

К хозяйственному быту данного времени можно свести многое и в философских системах, которые часто рассматриваются, как единичное создание ума такого-то мыслителя.

Возьмем, напр., Гераклита Темного, неоднократно возбуждавшего большой интерес среди историков философии. Ряд мыслителей, которые предшествовали ему, выработали та-

кие формы мышления, что ум, способный к обобщениям, стремился свести всю вселенную к немногим созидющим и движущим началам. Огонь служит для Гераклита этим верховным началом. Однако содержание его философской системы становится понятным только при знакомстве с общественной жизнью Эфеса, родины Гераклита, где и возникло его учение.

Беднейшие классы Ионии добивались в 6 веке расширения прав и улучшения своего быта. Их теоретиком был философ Ксенофан, который проповедовал всеобщее равенство. Ксенофан считал идеалом такое состояние общества, когда равенство всех устанавливает полнейшее единство. Заключение о необходимости этого единства было для него выводом из положения, что вселенная едина, что она – существо вечное и однородное. Победа пролетариата в Ионии повела к стеснению богатых классов, которым их материальное довольство обеспечивало привилегированное положение. Они не могли примириться с успехами беднейших сограждан и начали борьбу; ее теоретиком явился Гераклит, принадлежавший к одному из самых знатных родов Ионии. Гераклит исходит со своими требованиями относительно политических реформ из своего общего мировоззрения. По мнению Гераклита, в мире наблюдается единство; но, в отличие от Ксенофана, он полагает его не в единстве сущего, а в единстве одного мирового закона, закона противоположностей. Отсюда следует, что провозглашение всеобщего равенства есть только попытка изуродовать естественный закон. Нет ничего сущего; есть только непрерывное движение, как убеждает нас в том ежедневный опыт: болезнь сменяется здоровьем, голод – пресыщением, утомление – отдыхом. И в этой непрерывной смене форм вечным остается только огонь – основное начало. Жизнь является синонимом перемен, а равенство есть то же, что смерть. Непрерывный переход из одного состояния в другое, противоположное первому, заставляет Гераклита высказать положение, что «спор есть отец и господин всех волей». Непрерывная борьба, создавшая все сущее и непрестанно изменяющая его, и привела к тому, что одни люди делаются рабами, другие – свободными. Это учение было направлено главным образом к тому, чтобы отстоять стремления аристократии, сохранить за ней преобладающее значение и осудить демократические течения. Идея всеобщего равенства получает от Гераклита наиболее решительный удар, какой мог быть в то время нанесен ей со стороны философской мысли. Из чрезвычай-

ных различий, которые представляет вселенная, Гераклит выводит, что не все люди одинаково разумны, что, напротив, толпа совсем слепа, что даже ее вожаки, будучи нередко поверхностными многознайками, слепы и глухи к истине. Его презрение к народу и желание поддержать аристократию выражаются в том, что мишуруному блеску, окружающему вожаков толпы, Гераклит противопоставляет высшую награду, которая ожидает павших со славой за свое дело. Философ видит, что аристократия не довольно смела и ободряет ее на борьбу перспективой блаженства, которое после смерти ждет самых мужественных бойцов 6).

Дабы выяснить влияние экономической жизни на учение Гераклита нужно пройти ступени, чрез посредство которых оно обнаруживалось. В Ионии, самой цветущей колонки Греции, промышленность и торговля достигли высокого уровня. Накопленные богатства позволили небольшому меньшинству захватить власть и угнетать народ. Богатства же повели к такому развитию роскоши и распутства, какие не были известны другим местам Греции. Стало обнаруживаться полное вырождение правящих классов: роскошь, корыстолюбие, наклонность к клятвopеступлению – вот, что считалось отличительными качествами ионийцев. Лучшие люди хотели облагородить общественный быт. Представитель народа Ксенофан выдвигал равенство всех, как основание общежития, а представитель аристократии, которая хотела сохранить свои права, давал философское обоснование и оправдание началу неравенства, противоположностей 7). И так, материальный быт ионийцев действовал на образование философии Гераклита Темного чрез посредство политического положения, которое заняла аристократия, благодаря хозяйственной жизни, и оберегать которое было особенно нужно с тех пор, как ему стали угрожать демократический течения.

IV.

Хозяйственный быт народа отражается на искусстве. На самых ранних ступенях общежития способы производства дают толчки в направлении тех форм, в которых выражается эстетическое чувство. Бюхер показал с большим мастерством, как ритмичность звуков, происходящих при работе, облегчает труд и образует элементы, из которых постепенно развиваются песни, поэзия и музыка. Каждая работа – молотильщика, кузнеца, плотника, судоходца – производит особые звуки, дает своеобразный ритм; к каждой приурочиваются особые песни, про-

исхождение которых теряется во мраке веков. И орудия, употребляемые при этих простейших и старинных видах труда, служат родоначальниками музыкальных инструментов. Происхождение музыкальных инструментов от этих прародителей можно легко проследить на барабанах, колотушках и трещотках, которыми пользуются дикари: эти инструменты напоминают ударные орудия. Точно также и звуки несовершенной музыки, которую мы находим у диких племен, имеют ближайшее сходство со звуками при выполнении работ, известных нашим далеким предкам 8). Такой же ответ должен быть дан на вопрос о том, почему в украшениях первобытных людей шкуры, когти и зубы диких зверей занимают выдающееся место или почему женщины многих диких племен носят на руках и ногах железные кольца. Потому, что склад хозяйства дает человеку в изобилии именно эти предметы, что большое количество этих предметов служит показателем богатства, мужества, силы, словом, тех особенностей людей, которые нравятся предпочтительно пред всеми другими. «Психологическая природа первобытного охотника, говорит Кирсанов, обуславливает собой то, что у него вообще могут быть эстетические вкусы и понятия, а состояние его производительных сил, его охотничий быт ведет к тому, что у него складываются именно эти вкусы и понятия, а не другие» 9).

В седую старину искусство непосредственно испытывает на себе влияние техники и хозяйственного быта. Чем сложнее становится жизнь, тем больше нужно пройти посредствующих ступеней, чтобы уловить эту связь. Ритм стихотворного искусства в своем зародыше очень напоминает звуки при работе: анапест и дактиль напоминают удары молотка о наковальню. Однако «искусство стихосложения, раз оно существует, идет своим собственным путем, когда стихотворение отделилось от музыки и телесных движений и сделалось достаточно самостоятельным, чтобы вести свое особое существование». «Отделенная от труда музыка может быть более свободна в выборе своих технических средств, а у культурных народов Европы за нею лежит развитие в течение многих тысячелетий» 10).

Но связь между искусством и хозяйственным бытом может быть установлена и в те периоды, когда цивилизация уже сделала жизнь очень сложной. Тэн изобразил с большой основательностью и свойственным ему красноречием те условия общежития, которые сделали голландцев столь непохожими на итальянцев и го-

торые отразились в живописи. Природа, суровая, угрюмая, заставляющая человека брать с бою у воды каждый клочок земли для хозяйственных целей, требовала всего напряжения телесных сил, мужества, сметливости, изобретательности, приковывала все внимание к земле, оставляла мало досуга для мечтаний и укрепляла любовь к реальному. И, вот, на этой почве, подготовленной природой страны и долгим историческим развитием, возникают те дивные образы искусства, которые создали кисти Рубенса, Рембрандта и их учеников. Реальность — такова отличительная, особенность этих мастеров. Христос Рубенса, божья мать, апостолы, мученики только по имени напоминают о заветах Христа, его морали, самоотречении, на которые были способны первые христиане. Полотно же дает их нам в состоянии цветущего здоровья, в блеске силы и красоты, с глазами, откуда светит жажда чувственных наслаждений. Попраны все традиции старой живописи. На сцену являются все животные инстинкты человеческой природы: их исключают за грубость, а художник восстанавливает их в их правах, ибо они истинны. Но ближе всех к жизни Рембрандт. Он проводит перед нами длинную галерею современных ему типов. Дворяне и горожане, служанки и крестьяне, солдаты, сапожники и нищие, они не дают зрителю ничего, что говорило бы о выдающихся доблестях, великих мыслях, мировых планах. Все они производят впечатление полного довольства, которое испытывают в своей обычной обстановке: праздничное платье, чистый пол жилища, кружка пива и трубка, спокойная беседа о житейских делах — вот что делает их счастливыми. Почему же величайшие художники фламандской и голландской школ явились именно в 17 столетии и почему любовь к реальному, простому, обыденному составляет одну из отличительных черт их творчества?

Именно к этому времени Бельгия и Голландия вышли из периода тяжких испытаний. Филипп II разрушил цветущие города этих стран, нанес страшные удары промышленности и торговли. Костры и секиры палачей истребили множество людей; десятки тысяч семейств навсегда покинули родину; еще больше легло костями на полях битв или умерло от заразных болезней, опустошавших эти страны. Целое поколение выросло и созрело среди бранных тревог; не было немногих месяцев, немногих недель, иногда немногих дней к ряду, когда бы оно пользовалось полным покоем. Ни у кого не было уверенности относительно завтрашнего дня. И когда в самом конце 16 века жестокое управле-

ние Альбы сменилось мягким правительством герцога Пармского, то жизнь стала возвращаться в старую колею: население, покинувшее города, спешило возвратиться в них; промышленность и торговля пошли полным ходом. И все почувствовали сладость покоя. «По окончании таких бедствий, мир представляется райским состоянием; человека радует не то, что хорошо, а то, что *лучше*, а здесь *лучшее* чрезвычайно велико. Наконец, можно спать в своей постели, накапливать запасы, пользоваться плодами своего труда, путешествовать, устраивать собрания, беседовать без опасения; есть дом, есть родина; есть надежда на будущее. Самые обыденные явления жизни представляются привлекательными и интересными; оживаешь; кажется, будто живешь в первый раз». 11)

Нетрудно, таким образом, понять характер творчества величайших художников фламандской и голландской школ. Переход от ужасов испанского владычества, от несчастий, которые в большей или меньшей мере выпали на долю каждого, к правильному и спокойному труду был так резок, бросал на жизнь такую яркую полосу света, что прилив счастья удесятаял силы человека и позволял дарованию художника достигнуть его высшего выражения. Правильная хозяйственная жизнь, невозможная целых три десятилетия, забила ключом и дала толчок искусству. А самая эта жизнь, отрадная после испытанных невзгод, наполняла радостью душу художника и побуждала его изображать ее в наиболее обыденных проявлениях.

Говоря о могущественном влиянии хозяйства на искусство, мы не должны, однако, забывать, что научное и художественное творчество образует особую область, где все предыдущее оказывает влияние на дальнейшее движение вперед. Право данного народа подчиняется в своем развитии изменениям хозяйственной жизни; перемены в законодательстве объясняются главным образом изменениями экономического быта, частью же ранее господствовавшими юридическими нормами. То же происходит и в искусстве: кроме движения, которое должно быть сведено к новым потребностям, выдвинутому хозяйством народа, в нем есть изменения, объясняемые традициями, сохраняющимися в самом искусстве. Отражение же в искусстве экономической и политической жизни так велико, что, зная состояние хозяйства и политики в данный период, можно сделать вывод о том, каково искусство этого периода.

Французская революция разрушила старый порядок вещей. Началось господство новых сил:

они принесли с собой неизвестные дотоле условия жизни и новые запросы к искусству. Дворянство, изнеженное, праздное, целые поколения систематически воспитываемое к тому, чтобы наслаждаться, предъявляло запрос на такое искусство, которое служит источником только наслаждения. Дворянство было уверено в том, что ему навсегда обеспечено господство; общественная жизнь представлялась царством ненарушимой гармонии, в котором изначала мира гнет был уделом огромного большинства населения, упорный труд и малая доля почета — судьбой среднего класса, власть и радости праздной жизни — предназначением высших слоев. А если этому меньшинству суждена такая завидная доля, то жизнь должна дать как можно больше того, что увеличивает наслаждения. Привилегированному меньшинству вовсе не было надобности, чтобы живопись пробуждала в нем тревожные мысли, проясняла сознание его несовершенства, отмечала его порочность: нужно было, чтобы она доставляла глазу наибольшую сумму наслаждений. И, отвечая на этот запрос, живопись 18 века дает то, что красиво, что останавливает на себе внимание художника гармонией форм. Ему была чужда всякая тенденция; искусство было так же легко и грациозно, как была легка и грациозна жизнь богатых классов, являвшаяся сплошным праздником.

Буржуазия, сменившая дворянство, явилась на сцене истории при других условиях и с иными запросами. За ней был длинный ряд поколений, которые упорным трудом увеличивали благосостояние среднего класса и медленно расширяли его политическую свободу. Жизнь, проводимая в непрерывной борьбе технической — с силами природы, и политической — с господствующими классами, оставляла мало досуга для суетных радостей. Такая жизнь направляла все внимание людей этого класса на то, что полезно, что воспитывает силы для борьбы, и заставляла придавать только очень малую цену предметам, которые предназначены для наслаждения. Когда революционные бури дали буржуазии за немного месяцев ту власть, для которой она собирала силы целыми поколениями, то сразу обнаружили ее запросы к искусству. Воспитывать патриотизм граждан, возбуждать их на геройские подвиги, укреплять ненависть к тиранам — вот чего ожидал от художников новый класс, который получил во Франции господство. Его еще недавно подчиненное положение было ему памятно; произвол самодержавного правительства и привилегированного дворянства был на глазах у всех: а потому, со-

знательно для одних и безотчетно для других, казалось важным все, что укрепляет доблести в людях, только что призванных к господству. И живопись ответила на этот запрос. Ответ был облегчен уроками, которые давала история. Воспоминания о Риме воспроизводили период крепости, свободы и равенства, время, когда процветали доблести граждан. Дух классицизма, проникавший французскую литературу в течение 17 и 18 веков, вспыхнул в революцию с новой силой. Откликаясь на призыв буржуазии, Давид пишет свои картины *Клятва Горациев*, *Похищение Сабинянок*, *Смерть Марата* он увещивает свою готовность служить проводником тех требований буржуазии, захватившей власть, которые выражались в одобрении всего, что прославило жертвы, принесенные ради новых идей, и разжигало ненависть к тиранам. Путь, которым шел Давид, самый крупный представитель французской живописи этого времени, послужил проторенной дорогой для его многочисленных последователей.

Мы находим такое же течение и в английской живописи. Английский средний класс, казнив Карла I и совершив небольшие революции в конце 17 столетия, занял господствующее положение на 100 лет раньше французской буржуазии. Стоя к монархии и дворянству своей страны в таких же отношениях, как французские горожане к своему дворянству, английский городской класс нуждался в таких же средствах для упрочения своего господства, как и французский. Отсюда — тенденциозная живопись; отсюда — прописная мораль, даваемая картинами. Гогарт, очень талантливый художник, отвечая на эту потребность, дает целые циклы картин, которые написаны с целью прославить добродетель и показать пучину бедствий, куда человек может быть низвергнут пороком. Он хорошо знает жизнь всех слоев населения, их радости и печали, заботы и досуги, обстановку семейных домов, дышащих благопристойностью, и вертепы разврата. Гогарт умел бы достигнуть полного реализма при изображении любого явления английской жизни; однако он держится в своем творчестве определенной программы и дает то, что прямо отвечает на запросы буржуазии, которая политически заступила место дворянства, но, не усвоив его сладкого досуга, еще резко отличается от него условиями жизни. Картины Гогарта служат не для наслаждения, а для поучения. Восемь картин носящих одно общее название *Жизнь сластолюбца*, наставляют зрителя, что богатство, полученное без труда, служит источником развра-

щения человека, что богатство и чувственные радости не прочны, что бесконечно выше искренняя любовь хотя бы одного человеческого существа. Такими же нравственно-воспитательными тенденциями проникнуты и другие картины его и многих других живописцев того времени.

Была и другая причина, в конечном итоге связанная с народным хозяйством, которая заставляла художников подражать старым мастерам и имела влияние вплоть до половины 19 столетия. Лучшие произведения старинного искусства хранились прежде во дворцах королей и вельмож и были доступны только очень тесному кругу. Художники, не принадлежавшие к избранным слоям, — а таковые составляли большинство — почти не имели случая видеть их. Демократизация общества, произведенная французской революцией, извлекла множество великих образцов искусства из частных хранилищ и наполнила ими музеи, доступные для всех; по примеру столиц и больших городов и второстепенные города стали устраивать музеи и делать большие затраты на приобретение предметов старинного искусства. Теперь почти каждый художник не только мог видеть лучшие плоды творчества, но и изучать их месяцами, годами, всю жизнь. Напор влияния со стороны великих мастеров эпохи Возрождения на новое искусство был так велик, что оно подчинилось ему: потребность творить замерла; началось усиленное подражание: «Столь близкое общение со стариками, невозможное в предыдущие периоды искусства, было... тормозом для нового развития искусства, поскольку художник сразу был поставлен пред целым миром творений, высоко совершенных... Новые (художники) с изумлением взирали в музеях и галереях на собранные сокровища живописи и уже потому не могли быть сразу наивными и непосредственно производительными, не могли быть настроены творчески. На них лежало бременем близкое знакомство со всеми предыдущими эпохами искусства» (2).

Была еще одна причина, вследствие которой искусство — и это особенно применимо к Германии — обращалось к старине и черпало вдохновение из подражания старым мастерам и изображения предметов, которые стояли вне жизни своей страны: крайний упадок общественной жизни. Революционная гроза, пронесшаяся над Францией, сказалась в Германии прежде всего погромами при Иене и Ауерштедте. И хотя унижение Пруссии дало толчок многим полезным преобразованиям внутренней жизни, но

вплоть до рассвета в марте 1848 года, целую треть века Германию угнетали реакционные силы, пожелания которых так ярко обнаружились на венском конгрессе. Низкий уровень народного хозяйства был причиной бедности населения. Города были незначительны. Крупная промышленность, наиболее легко формирующая отряды для противодействия установившемуся порядку вещей, находилась в зародыше. Полицейский произвол властвовал во всей стране с полной силой. Действительность представляла так мало привлекательного, что лучшие люди Германии убегали от нее: мыслитель спасался в дебрях метафизики; поэт, осмеивая современное поколение, обращался на другой берег Рейна и звал к живительным началам, которые обновили Францию; живописец также искал за пределами своей родины предметов, достойных изображения. Художники хотели спасти свое искусство тем, что старательно отдаляли его от опшлывающей родной действительности. Каждому, кто оглядывался назад, казалось, что жизнь была возвышеннее, чувство глубже, индивидуальность ярче. Отчуждение от современности было так велико, что живописца не пленяла даже родная природа: ландшафта был в загоне и кто писал ландшафты, тот всего охотнее избирал места, которые замечательны в географическом или историческом отношении (3).

Нетрудно показать, как перемены в народном хозяйстве помогли искусству постепенно освободиться от традиций и стать на путь дальнейшего самостоятельного развития. Мутер (4) считает половину 19 века переломом в истории искусства. Попытаемся же объяснить, почему совершился этот перелом.

В первой половине 19 столетия постепенно подготавливались те элементы общественной жизни, которые должны были послужить источником новых движений. Главные преобразования совершались в мире хозяйства. На период между 1825 и 48 годами падает целый ряд крупных перемен. Железные дороги не только начали строиться, но привели к общему соглашению относительно того, что они являются очень важными приобретениями народного хозяйства и необходимым залогом его дальнейших успехов. Пар не только был применен к передвижению по воде, но и заявил о себе заметным развитием океанического пароходства. Крупные промышленные заведения, возникнув первоначально в Англии, стали упрочиваться и на материке Европы и всюду вызывать более сильное биение жизни. В 40-х годах подготов-

лялись и те политические движения, которые приняли в Англии форму чартизма, а в других государствах Запады сказались взрывом 1848 года. Бедность масс была очень велика; однако все эти перемены способствовали росту благосостояния. Правительства давили на население всей своей тяжестью, но уже были заметны проблески лучшего будущего; воздух был наполнен новыми началами; чувствовалось, что произвол, уничтожавший личность, справляет свои последние торжества.

Все эти перемены должны были отразиться в мире научного и художественного творчества сознанием, что их виновником является не обращение к старине, не слепое следование преданиям, не подражание великим образцам давно минувших времен, а жажда нового, простое и прямое отношение к природе, неослабное желание извлечь возможно больше выгод из тех источников, которые находятся под рукой. Возраставшее благосостояние явилось последствием крупных изменений техники, а они были результатом того, что люди напрягали все усилия своего ума и воли, дабы изучить окружающую обстановку, разгадать, что служит источником новых сокровищ и открывает поле для новых завоеваний. А потому было естественно сделать вывод, что познание окружающего есть драгоценный и единственный способ содействовать обогащению науки и искусства. И как естественные науки, под влиянием господства этих течений в общественной жизни, сделали систематический опыт своим главным орудием, как история стала придавать все большее значение изучению памятников старины, так и живопись начала все чаще обращаться от привычек, привитых великими мастерами древности, к родной действительности. Личность художника определяла, в какой области начнется это обновление европейской жизни. Привязанный всем своим существом к родной деревне, Милле вдохновляется трудом и незатейливой обстановкой поселянина. Курбе, уроженец деревни, взлелеянный Парижем, берет предметами для своего творчества крестьянина и мостовщика улиц, похороны простых людей и охоту господ, голых женщин и портреты, животных и пейзажи; последние изображают не места, знаменитые своими красотоми, а простые привлекательные уголки родины художника. Что делается во Франции, то же происходит и в других странах. Новый уклад экономической жизни сложился всего ранее в Англии; в ней всего ранее сказались влияние технических нововведений на богатство народа. И в ней же всего ранее совершилось

освобождение живописи от школьных традиций и старых приемов. Реализм Тернера на целую четверть века опережает победу реализма в живописи на материке Европы 15).

V.

Попытаемся проследить за влиянием, которое оказал такой крупный факт, как проведение железных дорог, на разные стороны общественного быта. В своем основании устройство железных дорог является изменением техники в перевозочной промышленности. Относительно к способам производства и способы перевозки, мы скажем, что проложение железных дорог, заменяя конную тягу паровой, составляет перемену в способах производства. И можно, следя шага за шагом, утверждать, что сооружение железных дорог имело влияние на все стороны культуры.

Прежде всего — на мировую промышленность и торговлю. О влиянии железных дорог в этом направлении было писано так много и нередко с таким знанием дела, что не хочется говорить об этом. Напомним только, что, вследствие проведения железных путей, создались целые отрасли промышленности, особенно в металлургии и совершенно изменилось разделение труда между народами. Если бы пар не был применен к перевозке по воде и суше, то Англия производила бы гораздо больше хлеба, чем производит ныне, а Россия и Северная Америка гораздо меньше снабжали бы другие страны продуктами своего сельского хозяйства и лесоводства, чем то для них возможно теперь вследствие развития рельсовых путей и морского пароходства. Переработка материала сосредоточивалась бы, как то было ранее, на местах его добывания и было бы невозможно отдалять на тысячи верст железодельтельную промышленность от места добывания чугуна и т. п.

Обратим внимание на те стороны воздействия железных дорог, которые редко останавливают на себе исследователей, те стороны, которые могут быть названы социальными в обширном смысле. Прежде всего, влияние на государство. Будучи монопольными предприятиями, железные дороги ставят своих владельцев в особое, исключительно выгодное положение, делают для них возможным господство над самыми разнообразными интересами многих миллионов. Где государство, при начале железнодорожной эры, было сильно, там оно постаралось извлечь выгоды из этой монополии или посредством ограничения прав железнодорожных обществ, или — что гораздо вернее приводило к цели — приобретением рель-

совых путей в казну. А казенные железные дороги, во-первых, делают государство господином всего тарифного дела и позволяют ему упорядочивать тарифные ставки так, что одни области страны могут быть поставлены в более благоприятное положение, чем другие. Высокие таможенные налоги могут быть в значительной степени парализованы упорядочением тарифных ставок, раз железные дороги принадлежат частным обществам: поэтому, таможенная политика не может сполна достигать целей, которые ставит государство. Но, владея железными дорогами, государство упорядочивает тарифы по собственному усмотрению и тем окончательно устраняет условия, которыми группы частных лиц могут ослаблять действительность таможенного покровительства. Принадлежность государству рельсовых путей еще более увеличивает силу правительства в другом отношении. Около железнодорожного хозяйства обширной страны сосредоточиваются сотни тысяч служащих; вместе с их семьями это составляет массу больше миллиона. Вся эта масса, образуя разряд служивого класса, имеет интересы, тождественные с интересами других чиновников. Радости и печали какого-либо другого общественного класса трогают этих людей гораздо меньше, нежели то, что касается государства, которое они и считают своим кормильцем. Пока уровень общественного развития очень низок и эта масса не распалась на группы, из которых она естественно слагается, до тех пор она образует одно целое вместе со всеми другими чиновниками; подобно другим группам чиновничества она имеет склонность к произволу, к пренебрежению важнейшими интересами частных людей. Словом, расширяется площадь, на которой обнаруживается произвол неограниченного правительства. Таково положение дел в России. В стране более высокой культуры, напр., Германии, большинство железнодорожных служащих представляет среду, доступную для прогрессивных течений; это большинство поддает влиянию социализма. Но и в этом большинстве страх вызвать гнев правительства удерживает многих от того, чтобы обнаруживать воззрения, давать им внешнее выражение, выбирать в парламенте депутатов радикальных партий. А высшие железнодорожные служащие тесно сливаются с бюрократией и увеличивают силу правительства в его борьбе с либеральными течениями. Таким образом, даже в стране, где политическая свобода довольно развита, принадлежность казне железных дорог увеличивает могущество правительства.

Отметим влияние, которое железные дороги имеют на военное дело и на политику. До железнодорожной эры ведение войн очень большими войсками было не целесообразно; это и заявляло о себе вскоре после начала войны самыми неблагоприятными последствиями. Наполеон I вступил в Россию с 600,000 войском; эта масса была слишком велика для того времени; она была бы довольно велика и теперь. А через три месяца, когда он был в Москве, от войска не осталось и половины; такое уменьшение было прямым следствием отсутствия железных дорог и неудовлетворительности старинных способов передвижения для многочисленных армий. В новейшее время, особенно после франко-прусской войны, передвижение очень больших войск стало делом вполне посильным. Из германской армии, достигавшей в 1870 – 1871 годах 1000,000 людей, домой возвратилось больше 90%. Железные дороги так облегчают перевозку огромных войск за очень короткое время, что уже это одно будет препятствовать уменьшению численности войска до тех пор, пока социалистический строй не получит окончательного господства: чем более, будут совершенствоваться способы перевозки, тем более целесообразными будет представляться большое постоянное войско, ибо тем яснее будет сознаваться возможность для других народов легко передвигать очень большое число солдат. Теснейшим образом примыкает к этому и влияние железных дорог на внешнюю политику. Взоры всех народов Европы устремлены на Китай. Каждое из больших государств стремится занять там наибольшую площадь. Если бы не было сибирской железной дороги, то России не было бы возможности приобрести там значительную территорию.

Законодательство испытывает на себе влияние железнодорожного хозяйства. Возникают обширные отделы права, которые имеют целью упорядочить разные стороны жизни, затрагиваемые рельсовыми путями. Право определяет отношения владельцев железных дорог к лицам, которые пользуются перевозкой, определяет их отношение к владельцам земли, по которой проводят дорогу, право частных лиц на получение железнодорожных концессий, право казны на выкуп железных дорог у частных лиц, право людей, состоящих у казны на службе по железнодорожному ведомству и т. п. Словом, возникает обширный отдел законодательства, который растет все больше и больше. Сообразно с этим являются и некоторые новости в судебной практике: в адвокатском сословии вы-

деляется особая группа – законовевов, которые делают своим специальным занятием ведение дел, относящихся до железнодорожного хозяйства.

Не забудем о переменах, которые железные дороги вносят в строй народного просвещения. Среди технических школ видное место начинают занимать железнодорожные училища для приготовления низших и средних служащих. В высших учебных заведениях возникают особые предметы преподавания; они обнимают сумму высших технических знаний, которыми должны обладать люди, руководящие постройкой железных дорог и их функциями. Все это не остается без влияния на развитие прикладных знаний; инженерное искусство работает над решением целого ряда задач, которые вовсе не были нужны людям до начала железнодорожной эры. Потребности в этом направлении так растут, что возникает мысль об особых учебных заведениях, предназначенных для подготовки экспертов по несчастиям на железных дорогах. До применения пара в перевозке людей и грузов движение было так незначительно и медленно, что абсолютное число несчастий было очень невелико, и не было надобности в специалистах для этих несчастий. Размеры же движения по железным дорогам и его быстрота стали так велики, что абсолютное число несчастий бесконечно возросло, а развитие страхования именно от этих несчастных случаев все больше напоминало, что нужно распределить несчастные случаи на группы. Отсюда – желание сделать эту область предметом специального изучения в особых школах.

Напомним также о могущественном содействии, которое железные дороги оказывают распространению знаний. Выставки, привлекающие миллионы посетителей, конгрессы, соединяющие тысячи людей, которые работают в одной и той же научной или практической области, публичные лекции, читаемые учеными, прибывшими из-за многих сотен и тысяч верст, без железных дорог или вовсе не были бы возможны, или ограничивались бы гораздо более скромными размерами. Только ускорение и удешевление перевозки позволяет очень многим людям передвигаться на большие расстояния ради какой-нибудь специальной цели. А нет надобности говорить, насколько все такие собрания людей служат делу популяризации знаний.

Мы идем дальше этого; мы полагаем, что железные дороги имели влияние и на роды литературных произведений. Позволяя людям делать очень много в течение короткого времени

(напр., проехать в 3S суток от Петербурга до Лиссабона), рельсовые пути подняли ценность времени, заставили людей быть более бережливыми, чем прежде, при затрате времени на любую цель. Возможность использовать свои силы более разнообразно, нежели то было в начале 19 столетия даже вплоть до второй его половины, заставляет людей более бережно тратить их в каждом направлении, между прочим, и на чтение. Теперь многократно больше людей грамотных и читающих, чем 50 лет тому назад. Но относительно (а может быть и абсолютно) уменьшилось число людей, которые имеют время на чтение многотомных романов или обширных научных исследований. Отвечая на запрос большинства читателей, быстро возрастающих в числе, писатели, художники и ученые все чаще и чаще дарят литературу краткими произведениями, повестями, вместо обширных романов, научными исследованиями умеренной величины, вместо объемистых ученых книг с огромным показным литературным аппаратом. Во всех областях словесности книга уступила брошюре и газете много места.

Мы надеемся, что будет принято положение о влиянии железных дорог и на содержание художественного творчества. Современный бельгийский поэт Верхарэн дает нам интересный пример. Можно спорить о красоте его стиха; можно говорить, что по форме он далеко не достигает поэтов, которые еще недавно создавали удивительно совершенные памятники французской стихотворной речи. Но по содержанию, по глубине, с которой он захватывает злыбы дня, он представляет выдающееся явление. В его *Трилогии* изображается очарование, которое город производит на деревню. Равнина, покрытая деревьями, однообразна и уныла; избы крестьян холодны, темны, неприятны, убоги. Едва наступает осень, как горячка, вооруженная смертоносной косой, свирепствует в этой юдоли плача. Но издали на эту печальную равнину смотрит город. Освещенный, он является «ночной исполинской надеждой», которая вызывает в людях желания, обещает много блеска, открывает пути, ведущие к богатству, власти и силе. Население деревень прислушивается к этому чарующему голосу, покидает родные поля и спешит туда, где высится целый лес фабричных труб. Большой дорогой идут в город эти «люди, пьющие дождь, лижущие ветер и курящие туман». Рядом картин нам дается показная сторона города: блеск его промышленности, размах его торговли, внешнее благоустройство. А бок о бок – алчность одних, разврат других,

нищета третьих. Из этого огромного водоворота⁶, который представляют города, из этой смеси добра и зла, выйдет новое общество, займет ся заря грядущего. «Над городом, говорит поэт, царствуют идеи; это, несомненно; хотя их и не видят». Разве не правы мы, утверждая, что новая струя, вошедшая в художественное творчество, имеет своим довольно отдаленным, хотя и ясно заметным источником развитие сети железных дорог? Не будь их, главные отрасли промышленности не достигли бы того огромного развития, какое мы наблюдаем, не было бы создано условий, которые могущественно привлекают людей в города и ведут к запустению деревень; до железных дорог города не становились средоточиями столь разнообразных уклад жизни, которые делают пребывание в деревне особенно тусклым. Ни фабрика, ни биржа, ни окна магазинов-базаров, ни выставки далеко не достигали бы нынешних размеров и не возбуждали бы поэтического творчества в этом направлении. И как сами по себе железные дороги бесповоротно сдали в архив старые способы передвижения и многие старые формы быта, так и поэт, проникнутый прогрессивной мыслью, не мечтает о возврате людей на лоно простой сельской жизни, некогда господствовавшей и имевшей свои привлекательные особенности: он пророчески говорит, что в громадных лабораториях, которыми служат современные города, создается лучшее будущее; нужно ждать рассвета не на ниве, политой потом крестьянина, а из храмов науки, растущих вширь и в высь при помощи городской промышленности и богатства, накопленного в городе.

Железные дороги, скажем мы, ослабляют религиозное чувство и пролагают путь материалистическому пониманию вселенной. Чем легче может человек передвигаться на большие расстояния, чем дальше железные дороги выбивают его из колеи, по которой шли отцы и деды, чем больше наблюдает он новых занятий, новых людей, чем чаще видит он перемены, которые происходят во всех условиях жизни, тем более укрепляется в нем мысль, что люди сами устраивают свою судьбу, без всякого вмешательства внешних сверхчувственных сил. А сознание, что разнообразные перемены совершаются всего быстрее, когда в мире хозяйства является новый крупный факт — в данном случае железная дорога — вселяет уверенность, что явления именно этого рода, способы воздействия человека на природу служат основанием для других изменений. Все это приближает людей к материалистическому мировоззрению.

VI.

Постараемся выяснить влияние народного хозяйства на литературу с помощью примеров из жизни России.

Примем за отправную точку 1861 год, как время, когда перемены в условиях техники и хозяйства требовали перехода от крепостного труда к вольнонаемному, и рассмотрим движение, совершившееся в идеологиях за период, меньшая часть которого лежит по ту сторону 1861 года, а большая — по эту, т. е. примерно от половины 30-х годов до наших дней. За эти 60 лет мы находим в духовной жизни России перемены, которые могут быть без труда объяснены движением в мире хозяйства.

В 30-х годах, от которых я начинаю характеристику, Россия была страной почти исключительно сельского натурального хозяйства, с закрепощением массы населения, с зачатками крупной промышленности, со слабым применением вольнонаемного труда. Бедность населения, состояние несвободы многочисленных масс, низкий уровень просвещения были причинами того, что духовные интересы сосредоточивались в очень небольшом меньшинстве, и что дворянство, почти исключительно оно, стояло во главе и поэтического творчества. На театре царил Кукольник. Его «Рука Всевышнего отечество спасла» приводила благополучных россиян в умиление, подогревала патриотическое чувство и вполне соответствовала тому общественному строю (и, как его основе, народному хозяйству), когда человек весь наполнен ультра-национальным чувством. В такое время почти не зарождается мысли, что есть интересы вненациональные, что может наступить пора, когда будет осознано, что то, что, будто бы, отвечает интересам народа, как целого, сполна удовлетворяло влечения только меньшинства, влиятельного и властного, и только вследствие — правда исторически необходимого — невежества массы и ее заботности принималось за благо для всего населения. В 1836 году на сцене была впервые поставлена «Жизнь за Царя», от которой русская опера и ведет свою историю. Можно ставить Глинку бесконечно выше Кукольника; однако нужно признать, что они были продуктом одной и той же среды. Преобладание натурального хозяйства, несложные патриархальные отношения между господствующим классом и подчиненными поддерживали в многочисленных массах веру в естественность, необходимость и благотворность этой сильной единой власти и делали поступок Сусанина великим подвигом. Можно поручиться, что теперь

такая опера (сомнительно даже, чтобы художник большого музыкального творчества и в то же время умственно развитой написал ее) далеко не стяжала бы громкой славы, какая в 30-х годах легко стала ее уделом.

Около этого времени Пушкин, достигнув вершины славы, приближался к концу своего творчества, а муза Лермонтова дарила русское общество своими высшими созданиями. Что же видим мы в творениях Лермонтова? В них ярко отражается экономический уклад России и обусловленная этим укладом дифференциация общества. Дворянство стояло во главе русской хозяйственной и политической жизни; его привычки, вкусы, склонности, идеалы были именно тем, что всего скорее могло, и должно было привлечь к себе музу поэта. И мы видим, как Лермонтов, при всем своем могучем таланте, не может освободиться от этого влияния. В *Герое нашего времени* Лермонтов идеализирует Печорина и выставляет в смешном виде Грушницкого. Но оба они – члены среды, к которой принадлежал и Лермонтов; по существу, они совершенно сходны; только первый представляет блестящую группу дворянства, а второй – карикатурную. Один остроумен, другой – ограничен, на одном – изящное платье лучшего столичного портного; на другом – мундир сомнительного провинциального покроя; один, пресыщенный успехами, относится ко всему окружающему насмешливо и презрительно; другой, только надеющийся, что, авось, мундир проложит ему дорогу к усадьбам жизни, смотрит на эту жизнь грубо-наивно. Но оба считают волокитство высшей целью жизни. Оба выражают помещичью Россию своего времени. В обоих нет и зерна чего-либо прогрессивного. Как Печорин, уехавший с тоски путешествовать и пропавший без вести где-то в Азии, так и Грушницкий, быть может, успевший бы на склоне лет стать генералом от кавалерии, не выражают ничего, кроме грубой, серой, скучной, мертвой России крепостного права. Мораль их обоих, идеалы их обоих равно бедны и ничтожны. Возьмем знаменитое стихотворение Лермонтова *На смерть Пушкина*. И здесь поэт является вполне сыном своего времени, неспособным поднестись до выяснения смысла общественных противоречий. Стихотворение заканчивается строками, за которые поэт был сослан на Кавказ. Эти строки столь же музыкальны, сколько бедны содержанием. Смерть поэта приводится в связь со злобой, которую питало против него новое дворянство; достигнув в русском обществе выдающегося положения, оно заняло вид-

ное место при дворе и пользовалось малейшим поводом к тому, чтобы «пятой рабской топтать обломки родов, обиженных игрою счастья», т. е. унижать представителей старого, родовитого дворянства. Пушкин был отпрыском старого, но обедневшего дворянского рода; его служебное положение было незначительно; в стихах, полных яда, он издевался над новым титулованным дворянством и с притворной скромностью напоминал, что его предки не торговали блинами и не пели на клиросе с дьячками, как предки новых князей и графов. Эти последние, озлобленные на поэта за эпиграммы, всегда рады были отомстить ему и усиленно распускали слухи, позорящий его семью, что и привело к дуэли и смерти Пушкина. Стихи Лермонтова, как великого поэта, по поводу смерти великого собрата, были воплем негодования. Но критическая мысль не может отказаться от того, чтобы считать эти стихи характерными для поэта – именно помещичьей России. Следовало сказать про счеты между старым и новым дворянством России, что это – домашние дрязги, не имевшие никакого общественного значения. Новые роды, раз они заняли при дворе прочное положение и были богаты, немедленно получали и получают полное признание старых родов; и за графа-миллионера, отец которого пел на клиросе с дьячками, Рюрикович с радостью отдавал замуж свою дочь. Но потомки старых захудалых дворянских родов, снедаемые завистью, злобствовали на титулованных и влиятельных выскочек; раз эта зависть была в душе поэта, то он, как Пушкин, выражал ее звучными стихами. Однако, центр, около которого вращалась новая знать, привлекал к себе Пушкина, и он надел-таки камер-юнкерский мундир. Поживи он дольше и пойдя дальше по ступням придворной службы – как знать, – быть может, он с удовольствием предал бы забвению все свои эпиграммы на ново испеченных князей и графов. Лермонтов говорит, что Пушкин пал *невольником чести*: да, чести, но чести узко-сословной. Он говорит, что душа поэта *не вынесла... мелочных обид*. Да не вынесла, и это очень жаль: она не вынесла, так как у него не было того философского величия, которое, раз человек проникнут им, дает ему силы переносить обиды и неуклонно служить своему призванию. Душа Пушкина потому и не вынесла обид, что это была душа с печатью узко-сословной помещичьей России. И как Пушкин, оттеняя доблесть своих отцов, которые не торговали блинами и не ваксали царских сапогов, должен был бы указать, что они занимались полезным делом, а не

жили по деревням жизнью паразитов или когда-то сидели в думе, «брады свои уставя», так Лермонтов должен был бы доказать мысли, выраженные в последних стихах. Надменные потомки новых дворянских родов служат, по словам поэта, палачами свободы, гения и славы. Можно вполне согласиться с этим; но нужно доказать, что представители старых дворянских родов не служили таковыми. И если бы мы попытались дать на это ответ характеристикой того, как управлялась Россия с начала 18 столетия, кто более далек от упрека быть палачом свободы, гения и славы, то мы были бы поставлены в безвыходное положение. Я сказал бы, что те и другие в равной мере заслуживают этого упрека (раз свобода, гений и слава были вредны дворянским интересам), если бы не припомнился граф Сперанский: он принадлежал к новому дворянству и, действительно, был прогрессивным государственным деятелем.

Таким же сыном серой, помещичьей России, которая еще не поднимает в душе сознания противоречий, является Лермонтов в стихотворении «Родина». Он не разделяет вкуса тех усердных патриотов, которые любят родину за ее победы на полях брани и славу, купленную кровью. Его любовь более реальна: географические особенности страны, склад жизни, печальные деревни, песни и пляска под говор пьяных мужиков – вот что привлекает поэта. Человеку, который видел даже много красот природы, могут быть милы русские степи, «хранящие молчанье». Но если человек глубоко и до боли вдумывался в общественную жизнь, негодовал по поводу усадьбы и радостей, достающихся в удел одним, убожества и обезличения, выпадающих на долю других, то вид печальных деревень вызывает в нем только сожаление, а пляска с топаньем и свистом пьяных мужиков – горькое чувство, что они могут наполнять свой досуг только этими развлечениями. Проселочные дороги, ужасные по своей непроездности, могут вызывать только желание, чтобы рост производительности труда позволил поскорее шооссировать их. Лермонтов же обнаруживает вкусы заурядного помещика, которого особенно радуют грубые развлечения, процветающие на почве именно крепостного труда. Даровой труд делает господ нерасчетливыми: они охотно скачут проселочными дорогами, где всегда рискуешь изломать телегу, а часто искалечить лошадей. И тот же несвободный труд, побуждающий отрицать в подневольных человеческую личность, делает для барина нормальной забавой любованье с крыльца на красном дворе пляской под-

гулявших мужиков. Тысячи и тысячи дворян, современников Лермонтова, имели буквально те же идеалы, но, конечно, не могли выразить их музыкальным стихом.

Хотя Лермонтов любил отчизну любовью заурядного, ленивого помещика, которому, будто бы, мало дела до славы отечества, купленной кровью, однако, он не раз обнаруживает усердный шовинизм. И в этом отношении он вполне разделяет вкусы средних людей своего времени. Припомним его «Бородинский бой», «Спор», вспомним даже «Последнее новоселье» с прославлением Наполеона I и унижением французского народа. Эта элегия, превосходная по силе и звучности стиха, есть сплошная клевета на Францию и сплошное непонимание истории этого великого народа.

Лермонтов не возвышается до понимания общественных противоречий даже в лучших своих созданиях, где, охваченный пессимизмом, он отрицает значение жизни и произносит суровый приговор над своим поколением. «И скучно, и грустно», говорит поэт, сетует, что нет дружеской руки, которая была бы протянута в дни невзгод, что душевная жизнь пуста и ничтожна, что вся жизнь есть глупая шутка. В *Думе* он осуждает современников. Это – стихотворение необычайной силы. Поэт громит русских людей. Он говорит: «К добру и злу постыдно равнодушны, в начале поприща мы вянем без борьбы, перед опасностью позорно малодушны, и перед властью презренные рабы». И пророчески предсказывает. «Толпой угрюмою и скоро позабытой, над миром мы пройдем без шума и следа, не бросивши векам ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда». Нельзя было сделать более верную оценку русского общества того времени. Но поэт далек от понимания причин, почему русское общество таково. Остановись он хоть на одну минуту перед строем русской общественной жизни, он понял бы, что обновление жизни может совершиться только через изменение этого строя. Примкнуть к страждущим и угнетенным, отдать на служение им свою музу, укреплять в них убеждение, что строй обветшал и только с его преобразованием возможно дальнейшее движение жизни – вот задача, которая предстала бы перед поэтом. Эта задача уяснила бы ему, что жизнь не есть пустая и глупая шутка, и что та часть современников, которая посвятит себя этой работе, не пройдет по земле без следа. Лермонтову не удалось освободиться из давления крепостной России. Невольно припоминаешь доблестного Рылеева, который так уступал Лермонтову та-

лантом и так превосходил его возвышенностью общественных идеалов.

Лермонтов умер в 1841 году. С этого времени начинают ярко обнаруживаться недостатки крепостного состояния. Постепенный переход к вольнонаемному труду сказывается в создании особой группы крестьян — вольных хлебопашцев, в учреждении Николаем I комиссии, которые вырабатывали мероприятия для смягчения крепостного права, в переходах, все более частых, от барщинного труда к денежному оброку. Медленно, но безостановочно подготавливалась крестьянская реформа. Запросы народного хозяйства, еще слабо отражаясь в праве, уже положили печать на художественное творчество. «Записки охотника» выходят в свет в 1847 году, только чрез 6 лет после того, как умолкла муза Лермонтова. А между тем, сопоставляя *Записки охотника с Героем нашего времени*, мы видим, что в смысле эволюционном сделан большой шаг вперед. И там и здесь помещица Россия; но здесь она стоит твердо, неизменно, с признанием за счастливыми десятками тысячами всех прав, всех доблестей, всех светлых сторон жизни, а за массой — только права усладить слух господ песнью и топотом пьяных мужиков, зрение — их пляской, а молодечество — ямским гиканьем по первобытной дороге. А там — из-под сермяги и лаптей выделяется личность — хозяйственный Хорь, вдумчивый Калиныч, суровый на вид, но добродушный Бирюк, нежная Акулина. Для экономической жизни России рамки крепостного права становились тесны. Идеолог угадывал, что закрепощенный труд должен исчезнуть в недалеком будущем; он ближе всматривался в крестьянскую массу и спрашивал, что это за люди? Эти люди получают личную свободу. Чего же ждать от них? И лучшие члены дворянской среды становятся в своем художественном творчестве изобразителями крестьянского быта. Григорович, и Некрасов еще раньше Тургенева вводят крестьян в русскую литературу, как часть русского общества, заслуживающую внимания читателей. В литературе 40-х годов крестьянин является пред нами то в обстановке эпического равновесия, которое дают образы, созданные Тургеневым и Григоровичем, то с воплем на свою тяжелую долю и негодованием на сильных мира, как нам дает их Некрасов.

Одновременно с этим художественное творчество обращается и к нарождающейся буржуазии. В стране всецело господствует мелкая промышленность. Там и сям есть крупные промышленные заведения; но они еще не сделали ти-

пичными формами для какой-либо отрасли производства. Русская буржуазия 30-х и 40-х годов получила свое высшее выражение в представителях торгового капитала. Москва является центром, где торговый капитал достигает наибольшего могущества, откуда он властвует над русской промышленностью. Именно в Москве для наблюдения открывается очень широкое поле. Какого же характера должно было быть художественное творчество, сделавшее московскую, а в ее лице и русскую буржуазию, предметом своего наблюдения? Оно могло сделаться только творчеством обличительным. Таков Островский за первое 15-летие. Поэт дворянской среды мог идеализировать ее уже потому, что формы жизни, по крайней мере, высших слоев дворянства, достигли изящества. Выработались понятия о чести, узко-сословные, а потому грубые, но стойкие в пределах привилегированных слоев и легко поддававшиеся идеализации. Кто искал в дворянской среде организационной работы, оправдывавшей крепостной уклад, тот находил там и сям гоголевского Костанжогло. Нам важно не то, удался или не удался Гоголю этот тип, а то, что писатель, способный увлекаться деловой стороной жизни, мог идеализировать Костанжогло, и в его лице одобрительно кивать современному порядку вещей, покоящемуся на подневольном труде. Московская буржуазия, как представительница только торгового капитала, не имела условий, которые наталкивали бы писателя на эпическое ее изображение, а тем более на ее идеализирование. Она не исполняет организационной работы; купеческий капитал не объединяет промышленности; она остается рассеянной по многочисленным мелким заведениям. Он только посредничает между производителем и потребителем и взимает большие поборы с обоих. Именно среди представителей купеческого капитала, стоящего в стороне от производительного труда, отсутствует даже слабое сознание обязанностей, на которые большая близость к производительной работе могла наталкивать, хотя единичных представителей помещичьего класса. Купеческий капитал часто служит источником быстрого обогащения, а богатство, приобретаемое так легко, обыкновенно ведет к грубому самодурству, не смягчаемому изящной внешностью, которую позволило приобрести дворянству его продолжительное господство. А потому художник, живописуя это темное царство, имеет особенно богатый материал там, где бичует его главных обладателей. Представитель промышленной буржуазии любит богатство не меньше, чем представитель

торгового капитала. Но у первого богатство является в различных образах: здание, где ведется промышленное предприятие, машины, сырые материалы, изделия и, наконец, деньги. Так как богатство не принимает пред ним формы предпочтительно денег, то у него и не может быть особенной, исключительной любви именно к деньгам. Торговая буржуазия стоит в ином отношении к деньгам: в ее имуществе они занимают первенствующее место. Естественно, что она любит не только богатство, но деньги, которые служат для нее синонимом богатства. Алчность, которую мы находим у Большева, представителя крупного купечества, болезненное чувство, вызванное сознанием необходимости отдать деньги, всего легче развивается у людей именно, этого класса. И эта алчность толкает на путь постоянных крупных и мелких обманов, для которых у членов промышленной буржуазии нет столь широкого простора. Фабрикант пускает на рынок свои изделия; он снабжает их своим клеймом. Его нравственное чувство, его желание сохранить добрую славу своей фирмы могут быть совершенно ничтожны, но есть задержка, которая оказывает на него хотя небольшое влияние: боязнь потерять покупателей, если он будет давать рынку только товары дурного качества. Это чувство гораздо дальше от торговца. Собирая товары разных, всего чаще мелких производителей, он не связывает с ними своей фирмы. В отличие от крупного производителя, который сбывает свой товар оптом, сравнительно небольшому числу покупателей, торговец имеет дело со множеством людей, и недовольство торговым обманом, обмером, обвесом распространяется на очень большую площадь, отражается только небольшой частицей на каждом из покупателей, а потому и может не влечь за собой невыгодных последствий для торгового предприятия. Лазарь в драме *Свои люди сочтемся* отлично выражает эту торговую мораль: накинуть рубль — другой лишней покупателю, не дорезать ему аршин — другой материи — вот его обычный образ действий, заслуживающий полное одобрение Большева. Другой представитель этого типа — Пузанов в *Семейной Картине* — прямо говорит своей матери, что он не прочь надуть приятеля, если тот попадет под руку, что он не прочь подвести под приятеля мину; на этом пути его может несколько остановить только воспоминание о смертном часе. Представители других типов, выведенные Островским, обнаруживают ту же неудержимую наклонность к плутовству. Эта наклонность дос-

тигает своего высшего выражения в злостном банкротстве. Критики комедии *Свои люди сочтемся* высказывали, по поводу злостного банкротства Большева, мысль, что это преступление очень тяжело, тяжелее, нежели воровство. Для нас особенно важно то, что член торгового класса гораздо легче идет на это преступление, чем промышленник. Островский верно подметил, что легкость, с которой Большев идет на банкротство, является типичной для людей этого класса. Банкротство промышленника связано с остановкой работ на его промышленном заведении, с обесценением машин, порчей сырых материалов. А так как в его имуществе эти составные части капитала представляют очень большую ценность, обыкновенно гораздо большую, нежели готовые изделия и деньги, то банкротство причиняет ему большие убытки, и нужно стечение совершенно исключительных условий, чтобы он решился стать злостным банкротом. Торговый человек — не то; большая часть его имущества может состоять в деньгах, а его товары могут сравнительно легче найти себе сбыт, при уступке на цене. Поэтому, злостное банкротство часто может быть ему выгодно.

Даже и самодурство, которое так мастерски изображено в разных типах, созданных Островским, то древнерусское, серое, не затронутое никакими заморскими новшествами, то несколько изменившее свою внешность под влиянием лоска, принесенного с Запада, всего лучше уживается с представителями именно торгового капитала. В высших рядах промышленной буржуазии дело поглощает больше времени и оставляет меньше досуга, дабы глава семьи был пугалом своих домашних. Область розничной торговли, при чрезвычайном однообразии действий, из которых слагается это занятие, позволяет хозяину оставлять его на приказчиков и делает его совершенно свободным для того, чтобы отравлять существование членов семьи. Алчность и грубость этих людей, их склонность к плутовству и насильничеству освещаются особенно ярким светом, когда художник хочет изобразить положительные типы. Таков Жадов в *Доходном Месте*. Он образован и честен, и это обрекает его на бедность. Таков же и Милашин в *Бедной Невесте*. Он любит бедную невесту бескорыстно и признается, что чуткая совесть мешала ему приобрести состояние. И это не было выдуманно: сама жизнь подсказывала, что если в палатах мог родиться русский человек, чуткий ко всему доброму и прекрасному, то нажить палаты тому, кто родился в хижине, и нажить совестливо было делом в высокой степе-

ни трудным, почти невозможным. Нажить на государственной службе – значило идти по проторенной дороге взятку с живого и мертвого. Нажить в торговле – значило обмеривать, обвешивать и с молодости, шаг за шагом, приближаться к злостному банкротству. Развитие крупной промышленности и образовало в обществе новых, связанных с нею профессий было еще в зародыше, а потому пред писателем не выделялись такие занятия, которые дают среднему человеку возможность достигнуть значительного благосостояния и прожить без плутовства, обмера и обвеса. Сознание, что человеку просвещенному и с совестью, раз он не хочет идти по широкой дороге плутовства и низкопоклонничества, трудно устроиться, особенно усиливало впечатление, которое производили на художника типы торгового класса, все больше выделявшиеся на поверхности, и дало нам яркие образы, поражающие своей жизненностью. Вокруг представителей крупной московской буржуазии живут мелкие, младшие люди, которые служат то орудием для своих повелителей при обделывании делишек, то жертвами их самодурства и своекорыстия. Знакомя нас с этой меньшей братией буржуазии, Островский дает нам «мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении».

10) Однако в 40-х годах уже показываются ростки промышленной буржуазии, которые могут быть предметом не только обличения, но и идеализирования, ибо эта буржуазия упорядочивает труд, создает формы для возрастающих производительных сил и легко подкупает идеолога кажущимся разнообразием своей жизни и пользой, которую она приносит обществу. Одно маленькое, едва заметное обстоятельство напоминает, что в России того времени являлись именно только зерна промышленной буржуазии. Гончаров, первоклассный писатель, знаток дворянской и купеческой среды, дал нам положительный тип *Штольца*. Писатель представляет его русскому обществу, как человека неумолимо деятельного, проводящего большую часть времени на своих заводах, как человека, который, в отличие от умирающей России, олицетворенной Обломовым, выражает Россию прогрессивную. Слабое развитие промышленной буржуазии в 40-х годах доказывается и тем, что тип, созданный Гончаровыми бледен, и даже тем, что он назвал его Штольцем. Вовсе не слу-

чайно дано ему немецкое имя. Русская буржуазия, именно купечество, еще не успело выработать тип людей, которые устраивали бы промышленную жизнь. Первыми тонерами в этом деле были пришельцы с Запада. Они селились у нас, обрусевали, но самые имена – Шмидт, Миллер, Штольц, Тортон – напоминали об их нерусском происхождении. Был ли такой Штольц владельцем завода или главно-управляющим на фабрике, которая принадлежала человеку с коренным русским именем, он являлся зародышем русского промышленного буржуа. Жизнь еще не определила его положения яркими чертами. Но наблюдательный ум связывал с его местом в промышленности известную культурную миссию. Исполнение миссии только начиналось. Темные стороны, которые уже тогда обнаруживало крупное производство в России, и противоречия, которые могли бы; обозначиться, как бы говорили: не произносите окончательного приговора; промышленного буржуазия только начинает исполнять свое призвание; когда она исполнит его, то будут сглажены недостатки, устранены противоречия. Неудивительно, поэтому, если пред судом художественного творчества зарождающийся тип промышленного буржуа явился положительным типом.

Новый поток в русской изящной словесности слился с течением в литературной критике. Белинский угадывал значение буржуазии: он наделял ее большой культурной миссией и противопоставлял ее дворянству, как прогрессивный класс русского общества 17).

В 40-х же годах Достоевский начинает свою писательскую деятельность; он ярко вырисовывается из своих собратий, как изобразитель разночинцев и отверженных и как печальник всего этого угнетенного люда.

Чем более приближаемся мы к 1861 году, тем более находим разнообразия в продуктах художественного творчества, тем относительно меньше места, отводимого в литературе дворянству, ибо тем чаще и чаще напоминает жизнь, что ему не удастся надолго сохранить первенствующее положение. Освобождение крестьян облегчает пути для промышленного развития России. В 1851 году была открыта для движения Николаевская железная дорога. Никого не удивило, что выполнили такую затею (праздную по мнению многих «умных» людей) для соединения обеих столиц. Но тогда еще не думали, что через 12 – 15 лет наступит железнодорожная эра. Она наступила и дала толчок развитию разных отраслей промышленности. Од-

ному Штольцу в 40 годах соответствовало уже 5 – 10 Штольцев с русскими и нерусскими именами. Возникали новые крупные промышленные предприятия, и промышленная буржуазия росла и численно, и по имущественным средствам, которые сосредоточивались в ее руках. С тем вместе этот класс, по составу, делался все более разнообразным. Железные дороги требовали большого числа инженеров, фабрики и заводы – технологов. Успехи крупной промышленности и торговли ведут к развитию биржи, и постепенно на фоне петербургской и даже московской жизни вырисовывается дотоле неизвестный России тип биржевого дельца. Оттеснение мелкой промышленности и торговли крупными усложняют и юридический порядок. Словесный договор считается теперь во многих случаях недостаточным, тогда как он вполне удовлетворял потребности старого несложного экономического уклада. Нотариусы и адвокаты быстро увеличиваются в числе и, занимая в средних слоях общества видное место, заставляют забыть о подьячем доброго старого времени. Параллельно с этим идет умножение отраслей государственной деятельности и приобщение новых категорий чиновников к старым. Эти перемены, захватывающие примерно 15-летний период, от 1861 до второй половины 70-х годов, тотчас же отражаются на изящной словесности. Они служат причинами того, что типы, которыми дарит нам русская литература, становятся гораздо более разнообразными, и что поле, на котором писатели дают простор своему влечению к идеализации, резко изменяется. Писатели консервативные и умеренно-либеральные заметно переносят свои симпатии в буржуазный мир и ищут здесь условий для дальнейших успехов России. Когда Лермонтов писал *Героя нашего времени*, умилялся тому, что тонкость рук и цвета усов и бороды выдают породу Печорина, что Печорин, как никто, может сделать праздность изящной и завидной праздностью, он не поверил бы, что член той же среды, отпрыск еще более древнего дворянского рода и только на 4 года младший его Тургенев найдет героев в серой массе, которая дала Соломина, Нежданова и Марианну. И как, читая «Новь», мы замечаем в авторе большие симпатии к средней буржуазии, именно слою промышленной буржуазии, так Боборыкин в лице Василия Теркина дает нам тип буржуа, который еще не успел отделиться от народа. Жизнь дала эти типы, а литература быстро идеализировала их. Занимается ли носитель этого типа, как Теркин, устройством собственного благополучия,

исканием счастья в разных промышленных предприятиях, организует ли он фабричное дело по большому масштабу, как Соломин, посвящает ли он себя, как Черник, герой романа Смирновой «Соль земли», насаждение ссудо-сберегательных товариществ, он является представителем буржуазной интеллигенции, иногда с оттенком демократических влечений. Чтобы он ни делал, он – положительный тип, так как он – носитель силы и энергии, которых не доставало дворянству.

Либеральное и либерально-радикальное направление образовало в нашей литературе другой поток; мирозерцание его представителей делает именно их носителями оппозиционного направления, певцами страданий массы, выразителями ее идеалов. Они не отрицают, что промышленная буржуазия имеет положительные черты, которых не знало дворянство. Но эти положительные черты десятков или сотен тысяч возбуждают неизмеримо меньший интерес, чем невзгоды миллионов. Нити, которые шли в 40-х годах от крестьянской среды к Григорьевичу, Тургеневу и Некрасову, не только не порвались, но умножились. Литература о народе растет. Муза Некрасова еще не спела некоторых из своих лучших песен, а уже выступают Успенский и Златовратский. То художники, то публицисты (последнее применимо особенно к Успенскому), они и другие писатели того же направления дают нам жизнь деревни в самом разнообразном освещении. И, хотя тоны не одинаковы, читатель связывает все отдельные впечатления и выводы в один узел: деревня, свободная от крепостного права, задыхается под бременем глубокого невежества и безысходной нищеты; это препятствует крестьянам проявить в полном расцвете добрые свойства души и старинные навыки и приемы труда и открывает безграничный простор для хищнических инстинктов отдельных лиц, для административного произвола. Пролить яркий свет на жизнь деревни – вот заслуга, которая навсегда останется за этими писателями. И если мы спросим, почему писатели либерально-радикальные, будучи певцами народного горя, являлись печальниками по преимуществу крестьян, то весь склад русского народного хозяйства позволит объяснить это без затруднений.

До последнего времени Россия была страной, исключительно земледельческой. В Англии конца 17 века 25% населения жило в городах, тогда как перепись России 28 января 1897 года дала только около 16% городских жителей. До освобождения крестьян главная масса

интересов России была связана с деревней. Городские сословия были, наряду с дворянством и крестьянством, почти незаметными группами. Русская культура достигла в дворянстве своего высшего выражения; отрицательные стороны общественного быта сказывались наиболее резко в среде крепостных и, вообще, крестьян. Кто, поэтому, поддерживал интересы господствующего класса, тот воспевал доблести дворянства. Кто писал об угнетенных и обездоленных, тот заставлял свою музу служить крестьянам. Невзгоды других слоев порабощенного русского люда не могли в такой степени привлекать к себе внимание, прежде всего уже по относительной малочисленности этих людей. Во-вторых, значительные массы этого люда еще не выделились окончательно из крестьянской массы. И до освобождения крестьян в России были миллионы кустарей, но, занимаясь своим промыслом наряду с сельским хозяйством, они растворялись в крестьянстве; интересы последнего затеняли интересы первых. Там и сям были крупные промышленные заведения. Значительное число их рабочих не только происходило из деревень, но еще поддерживало связь с землей; оно не выделялось из крестьянства настолько резко, чтобы образовать особую, самостоятельную группу, интересы которой требовали бы самостоятельного выражения. Такова была русская экономическая жизнь пред самым освобождением крепостных. Крестьянская реформа ускорила успехи промышленности и облегчила условия, при которых мог сложиться самостоятельный класс фабричных рабочих. Но еще понадобилось время, чтобы интересы этого класса нашли выразителей среди писателей прогрессивного направления. Литература присматривается к этим слоям и в 60-х годах: припомним Левитова и Решетникова, припомним *Нравы Растеряевой улицы* Успенского; однако, изображение некрестьянских слоев бедного класса совершенно отстает от массы труда, которая затрачивалась до последнего времени на изучение деревни, на воспроизведение деревенских типов, на полухудожественное, полупублицистическое начертание планов, которые могли бы дать русской деревне и всему русскому народному хозяйству новые устои.

Не трудно после всего сказанного понять, почему одно из прогрессивных течений в науке и публицистике получило характер народнического. Сама жизнь направляла на деревню главное внимание мыслящих и чувствующих людей.

Чернышевский был главой этого течения. Мысли, высказанные им, сделались общим дос-

тоянием; он неограниченно господствовали в русской литературе добрую четверть века и до сих пор сохранили известное обаяние. А Чернышевский, по верному замечанию Плеханова, был утопистом чистой воды, верным учеником великих французских социалистов 18).

«Рутинные политико-экономы, говорит Чернышевский, выставляют все части экономического быта одинаково независимыми в своих чертах от соображений человека о лучшем устройстве человеческого быта. На самом же деле принципы только одной части экономического быта, именно производства, налагаются на человека с необходимостью физических законов; остальные же элементы экономического быта устраиваются уже самим человеком и вполне подлежат его власти» 19). Таким образом, хозяйственная жизнь представляется Чернышевскому как бы разбитой на особые, не связанные между собой области. Природа страны и промышленное искусство, достигнутое населением, объясняют, какие способы производства могут стать господствующими. Во всех же остальных явлениях, которые входят в состав общественного хозяйства, воля человека царит беспрепятственно: он может давать формам экономического быта желанный вид и развитию хозяйственных явлений желанное направление. Положив в основание экономического мировоззрения полную отдельность процессов производства и других явлений хозяйства, Чернышевский упрекает Милля за то, что он продолжает идти по колею, проложенной его предшественниками, и не обнаруживает большой решительности в начертании форм распределения продуктов, которые предписываются человечеству разумом. Русский писатель знает, что на свете были гениальные мыслители которые нашли себе достойных учеников, что некоторые из них не только делали отвлеченные построения, но и говорили о том, что возможно в современной действительности. Так как Чернышевский не считает своевременным излагать все предположения, которые имеют в виду «границы возможного для нынешней эпохи», то ограничивается одним примером. Этот пример состоит в плане поддержания правительством промышленно-земледельческих товариществ. План Чернышевского списан с *Промышленного мира* Фурье, воспроизведенного в общих чертах. В состав каждого товарищества входят 400 – 500 семейств. На ссуду, полученную от государства, товарищества покупают старинные здания и устраивают новые так, чтобы вокруг них была площадь полей и других угодий, способных доставить

заяние всем взрослым членам этих семей. Наряду с земледелием товарищество будет заниматься промыслами, которые соответствуют условиям местности. Каждый артельщик должен избрать себе труд согласно со своими наклонностями, насколько, разумеется, товарищество имеет нужду в той или другой мастерской. Во главе товарищеского производства стоят особые распорядители; однако, высшая власть сосредоточивается в руках всех артельщиков. Целесообразному упорядочению сельского хозяйства и промышленности сопутствуют и меры, способные обеспечить членам товариществ удобства домашнего быта: квартиры для семей артельщиков будут просторны, удовлетворять требованиям приличной жизни. При здании с квартирами будут находиться: церковь, школа, библиотека, зал для концертов и пр. 20). Чернышевский убежден, что этот план, являющийся пересказом фаланстерия Фурье, осуществим в современном обществе. Какое же ручательство, что государство даст товариществам в ссуду необходимые миллионы? Русский экономист уверен, что оно так и будет: ведь, дает же правительство большие пособия сахарозаводчикам, строителям железных дорог, оптовым торговцам! Все это заставляет признать, что рабочий класс не обнаруживает большой притязательности, если хочет получить от государства содействие и притом такое, которое ничего не будет стоить казне. Чернышевскому, как отлично разъяснил Плеханов, было почти чуждо представление о борьбе классов 21). А потому, он не задается вопросом, таковы ли в государстве руководящие силы, чтобы оно захотело оказать товариществам поддержку: все несовершенства общественного строя, равно как и все слабые стороны в деятельности государства должны быть приписаны только тому, что люди недовольно глубоко проникают в сущность явлений.

Общее направление Чернышевского отразилось специально и на его отношении к земельной общине. В своей полемике с противниками общинного владения землей этот писатель не только обнаружил большую, из ряда вон выходящую силу диалектики, но и пустил в оборот, несколько мыслей, с тех пор написанных на знамени народничества. Чернышевский защищает земельную общину не потому, что она — порождение исключительно русского духа, как то думали славянофилы: он видит в ней первичный союз людей, который в своих существенных особенностях подобен идеальному строю, который составляет предмет стремлений и чаяний для истинных друзей народа. Отстоять об-

щину, рассматриваемую именно с этой точки зрения, и было главной целью очерков, которые Чернышевский посвятил общинному землевладению. Германская философия оказывает русскому писателю большую услугу: он настойчиво проводит мысль, что высшие, наиболее совершенные формы, отклоняясь от посредствующих ступеней, имеют большое сходство с низшими формами, от которых началось движение. Этот общий закон, сказываясь во всех областях жизни, должен быть безоговорочно приложен и к земельной общине. «Общий ход планетарного развития, прогрессивная лестница классов животного царства, высшие классы животных в особенности, физическая жизнь человека, его язык, обращение с другими людьми, его одежда, манера держать себя, все его общественные учреждения, — администрация, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движение вообще, понятие о справедливости, каждый из этих фактов подлжит той норме, о которой мы говорим: повсюду высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытной форме, которая заменялась противоположной на средней степени развития; повсюду очень сильное развитие содержания ведет к восстановлению той самой формы, которая была отвергаема развитием содержания не очень сильным» 22). Община не представляет исключения: этот закон может быть приложен и к ней. И Чернышевский удивляется, как люди, которые величаются своим знакомством с германской философией, могли упустить это из вида. Он убежден, что одно упоминание о земельной общине, как первобытной форме отношений людей к земле, должно упрочивать в каждом сознание, что частная собственность на землю, исторически следующая за общинным землевладением, есть переходная ступень и что община является и высшей формой этих отношений. Но перед русским писателем восстает более трудный вопрос: достигла ли Россия той степени развития, когда сохраненная ею община может быть выразительницей высшего отношения человека к земле? И хотя он не утверждает, что Россия поднялась на этот уровень, однако, высказывает уверенность, что русская жизнь может делать более быстрые успехи, нежели движение у народов — которые опередили Россию культурой. Вовсе нет надобности, чтобы какое-нибудь явление, отставши в своем развитии, или целый народ проходил все логически необходимые ступени между низшими формами жизни и высшими, до которых можно подняться. У народа

оставшего ход может совершаться гораздо быстрее. Этот народ может подниматься с низших ступеней прямо на высшие. А средние ступени, благодаря познанию им того, что совершилось в передовых странах, или могут достигать только теоретического бытия, не осуществляясь во вне, или могут осуществляться лишь на очень короткое время и быть совсем мало важными в общем ход жизни 23).

Будучи учениками Чернышевского, писатели-народники, и помимо него, испытывали влияние отголосков Запада. Они имели перед собой в 70-х годах такие факты: 1) преобладание сельского хозяйства, связанного с кустарной промышленностью на обширном пространстве русской земли; 2) общинное владение, захватывающее большую часть крестьянской земельной собственности; 3) большую распространенность артелей; 4) недолгий срок, протекший от времени совершения крестьянской реформы. А западная жизнь безостановочно давала нам толчки, которые облегчали находить драгоценные свойства в русском быту. Прогрессивные партии Запада требуют обращения земли из частной собственности в общественную. А разве наше общинное землевладение не содержит всех элементов, необходимых для этого преобразования? Разве оно не служит основанием, на котором легко может развиваться общинное сельскохозяйственное производство? Авторитетные голоса возвышаются на Западе за артель; ее считают наиболее совершенной формой производства для настоящего и будущего. Радикальные Л. Блан и Лассаль, умеренные Шульце-Делич и Райфайзен сходятся на прославлении артели. А разве артель не известна нашему народу? Фурье вырабатывает до мелочей план *Нового промышленного мира*; гармоничное сочетание трудов сельскохозяйственного и промышленного служит одной из основных особенностей этого мира. А разве у нас, сообразно со всеми окружающими условиями, деревня не представляет сочетания сельского хозяйства и промыслов? Есть все многообразие элементов, чреватых будущим. И если они до сих пор не могли сполна обнаружить свое влияние на русскую жизнь, то потому, что крепостное право еще так недавно сковывало их творческую силу. Вот мысли, которые русская жизнь, при освещении бегло схваченными идеями Запада, подсказывает печальникам народа. Эта мысль побуждает их не только с любовью изучать особенности народного быта, преувеличивать их значение. Победа мелкой промышленности крупной считается одним из положений науки, не допускающих спора.

При каких же, однако, условиях одерживалась эта победа, возведенная в общий закон западноевропейскими экономистами? Таким условием служит раздробленность производства: миллионы крестьян владеют единолично клочками земли и побеждаются крупным сельским хозяйством; миллионы кустарей и ремесленников работают порознь и побеждаются фабрикой. У нас же есть цемент, могущий крепко связывать разъединенных производителей. Этот цемент, свободный теперь от пагубного влияния крепостного права, будет обнаруживать все большую силу до возможности преобразовать промышленность на новом основании. И вера, в такое новое основание является тем более твердой, что крупное производство зарождается в России при наличности общины и наделении крестьян землей. В Западной Европе эти хозяйственные факты уже давно отошли в область преданий. Но старинные формы могут быть примирены с новейшими завоеваниями техники: нужен только толчок извне. Этот толчок будет дан интеллигенцией и государством. На чем же покоится вера в то, что интеллигенция и государство способны двинуть вперед старые формы? Эта вера была вызвана и укреплена частью условиями русской жизни, частью влиянием Запада. С 50-х годов, когда в России начала слагаться буржуазия и в литературе стал принимать большое участие разночинец, оказывалось все больше сил, которые являлись представителями неимущих классов, — крестьян, а затем и других общественных групп. Разночинец или дворянин, сбросивший с себя интересы дворянства, выступил в печати и в только что созданном земском самоуправлении. Основание артелей гвоздарей, сыроваров, смолокуров, ссудо-сберегательных товариществ, статистические исследования, предпринятые земствами в разных концах России с конца 60-х и, особенно, в 70-х годах, производили потому сильное впечатление, что отличались от строго-бюрократического строя дореформенной России. Все эти попытки навязывали мысль, что Россия обладает многочисленной интеллигенцией, которая проникнута преданностью важному общественному делу и имеет большие силы для создания новых форм; стоит только правительству дать толчок в этом направлении. Русская жизнь открывала для наблюдения и другой факт: освобождение крестьян с землей, распространенное на 21 миллион душ; оно было выполнено за немного лет и без нарушения общественного порядка. Русский народоловец не подвергал всесторонней оценке главных начал,

проникающих освободительную реформу; его восхищали одни размеры реформы и десогит. Припоминая историю государств древности и нового времени, он мог с уверенностью сказать, что никогда и нигде не было преобразования, которое с одного удара дало бы столь большому числу людей формальную свободу и на первый раз достаточное обеспечение. При оценке забывалось и до сих пор забывается, что мирное совершение реформы в больших размерах вовсе не служит залогом каких-либо великих актов в будущем, а является следствием только вялости русских людей, воспитанной всей историей. Было бы более правильно сделать такое заключение: безволие русских людей облегчило быстрое совершение реформы; но то же безволие будет препятствовать крестьянам выработать из себя самих силы, способные доставить им лучшее будущее. Где, как на Западе, освобождение крепостных не совершилось сразу, спокойно, где крепостное право было означено некоторой, иногда напряженной борьбой крестьян с помещиками, там большая энергия воли обещала, что крестьяне, если и не имеют земли, обладают большей стойкостью для борьбы во имя лучшего будущего. Русскому народолюбцу эти мысли были чужды. Увлеченный одними размерами реформы, он утверждал, что государство, совершив ее в столь короткий срок, дало веское доказательство своей готовности и способности создать формы хозяйственной жизни, резко отличные от тех, которые развились на Западе. Русская жизнь склоняла к таким выводам, а отголоски европейских движений укрепляли их. Много или мало были знакомы русские народники с развитием западноевропейских социалистических учений, они часто слышали, что творцы этих учений взывают к государству с планами преобразования экономической жизни. Сен-Симонисты требуют, чтобы государство устроило центральный банк для сосредоточения орудий производства; Л. Блан предлагает ему организовать труд; Лассаль также возвышает свой голос за насаждение артелей при содействии государства. К этому присоединяются требования и пожелания множества писателей и практических деятелей с менее известным именем. Лучшие представители социализма знали, каково должно быть государство, способное осуществить эти идеалы. Выдвигая их, они обыкновенно говорили и о необходимости перемен в политическом строе. Русские народолюбцы имели в своих руках один козырь, который позволял им упростить программу, предлагать план переустройства хозяй-

ственной жизни и совсем забыть о политических задачах. Народолюбец понимал, что на Западе перестройка экономического уклада предполагает изменение политического строя: чего, в самом деле, ждать истинному демократу от современного государства? Оно дало личную свободу выгодную преимущественно для состоятельных классов; оно приняло разные меры на пользу беднейших, но меры незначительные, провело их без значительных материальных затрат. Нет меры, которую можно было бы уподобить крестьянской реформе. Конечно, государство западного образца должно быть и политически преобразовано прежде, чем можно рассчитывать на получение от него 100 миллионов талеров для производительных артелей. Не такова государственная власть в России: она освободила крестьян и предприняла огромную выкупную операцию (забывается, что эта операция не требовала затрат и была связана с надежным для государства обеспечением). Если русское правительство могло совершить крестьянскую реформу, то сумеет преобразовать экономическую жизнь при нынешнем политическом строе: для изменения промышленной жизни потребуются не более творческой силы, нежели было нужно для освобождения крестьян. Вот логический процесс, который привел писателей этого направления к надежде, что будет организовано так называемое народное производство, артельные, земские, государственные, общинные фабрики, к мысли, что манифеста 19 февраля содержит какое-то обещание общинного производства и т. д.

Чрезмерному увлечению деревней и болезненному идеализированию сельскохозяйственного труда способствовало также то направление, которое, под влиянием Льва Толстого, образовало в русской литературе широкий поток.

Простота, естественность сельской жизни уже давно увлекали Толстого. Картина покоса производит неотразимое впечатление на Левина. Он чувствует, как его захватывает гром веселия, как песни баб со вскриками и присвистами наполняют его чувством радости, как у него является сознание необходимости навсегда проститься с искусственной жизнью, которую он вел до тех пор, отречься от всего образования, теперь ненужного ему, и найти удовлетворение в простой, чистой, законной жизни. В его голове поднимались вопросы, по следует ли приписаться в общество и жениться на крестьянке.

Такое отношение к деревне, проникавшее Толстого еще тогда, когда он соиздал Анну Каренину, упрочивалось все больше и больше.

Участие в московской переписи, открыв перед Толстым двери притонов поражающей городской нищеты и глубокого падения, еще более укрепило в нем мысль, что жизнь в городе ужасна своей искусственностью, тем более ужасна, что человек, проникнутый любовью к людям, имеет гораздо меньше возможности помогать им в городе, чем в деревне. Яркими красками изображается контраст между делами, которым посвящает себя городское население, и трудами и заботами поселян. В городах – биржи, фабрики, разные отрасли государственной службы, газеты, журналы, театры, словом, затрата множества жизней на то, что не нужно людям. В городе же выполняется огромное количество труда в области, так называемой, «научной» науки, т. е. науки, ненужной для жизни. Почти все напряжение ума, которое люди делают для развития современной науки, и почти все проявление художественных дарований, которое обнаруживается в искусстве, ненужно человечеству. «То, говорит Толстой, что в нашем обществе называют наукой и искусством, есть только огромный мыльный пузырь, суеверие, в которое мы обыкновенно впадаем, как только освобождаемся от других суеверий 24).

А деревня? Толстой жалеет тех богатых людей, которые, проводя в деревне ежегодно несколько месяцев, не понимают важности работы, происходящей вокруг них. Сколько бы мы ни читали об этой работе и сколько бы мы ни смотрели на нее, мы не можем составить о ней никакого понятия, не испытав ее. И для характеристики сельского труда, Толстой описывает покос, который составляет одно из самых важных дел в мире. Перед читателем проходит в покосе все население деревни: взрослые мужчины и женщины, не покладая рук, выполняют тяжелую работу; старики силятся не отстать от них; беременные работают, хотя и через силу; восьмидесятилетняя старуха гребет; крошечный мальчик приносит косцам воду; деревенский сапожник, слабый и худосочный, оставляет свой промысел и берется за косу... 25) А если это дело имеет такую чрезвычайную важность, если занятия людей в городах так пусты и суетны, то не следует ли, что нужно бросить городскую жизнь и стать обитателем деревни? Туда-то и зовет Толстой. Он убежден, что если человек не задается мыслью пользоваться чужим трудом, владеть землей и деньгами, то ему и в голову не придет уехать из деревни в город, что в деревне человек освободится от чувства беспомощности и будет в состоянии помогать людям 26). Радостный физический труд, возможный толь-

ко в деревне, тем и хорош, что для него не нужно создавать особое сообщество: кто посвящает себя этому труду, чтобы только удовлетворить, свои потребности, кто не имеет в виду наживать деньги, тот естественно примыкает к трудящемуся населению. Отрадность этого труда чувствуется и его плодотворность сознается Толстым так глубоко, что ведет его к следующему насмешливому заключению по адресу людей, которые думают, что сельскохозяйственный труд может быть для кого бы то ни было унижительным. «Мы так привыкли к тем выхоленным или расслабленным нашим представителям умственного труда, что нам диким представляется то, чтобы ученый или художник нахал или возил навоз. Нам кажется, что все погибнет и вытрясется на телеге вся его мудрость и опачкаются в навозе те великие художественные образы, которые он носит в своей груди 27)». Жизнь, близкая к природе, так привлекательна, что министр, которого сослали на поселение, должен бы видеть в этом благоденствие, ибо он может заменить спиральный, а потому и тяжелый, труд радостным чередованием труда. Наконец, сельский труд отраден и производителен при всех условиях, при всех способах. Раз человек, посвящая себя этой работе, не стремится к обогащению, то для него нет вопроса об орудиях труда. Есть паровой плуг – хорошо. Нет его – «он будет пахать конным, не будет его – сохой, не будет сохи, он будет, пахать скребком и во всех условиях будет одинаково достигать своей цели, проводить свою жизнь в полезном людям труде, и потому будет получать полное удовлетворение» 28).

Эта проповедь также явилась условием, способным поддерживать внимание к русской деревне. Влияние проповеди было двоякое. В людях с вялой мыслью, с равнодушным отношением к собственным потребностям, призыв Толстого к сельскому труду и восхваление этого труда при всех условиях и всяких способах производства поддерживал наклонность к опрощению. Если большая часть потребностей, привитых людям цивилизацией, искусственны, то нужно сохранить только необходимые для поддержания жизни. А он могут быть обеспечены и первобытными приемами труда. Все, что выходит из пределов этих простейших способов, является излишеством. И, вот, среди молодежи началось тяготение к земле с большой наклонностью опроститься. Жизнь указала полную несостоятельность этих вкусов. Если с желанием опроститься «выступают люди, которые не отреклись от мира, а продолжают жить в

нем, которые не чуждаются многих земных радостей, которые не отрицают принципиально и умственного усовершенствования человека (хотя очень односторонне понимают его), то я говорю, что они ведут войну с тем, чего нельзя победить, — со здравым смыслом. Идеализирование всего мужицкого обихода означает возведение в верх совершенства мужицкой сохи, которую, при пахоте, нужно чинить каждую четверть часа, лошади, которая с трудом по недурной дороге может вести 15 пудов, коровы, которая дает в год только 40 ведер молока. Это значит только преклонение перед холодной, закоптелой, неприятной крестьянской избой, рваным полушубком, грязной рубахой, пред непоколебимой верой, что земля стоит на трех китах... А преклонение пред всем этим есть признак бессилия ума и характера» (29).

На людей с более подвижным умом проповедь Толстого производила другое впечатление. Они отбрасывали мысль, что труд в деревне может быть полезен даже при самых отсталых приемах; но они твердо помнили, что проповедь исходила из отрицания науки и многих приобретений новейшей культуры. А наука во всех своих разновидностях, и все стороны культуры, по преимуществу городской, явились в России исчужди. В этом море заимствований нельзя найти почти ничего, что было бы созданием русской жизни, русского духа. Поэтому люди, горой стоящие за самобытность России, находили в отрицании науки большое утешение. При вдумчивом отношении к делу, оказывалось, что отрицались не наука, как таковая, не культура как таковая, а современные наука и культура: Запад — их родина; он привиты в России искусственно, как тепличные растения, а потому обречены на чахлый рост. А это еще более окрыляло надеждой, что формы жизни, переживаемые Западом, не станут непременно уделом нашего отечества, что Россия сумеет миновать противоречия, испытанные нашими соседями, создаст своеобразный уклад и обогатит человечество новыми началами.

Мы дошли в характеристике народничества до того времени, когда оно стало обнаруживать явные признаки вырождения. Попытаемся выяснить, насколько правильно понимание народниками крестьянской реформы, и в какой мере жизненны их планы преобразования хозяйственного быта России.

Слова манифеста 19 февраля 1861 года, выражая намерение государства дать крестьянам землю «для обеспечения быта их и исполнения обязанностей перед правительством», не

позволяют сделать такой вывод, ибо самое понятие о том, что необходимо для обеспечения быта, представляется крайне растяжимым. Мы можем видеть в этом доброе желание, от которого еще бесконечно далеко до сознания необходимости крупных перемен в хозяйственной жизни народа. Исполнение закола 19 февраля было таково, что миллионы освобожденных крепостных получили в надел меньшую площадь земли, нежели та, которую они владели до освобождения, и только единичные сельские общества получили в состав надела лес, которым они свободно пользовались из помещичьих угодий. Если даже забыть о способах осуществления крестьянской реформы, если иметь в виду только отправную точку, от которой исходил законодатель, то поймешь всю неосновательность оценки манифеста 19 февраля, которую мы находим у народников. Отправной точкой для законодателя был земельный надел, которым крестьяне пользовались при крепостном праве. Нечего удивляться, что государство было готово уступить крестьянам площадь земли, соответствующую размерам их надела: население было редко, земли — много, ее ценность — ничтожна, а потому напрасно считать наделение крестьян землей доказательством особенной величественности освободительного закона. Наделение крестьян землей в тех границах, как оно совершилось, вовсе не было плодом высоких замыслов, человеколюбия, нежной заботливости о населении деревень: *она было предписано необходимостью.*

Еще меньше оснований читать в словах манифеста надежду правительства на образование самобытного строя русского народного хозяйства. Такая надежда и такое намерение были бы на лицо только в том случае, если бы государство поставило вопросы: 1) можно ли считать норму земельного надела, как она установилась при крепостном праве, достаточной для обеспечения быта крестьян? 2) если она достаточна в самый момент освобождения, то будет ли она достаточна чрез полтора-два десятилетия, когда прирост населения заставит крестьян жить теснее? 3) если надел довольно велик и будет достаточен в ближайшем будущем, то даст ли он крестьянину больше, чем может дать крупное производство своему рабочему? 4) наконец, был бы хотя намек на вопрос о том, какими силами и средствами располагают крестьяне, освобожденные от помещиков, и вся русская жизнь вообще для того, чтобы организовать новый хозяйственный уклад. На такие вопросы не было и намека.

Интерес к первому вопросу выяснил бы, что норма земельного надела, как она сложилась при крепостном праве, недостаточна для удовлетворения самых скромных потребностей даже беднейшего класса населения в государстве, которое относит себя к культурным. Ознакомлена с бытом деревни обнаружило бы крайне низкий уровень благосостояния крестьян, а соображение о том, что крестьяне уделяют часть своего времени работе на помещика, заставило бы сделать вывод, что, освобожденные от крепостной зависимости, они будут в состоянии обрабатывать большую площадь земли, чем ранее. Этот вопрос, сколько-нибудь освященный, привел бы к выводу о необходимости более значительного надела, нежели тот, которым пользовались крепостные: выяснилось бы, что перемена форм народного хозяйства не может совершиться в среде, которая не имеет средств для удовлетворения даже насущных потребностей, что необходим известный уровень материальной обеспеченности, дабы у людей достало ума и воли для пересоздания общественной жизни. Это логически привело бы к заключению, что земельный надел крестьян должен быть увеличен. Значительная плотность населения помешала бы обеспечить крестьян многих уездов достаточным наделом на месте, а потому тотчас же было бы положено широкое основание для политики расселения и переселения, которая еще с начала 60-х годов старалась бы дать каждому крестьянскому двору не меньше земли, чем площадь, соответствующая высшей норме надела. Остановись законодатель, при начертании положения 19 февраля, над вторым вопросом, — и необходимость увеличения нормы надела сказала бы еще с большей очевидностью. Стало бы ясно, что если в момент освобождения скромные потребности крестьянской семьи могут быть кое-как покрыты из отведенного надела, то это станет невозможно в недалеком будущем: население возрастает, а земледельческая техника, от которой и зависит степень успешности сельскохозяйственного труда, изменяется очень медленно. Далее, если бы в уме законодателя был хотя слабый намек на то, что ему приписывают, народники — желание создать самобытные формы народного хозяйства, то были бы поставлены вопросы 3-й и 4-й; ведь, задаваясь такими планами, нужно было считаться с условиями, в которых находится экономическая жизнь России. Ознакомлено с историей крупной промышленности Запада показало бы, что она быстро увеличивает успешность труда и позволяет оп-

лачивать занятых в ней рабочих выше уровня, на котором стоят доходы крестьянина от первобытного сельского хозяйства и связанных с ним кустарных промыслов. А такой ответ пролил бы много света на экономические судьбы России: раз крупное производство, уже зародившееся в России, располагает такими данными, то есть условие, которое будет побуждать многих крестьян покидать землю, сохранять с нею только формальную связь и по существу переходить в ряды фабричного пролетариата. Было бы выяснено, что крайне трудно воспрепятствовать крупной промышленности отвлекать от сельского хозяйства много рабочих рук и если чем можно задержать этот процесс, то лишь поднятием дохода крестьянских хозяйств посредством обильного наделения землей и разных мер, улучшающих технику сельского хозяйства и кустарных промыслов. Все это раздвинуло бы границы крестьянской реформы. Наконец, если бы у законодателя был такой замысел, то он не оставил бы без внимания условий, которые способны помочь ему в этой работе. Наиболее важны личные силы, которыми располагает наша деревня в своей общине и артели, а также люди образованного класса, могущие участвовать в таком труде. Если бы законодатель отнесся к этой стороне дела с полной объективностью, то ответил бы, что русская жизнь представляет мало благоприятных данных для подобного преобразования. А уверенность, что намеченное преобразование необходимо и что Россия располагает для него только очень слабыми силами, привело бы к убеждению, что нужно создавать и воспитывать эти силы посредством широкого развития в русском народе просвещения. Известно, как слаба была деятельность в этом направлении. Столь же наивно предположение народников, будто русское правительство, хотя бы при содействии интеллигенции, способно создать новые формы промышленности, связать сельское хозяйство с фабрикой, вдохнуть живительные силы в артельное начало. Призыв к государству, прозвучавший на Западе гораздо раньше, чем у нас, дал совсем незначительные результаты. Вокруг Луи Блана и Лассалья были люди, горячо преданные делу, полные самоотвержения, готовые без оглядки идти туда, куда приведет истинно народная организационная работа государства. Почему же государство не откликнулось на этот призыв? Потому, что и в Германии и во Франции государство было тогда и остается до сих пор способным только замолчать эти воззвания или ответить на них бесконечно мелкими

мероприятиями, которые не могут служить серьезным опытом преобразования хозяйственной жизни.

Вся экономическая политика России за 40 лет, протекших со времени освобождения крестьян, убеждает, что мечты народников были беспочвенны. Вся эта политика, как я показал в другом месте, 30) слагается из крупных мероприятий, направленных к поддержанию и укреплению частно-капиталистического хозяйства, и из скромных, часто игрушечных мер на пользу народных масс.

Итак, писатели-народники, дав сильный толчок изучению русской деревни, обнаружили очень слабые стороны: невнимательное отношение к некоторым крупным фактам русской истории и слабую теоретическую подготовку, препятствующие им в оценке хозяйственных явлений.

Как 60-е и 70-е годы необходимо должны были вызвать это направление, так 80-е и 90-е должны были вызвать демократическое течение, целиком примыкающее к переменам, которые начали совершаться ранее, но обозначились выпукло только после двух голодных годов. За последние 20 лет жизнь выделила такие факты: 1) упадок крестьянского хозяйства и обеднение деревни; 2) упадок большинства отраслей кустарной промышленности; 3) успехи крупного производства в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве; 4) отступление натурального хозяйства под напором денежно-кредитного; 5) крайнюю мизерность мер, которые, исходя от государства и земства, должны были приостановить этот процесс: крестьянский земельный банк, развитие артелей и ссудо-сберегательных товариществ, переселения, содействие кустарным промыслам. Прогрессивная общественная мысль, как всегда и везде, явилась выразительницей нужд угнетенных классов; но ее представление об этих классах не было тождественно с представлением, которое господствовало ранее. В 60-х и даже 70-х годах различные группы неимущих классов еще не довольно резко выделились из массы крестьянства. За последние же 20 лет совершилось это выделение. Население городов возросло; явился фабричный пролетариат; в деревнях образовались массы безземельного и безработного люда. Естественно, поэтому, что прогрессивная мысль могла говорить уже не об одном крестьянстве, но и о других группах, которые навсегда обособились из крестьянства и утратили все интересы, связанные с землевладением. Из этих групп фабричный пролетариат

стал привлекать к себе наибольшее внимание и своей численностью, и своей сплоченностью, особенно облегчающей развитие классового сознания. Прогрессивная мысль не могла остановиться на прежней точке зрения при оценке экономического развития России и предсказании будущего. Массовое обезземеление, оплотом которого община считалась в 50-х, 60-х и 70-х годах, ослабило веру в общину; совершенная незначительность мер, о которых еще так недавно говорили, как о всецелых средствах, начала формировать убеждение, что нельзя рассчитывать на них, как на средство преобразования промышленности, если бы даже он прилагались по гораздо большему масштабу. Наконец, ближайшие результаты, которые были достигнуты в областях крупного производства, не давали простора оптимизму относительно деревни, ни пессимизму относительно фабрик и заводов. Разве полнадельные крестьяне и самостоятельные кустари не живут в жалких избах, почти не защищающих от зимней стужи, не живут впроголодь, не ходят в рубище, не отрешены от начатков знания и грамотности, не знают только понаслышке об употреблении мыла, чая, газет, нередко обуви? И разве рабочие фабрик, как ни тяжел их труд, не чаще живут в домах, где тепло и светло, не чаще обучаются в школах, поставленных гораздо лучше, чем сельские училища? Все такие вопросы должны были повести к ответу, что жизнь русской деревни вовсе не является эдемом в сравнении с «фабричным адом» и что успехи крупной промышленности на основании частного капитализма вовсе не служат источником обеднения и разорения, как о том говорят писатели-народники. Сама жизнь стала влиять на мирозерцание; она помогает понять смысл крупного производства и оценить его значение и для России.

Вот в кратком очерке влияние, которое русская экономическая жизнь имела на развитие в России художественного творчества и науки. Сила иностранных влияний на последнее направление, которое мы назовем социалистическим, сказывается в схеме экономического развития России, как она начертывается этими писателями. Несомненно, что капитализм делает в России успехи; стоит вне спора, что Россия вступила в тот период капиталистического развития, который начался для Запада полстолетия тому назад. Но из этого не следует, чтобы успехам капитализма в России сопутствовали все явления, которые сопровождали его на Западе. Русская общественная жизнь представляет особенности, которые служат причиной, что

капитализм является у нас в обстановке, не вполне сходной с его обстановкой у наших соседей.

Все изложенное позволяет заключить, что экономические материалисты правы, считая хозяйственную жизнь основанием других сторон культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *Engels*. Ludwig Feuerbach. 1895. Стр. 52 – 53.

2) *Родбертус*. Исследования в области национальной экономики классической древности. 1880. 1 – 29.

3) *Данкварт*. Гражданское право и общественная экономика. 1866. 107.

4) Было бы несправедливостью относительно старых французских социалистов и Оуэна называть Маркса «первым» великим теоретиком; я прибавлю «систематическим», так как он первый *систематически* подверг теоретическому изучению буржуазное общественное хозяйство с точки зрения его противоречий, которые необходимо приведут людей к ассоциационному строю.

5) *Sombart*. Socialismus u. soc. Bewegung im 19. Jahrhundert 1896. 64 – 65.

6) *Eleutheropulos*. Die Philosophic und die Lebensauffassung des Griechentums. 1900. 98 – 117.

7) Значение противоречий при смене одних учений другими, резко отличными от них, очень хорошо выяснено в книге *Бельтова*: К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 1895. 192 – 96. См. также статью *Кирсанова*. Письма без адреса. Научное обозрение. 1899. XI. 2065 - 67.

8) *Вьшер*. Arbeit und Rhythmus. 1896.

9) Письма без адреса. I. 2073.

10) *Вьшер*. Там же. 84 и 95.

11) *Taine*. Philosophie de l'art. II. 8 йд. 1898.48.

12) *Muther*. Geschichte der Malerei im XIX. Jahrhundert. 1893. I. 165.

13) Там же. 150 – 84.

14) Там же.

15) Там же. II. 280 – 320.

16) *Добролюбов*. Сочинения. 3-е издание. 1876. Темное царство. 25.

17) *Плеханов*. В. Г. Белинский. 1899.

18) *Plechanow*. Tschernischevsky. 1894.

19) *Чернышевский*. Очерки из политической экономики по Миллю. 1870. I.

20) Там же. 23 – 30.

21) *Plechanow* Там же. 159– 71.

22) *Чернышевский*. Об общинном владении землей. 2 изд. 1879. 505.

23) Там же. 523 – 27.

24) «О том, в чем правда в искусстве». Сочинения. 1890. XIII. 264.

25) Сочинения. XIII. 142 – 45.

26) Там же. 124.

27) Там же. 171.

28) Там же. 220 и 229.

29) *Исаев*. Земледельцы из образованного класса. *Рус. Мысль*. 1892 X. 10.

30) *Исаев*. Настоящее и будущее русского общественного хозяйства. 1896.135 - 75.

Ссылки:

1 Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906, с.5.

2 Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906, с.8.

3 Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906, с.17.

4 Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906, с.19.

5 Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906, с.21.

6 В тексте опечатка, было написано: водорота. – *Прим. ред.*

НАШИ АВТОРЫ

Агапов Платон Валериевич, канд. соц. наук, доцент, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. platon-avp@mail.ru

Азадова Назиля Эрзимановна, соискатель кафедры дагестанских языков ДГПУ, israf1360@yandex.ru

Алексютина Ольга Александровна, канд. пед. наук, доцент кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: oleksyutina@mail.ru

Антонова Елена Витальевна, старший преподаватель кафедры технологий и профессионального образования Академии социального управления, antonova_ev@bk.ru

Ахмед Аббас Абдульраззак, аспирант, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evanabbas67@yahoo.com

Белоножкина Марина Викторовна, аспирант, Российский государственный социальный университет, bmvenGLISH@mail.ru

Бирюкова Кристина Викторовна, канд. ист. наук, доцент кафедры социальной философии, религиоведения и теологии, Российский государственный социальный университет, kristina_biryuko@mail.ru

Болух Ольга Валерьевна, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра методики обучения математики и информатики, bolukholga@mail.ru

Воденицкая Жанна Викторовна, аспирантка, Томский государственный педагогический университет

Горбунова Елена Николаевна, аспирантка НОУ ВПО «Московский институт Психоанализа». elena_707@list.ru

Гостев Сергей Сергеевич, аспирант кафедры истории государства и права, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, dragon9006@list.ru

Грицкевич Наталья Константиновна, канд. псих. наук, зав. кафедрой психолого-педагогического образования, Томский государственный педагогический университет. red_ganna@mail.ru

Гычев Александр Витальевич, д-р мед. наук, профессор, Томский государственный педагогический университет

Давыдов Алексей Юрьевич, аспирант, Российский государственный социальный университет, nick_davidov@mail.ru

Дзущев Хасан Владимирович, д-р соц. наук, профессор, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. г. Владикавказ, e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Добреньков Владимир Иванович, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории социологии, социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Дук Юрий Иванович, канд. юрид. наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Институт права и экономики, кафедра уголовного процесса и криминалистики, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, ur-duk@yandex.ru

Ершов Виталий Федорович, д-р ист. наук, профессор, Директор Центра стратегии и развития, Московский государственный областной университет, erшов_vf@mail.ru

Жеребкин Михаил Васильевич, д-р полит. наук, профессор кафедры истории Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета, mvaszh@rambler.ru

Иванов Павел Андреевич, аспирант общепедagogической кафедры теории и истории педагогики Института педагогики и психологии образования ГБОУ ВПО МГПУ? E-mail: pavelivanov3@yandex.ru

Иеромонах ИОАНН (Булыко Иван Петрович), канд. богословия, соискатель Общецерковной Д-рантуры и Аспирантуры имени св. Кирилла и Мефодия, преподаватель Санкт-Петербургского Православного Института Религиоведения и Церковных Искусств, IvanBulyko@yandex.ru

Истягина-Елисеева Елена Александровна, канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой

рой Истории и управления инновационным развитием молодёжи, ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма» (ГЦОЛИФК). eaie@rambler.ru

Калиниченко Лариса Анатольевна, учитель русского языка и литературы, заместитель директора школы по УВР средней общеобразовательной школы №1 п. Пуровск Пуровского района ЯНАО, аспирант Тюменского государственного университета (филиал в г. Ишим). garmonia@mail.ru

Костина Алина Олеговна, аспирантка кафедры философии и методологии науки философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. akostina@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович, д-р соц. наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenko@socio.msu.ru

Кравчик Константин Борисович, аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра коррекционной психологии, Kravchik.k@mail.ru

Куренкова Евгения Алексеевна, канд. ист. наук, доцент, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московского государственного областного университета, kurenkovagane@mail.ru

Ларичева Наталья Вячеславовна, аспирант, Московский Педагогический Государственный Университет, laricheva_nataly@mail.ru

Лобанова Евдокия Ивановна, канд. соц. н., доцент, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). eilobanova@mesi.ru

Макарихина Ольга Александровна, канд. философских наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, oamakar@mail.ru

Мальгин Валерий Евгеньевич, директор МБОУДОД ДЮСШ ЗАТО, valmalgin@mail.ru

Мартыненко Татьяна Сергеевна - аспирантка кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ts.martynenko@gmail.com

Мельситов Виктор Васильевич, канд. исторических наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета ФГБОУ ВПО «Ку-

банский государственный технологический университет». csi@kubstu.ru

Муха Виктория Николаевна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет». v.mukha@bk.ru

Нисилевич Алла Борисовна, старший преподаватель, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). allanisilevich@rambler.ru

Панюшкина Ольга Алексеевна, канд. геогр. н., доцент, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). panolga@bk.ru

Рогатко Сергей Александрович, канд. ист. наук, Член Российского национального Комитета по истории и философии науки и техники РАН Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, roгатko1@yandex.ru

Седова Екатерина Анатольевна, канд. псих. наук, доцент, Волжская государственная академия водного транспорта, ekaterin-sedov@yandex.ru

Семина Марина Вячеславовна, канд. соц. наук, д-р социологии (PhD in Sociology), доцент кафедры методологии социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. modernsociology@gmail.com

Сергиенко Нина Леонидовна, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, правоведения и работы с персоналом ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет». sergienko_00@bk.ru

Син Юйсы, аспирантка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. xingyusi539@mail.ru

Ситникова Юлия Валерьевна, аспирантка кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет». SitnikovaYulia2013@yandex.ru

Сковородкина Ирина Зосимовна, д-р пед. наук, профессор кафедры технологий и профессионального образования, Академии социального управления, skovorodkinaiz@mail.ru

Соловьева Ольга Борисовна, канд. пед. наук, доцент, Волжская государственная академия водного транспорта, solov2809@mail.ru

Старикова Юлия Анатольевна, соискатель кафедры Рекламы и связей с общественнос-

тью, факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор кинокомпании «Мирреалити», justarikova@gmail.com

Стрижова Екатерина Валентиновна, старший преподаватель, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). evstrijova@mesi.ru

Сушко Валентина Афанасьевна, канд. соц. наук, старший научный сотрудник кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Valentina.sushko@gmail.com

Сыздыкова Жибек Сапарбековна, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, zhsapar@rambler.ru

Тютюнников Николай Николаевич, канд. тех. наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Департамента информационных систем и ресурсов Акционерного общества «Центральный научно-исследовательский институт экономики, информатики и систем управления», Москва, Россия, tutunnikov_nn@snieisu.ru

Хомутинникова Лидия Викторовна, колледж современных технологий им. Героя Советского Союза М.Ф. Панова, Livik23@mail.ru

Шульгина Нелля Владимировна, доцент, Московская государственная академия водного транспорта (МГАВТ). nvshulgina@mail.ru

Щипков Александр Владимирович, канд. филос. наук, политолог, социолог религии, главный редактор интернет-журнала «Религия и СМИ». av@schipkov.ru

